

У Н И В Е Р С И Т Е Т С К А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

А Л Е К С А Н Д Р А

П О Г О Р Е Л Ь С К О Г О

С Е Р И Я

Э К О Н О М И К А

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
2005

УДК 1:33(082.21)

ББК 87

3 82

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

*В. В. Анашвили,
Н. С. Плотников,
А. Л. Погорельский*

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

*А. Л. Глазьев, А. И. Уткин,
А. Ф. Филиппов, Р. З. Хестанов*

3 82 **Вернер Зомбарт.** Избранные работы. М.: Издательский дом
«Территория будущего», 2005. (Серия «Университетская библиотека
Александра Погорельского») – 344 с.

ISBN 5-7333-0180-5

© Издательский дом
«Территория будущего», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексей Руткевич. Предисловие</i>	7
Строй хозяйственной жизни	
<i>А. Тальгеймер. Предисловие</i>	23
Введение. Понятие о хозяйственном строе и его виды	40
А. Регулирование хозяйственной жизни	42
Б. Организация хозяйственной жизни	43
В. Систематизация хозяйственной жизни	45
Глава первая. Систематизация хозяйственной жизни	48
I. Попытки систематизации до настоящего времени	48
II. Идея хозяйственной системы	62
III. Отдельные хозяйственные системы	70
Глава вторая. Организация хозяйственной жизни	90
I. Общие основоположения	90
II. Производственные единицы на отдельных ступенях хозяйства	98
III. Устройство заведений в капиталистическом хозяйстве	104
Глава третья. Регулирование хозяйственной жизни	118
I. Типы политико-экономических систем	118
II. Политико-экономические системы прошлого	120
III. Экономическая политика настоящего времени	132
Евреи и их участие в образовании современного хозяйства	
1. О размерах и формах этого участия	139
2. Перемещение хозяйственной области с XVI в.	146

3. Оживление международной торговли	152
4. Основание современного колониального хозяйства	157
ИДЕАЛЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	169
ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?	
Предисловие	213
От переводчика	213
Введение	214
Отдел первый. Политическое положение рабочего	236
Отдел второй. Экономическое положение рабочего	269
Отдел третий. Социальное положение рабочего	310
НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МОДА	321

АЛЕКСЕЙ РУТКЕВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вернер Зомбарт принадлежит к основоположникам современной социологии, хотя на протяжении всей своей академической карьеры он был профессором экономики, а его труды сегодня привлекают прежде всего историков. Все основатели современной социологии были знатоками и философии, и права, и экономики, и истории — они создавали новую дисциплину именно потому, что подходы уже существующих наук к социальной реальности казались им недостаточными и односторонними. Сама действительность не делится по факультетам, о чем иной раз забывают их наследники, избравшие узкую специализацию. Многообразии интересов Зомбарта удивительно даже на фоне таких его немецких современников, как М. Вебер, Г. Зиммель или Ф. Тённис, но эта широта иной раз препятствовала Зомбарту в разработке собственной теории. Он был в первую очередь историком, а принадлежность к этому цеху мешает выработке всеобъемлющей социологической доктрины — эмпирический материал историка не вмещается в неизбежно схематичную социологическую теорию, препятствует выработке универсальной методологии, пригодной для всякого общества любой эпохи. Однако достоинства такой позиции оборачиваются недостатками в обосновании собственных исторических исследований; поздние труды Зомбарта по социологической и экономической методологии остались явно несовершенными набросками, уступающими его трудам по истории капитализма.

Одна из многих серьезных статей о творчестве Зомбарта¹ начинается с вопроса о причинах забвения Зомбарта его коллегами-социологами. На протяжении первой половины XX в. Зомбарт считался наиболее известным немецким социологом, его творчество вызывало непрерывные споры. Если бы в 1910 или 1930 г. немецким обществоведам был задан вопрос: «Кого вы считаете немецким социологом номер один?», то подавляющее большинство назвало бы не Вебера, не Тённиса, не Зиммеля, а именно Зомбарта. Вместе с Вебером он основал первый немецкий социоло-

¹ Grundmann R., Stehr N. Why is Werner Sombart Not a Part of the Core of Classical Sociology? L.: Sage, 2001. Vol. 1 (2).

логический журнал, долгое время был президентом немецкого социологического общества. Но небольшая работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» известна сегодня даже за пределами научного сообщества, тогда как написанные на ту же тему (происхождение капитализма) труды Зомбарта, в которых развивается альтернативная веберовской точка зрения, мало кто читает. В США из всех его трудов ссылаются только на очерк «Почему в Соединенных Штатах нет социализма?»², но и в Германии его книги почти не переиздаются, несмотря на то, что Зомбарт был чрезвычайно ярким автором, писавшим не для «гелертеров», но для широкой образованной публики. Причины этого забвения прежде всего политические — мы еще вернемся к настоящей кампании по дискредитации Зомбарта как «попутчика нацизма». Но сходная по духу кампания велась и ведется по отношению к Хайдеггеру, Шмитту, Юнгеру, что не мешало их широкой известности в послевоенной Германии (и за ее пределами).

На более глубокую причину указал Н. Элиас², который сам столкнулся с длительным неприятием его историко-социологических исследований, написанных не без влияния Зомбарта. После Второй мировой войны европейская социология оказалась под огромным воздействием американских концепций: даже труды таких классиков, как Вебер и Дюркгейм, стали читать «на манер Т. Парсонса». Если все европейские основоположники социологии рассматривали долговременные общественные процессы, то в социологии 1950–1960-х гг. господствовала «статика», а сами социологи осваивали прежде всего методы эмпирических исследований. В ФРГ на смену такому узкому позитивизму в 1970-е гг. пришла волна неомарксизма — достаточно вспомнить, как бичевали за прошлое даже таких социологов, как Х. Шельски, чтобы понять неуместность Зомбарта в подобном идеологическом контексте. Правда, его внимательно читали во Франции: основатели исторической школы «Анналов» (как Февр, так и Бродель) считали Зомбарта одним из немногих социологов, представляющих интерес для историков. Иногда на него ссылаются и ученые, работающие в области «социологии хозяйства» (*Wirtschaftssoziologie*, которую сегодня мы чаще называем «экономической социологией»), поскольку эта дисциплина просто была основана Зомбартом — включенную в этот том работу «Строй хозяйственной жизни» можно считать одним из первых учебников по экономической социологии. Но в целом интеллектуальный контекст второй половины недавно завершившегося столетия был настолько отличным от начала этого века, что воззрения Зомбарта считались совершенно устаревшими. Он принадлежал к той «исторической школе» в экономической науке, которая

² См. его предисловие к *Элиас Н. О процессе цивилизации*. М.—СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1.

по сути своей противостоит тому, что стало называться в ней mainstream (т. е. «неоклассике», затем «монетаризму»); уже используемые им термины, вроде «капиталистического духа», вызывали раздражение у тех, кто ничуть не возражает против употребления таких слов, как «ментальность», «эпистема» или «парадигма». Недостатки собственных теоретических разработок Зомбарта (его «ноологическая социология») и даже нападки за политические «прегрешения» играют куда меньшую роль в забвении Зомбарта, чем изменение самого языка социальных наук, непрестанное мелькание на экранах все новых «гуру». Немаловажным является и то обстоятельство, что Зомбарт явно ошибался в своих прогнозах развития «позднего капитализма»³.

Вошедшие в данный сборник произведения Зомбарта принадлежат разным этапам его творчества, посвящены различным темам и выходили в России в не самых удачных переводах либо до 1917 г., либо сразу после революции, когда идеологический контроль над публикациями еще не стал всеобъемлющим, а сами большевики помнили о том, как в эмиграции они учились экономике по популярным книгам Зомбарта. В дальнейшем его по понятным причинам не издавали вплоть до конца коммунистического режима: Зомбарт стал для правящей идеократии чуть ли не образцом того «ренегатства», которого следует ожидать от всякого «буржуазного» ученого, начинавшего с позитивного сотрудничества с марксистами, но затем «изменившего» великому учению. В последние годы многие его работы были переизданы, а несколько сочинений впервые переведены на русский язык. Публикуемые ниже работы неплохо дополняют вышедший в издательстве «Владимир Даль» трехтомник избранных произведений Зомбарта, поскольку в последний вошли исключительно труды Зомбарта по предыстории и истории капитализма, тогда как в данный том входят также произведения, характеризующие Зомбарта как публициста и социолога.

Несколько слов нужно сказать о жизни Зомбарта и его научной карьере. Он родился в 1863 г. в семье предпринимателя и либерального политика, в 1882–1885 гг. учился в Пизе, Берлине и Риме, изучая, наряду с экономикой, право, историю и философию. Учителями в области экономики были виднейшие представители «исторической школы», Г. Шмоллер и А. Вагнер. В 1888 г. Зомбарт защитил диссертацию о хозяйстве римской Кампании под руководством Шмоллера. Часть текста диссертации стала первой книгой Зомбарта, которая привлекла к себе внимание специалистов. Социалистическим учением он заинтересовался еще в юности, хотя в то время поводом для этого интереса служили, скорее, романы Золя, чем «Капитал» Маркса. Но достаточно скоро Зомбарт становится одним из самых известных интер-

³ Этот термин был введен Зомбартом, а затем подхвачен представителями Франкфуртской школы.

претаторов Маркса и своего рода «попутчиком» социал-демократов. Следует заметить, что в то время подобные симпатии были безусловно пагубны для научной карьеры — социалисты считались «внутренним врагом» не только двором кайзера или прусскими юнкерами из Генштаба, но и всей либеральной «общественностью». Чтобы получить место профессора в Берлине следовало написать хоть что-то разоблачительное про Маркса, а не заниматься его толкованием, будь оно даже самым неортодоксальным с точки зрения самих социал-демократов. Материальная независимость — полученное от отца немалое наследство, высокие гонорары за многочисленные книги — позволяла Зомбарту не обращать внимания на коллег по цеху, являвшихся эпигонами даже не «австрийской школы», а Сэя. Однако отсутствие связей с научным сообществом в дальнейшем сказывалось на трудах Зомбарта; мимо его внимания прошли изменения в экономической теории, которая все более математизировалась⁴. Изучение «Капитала» не привело Зомбарта к отказу от основных тезисов «исторической школы», унаследовавшей от немецкого романтизма негативное отношение к абстрактным теориям, готовым объяснять любое общество. Хотя Зомбарт был, кажется, первым ученым, предсказавшим появление азиатских «драконов», он считал капиталистическую экономику плодом исключительно европейской истории, причем сравнительно короткого ее этапа, который может быстро закончиться.

Широкую известность Зомбарту принесли две работы: «Социализм и социальное движение в XIX столетии» (1896) и «Современный капитализм» (1902); считается даже, что именно благодаря Зомбарту термин «капитализм» получил распространение в научном сообществе, т. е. за пределами пропагандистской литературы II Интернационала. Получив степень доктора, Зомбарт проработал пару лет в Бременской торговой палате, затем начал преподавать в Бреслау. Уже имевшаяся репутация «красного» воспрепятствовала ему в получении поста в более престижных университетах Фрайбурга, Гейдельберга и Карлсруэ. В последнем случае пришлось лично вмешаться даже баденскому эрцгерцогу, воспротивившему прием Зомбарта в университет. Когда в 1906 г. Зомбарт стал преподавать в Берлинской Высшей коммерческой школе, всполошились коллеги, добившиеся формального запрета на ведение Зомбартом любых занятий в университете. В этот период позиции Зомбарта были близки тому, что именовалось «катедер-социализмом» в Германии (или «легальным марксизмом» в России). По книге «Социализм

⁴ Характерна в этом смысле оценка Зомбарта создателем так называемого ордолиберализма В. Ойкеном, который прямо называет Зомбарта «дилетантом» в экономике, хотя и ценит его как историка народного хозяйства. См.: *Ойкен В.* Структурные изменения государства // Теории хозяйственного порядка. «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002. С. 31–32.

и социальное движение в XIX столетии» с марксизмом стала знакомиться образованная публика за пределами социал-демократической партии. Хотя в эту партию Зомбарт никогда не вступал, в те годы он печатался в социал-демократических изданиях и считался почти «своим» (известна высокая оценка Зомбарта Энгельсом).

К этому первому этапу творчества Зомбарта относится работа «Идеалы социальной политики». Уже в ней отчетливо просматриваются не только симпатии к рабочему движению и социал-демократии, но и некоторые особенности позиции Зомбарта, отличающие его от «катедер-социализма». В последнем решении «рабочего вопроса» связывалось прежде всего с этикой («этический социализм»), которой обуславливалось вмешательство государства в рыночные отношения. Тогдашние «катедер-социалисты» уже намечали контуры «социального государства», берущего на себя прежде всего перераспределение доходов, да и практика Бисмарка подсказывала направление развития. Как пишет современный наследник «катедер-социализма» Ю. Хабермас: «Социальная политика в широком смысле простирается от политики рынка рабочей силы и молодежной политики — через политику здравоохранения, семейную и образовательную политику до охраны природы и городского планирования, а в широком смысле — на весь диапазон государственных организаций и сферы услуг, производящих блага для коллектива и обеспечивающих те социальные, естественные и культурные условия жизни, которые защищают от распада городскую среду, это публичное пространство цивилизованного общества. Многим инфраструктурам публичной и частной жизни будут грозить распад, разрушение и безнадзорность, если их регулировать через рынок»⁵. Для Зомбарта любая социальная политика является выражением воли правящего класса, и правительство, которое желало бы «стоять выше партий», неизбежно будет «сидеть между двумя стульями», оно оказывается слабым и дряхлым правительством. «История учит нас, что все юношески сильные, бодрые правительства проводили отчетливо выраженную классовую политику, а именно энергически представляли интересы экономически прогрессивного для каждого данного времени класса». Таковым на протяжении полутора столетий была буржуазия, теперь ей бросает вызов пролетариат. Если вся политика сводится к желанию перераспределять богатства, то все меньшее число людей станет производить. Зомбарт прославляет «производительность», имея в виду не только и не столько получение большей прибыли при меньших затратах, сколько «жизненность», способность творить, осваивать и подчинять себе действительность. Здесь хорошо видны элементы немецкой «философии жизни», прежде всего — философии Ницше. Симпатии к рабочему движе-

⁵ Хабермас Ю. Политические работы. М.: Практикс, 2005. С. 294.

нию в то время связаны у него не с требованиями перераспределять во имя равенства. В рабочем Зомбарт видит прежде всего мастера-творца, овладевающего миром с помощью техники; этот класс идет на смену сходящему со сцены истории буржуа, который в конце XIX в. все чаще представлял как рантье. Такого рода «левое ницшеанство» в начале XX в. было свойственно немалому числу не только писателей (вспомним хотя бы драматургов — «Врага народа» Ибсена, «Мещан» Горького, пьесы Шоу и т. п.), но и некоторых литераторов-революционеров, вроде Луначарского. У «антибуржуазных» писаний идеологов «мая 68 года», французских ницшеанцев, вроде Фуко и Делеза, имелось немалое число предшественников. Позднейший разрыв Зомбарта с социал-демократами в немалой степени обусловлен его разочарованием в творческих потенциях пролетариата как такового и неприязнью к его вождям, которые в условиях Веймарской республики на деле показали, к чему были направлены все их усилия: войти в буржуазную элиту, занять места в «говорильне»-парламенте и не без выгоды для себя перераспределять, кормя все растущий бюрократический аппарат.

Наиболее плодотворным был следующий период деятельности Зомбарта, последовавший за выходом трехтомного исследования «Современный капитализм». Именно в это время возникает немецкая социология — начальным моментом можно считать появление журнала «Архив социальной науки и социальной политики», издаваемого Вебером и Зомбартом. Собственно говоря, такие труды Зомбарта, как «Народное хозяйство Германии 19 века», «Евреи и хозяйственная жизнь» (вошедшая в данный том статья представляет собой первый набросок на эту тему), «Буржуа», «Война и капитализм», «Любовь, роскошь и капитализм» решают одну и ту же проблему возникновения капитализма. Зомбарт спорит прежде всего с Марксом и Вебером. Если вспомнить вошедший в первый том «Капитала» очерк развития капитализма, то в нем мы обнаруживаем картину обезземеливания крестьян, рабочих домов и драконовских законов против бродяжничества, появления первой «резервной армии труда», т. е. тех, кто был готов продавать свою рабочую силу по сколь угодно низкой цене. Хорошо известна и работа Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в которой главным источником (Вебер вовсе не отрицал иные) формирования буржуазии оказалось изменение экономического поведения под влиянием Реформации.

Зомбарт никогда не был марксистом в полном смысле этого слова, поскольку не принимал ни гегелевскую диалектику, ни учение о «базисе и надстройке». Как и Вебер, он считал, что относимые марксистами к «базису» отношения собственности не могли появиться без изменений «духа», понимаемого, конечно, не на манер Гегеля, но как совокупность сознательных и бессознательных установок, идеалов, ценностей и т. п. Уже в первом издании «Современного капитализма» появляется оппозиция

«капиталистического духа» и «сеньориального духа», тогда как во всех изданиях после 1916 г. основное внимание будет уделяться именно «духу» («надстройке» в марксистских терминах). В этом смысле Зомбарт был вполне солидарен с Вебером, но оппонировал ему там, где речь шла о самом процессе возникновения капитализма⁶. По существу, каждая его работа этого периода показывала, что протестантская этика («мирская аскеза») была лишь одним из многих факторов появления нового типа личности и соответствующих этому типу хозяйственных отношений. Первые мануфактуры создавались не трудолюбивыми кальвинистами, но авантюристами всех мастей, пользовавшимися заказами армии и двора; ростовщики-евреи, пираты, грабившие испанские галеоны, могут ничуть не меньше протестантов считаться «создателями капитализма». Если вообще употреблять понятие «причина» в этом контексте, то видение Зомбарта отличалось от трактовок хоть Маркса, хоть Вебера именно тем, что он отвергал какую-либо монокаузальную зависимость. Демографические изменения, географические открытия, войны, сопровождавшие генезис национальных государств, Ренессанс и Реформация — все они сыграли свою роль в том, что средневековый порядок стал рушиться, а вследствие этого появилось огромное число маргиналов, «новых людей», не связанных ни гильдиями, ни цехами, ни сословными запретами. Капитализм появился на обочине прежнего порядка и сумел победить, поскольку носители «капиталистического духа» были наделены огромной витальностью.

Самое общее определение «духа капитализма» у Зомбарта не случайно формулируется как «творческое разрушение» (быть может, под влиянием Бакунина, писавшего, что «страсть к разрушению также есть творческая страсть»). В дальнейшем Й. Шумпетер заимствовал эту мысль Зомбарта, но назвал сущность капиталистического предпринимательства «инновацией». Потомки всех этих «творчески разрушающих» маргиналов победили предшествующие элиты посредством как политических революций, так и более высокой производительности труда, они за считанные десятилетия буквально преобразили Европу — сам Зомбарт в юности был свидетелем эпохи «грюндерства» в Германии (одним из таких «грюндеров» был и его отец). На смену авантюристам и маргиналам пришли рациональные игроки, использовавшие все новые технические открытия и способствовавшие развитию науки. Однако эта эпоха завершается — внуки «грюндеров» ста-

⁶ Зомбарт и Вебер были не только друзьями, но во многом и единомышленниками. Достаточно вспомнить о том, что элементы нищезанятия легко обнаружить во многих произведениях Вебера, что оба они развивали теорию «понимающей социологии». То, что Вебер был значительно более глубоким мыслителем, вряд ли вызывает сомнения, но в споре об истоках капитализма прав был, скорее, Зомбарт.

новятся либо рантье, либо напоминающими бюрократов управленцами; сам «дух капитализма» исчезает вместе с теми, кто вел непрестанную борьбу и был готов рисковать всем, чтобы сделаться «стальным бароном» или «угольным королем».

Примерно с 1910 г. Зомбарт переходит на позиции немецкого национализма: борьба за рынки сбыта, колонии, строительство мощного флота и т. д. одобряются им в том числе и потому, что немецкий рабочий повышает свой жизненный уровень за счет господства Германии на мировых рынках. Во время войны этот национализм делается интегральным. Вышедшая в 1915 г. книга «Герои и торгаши» мало чем отличается от сочинений целого ряда других европейских мыслителей, занявшихся патриотической пропагандой — достаточно вспомнить, что писали английские и французские интеллектуалы о философии Фихте и Гегеля (как основе пока что не «тоталитаризма», а всего лишь «прусского милитаризма») или наш соотечественник Эрн о «Канте и Крупше». Эта книга Зомбарта в своих нападках на англичан не так уж сильно отличается от «Гения войны» М. Шелера или «Размышлений аполитичного» Т. Манна. Однако в ней впервые формулируются те тезисы Зомбарта, которые в дальнейшем (уже без воинственной риторики) будут определять его подход к общественным наукам. Англичане — не просто «торгаши», даже философские и научные теории, доминирующие на острове, несут на себе следы господствующего духа коммерции. Эмпиризм и позитивизм в политэкономии и социологии Зомбарт станет в 1920-е гг. критиковать как выражение того «духа торгашества», который враждебен «немецкому духу». Оппозиция немецкой «культуры» и западной «цивилизации» — общее место немецкой публицистики начала XX в. — приобретает и эпистемологическое значение. Но если особенности научных концепций выводятся из «духа народа», то истинное для одного народа ложно для другого. Историзм и ссылки на *Volksgeist* имеют неприятное следствие: они ведут к самоубийству науки. То, что сегодня на *gace* и *gender* ссылаются чаще, чем на *Volksgeist*, ничуть не меняет сути дела.

В 1917 г. Зомбарт становится профессором Берлинского университета, т. е. достигает наивысшего для немецкого ученого той поры поста с титулом «действительного тайного советника». Этому весьма способствовало то обстоятельство, что влияние социал-демократов к концу войны стало столь значительным, что без их участия не принимались важнейшие решения. Они повторяли слова многолетнего вождя партии Бебеля: «Если речь идет о войне против России, то я сам возьму в руки винтовку!» Правда, министерские посты они получают только в результате ноябрьской революции 1918 г., но станут их использовать совсем не для осуществления своей доктрины. Социал-демократы стали главной опорой Веймарской республики, но именно это оттолкнуло от них сделавшегося национали-

стом Зомбарта, видевшего в этой республике плод унижительного Версальского договора. Он окончательно порывает с социал-демократами и пишет ряд антимарксистских работ, переоценивая свои прежние представления о социализме. То, что он не считал социализм неизбежно следующей за капитализмом «общественной формацией», хорошо видно по публикуемой в этом томе работе «Почему в Соединенных Штатах нет социализма?» Хотя под конец книги он делает оговорки о возможном пришествии социализма и в Новый Свет, по своему содержанию эта ранняя работа Зомбарта далека от тогдашнего марксизма (достаточно сравнить ее с тем, что писал Ленин о США, находясь в Цюрихе). Для Зомбарта в истории не существует никакой универсальной закономерности, ведущей человечество в «счастливое завтра». Кризис европейского капитализма он связывает с бюрократизацией, растущей вместе с концентрацией капитала и спадом инноваций, исчезновением того человеческого типа, который был создателем и носителем «капиталистического духа». Социализм придет не как «освобождение труда», но в облике все и вся контролирующего государства — видение будущего у Зомбарта было пессимистическим. В рабочем классе он уже не видит зачаток творческой элиты будущего. В отличие от некоторых других представителей «консервативной революции», «немецкий социализм» в изображении Зомбарта выглядит как печальная неизбежность — здесь он близок Веберу, писавшему о грядущей бюрократизации. Крушение мирового рынка в результате кризиса 1929 г., казалось, подтверждает такое видение будущего. Именно об этом кризисе рыночной экономики говорится в работе «Немецкий социализм», вышедшей в 1934 г. — книге, которую, уже потому, что она вышла в гитлеровской Германии, причисляют к нацистской идеологической продукции.

Смена наших политических декораций и переиздание некоторых трудов Зомбарта не привели к тому, что в учебниках и в статьях о нем перестали писать всякий вздор — пусть уже совсем иной идеологической окраски. Из единственной опубликованной у нас толковой статьи по социологии Зомбарта мы узнаем, что он то ли сотрудничал с ведомством Гимmlера, то ли очень хотел, да более шустрые не пустили. Когда в неплохом учебнике по истории экономической мысли читаешь о том, что Зомбарт сделался пропагандистом «вовсе одиозных форм мифологии “крови и почвы”, русофобии, антисемитизма», что он «стремился стать одним из идеологов нацизма», то возникает вопрос: читал ли вообще автор соответствующего раздела труды Зомбарта или же переписывал из тех американских учебников 50–60-х гг., в которых последнего именно так изображали — только, в отличие от российских авторов, не по неграмотности.

Счеты с Зомбартом сводят давние, тянущиеся еще со времен Первой мировой войны, с книги «Герои и торгаши», в которой немецкая Kultur пред-

ставлялась как «геройская», тогда как англосаксы были изображены как «торгаши», навязывающие всему свету одним разом «демократические ценности» и плутократию, господство того человеческого типа, который считает себя вершиной эволюции, ибо лучше других торгуется и подсчитывает. Отечественные социологи и экономисты просто «передирают» тексты англосаксов, суть которых четко выражена в Encyclopedia Britannica, где о Зомбарте можно прочесть следующее: «... немецкий историк-экономист, включивший марксистские принципы и нацистские теории в свои писания о капитализме» (German historical economist who incorporated Marxist principles and Nazi theories in his writings on capitalism). Приведу еще пару примеров словарных статей из электронных библиотек. На Website The History of Economic Thought (www.cera.newschool.edu) Зомбарт предстает как карьерист, примкнувший к нацистам, поскольку «оказался на обочине немецкой академической жизни» (хотя на деле занимал престижнейший пост профессора в Берлинском университете и был одним из немногих немецких экономистов с мировой известностью). Далее мы читаем, что он во всех своих текстах «очернял буржуа» (это пишется об одном из прославителей «капиталистического духа»), что завершением его научной карьеры была «utterly and explicitly Nazi book “Deutscher Sozialismus”... This shameful book, which became a highly-distributed Nazi textbook, was the culmination of Sombart’s confused life». Нечто подобное о нем пишут и на немецких «ученых» сайтах – с тем отличием, что авторы делают больше оговорок, хотя бы понимают, о чем писал Зомбарт, не сводят мотивы Зомбарта к денежным и карьерным (иных американские авторы, кажется, не признают). Но германские экономисты являются либералами, а социологи – почти исключительно неомарксистами из Франкфуртской школы, а потому наиболее информативная статья (на сайте www.udo-leuschner.de) полна упреков по поводу отказа Зомбарта от диалектики, повторов замечаний марксистов начала XX в. о «психологизации экономики» и т. п. Уже заглавие статьи передает намерения автора: «Случай Зомбарта. О трансформации “свободно парящего духа” науки от симпатизирующего социал-демократии к попутчику фашизма». Впрочем, последователи Адорно так часто и по столь разным поводам употребляют слово «фашизм», что оно утрачивает всякое значение. В указанной статье сходную с Зомбартом эволюцию к фашизму проделал и М. Вебер!

Образ Зомбарта-карьериста, подлаживающегося к «новому порядку» ради денег, присутствует в столь многих публикациях, что придется сказать несколько слов по этому поводу. Известен первоисточник – Л. фон Мизес однажды написал о Зомбарте чрезвычайно злой текст, с характеристиками, вроде следующей: «He never knew any ambition other than to draw attention to himself and make money». Однако нужно учитывать, что Мизес был и научным, и политическим оппонентом Зомбарта – верить ему

на слово вряд ли стоит. Европейскую известность Зомбарту принесли уже первые книги, до Первой мировой войны ему не нужно было заботиться о деньгах: он получил более чем достаточное наследство от отца — крупного предпринимателя и политика. После войны, когда инфляция уничтожила все накопления, Зомбарт нуждался в деньгах (и даже продал в Японию свою библиотеку), но как раз в это время он почти не писал работ для широкого читателя, которые способствовали его известности до войны и могли приносить достойные гонорары. Зомбарт на протяжении 17 лет не мог получить постоянное место университетского профессора, хотя для получения благ земных от него требовалось лишь одно — писать столь же пошлые опровержения марксизма, как и его оппоненты. После революции, когда социал-демократы пришли к власти, Зомбарт мог использовать свои связи в этих кругах и претендовать даже на министерский пост, но именно в это время он становится одним из самых непримиримых врагов Веймарской республики, пишет памфлет «Пролетарский социализм», в котором сводит счеты с марксизмом. О каком «карьеризме» можно говорить в случае ученого, достигшего высшего на то время статуса? Пишут об этом исключительно американские авторы, тогда как в по-немецки обстоятельной биографии (страниц на 600) говорится обратное — успех у женщин, кажется, интересовал Зомбарта куда больше карьеры. Зачем стремиться к славе тому, кто ее уже имеет? Неужели Зомбарт был настолько глуп, что не понимал «социального заказа» ни при кайзере, ни при Гитлере, а потому не написал сначала нечто в духе Бём-Баверка, а затем что-то в духе «социальной евгеники»?

Сегодня существует целая библиотека книг, статей и диссертаций, в которых сводятся счеты с Хайдеггером, Шмиттом, Юнгером и целым рядом других немецких мыслителей, которые либо «сотрудничали с режимом», либо «к нему вели», а потому их творения подлежат чуть ли не априорному осуждению. При этом никто не вспоминает, что кумир немецких левых, Адорно, написал в 1933 г. письмо в ведомство Геббельса с предложением о плодотворном сотрудничестве, что «свободомыслящий» марксист Лукач, будучи в 1919 г. комиссаром в Будапеште, подписывал расстрельные приговоры. Хуже другое — такого сорта писания леволиберальной публики были бы не столь отвратительны, если бы они не прикрывали историческую реальность, а именно поведение почти всей германской элиты в годы нацизма. Хорошо известно, с какой легкостью на милость победителя-Гитлера сдавались немецкие либералы и социал-демократы, как преданно служили вплоть до 1945 г., а затем в одно мгновение вновь обратились в богобоязненных христианских демократов или прогрессивных социалистов⁷.

⁷ О «грехопадении» Хайдеггера и Шмитта написаны многие тома, но практически отсутствуют исследования относительно той экономической элиты, кото-

Известно также, что немецкое Сопrotивление гитлеровскому режиму было либо коммунистическим, либо консервативным, тогда как ни либералы, ни социал-демократы в нем практически не участвовали (за исключением тех социал-демократов, которые в Веймарской республике составляли незначительное «националистическое» меньшинство, примыкавшее к «консервативной революции»)⁸. Не следует слишком доверять Ф. А. Хайеку, когда он в «Дороге к рабству» обвиняет немецких социал-демократов в том, что они чуть ли не подготавливали «новый порядок», но стоит прислушаться к его оценке немецкого либерализма: «Только либерализм в английском смысле всегда противостоял централизации, национализму и социализму, тогда как либерализм, господствовавший на континенте, содействовал всем трем»⁹. Гитлер осуществлял ту программу, которую еще до Первой мировой войны выработали немецкие «национал-либералы» в таких союзах, как All-deutsches Verband, Flottenverein, Kolonialgesellschaft. В любом учебнике истории мы можем прочесть о том, что интриган фон Папен и престарелый Гинденбург вручили власть Гитлеру, но почти никто не пишет об ответственности социал-демократов, которые предпочли Гитлера и помогли падению кабинета фон Шлейхера (близоруко полагая, что фон Шлейхер может прийти к власти надолго, тогда как правительство Гитлера быстро падет). Историю побежденных пишут победители или те, кто успел себя причислить к стану победителей. Один из немногих честных и независимых историков Германии, С. Хаффнер, заметил, что имеется не так уж много времен в истории, о которых столько лгали, как о последовавших за революцией 1918 г. событиях.

рая обслуживала гитлеровский режим. Если взять списки участников заседаний по «окончательному решению еврейского вопроса» или по «плану Ост» (т. е. плану уничтожения восточных славян), то из сотни участников на скамье подсудимых оказались немногочисленные представители СС и партии, тогда как все остальные представляли экономическую элиту — они сделали блестящую карьеру в ФРГ, преобразившись в пламенных либералов. В 1950 г. две трети членов ХДС имели пятью годами ранее партийный билет НСДАП. Впрочем, такого рода «пропуски» в истории не являются единственными. О пакте Риббентропа — Молотова можно прочесть целую библиотеку, но американские и немецкие историки не торопятся написать о тех американских корпорациях, которые вплоть до высадки союзников в Нормандии поставляли нацистской Германии нефть (судя по некоторым источникам, капитал семьи нынешнего президента США приумножился именно на таких поставках).

⁸ См. по этому поводу: *Mommsen H. Der Nationalsozialismus und die deutsche Gesellschaft. Rowolt, Reinbeck bei Hamburg, 1991.*

⁹ *Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2000. С. 47.*

Вряд ли есть необходимость цепляться к нескольким высокомерным суждениям Зомбарта о славянах — он был немецким националистом, да и суждения такого рода легко найти хотя бы в переписке Маркса и Энгельса. Многие ли наши классики XIX столетия удержались от иронических суждений о немцах? Антисемитом он никогда не был, расизм считал глупостью. Как и все представители «консервативной революции», Зомбарт был противником и Версаля, и Веймара, но это совсем не тождественно национал-социализму. Веймарскую республику американский историк П. Гай назвал «республикой без республиканцев» — ее отвергали не только коммунисты и нацисты, но также *Deutschnationale Volkspartei* (наследники «национал-либерализма»), большая часть католической партии *Zentrum*, да и главные защитники республики, социал-демократы, по своей программе были по-прежнему марксистами, отвергающими «эксплуаторскую» буржуазную республику. Не было ни одной политической партии, которая не возмущалась бы по поводу Версаля. Представители «консервативной революции», к которой принадлежит и Зомбарт, отличались от прочих не тем, что желали похоронить республику и Версальский договор, но своеобразным сочетанием консервативных и социалистических идей. Если не входить в детали, политическим воплощением этой идеологии могла стать авторитарная президентская республика, уменьшение роли партий и парламента, но никак не нацистский режим с поглощением государства одной из партий. Даже авторам разоблачительных статей о «попутчике фашизма» ведомо различие между авторитаризмом и тоталитаризмом.

Если оценить влияние идей Зомбарта на политические проекты того времени, то значительным оно было на публицистику его учеников в журнале *Die Tat*. Этот журнал был рупором тех сил, которые стояли за последним канцлером Веймарской республики, генералом фон Шлейхером. Известно, что этот «социальный генерал» пытался опереться на профсоюзы, расколоть НСДАП и не допустить Гитлера к власти (за это он был убит нацистами в 1934 г.). Книга Зомбарта «Немецкий социализм» вышла в 1934 г., но значительная ее часть публиковалась ранее и сходна она со всей публицистикой «консервативной революции», прежде всего с книгой ученика Зомбарта, писавшего под псевдонимом Ф. Фрид¹⁰. Достаточно сравнить эту книгу Зомбарта с «Великой трансформацией» К. Поланьи, чтобы понять, о чем идет речь и не изобретать версии о «сотрудничестве» Зомбарта с нацистами. В 1934 г. идеологический контроль ведомства Геббельса был еще весьма

¹⁰ Прежде всего, с вышедшей в 1932 г. работой «Конец капитализма», которая доныне представляет интерес для историка — разумеется, не пессимистическими прогнозами по поводу капитализма, но превосходным анализом социальной структуры Германии того времени.

ограничен, в правительство входили люди фон Папена и Гугенберга, а потому выходили книги далеких от нацизма авторов. Работа «Немецкий социализм» вовсе не стала highly distributed Nazi textbook, напротив, она была подвергнута ожесточенной критике как явно не соответствующая нацистской идеологии. Помимо того, что нацисты были неплохо осведомлены о связях Зомбарта с враждебными им кругами, в этой работе их разозлили не столько антикапиталистическая риторика и «техноскептицизм», даже не полное отсутствие «расовой доктрины», сколько резкая оценка любых агрессивных планов — Зомбарт выступает как сторонник постепенного и мирного формирования европейской конфедерации. В этом он также близок разработавшимся в рамках «консервативной революции» проектам (Mitteleuropa, Zwischeneuropa). Последняя книга Зомбарта «Человек», вышедшая в 1938 г., вызвала негодование нацистских идеологов, поскольку в ней недвусмысленно отвергается расовая доктрина. Нападки в прессе становились все более ожесточенными, вплоть до статей, в которых писалось о «еврейском происхождении» Зомбарта. Трогать члена Прусской и Баварской Академий наук нацисты не собирались, но последние годы жизни Зомбарт провел в неизвестности. Он умер 18 мая 1941г. в Берлине.

Со времен той дискуссии о возникновении капитализма, которую открыли работы Вебера и Зомбарта, прошло целое столетие. В этой дискуссии участвовали и другие видные немецкие мыслители — Зиммель, Трёльч, Шелер. Немецкая социология начинается с этого спора; о нем, к сожалению, в России не было написано ни одного серьезного исследования. Созданные именно в те годы труды Зомбарта сохранили свою значимость: судить о нем (как и о мыслителях вообще) нужно не по тому, что ему не удалось сделать, а по тому, что было сделано. «Реакционные» политические пристрастия Конта или Парето сегодня мало кого интересуют, равно как и «прогрессивные» (для кого Токвиля и Спенсера, для кого Сен-Симона и Маркса). Ученые мужи принадлежат своему времени ничуть не меньше всех прочих, но «шум и ярость» давних времен интересует только историков — всем прочим хватает сегодняшних проблем. Зомбарта есть смысл внимательно читать тем, кто не довольствуется информационной жвачкой сайтов Интернета или идеологическими текстами тех, кто переносит на прошлое политическую оппозицию «друзей» и «врагов». Социальные науки возникали в политически накаленном контексте, накануне эпохи мировых войн и «европейской гражданской войны». Это сказывается на сочинениях всех мыслителей начала XX столетия, Зомбарт не является исключением. Историк науки может себе позволить отвлечься от этого контекста, поскольку наука оперирует понятиями «истины» и «лжи», тогда как деление на «прогрессивное» и «реакционное» она оставляет идеологам и партийным литераторам.

СТРОЙ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перевод книги Зомбарта «Строй хозяйственной жизни» (Раздел XXXV «Encyclopaedie der Rechts und Staatswissenschaft», издание Kohlrausch, Kaskel und Spiethof) выходит не столько для того, чтобы русские читатели могли из него почерпнуть кое-какие сведения по политической экономии, сколько для их ознакомления с господином Вернером Зомбартом, а в его лице с расцветом так называемого «катедер-социализма». Прочитав этот труд, русский читатель будет избавлен от необходимости читать много толстых книг, написанных господином Зомбартом за последние 30 лет, большей частью для просвещения буржуазной публики, главным образом для того, чтобы вводить в заблуждение немецких рабочих при помощи якобы объективной «науки». В указанном небольшом труде объединены обе цели, и таким образом, этот труд является характерным как для определения роли немецкого «катедер-социализма» вообще, так и для роли Зомбарта в особенности. Зомбарт всегда претендовал на особое место среди немецких катедер-социалистов. И вовсе не потому, что он стоит ближе к марксизму, чем другие буржуазные ученые Германии, будь то экономисты, историки, юристы и т. д., а скорее наоборот.

Проследим важнейшие этапы в жизни Зомбарта. В середине XIX столетия Зомбарт стал выдвигаться как идеолог течения, которое русские читатели, вероятно, назвали бы легальным марксизмом. Он написал статью к только что изданному Энгельсом третьему тому Марксова «Капитала»; здесь он обнаружил такое понимание Маркса, которое было значительно выше всего, что высказывали по этому поводу другие немецкие университетские экономисты. И старик Энгельс не мог отказаться от того, чтобы не высказать нескольких слов признательности по адресу этого белого негра. В своем последнем труде «Дополнение и прибавление к третьему тому Капитала» Энгельс между прочим писал:

«В “Brauns Archiv für Soziale Gesetzgebung”, VII, Heft 4, Вернер Зомбарт дает превосходные в своей совокупности очерки, излагающие Марксову систему. Это первый случай, когда немецкий университетский профессор оказывается вообще способным видеть в произведениях Маркса именно то, что Маркс действительно сказал; в первый раз немецкий профессор

учит, что критика Марксовой системы не может заключаться в одном опровержении, — пусть этим занимаются политические карьеристы, — а лишь в дальнейшем развитии ее».

Одобрение Энгельса было данью беспристрастному отношению к Марксу, столь необычному для буржуазного профессора. Однако, этого беспристрастия Зомбарту хватило ненадолго. И чем больше оно исчезало, чем больше фальсифицировал Зомбарт марксизм, одновременно восхваляя его, тем больше он кичился похвалой Энгельса, которая относилась исключительно к тому времени, когда Зомбарт искренне пытался понять Маркса.

В своей статье, написанной на смерть Энгельса, Зомбарт еще обнаруживает такое понимание Маркса, которое, во всяком случае, было необычным среди германских ученых; но эта же статья показала, что Зомбарт совершенно не понял революционера Энгельса, не понял неразрывной связи между революционной точкой зрения в отношении к буржуазному обществу и его теоретическому анализу, сделанному Марксом и Энгельсом. Марксова экономия имеет двухсторонний характер. Она является завершением классической буржуазной политической экономии и дает глубочайшее проникновение в самую сущность капиталистического хозяйства. Такое понимание она дает только благодаря тому, что рассматривает капиталистическое хозяйство как исторический процесс, т. е. как преходящее явление, а это, в свою очередь, возможно потому, что она противопоставляет ей революционную практику. Поэтому Марксова экономия есть одновременно и критическое преодоление буржуазной экономии, — это учение класса, по отношению к буржуазии революционного, — учение пролетариата. Перережьте его революционный нерв, — и у вас останется позитивное изложение капитализма. В таком виде это учение может только принести практическую пользу буржуазии. Именно так и поступил Зомбарт. Он сначала понял Маркса лишь настолько, насколько он может быть понят с точки зрения интересов буржуазного общества. Но состояние относительной научной девственности не может долго длиться в классовой борьбе. И все, что Зомбарт извлек из марксизма, он постепенно начинает обращать против пролетариата на благо буржуазии.

Франц Меринг заметил основной недостаток в зомбартовском понимании марксизма, проступающий уже в упомянутой статье на смерть Энгельса. Эта особенность зомбартовского марксизма была вполне отчетливо вскрыта Мерингом, но тогда он отнесся к Зомбарту снисходительно, как к человеку, который может еще одинаково эволюционировать как вперед, так и назад. Поэтому он писал мягко и деликатно:

«Именно достоинства зомбартовской статьи на смерть Энгельса заставили нас сделать дополнения к некоторым пунктам, в которых Зомбарт нам кажется еще недостаточно исчерпывающим» (Neue Zeit, XIV, I. С. 65. 1895).

Тогда же вышла в свет книга Зомбарта «Социализм и социальное движение в XIX столетии» — это была небольшая книга, составленная из ряда отдельных докладов. В ней падение Зомбарта проступает уже ярче и отчетливее, пожалуй, даже безнадежно. Как бы то ни было, но Меринг тотчас же уловил больные места. Он указал на ту «особенную мягкость, с которой Зомбарт подходит к своей теме». «Зомбарт, — пишет Меринг, — не такой болван, как Евгений Рихтер» (известный демократический социалист-ед), он в совершенстве понял, какое значение может иметь предложенная Зомбартом «сублимация» Марксовой теории, вступление «классовой борьбы в приличные формы и на законную почву» и превращение марксизма в эволюционное течение.

Свою оценку зомбартовской книжки он закончил следующими, полными предчувствия строками:

«Надо желать и надеяться, что развитие Зомбарта пойдет вперед, но не следует, однако, закрывать глаза и на то, что “квинтэссенция социализма”, которую он только что обнаружил, еще содержит в себе все те элементы, которые могут превратить ее в весьма утешительный для филистеров молитвенник о безнадежности социал-демократии» (N. Z., XV, I. С. 449. 1896).

«Квинтэссенция социализма» — это намек на весьма известное в то время произведение Шеффле того же названия, очень доброжелательно отзывающееся о социал-демократии, вслед за которым, однако, последовало новое произведение Шеффле, уже рисующее социал-демократию, как не имеющую перед собой никаких благоприятных перспектив. Два факта, имевшие место в ближайшие годы, оказали решающее влияние на выбор дальнейшего пути профессора Зомбарта: вперед или назад. Первый факт — это усиленное развитие империализма в Германии, «мировая политика», как его тогда называли, развитие, повлекшее за собой пропаганду за создание мощного германского флота. Зомбарт вместе с другими «коллегами от катедер-социализма» весьма усердно примыкает к этому империалистическому и антисоциалистическому направлению. Таким образом, у катедер-социализма были окончательно сломаны последние остатки его позвоночника. Катедер-социалисты, а вместе с ними и Зомбарт, принимали участие в этой пропаганде за сооружение флота.

Второй факт — это ревизионизм, выступление Бернштейна (1897–1898 гг.). С особым чутьем настоящего классового врага Зомбарт понял, что стоит вмешаться в этот раскол, чтобы потащить «эволюционный» социализм вниз по наклонной плоскости. И Зомбарт выпустил брошюру под заглавием «А все-таки» («Dennsch»), в которой он «научно доказал», что через профессиональные союзы рабочие могут бесконечно улучшать свое положение, пытаясь таким образом вогнать клин между союзами и партией.

Эта работа была беспощадно раскритикована Розой Люксембург. Она писала:

«Но вместе с другими нежными почками период мировой политики сломил нежные ростки научного беспристрастия бреславльского профессора... Теперь он в одном строю со своими коллегами сражается за мощный германский флот, придуманный для защиты германского экспорта (*Die deutsche Wissenschaft hinter der Arbeit* N. Z., XVIII, 2. S. 740). И Зомбарт избрал этот путь. И еще раз никто не отметил этого лучше того же Франца Меринга, когда он говорит о Зомбарте¹:

“Он возносит Маркса до небес, как “очень великого”, как “научную совесть всякого изучающего политическую экономию”, не только как “Praeceptor Germaniae”, как наставника Германии, но и всего цивилизованного мира, серьезно занимающегося теперь изучением политической экономии”. Но когда он с чувством благоговейного уважения благодарного ученика утверждает, что развивает далее Маркса, он его вместе с тем просто-напросто убивает. Но Зомбарт в своем роде типичен, как по-своему типичен и Дельбрюк. Буржуазные историки поняли, что Маркса нельзя будет долго держать в стороне от их курятника, поэтому они выпустили его в курятник и теперь пытаются для своих целей вылощить его по-куриному. Одни из них пекут свои пироги из яиц, которые несет эта курица, и затем утверждают, что курица-де может, конечно, обладать только куриным умом. Другие же откармливают ее до отказа, начинают ее фаршем из экономической пошлятины, а затем молитвенно падают на колени перед этим маленьким изуродованным чудовищем, как будто перед “Praeceptor Germaniae”».

Здесь великолепно охарактеризована вторая фаза развития Зомбарта.

Третья фаза проходит через русскую Октябрьскую революцию. Теперь Зомбарт отказывается пасть ниц даже перед этим фальсифицированным Марксом. В последнем издании его книги «Социализм и социальное движение», вышедшей в 1924 г., он превращает Маркса в карикатуру. Эта

¹ «Marx im Hühnerhof».

книга — злостный памфлет против коммунизма вообще и против большевизма в особенности. После этого Зомбарт становится доброжелателем и покровителем социал-демократии.

* * *

Как истинно немецкий профессор, свою книгу «Строй хозяйственной жизни» Зомбарт, естественно, начинает с определения того, что он понимает под хозяйством. В свое определение хозяйства вообще, а капиталистического — в особенности, Зомбарт вводит признак «порядка» (Ordnung).

«Хозяйство» определяется Зомбартом как «забота человека о поддержании существования». Основными его составляющими являются:

1. «Осмысленность». Сущность ее составляет «хозяйственный смысл или дух хозяйственной жизни». Как мы увидим далее, «дух хозяйственной жизни», т. е. хозяйственная идеология, является у Зомбарта не производным признаком, а основным. А ведь это — идеализм чистейшей воды.

2. «Упорядоченность». Она «доказывается» следующим образом: «Всякая хозяйственная деятельность есть “воздействующая” деятельность, и так как человек соответственно своей природе живет в обществе, — она является деятельностью среди множества людей. Но раз разумная деятельность протекает среди множества людей, то лежащий в ее основе (субъективный) план нуждается в объективировании, благодаря которому только он и становится руководящим для многих. Объективированный же план мы называем “порядком”».

Таким образом, доказывается, что всякое хозяйство, в том числе и капиталистическое, — упорядочено. Зомбарт забыл только обратить внимание своих читателей на то, что существовали и существуют хозяйственные формы, которые «упорядочены», т. е. планомерны в своих элементах (отдельное предприятие) и не упорядочены или лишены всякой планомерности в своей совокупности. Таковы простое товарное производство и капиталистическое хозяйство. Господин Зомбарт «забыл» также, что политическая экономия рассматривает хозяйство как явление общественное, а не индивидуальное. Этим ловким ходом Зомбарт стирает основную историческую и социальную разницу между такими хозяйственными формами, основой которых является общественный план, и такими, «порядок» которых не есть результат планомерности, а лишь результат последующего научного анализа, например, наподобие порядка планетной системы.

3. *Техника*. Она «как бы составляет материю» хозяйственного процесса. Например, бумагопрядение есть процесс, предшествующий хозяйственной жизни. Под ним Зомбарт понимает также «приготовление сырья,

обработку его при помощи машин или посредством ручных приспособлений, упаковку и отправку готового продукта». Отсюда следует, что Зомбарт не понимает разницы между технической и хозяйственной стороной производственного процесса. Что он именно не понимает этой разницы, становится уже совершенно ясным, когда он эту разницу формулирует следующим образом: «... хозяйство — это область культуры, техника — это прием». Вполне понятно, что в интересах защиты капитализма весьма выгодно сваливать в одну кучу технику и хозяйство.

Порядок хозяйственной жизни складывается в результате трех процессов: 1) «регулирования» — при помощи крупнейшего хозяйственного союза; 2) «организации» — при посредстве хозяйственного субъекта; 3) «систематизации» — при посредстве науки.

Как известно, политическая экономия, как наука, не старше капитализма. Ни кочевое австралийское племя, сообща отправляющееся на охоту, ни средневековый феодал не имели, да и не нуждались в «систематизирующей» науке для понимания своего хозяйства; не нуждаемся в ней и мы, так как в основу и того и другого хозяйства положен определенный план. И так как в настоящее время наука вообще является существенной составной частью хозяйственного порядка, то, таким образом, Зомбарт может «доказать», что подлинный порядок в хозяйственной жизни появляется лишь вместе с капитализмом.

Господин Зомбарт приводит ряд признаков, якобы исторически характеризующих любой хозяйственный строй: 1) хозяйственный субъект; 2) является ли хозяйственный субъект собственником хозяйственных благ и каких; 3) формы взаимной зависимости; 4) какого рода зависимость существует между хозяйственными субъектами (договорная или нет); 5) «свободное» или «несвободное» хозяйство; 6) в какой форме «блага» потребляются; 7) основы для распределения общественного дохода; 8) в каких формах заключаются сделки.

С первого же взгляда здесь бросается в глаза необычайная путаница, смешивающая правовые, хозяйственные и технические моменты и совершенно игнорирующая их внутреннюю связь, например, между формой производства, распределением и потреблением. Таким образом, можно иллюстрировать не порядок в хозяйстве, а беспорядок, царящий в голове этого экономиста.

Согласно дальнейшему пояснению Зомбарта, хозяйственный строй — это не материальный строй, как думают простые смертные, более того: «... идея хозяйства — понятие отвлеченное вне времени и пространства». Чтобы установить место и время для этой «идеи» хозяйства, достаточно знать, что в Германии в настоящее время в большой моде некий философ господин Гуссерль, вновь открывший ту же абсолютную идею. В част-

ности, яснее хозяйство определяется как форма определенной «идеи о культуре». Эта идея наукой вводится в действительное содержание. Откуда же «наука» берет «идею стиля в учении о хозяйстве»? Зомбарт отмечает, что это совершенно новые идеи, поэтому литературы о них не существует. Зомбарт явно спекулирует на том, что теперь никто уже не знаком с Гегелем и потому не узнает, у кого он заимствовал эту идею об «идее».

Первая глава специально посвящена «систематизации хозяйственной жизни», т. е. систематике народного хозяйства.

«Идея народного хозяйства» (как известно, это изобретение немецкой исторической школы политической экономии — Рошер, Шмоллер и К^о) не способна влиять в направлении создания системы, «потому что она сама по себе совершенно пуста». Зомбарт полемизирует против сопоставления между народным хозяйством и капиталистическим хозяйством. Но народное хозяйство может остаться, как «рабочая идея». К чему же тогда весь этот шум? Серьезный критический анализ покажет, что такое понимание сильно хромает. Во-первых, в условиях капиталистических отношений хозяйствует не «народ» — совокупность всей нации, а всего лишь его меньшинство; большинство же является объектом хозяйствования. В этом смысле выражение «народное хозяйство» является обычным буржуазным обманом. Во-вторых, при капиталистическом строе хозяйство в действительности образует одно целое, не внутри национальных границ, а в мировом масштабе. В действительности, одно целое составляет не народное хозяйство, а мировое. Затем Зомбарт критикует классификацию хозяйственных систем по «состоянию производства», т. е. по преобладающим источникам существования, как то: рыболовство, охота, земледелие и т. д. То же, но гораздо лучше, изложено у Розы Люксембург, откуда несомненно Зомбарт и заимствовал это. Известная классификация Бюхера и Бруно Гильдебранда² также отвергается, но опять-таки весьма поверхностно, критиками. Ни на своих английских, американских и французских коллег по политической экономии, ни на их идеи Зомбарт не находит нужным обратить свое внимание.

После этой обстоятельной критической подготовки следует зомбаровское откровение: основной идеей является «идея хозяйственной системы». В чем же сущность этой идеи? Это «способ хозяйства, представляющего целесообразное единство, в котором каждая из главных составных частей имеет определенную форму». Не говоря уже об идеалистической форме этого определения, господин Зомбарт преподносит нам здесь чистейшую тавтологию. Ведь вопрос именно в том, какие признаки являются характерными, определяющими, устанавливающими

² Bruno Hildebrand. Natural.-Geld-und Kreditwissenschaft.

единство системы? Поэтому-то Зомбарт вынужден идти еще далее и разъяснить, что хозяйственная система есть «способ хозяйства, понимаемый как духовное единство: 1) проникнутое определенным духом; 2) имеющее определенный порядок и организацию и 3) применяющее определенную технику».

Начнем с последнего определения. На первый взгляд оно кажется лишь обобщением исторической связи между появлением паровой машины и промышленным капитализмом. Связь между техникой и способами производства существует, но, конечно, не столь простая и непосредственная, как это изображает Зомбарт, вульгаризируя исторический материализм. Связь между техникой и способами производства не прямая и в первую очередь она зависит от объема сотрудничества и степени разделения труда, требуемых данным состоянием техники. Оказывается, с одной стороны, что определенный способ производства допускает целый ряд ступеней техники. Достаточно здесь вспомнить, как различные формы первобытного коммунизма связаны с целым рядом различных ступеней техники, начиная с техники палеолитических каменных орудий и кончая техникой бронзы и железа.

Это техническое развитие разворачивается в определенных рамках сотрудничества, трудовой квалификации и тем самым разделения труда. Максимальным пределом этого развития была вначале сельская община. Но *внутри* определенной трудовой общины и при определенном характере и степени разделения труда, которые характерны для определенного способа производства, возможен целый ряд ступеней и форм техники. И только на определенных *узловых пунктах* весь объем сотрудничества и разделения труда, связанный с определенной техникой, превращается в другой по качеству способ производства. На другом конце лестницы мы видим, как промышленный капитализм пробегает по целому ряду ступеней техники — от паровой машины до повсеместного использования электричества — ступеней, которые связаны со все возрастающей степенью сотрудничества. Но внутри капитализма, как и внутри всякого прогрессирующего способа производства, не исключая различных форм первобытного коммунизма, трудовому сотрудничеству, а тем самым и техническому прогрессу самой историей поставлены границы, разрушить которые может только социальная революция.

Наоборот, мы видим, что определенная техника может принадлежать различным способам производства: она должна только находиться в пределах тех границ трудового сотрудничества, для которых общими являются и те и другие способы производства. В интересах защиты капитализма такие буржуазные экономисты, как Зомбарт, должны прибегать к опошлению и упрощению отношений между техникой и формами производства,

чтобы доказать будто капиталистические способы производства непосредственно и неразрывно связаны с современной техникой.

Что касается второго пункта — определенного порядка и организации, то мы уже выше указывали на тот прием, который Зомбарт проделывает с этим понятием, благодаря неопределенности, в которой он оставляет это понятие. В действительности же все дело в общественных отношениях людей в производстве. Наконец, «дух» рода хозяйства, который принимается Зомбартом как основная, как независимая переменная, — «дух» этот при ближайшем историческом анализе оказывается производным, зависимой переменной, а именно зависимым от изменения материальных способов производства. Если же зомбартовскому «духу» дать свободно витать в воздухе, то непонятно, почему не Платон и не Аристотель развили капиталистический «дух», а Локк, Кант или Бентам.

Классическая политическая экономия не рассматривала явлений в их исторической последовательности. В капиталистическом строе она видела найденную, наконец, после долгих ошибочных путей «разумную», следовательно, постоянную, форму производства. После Маркса и, в особенности, после того, как в Советской России уже была на практике продемонстрирована историческая ограниченность капитализма, буржуазная экономия не может не быть исторической. Она спасается из этого положения, заменяя железную необходимость исторического материализма произволом исторического идеализма, в котором «дух» может делать любые воздушные прыжки.

Классическая политическая экономия трижды права по сравнению с этим вульгарным историческим идеализмом, так как она во всяком случае рассматривала экономические факты, как управляющиеся определенными законами, даже когда она исторические законы заменяет естественными, в смысле их постоянства. Отсюда следует, что тот, кто для защиты капитализма переворачивает исторический материализм вверх ногами, тот не только не подымается до уровня Маркса и Энгельса, а наоборот, плетется далеко позади Рикардо и Смита, и даже физиократов. Господин Зомбарт из этих основных признаков выводит ряд *принципов*, по которым должны быть построены всевозможные хозяйственные системы.

Эти принципы, соединенные попарно по признакам противоположности, следующие: принцип удовлетворения потребностей и принцип доходности; традиционный и рационалистический выбор средств; индивидуальное и солидарное хозяйство; связанное (нормативизм) и свободное (натурализм) хозяйство; частное и общественное хозяйство (как в отношении производства, так и потребления); аристократическая и демократическая форма; специализация занятий (или ее отсутствие); хозяйство для удовлетворения потребностей и меновое хозяйство.

Нам остается еще добавить сюда «принципы» техники. Она (техника) бывает эмпирическая или научная, стационарная или революционная, органическая или неорганическая.

Оба последних принципа берут свое начало из пресловутой теории кризисов господина Зомбарта, которая приписывала анорганическим веществам в производстве (а может быть и до сих пор приписывает: нельзя никогда знать, когда у Зомбарта меняется мода) особую роль при разрешении хозяйственных кризисов.

Примечания Зомбарта (иначе их назвать нельзя) к главе об исторически важнейших докапиталистических формах хозяйства чрезвычайно слабы, частью же прямо неверны. Неверна уже сама общая характеристика некапиталистических форм хозяйства. Об этом Зомбарт говорит следующее:

«Общими для всех некапиталистических хозяйственных систем являются две: принцип удовлетворения потребностей — в области хозяйственных понятий и связанность — в области регулирования».

Это неверно даже для простого товарного производства, предварительной ступени капиталистического производства, которую Зомбарт смешивает с «ремеслом», которое, в свою очередь, не является достаточно ясно очерченным экономическим понятием.

В качестве важнейших исторических хозяйственных форм Зомбарт приводит следующие: хозяйство первобытных родовых союзов и хозяйство деревенской общины. Их характеристика в высшей степени поверхностна и небрежна. Притом Зомбарт характеризует только позднейший период германской коммунистической деревенской общины, следовательно период ее распада.

Интересы буржуазной апологетики к этим хозяйственным формам, от которых отдает затхлым запахом коммунизма, не идут, по-видимому, столь далеко, чтобы возможно было действительно научное обсуждение.

Рабовладельческое хозяйство фигурирует у Зомбарта под родбертусовским псевдонимом «ойкосного хозяйства» или домашнего хозяйства, причем снова упускается из виду, что в своем полном развитии оно выступает на первый план как производство на рынок, а не для домашнего потребления.

Затем идет «ремесло», о котором уже было упомянуто. Для манеры Зомбарта весьма характерно, как он доказывает, что средства производства ремесленника не являются капиталом. Это делается так: «... вещное имущество ремесленника еще не получило характера капитала».

Весьма глубокомысленны рассуждения Зомбарта о «социалистической системе хозяйства»:

«Антикапиталистические (что это значит? — А. Т.) или послекапиталистические хозяйственные системы, отличающиеся от рассмотренных до сих пор тем, что они еще не могли доказать свою силу в действительности...».

Эти системы утопичны. Почему?

«Хозяйственная утопия — это хозяйственная система, содержащая несовместимые слагаемые. Что социалистические системы, как они измышлялись до сих пор, в основных пунктах утопичны, можно легко доказать».

Как же это доказывает Зомбарт? Весьма просто. Революционная техника — по Зомбарту — несовместима с социалистическим строем и организацией. Только при стационарной технике может иметь место планомерное распределение. Это значит просто *утверждать*, что коммунизм возможен лишь как *первобытный коммунизм*. Но мы напрасно стали бы искать у Зомбарта какое-либо доказательство этого утверждения. В другом месте, о котором нам придется еще говорить, Зомбарт утверждает, что *внутри* капитализма постоянно развиваются социалистические элементы. Таким образом, Зомбарт доказывает, что 1) на основе капиталистической техники коммунизм или социализм невозможны, 2) но на основе капиталистической техники беспрерывно растут элементы социалистического хозяйства. Здесь господин Зомбарт, кажется, несколько переусердствовал в своей защите капитализма. Одно утверждение убивает другое.

В действительности же планомерное социалистическое или капиталистическое хозяйство — не в объеме земледельческой деревни и не на основах стационарной техники, — а в объеме большой страны, и в конечном итоге в объеме всего земного шара, притом не только на основе существующей капиталистической, а на основе значительно более развитой техники, — задача несравненно более сложная. Пример СССР показывает, что после того, как рабочий класс, экспроприировав капиталистов и помещиков, овладеет важнейшими отраслями промышленности и путями сообщения, — эта цель может быть достигнута не сразу, а лишь постепенно. Но утверждение, что достижению этой цели положены *принципиальные границы*, не может быть доказано. Доказать это не пытался ни Зомбарт, ни какой-либо другой буржуазный экономист.

Напротив, послевоенный капиталистический кризис вполне ясно доказал, что достигнутый уровень техники уже доходит до пределов, поставленных сотрудничеству капиталистическим способом производства, в то время как бывшие до сих пор периодические торговые кризисы обнаружили противоречие между капиталистическим способом производства и присвоения. Зомбарт чрезвычайно остерегается даже слегка коснуться противоречий капиталистической системы. Наоборот, все

его манипуляции с понятием «порядка» проделываются для того, чтобы капиталистическую систему изобразить в виде гармонического, лишённого всяких противоречий порядка.

Все же противоречие между революционной техникой и социалистическим способом производства Зомбарт может считать своим оригинальным открытием.

Согласно схеме Зомбарта, капитализм — это гармонично-планомерная хозяйственная система. В чём сущность капитализма, как создается капиталистическая прибыль, какое разделение на классы лежит в основе этой системы — об этом Зомбарт не упоминает ни слова. Или, быть может, следующее объяснение «аристократической структуры» капитализма следует рассматривать как историческую характеристику.

«Исторической причиной аристократического расслоения в капиталистическом хозяйстве является обоснованная личными и материальными обстоятельствами способность немногих и неспособность многих от Πολλοί (здесь Зомбарт говорит языком Платона.— А. Т.) руководить процессом производства, который, в силу предъявляемых им технических и организационных требований, исключает деятельность среднеодаренных и среднеимущих посредственностей в качестве хозяйствующих субъектов (как это возможно в ремесле)».

Таким образом, капиталисты являются капиталистами не только потому, что они имеют капитал, но также и потому, что они обладают большим умом, чем «многие».

Насколько в сравнении с этим робки и скромны были защитники капитализма до Зомбарта, когда предприниматель, которого его профессор-защитник одарил гениальностью, часто действительно сам руководил предприятием, хотя и тогда уже тип предпринимателя, ровно ничего не смыслящего в технике своего дела, был достаточно многочислен. Зомбарт, однако, сильно перещеголял своих скромных предшественников, — ведь теперь уже технически руководят и управляют всем предприятием почти везде служащие, работающие за плату. И господин Зомбарт, как типичный немецкий учёный, превращает своих капиталистов в «аристократов», окрашивает их под цвет феодалов.

По вопросу об исторических тенденциях капитализма Зомбарт изрекает старые путанные и уклончивые фразы. «Следует остерегаться, — говорит он, — доказывать тенденции экономического развития».

Однако, по-видимому, есть последовательная смена «демократических» и «аристократических» хозяйственных систем, обусловленная психологически. «Кажется, что в настоящее время к этому аристократическому периоду (к капитализму. — А. Т.) примыкает демократический, который

сказывается в росте влияния профессиональных союзов» и т. д. Зомбарт, конечно, считает, что эта социал-демократическая болтовня о «хозяйственной демократии», которую возможно осуществить внутри капитализма, — вещь (для капиталистов) весьма приятная.

Но читателю, который пожелает изучить «социалистическую хозяйственную систему», Зомбарт указывает на Шеффле, Бургуэна, К. Диля, Людвига Мизеса, В. Ратенау, Отто Нейрата, т. е., за исключением труда Отто Нейрата, — на обычных ученых болтунов. Вся научная литература социализма по этому вопросу Зомбартом совершенно отбрасывается.

Во второй главе говорится о капиталистической организации хозяйственной жизни. Читатель, который надеется найти здесь если не научный анализ, то во всяком случае хотя бы верное внешнее описание организационных форм капитализма, будет разочарован. При схематизации и классификации форм производства Зомбарт постоянно путает технику с экономикой (а именно с точки зрения интересов частного хозяйства). В качестве форм торговых предприятий Зомбарт называет предприятия оптовые, розничные, оседлые и странствующие, но что общего это имеет с политической экономией?!

Оригинальное открытие делает Зомбарт о промышленных капиталистических предприятиях. Здесь мы имеем «две в корне различные группы предприятий»; смотря по тому «служит ли предприятие для извлечения прибыли» или «для создания вещественных благ или для хозяйственных деяний». Первое — это «хозяйственное предприятие», второе — «производственное предприятие». Где же во всем мире — воскликнет удивленный читатель — существуют такие капиталистические предприятия, которые не служили бы для извлечения прибыли? В итоге мы узнаем, что особенность этих двух групп заключается в разнице между торговым и финансовым отделами крупного предприятия, с одной стороны, и его производственным отделом — с другой стороны. По Зомбарту, по-видимому, для производственных предприятий принцип доходности *неприменим*. Поистине не знаешь, чему здесь больше удивляться: беспочвенной наивности и невежеству или бесстыдной фальсификации.

На той же научной высоте Зомбарт рассуждает о непрерывности воспроизводства в капиталистической системе. Известно, что непрерывность — это условие прочности всякого способа хозяйства. В капиталистической системе она создается через свою противоположность — периодические кризисы, и управляется законом цены. Обо всем том, что в этом вопросе вскрыл глубокий марксовский анализ, — у Зомбарта нет ни слова. Зато он сам рассказывает, что исчезновение личности капиталиста за «фирмой» обеспечивает «делу» непрерывность. Что за болтовня? В азарте защиты капитализма вульгарные экономисты такого сорта

забывают даже о действительной силе капитализма, о силах, периодически выравнивающих эти кризисы.

Но в чем же содержание, цель капиталистического предприятия? И об этом поучает нас Зомбарт поистине оригинальным образом.

«Действительное содержание капиталистического предприятия — это не производство железа... его содержание — счет».

Похоже на то, будто в капиталистическом предприятии счет ведется не во имя получения прибыли, а наоборот, прибыль создается для того, чтобы можно было вести счет. Поистине, это оригинально!

Не менее слаба и зомбартовская глава о «капиталистических формах объединения» (слияние, картель, трест).

В третьей, последней, главе Зомбарт разбирает «регулирование хозяйственной жизни» или «хозяйственно-политические системы». Вместо исторического очерка, глава эта содержит столь же самоуверенные, сколь и поверхностные изречения г-на Зомбарта. Как и раньше, так и здесь Зомбарт сыплет множеством всяких принципов, при помощи которых хозяйственно-политические системы можно разделить на группы и давать им названия. Таким образом, существуют идеалистические или реалистические, материалистические или номиналистические, универсалистические или индивидуалистические, нормативные и связанные, несвободные и свободные «хозяйственно-политические» системы. Как видите, все эти выражения заимствованы не из материальной, а из духовной сферы. Зомбарт объясняет хозяйственную политику не конкретными потребностями существующих в данный момент и борющихся из-за господства или уже господствующих хозяйственных систем, а какими-то витающими в воздухе идеями. Это означает отказ от всякого действительного анализа.

Исторический идеализм Гегеля был делом революционным, сделавшим эпоху. Исторический идеализм Зомбарта и Ко — просто пошлость.

Это проявляется у Зомбарта во всех деталях. Например, меркантилизму глубокомысленно приписывается, что он проглядел *деньги* как специфическую форму общественного богатства. В настоящее время — это дешево и пошло, но, очевидно, необходимо быть таким революционным критиком капитализма, как Маркс, чтобы отдать меркантилизму исторически должное, и понять, что в эту эпоху имело главное значение именно образование капитала в *денежной форме*. Этой действительной потребности капитализма, развившегося из натурально-хозяйственных отношений, меркантилизм дал недостаточное теоретическое выражение.

Вместо исторического рассмотрения Зомбарт предпосылает нам в высшей степени курьезное объяснение меркантилизма, благоприятное для

последнего, ибо Зомбарт и Ко, как представители «исторической школы», объявляют империализм близким родственником меркантилизма.

Хозяйственная политика меркантилизма была — поясняет Зомбарт — «последней широкой системой регулирования хозяйственных явлений с осознанными целями, выросшей из известного государственного воззрения. Хозяйственно-политические системы последующих времен представляются, по сравнению с ней, низменной торгашеской политикой».

Не менее глубокие толкования получаем о «либерализме» как политико-экономической системе. Мы узнаем, что он возник на почве «материалистическо-номиналистической метафизики», что это «социальный ньютонизм».

Для разнообразия Зомбарт тут же без передышки рассуждает и материалистически, объясняя либерализм как идеологию, соответствующую капитализму, стремившемуся к освобождению от уз, наложенных на него меркантилизмом. Но и здесь Зомбарт остается вульгарным и поверхностным.

Рассматривая «экономическую политику настоящего времени», Зомбарт не может не обойти молчанием империализм. Мы узнаем, что для экономической политики настоящего времени является характерным смешение стилей и что было бы «глупо» делать вывод, что империализм целиком служит капиталистическим целям. После этого мы можем считать себя вполне усвоившими сущность империализма.

Заключительная часть книги посвящена социалистической экономической политике или «социализации». Здесь Зомбарт поучает нас о том, что социализация наступает именно при существовании капитализма.

Прежде всего Зомбарт дает нам определение «социализации».

«В общем это слово, — пишет Зомбарт, — как вполне правильно определила его комиссия по социализации, обозначает: движение в направлении к народному хозяйству, которое планомерно контролируется и ведется в интересах всего народа».

Когда говорят о социализации, имеют обыкновенно в виду частичную социализацию. Но она «более распространена, чем обычно думают. И лишь немногие знают, что с давних пор мы находимся в процессе социализации. Каждое постановление об общественном контроле какого-нибудь хозяйственного явления есть уже акт социализации, так как оно обозначает хотя бы и небольшой шаг на пути к превращению хозяйства, ведущегося на основании натуралистических принципов, в соответствии с идеями либерализма, в нормативно-регулируемое хозяйство».

Поэтому в социализацию включаются:

1) В области потребления «всякий общественный надзор над продажей товаров, контроль над продуктами питания и потребления, запре-

щение алкоголя, запрещение курения» (таким образом, в Пруссии социализация началась со знаменитого запрещения курить на Унтер ден Линден³. — А. Т.).

2) Социализация в области распределения: «... распределение квартир, пайки при выдаче товаров, твердые цены, налоги с социальными целями, огосударствление горного дела, принудительное государственное страхование и т. д.».

3) Социализация производства: введение фабзавкомов, фабричная инспекция, законы о защите рабочих, рациональное распределение сырья, огосударствление предприятий, гильдии, принудительные синдикаты, создание так называемых смешанных обществ.

«Эти общества, — заканчивает Зомбарт, — представляют собой тип хозяйственной организации с большим будущим».

Как видит читатель, вся суть здесь в подмене государства, находящегося в руках капиталистов, государством, находящимся в руках рабочего класса, в подмене государственного социализма государственным капитализмом. Коль скоро в Германии бюрократия реформистских профессиональных союзов вполне серьезно одурачивает такой болтовней рабочие массы, почему же стесняться здесь г-ну Зомбарту? Русским читателям нет необходимости разьяснять разницу между государством, в котором у власти находятся капиталисты, и государством, находящимся в руках пролетариата.

Теперь мы предоставляем Зомбарта вниманию русских читателей для изучения буржуазной политической экономии XX столетия в Германии, — стране, давшей Маркса и Энгельса.

Зомбарт играл значительную роль не только в общественной жизни Германии, но и далеко за ее пределами. Влияние его распространялось не на одну только буржуазию, но довольно сильно сказалось и на реформистском рабочем движении. Именно в том-то и заключалась роль Зомбарта, чтобы под маской особенного беспристрастия по отношению к марксизму влиять на рабочее движение в благоприятном для буржуазии смысле. Нельзя отрицать, что благодаря историческим обстоятельствам, это удалось ему в значительной степени.

Многие из сочинений Зомбарта — ввиду гонений на революционно-марксистскую литературу — нашли широкое легальное распространение в дореволюционной России. Здесь Зомбарт приобрел себе репутацию «передового» буржуазного экономиста, более или менее близко стоящего к марксизму. И эта совершенно незаслуженная репутация продолжает оставаться за ним и по сей день.

³ Главная улица в Берлине.

СТРОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Ввиду всех этих обстоятельств, мы считаем необходимым ознакомить русских читателей с современным Зомбартом, чтобы они сами могли убедиться насколько справедлива эта репутация, и по первоисточникам изучить, каким образом буржуазия через Зомбарта влияла на рабочее движение. Серьезного и влиятельного врага следует внимательно изучать.

А. Тальгеймер

ВВЕДЕНИЕ

ПОНЯТИЕ О ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОЕ И ЕГО ВИДЫ

Вопрос о сущности и принципах строя, господствующего в хозяйственной жизни, стоит в центре задач экономических наук. Это вытекает непосредственно из природы предмета этих наук – хозяйственной жизни. Она составляет часть культурного существования человека, или, определяя точнее, общественного существования человека. Она охватывает все те явления, которые порождаются заботой человека о поддержке существования.

Обобщая, *заботой о поддержке существования* мы можем назвать все виды деятельности, которую должно проявить каждое живое существо для того, чтобы добыть себе необходимые для восполнения своего индивидуального существования продукты природы.

Мы называем заботу о поддержке существования, проявляемую человеком, добыванием вещественных благ, или хозяйством. Она составляет содержание хозяйственной жизни и, как деятельность разумного существа, включает следующие составные части:

1. *Осмысленность*. Хозяйственная деятельность, как всякая человеческая деятельность, относится к категории целесообразности. Мы понимаем хозяйственную деятельность, как выявление разумной воли; хозяйственные построения, – как установления разумного отношения (как бы оно ни было «иррационально» в объективной оценке). *Содержание всей доказуемой осмысленности* в хозяйственной деятельности я называю *хозяйственным смыслом* или *духом* хозяйственной жизни. Он становится душой субъективных целепоставлений и максимумов, которыми руководствуются отдельные хозяйственные субъекты.

2. Всякая хозяйственная деятельность есть «воздействующая» деятельность и, так как человек соответственно своей природе живет в обществе, она является деятельностью в среде многих людей. Но как только разумная деятельность протекает среди многих людей, то лежащий в ее основании (субъективный) план требует объективирования, благодаря которому только он и становится руководящим для многих. Объективи-

рованный же план мы называем порядком. *Упорядоченность* есть, поэтому, вторая составная часть хозяйствования. Мы можем обозначить ее как *форму* хозяйственной жизни.

3. Так как в хозяйстве вопрос идет о создании вещественных благ, то человек должен применить средства к преобразованию предметов внешней природы соответственно своей потребности. Это средство или этот прием мы называем *техникой*. Она составляет как бы *материю* хозяйственного процесса.

Например, бумагопрядение есть процесс, предшествующий хозяйственной жизни. К нему относятся: цель, намеченная хозяйственным субъектом; максимы, определяющие его условия; является ли целью денежный доход, или удовлетворение потребностей; поставлено ли предприятие рационально или традиционно и т. д. Далее, к нему относятся сношения с рабочими и заказчиками, которые осуществляются согласно с правилами, вытекающими из порядка, установленного для хозяйственного субъекта. К нему же относится и весь процесс самого бумагопрядения: приготовление сырья, обработка сырья машинами или посредством ручных приспособлений, упаковка и отправка готового продукта и т. д.

Ясно, что при таком понимании не имеет смысла противопоставление хозяйства технике. Хозяйство и техника лежат в двух различных плоскостях. Хозяйство — это область культуры, техника — это прием. Не существует *mundus technicus* рядом с *mundus oeconomicus*. Кто говорит о хозяйстве и технике, противопоставляя их друг другу, употребляет слово «хозяйство» в ином смысле, чем это делается здесь, — именно в смысле определенного отношения. В этом значении действительно можно противопоставить понятие «хозяйство» понятию «техника»: существует специфически «хозяйственное» и специфически «техническое» отношение, которое можно обозначить (по удачной формулировке А. Фойта), как выбор цели при данных средствах, с одной стороны, и выбор средств при данной цели — с другой. Следует лишь отдавать себе отчет, что этот различный подход возможен во всякой области человеческой деятельности. Осужденный на смерть, в романе Достоевского, который раздумывает о том, как ему целесообразнее использовать последние, еще остающиеся ему пять минут жизни, мыслит и действует «хозяйственно». Напротив, жизнеописание Казановы представляет собой в главных частях трактат о (любимой) технике.

«*Строй*» хозяйственной жизни складывается с трех различных сторон, в тройко определяемом смысле: дважды в реальном и третий раз в идеальном. Три инстанции, конституирующие строй, это: а) *большой союз*, в котором протекает хозяйство. Строй, устанавливаемый союзом, мы

назовем регулированием; б) *хозяйственный субъект*. Строй, создаваемый им, может именоваться организацией; в) *наука*, которая устанавливает порядок явлений хозяйственной жизни в умах, как мы выразимся, путем систематизации.

Прежде всего мы попытаемся понять эти три вида строя в основных положениях их сущности.

А. РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Мы видели, что всякая хозяйственная жизнь протекает в пределах строя, регулирующего хозяйственное положение отдельных единиц. Сущность всех установлений или норм, определяющих положение хозяйственных лиц, мы называем хозяйственным строем. *Хозяйственный строй* определяет в подробностях следующие положения действительности:

- кому принадлежит инициатива хозяйственных действий, т. е. кто является в хозяйственном устройстве хозяйственным субъектом;
- может ли хозяйственный субъект быть собственником хозяйственных благ; если да, то каких и в какой форме;
- в какого рода отношения к другим лицам может вступить хозяйственный субъект, могут ли это быть формы зависимости одного от другого и какого рода эти формы;
- связаны ли хозяйствующие лица между собой договором или иным образом;
- выполняется ли работа в хозяйстве «свободными» или «несвободными»;
- в каких формах созданные блага идут на потребление;
- на каких основаниях происходит распределение общественного дохода;
- в каких формах заключаются сделки и т. п.

Нормы, устанавливающие положение отдельных лиц, могут быть очень *разнородного происхождения* и, тем самым, различной сущности. Сообразно с этим, мы отличаем внутри хозяйственного строя следующие главные составные части:

1. *Правовой строй*. Он охватывает все принудительные нормы, за выполнением которых следит особый аппарат принуждения, и обычно (не всегда) устанавливается государством.

2. *Условный строй*. Он заключает в себе те положения, исполнение которых также желательно инстанции, устанавливающей хозяйственный

строй, но он становится обязательным лишь через простое согласие или несогласие внутри определенного круга лиц, среди которого совершается действие. («*Психическое принуждение*»; в известных случаях совершается под угрозой имущественного или иного хозяйственного урона.)

Сюда относятся, например, биржевые постановления (поскольку они не покоятся на законах), договоры картелей и подобных объединений, соглашения между различными нациями, которые собственно не имеют характера международного права.

3. *Нравственный строй*. Он устанавливает (по М. Веберу) «однородное отношение, которое удерживается в обычной колее только по привычке и благодаря нерелефлексивному подражанию».

К хозяйственному нравственному строю относятся, например, торговые обычаи (поскольку они еще не сделались «обычным правом»), основы коммерческого ведения дел и пр.

Ясно, что в определенном хозяйственном строе господствует определенный «дух», который получается в результате выполнения определенных основоположений, определенного правового воззрения. Поскольку этот дух внедряется в хозяйственный строй правоустанавливающей властью, мы можем говорить об определенной политико-экономической системе, в которой мы мысленно найдем единство разнообразных частных положений хозяйственного правового строя. В последующем изложении мы стремимся постичь главнейшие типы этих политико-экономических систем в их основных особенностях.

Б. ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Под *организацией* мы разумеем сознательный и планомерный замысел, которым люди объединяются для общей согласной деятельности. *Под организованностью* мы понимаем либо это явление организации, либо его результаты. Постоянная организация хозяйственной (как всякой общественной) работы происходит в *заведениях*.

Когда ранним утром мы идем по улицам города, мы видим тысячи людей, спешащих к одной цели. Один идет к своему месту у машины, другой — к конторскому стулу; этот в аудиторию высшей школы, тот — в казарму; кто — в редакцию газеты, кто — на станцию городской железной дороги и т. д. Час спустя все работающие люди исчезли с улицы, остались лишь посыльные или метельщики улиц; но и они заняты планомерно. Куда шли

все эти люди? Ответ: в заведение, в котором они сейчас исполняют свою работу. Что такое заведение?

Заведение — это учреждение, организованное в целях продолжительного занятия трудом. В этом определении понятия заключается следующее:

1. Указание на то, что деятельность осуществляется в заведении. Занятие трудом, которое, как уже сказано, может преследовать также иные цели, кроме хозяйственных.

2. Подчеркивание длительности; занятие трудом является продолжительным. Если дело идет о проявлении кратковременной деятельности, мы не говорим о заведении.

3. Выявление планомерности, упорядоченности: речь идет об устроенности.

Если человек работает один, ему нужен для своей работы только (субъективный) план. Но даже рабочий-одиночка, который исполняет постоянную работу, сам устанавливает правила, которыми он руководствуется в своей работе, как неким объективным порядком. Но объективирование плана путем превращения его в определенный порядок становится необходимостью, если несколько лиц соединяют свою работу для общей деятельности. Для того чтобы позже деятельность одного человека планомерно вошла в общую работу, она должна быть с самого начала направлена в надлежащее место, согласована во времени и приведена к тому же виду, что и работа всех других людей. Таким образом устанавливается порядок заведения. Он может подразумеваться, быть указанным словесно, быть писанным, напечатанным, он может быть принят по безмолвному соглашению или определенно предписан, он может быть автономным или гетерономным для отдельных органов трудового процесса — это различно; достаточно того, что он существует.

Общая задача распорядка заведения состоит в целесообразном сочетании отдельных факторов производства в одно целое путем их правильного распределения во времени и пространстве. В частности, распорядок заведения распространяется на следующие пункты:

а) *Подготовка* трудового процесса: сюда относятся постановления о найме, назначении и увольнении рабочих как в количественном, так и в качественном отношении, право располагать помещением, необходимым для производства, а также нужными средствами производства.

б) *Устройство* трудового процесса, т. е. установление места и времени (где и когда должна происходить работа).

в) *Осуществление* трудового процесса, т. е. забота о действительном проведении намеченного плана, о том, чтобы трудовой процесс протекал соответственно предписанию.

Порядок организации на предприятиях отличается от ранее описанного порядка, установленного регулированием, тем, что он является делом

самих хозяйствующих субъектов. Но он сам коренится в хозяйственном строе и им определяется.

В то время как хозяйственный строй содержит в себе лишь возможность хозяйственной деятельности, эта последняя сама проявляется в организации заведения. В то время как хозяйственный строй лишь общая рамка, в которую укладываются хозяйственные действия, каждое заведение — живое воплощение хозяйственного плана. Существует один хозяйственный строй, но бесчисленное количество заведений внутри этого хозяйственного строя.

Много раз обсуждался спорный вопрос: каков критерий для определения заведения как единицы. Является ли большой универсальный магазин *одним* заведением или он охватывает несколько заведений, по числу отделений? Вопрос, ответ на который прежде всего имеет большое значение для статистиков, до сих пор не получил еще разрешения, которое бы всех удовлетворило¹. Я считаю лучшим признаком единства заведения — единство порядка заведения.

Во второй главе мы точно познакомимся с принципами, различными формами и особенностями устройства заведения в рамках капиталистической хозяйственной системы.

В. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Недисциплинированная мысль часто смешивает различные возможности установления порядка в хозяйственной жизни и недостаточно точно различает реальные и идеальные явления порядка. Более того, следует всегда иметь в виду, что принципиальные основы строя — будь то таможенная пошлина или правила внутреннего распорядка на фабрике — по существу отличны от таких, как народное хозяйство или капитализм; что первые устанавливают порядок в действительности, вторые — в умах. Об этих идеальных методах порядка речь еще впереди.

Выше, пользуясь идеей хозяйства, мы отграничили хозяйственную жизнь, как область культурной жизни. Идея хозяйства — логическое понятие вне времени и пространства. Но «хозяйство» в смысле хозяйственной жизни — комплекс явлений действительности, связанный во вре-

¹ Этому вопросу посвящена глава книги Меерварта «Введение в хозяйственную статистику», переведена на русский язык (изд. ГИЗа, М., 1925).

мени и пространстве. Всякая культура, тем самым и всякое хозяйство, если она действительна — история. Таким образом, идея хозяйства постоянно конкретизируется в определенных исторических явлениях. Как не существует *in abstracto* (кроме, как в идее) ни религии, ни искусства, ни языка, ни государства, а лишь всегда определенная религия, определенное искусство, определенный язык, определенное государство, точно так же не существует *in abstracto* хозяйства, но всегда лишь совершенно определенного рода, исторически особое хозяйство.

Таким образом, задача всех наук о культуре, — найти средства и пути к познанию изучаемых ими явлений культуры в их исторической особенности. Определенная область культуры становится как бы зрелой для изучения тем, что научаются, путем выявления ее исторической конкретности, определять ее место в истории и отличать в присущей ей своеобразности от других конкретных форм этой же идеи культуры. Это достигается также с помощью идеи, внесенной в явление действительности, но в этом случае она призвана выполнять функцию не разграничительную, а формирующую.

Так, например, языковедение пользуется идеей внутренней формы языка, наука о религии — идеей догмы, искусствознание — идеей стиля, чтобы определить исторические особенности изучаемой ими данной области культуры.

Так и экономическая наука нуждается в подобной формирующей идее, с помощью которой она могла бы располагать в системы свой материал. Значение этой идеи в том, чтобы хозяйственную жизнь известного времени определить в ее основных особенностях, отличить ее от строения хозяйства в другие хозяйственные эпохи и таким образом разграничить большие исторические периоды в человеческом хозяйстве.

Эта идея стиля в экономической науке (как мы пока выразимся, опираясь на терминологию искусствоведения) должна, очевидно, пытаться охватить хозяйственную жизнь в целом, должна быть в состоянии определить дух, форму и строй в их своеобразии, она таким образом обширнее, чем (практические) идеи порядка в хозяйственном и производственном строе. Но тем самым определяется последовательность, в какой мы должны рассматривать различные идеи порядка в дальнейшем изложении.

Ясно, что историческая последовательность, в какой проявляются и применяются три различаемых нами идеи строя, та же, в какой мы ее рассматриваем в нашем обзоре, с тем ограничением, что начало регулирования и организации хозяйственной жизни наступает одновременно и неотделимо одно от другого. Хозяйственная жизнь немислима без хозяйственного производственного порядка, с которым и через который она строится, который тем самым оказывает воздействие с самого

начала. Лишь много позже просыпается теоретическая потребность расположить в порядке в области мысли материал хозяйственной жизни; следовательно, систематизирование, как упорядочивающий принцип, выступает много позже. И все-таки мы вынуждены в дальнейшем изложении перевернуть последовательность, в какой будут рассматриваться три принципа строя. На первое место мы должны будем поставить изложение научной систематики, именно потому, что (теоретически) правильный взгляд на существо двух других принципов строя мы установим лишь после того, как весь свой материал — хозяйственную жизнь — расположим в систематическом порядке.

Самое изложение должно оправдать этот прием.

Литература. Так как проблема строя хозяйственной жизни в таком виде, как мы это делаем, еще не ставилась, то и не существует общей литературы по этому вопросу или пришлось бы отнести сюда всю методологическую литературу общеполитического и специально политико-экономического характера. См. резюмируемую статью «Наука о народном хозяйстве» («Volkswirtschaftslehre») в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» (автор до 3-го изд. Г. Шмоллер).

Ср. также: Штаммлер. Хозяйство и право. Цюрих, 1896; Вебер М. Хозяйство и государство, 1922, «Grundriss der Socialökonomik». Т. III, особенно глава V.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

I. ПОПЫТКИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

С самого начала наука о хозяйстве естественным образом (хотя для отдельных исследователей зачастую и бессознательно) искала принцип, который давал бы возможность внести порядок в фактический материал. В последующем я излагаю главные попытки внести систему в хозяйственные явления.

1. Систематизация по формальным принципам

Излюбленная идея, с помощью которой надеялись построить науку о хозяйстве, — это *идея народного хозяйства*. Да, можно сказать, что еще в настоящее время эта идея (по крайней мере, в представлении отдельных исследователей) господствует в научном экономическом мышлении, и именно в Германии, где привыкли обозначать общую науку о хозяйственной жизни, если не как политическую экономию, то все еще как национальную экономию или как науку о народном хозяйстве.

В доказательство привожу некоторые места из наших наиболее известных руководств, по рассмотрении которых будет ясно, какое значение приписывается понятию народного хозяйства для установления системы.

Адольф Вагнер. Основы политической экономии. § 100:

«Эта дисциплина (политическая экономия) изучает хозяйственные явления, следовательно, проявления деятельности человека, как эти явления складываются в соотношении и из соотношения хозяйств между собой и образуют целое или соответствующую систему, покоящуюся на разделении труда и перемещении благ (сношения) между отдельными хозяйствами. Это «целое», эта «система», как таковая, и есть то, что мы называ-

ем «народным хозяйством». Поэтому оно представляет собой, так сказать, «общественную систему человеческого хозяйства» (Шеффле), мыслимую, как целое, отграниченное от других, с ним однородных. Народное хозяйство — своеобразный комплекс хозяйственных явлений, коллективное явление (Менгер)».

Густав Шмоллер хочет в своем очерке представить «общее учение» о «народном хозяйстве». Оно для него «реальное целое», т. е. связанная совокупность, части которой находятся в живом взаимодействии и в которой целое, как таковое, имеет доказуемое влияние; совокупность, остающаяся в течение лет и десятилетий одной и той же в своей сущности, в своих индивидуальных основах, несмотря на вечное изменение в частях; совокупность, представляющаяся нам, поскольку она меняется, развивающимся телом. Никогда тысячи единичных хозяйств, принадлежащих различным государствам, не представляются и не берутся, как народное хозяйство. Мы говорим о народном хозяйстве лишь там, где люди одной и той же расы и с одним языком, связанные общими чувствами и идеями, нравами и правовым порядком, имеют в то же время общенациональные хозяйственные установления и связаны общей системой сообщения и живыми отношениями обмена (Основы общего учения о народном хозяйстве. § 1, 3²).

Филиппович. Основания политической экономии. § 12, 16³. «Наука», которую он излагает, есть «наука о народном хозяйстве». Он определяет ее следующими понятиями: «Хозяйственные единицы связаны между собой в различных отношениях, и потому хозяйственное поведение отдельных людей определяется не одними только условиями, создающимися в их собственных хозяйствах. Наоборот, между явлениями в отдельном хозяйстве и явлениями во всех других хозяйствах, связанных с ним посредственно или непосредственно, происходит постоянное взаимодействие...». «Эта длительная по времени и месту связь хозяйственных единиц... бессознательно проистекает из явлений и интересов самих людей... Поэтому она обозначается не только как организация, но и как организм. Как правило, организм, о котором идет речь, является организмом целого народа, имеющего государственную организацию и благодаря историческим данным и культурному развитию — также сознание своего единства. Мы называем народным хозяйством связанную во времени и пространстве хозяйственную жизнь членов одного народа, если мы рассматриваем ее как самостоятельное единство, т. е. как организм, в упомянутом

² Эта работа Шмоллера не переведена, но есть выдержки из других его работ в «Библ. экономистов» — изд. Солдатенкова.

³ Есть русский перевод.

смысле, хозяйственных единиц, связанных друг с другом сношениями».

Нет сомнения, что идея народного хозяйства действительно чрезвычайно плодотворна, даже необходима для научно-экономического понимания. И следует лишь пожалеть, что «учение о народном хозяйстве» представляет столь мало развитую отрасль нашей науки. При ближайшем рассмотрении оказывается, что большинство научно-экономических авторов, хотя и считают чем-то само собой разумеющимся, что они занимаются «наукой о народном хозяйстве», почему они и ставят, как я показал на нескольких примерах, в начале систем своих учений понятие «народного хозяйства», — тем не менее, развивая эти системы, они высказывают все, что угодно, только не народно-хозяйственные соображения. Ибо все категории, которые обсуждаются в «системах учения о народном хозяйстве», в большей части не имеют ничего общего с «народным хозяйством». В них фигурируют понятия: «рынок, деньги, кредит; предприятие; конъюнктура, кризисы; заработная плата, земельная рента; процент на капитал и т. д.». Но даже в общих главах о производстве и распределении мы в самых редких случаях встречаем действительно народно-хозяйственную точку зрения, которая серьезно считается с идеей «народно-хозяйственного организма». От того, что имеют в виду меркантилисты, что пытался продолжать Франц Лист, от «учения о народном хозяйстве», мы имеем в настоящее время лишь несколько незначительных ростков. Напротив, политическая экономия соорудила свое здание на совершенно ином основании, использовала для создания своей системы совсем иные идеи, нежели идеи народного хозяйства.

Можно было бы возразить, что это повредило нашей науке, что она, таким образом, уклонилась от настоящего пути, дала себя увлечь ложным идеям, а «народное хозяйство» все же истинная идея, с помощью которой должна быть возведена система.

Это возражение ослабляется соображением о том, что идея народного хозяйства не может служить истинным основанием для образования системы, потому что она сама по себе совершенно пуста. Правда, существует плодотворная народно-хозяйственная точка зрения — рабочая идея организма, в существе своем предложенная уже *Кантом*, но то, что представляет собой идея народного хозяйства, все еще только точка зрения, все еще только рабочая идея. Какого рода этот организм, который я усматриваю в народном хозяйстве, этого именно само понятие не выражает. И так же, как абстрактное понятие «организма» не дает зоологу возможности понимать, пока он не знает, что он имеет перед собой — млекопитающееся или насекомое — так и для политэконома хозяйственный мир остается непонятным, пока он не познал его внутренней сущности. О ней же понятие народного хозяйства не говорит, очевидно, ничего. Представление об «общественном соединении единичных хозяйств внут-

ри народного целого» оставляет для нас совершенно неясным, какого рода эта связь, а это-то именно и важно узнать.

А между тем, как мы увидим, существует очень много возможностей таких соединений, и «народное хозяйство» может базироваться на основе ремесленного строя, равно как на основе строя капиталистического или социалистического. И как раз то, чего мы требуем от идеи, определяющей систему, чтобы она сделала для нас ясной историческую особенность данной хозяйственной жизни и дала бы нам возможность поставить на надлежащее место в истории некоторое действительное положение хозяйства, — как раз этого идея народного хозяйства сделать не может. Она — рудиментарный член, сохранившийся от того представления о существовании хозяйства, которое мы в настоящее время уже преодолели: представления об *ordre naturel*, естественном порядке хозяйственной жизни, который, понятно, может быть только один. Эта метафизическая предпосылка лежала в основе учения классиков. Потому-то она и могла применять понятие «народное хозяйство», которое было для нее не чем иным, как выражением единственного проявления хозяйственных отношений, и которое она поэтому невольно наполняла содержанием капиталистического хозяйственного строя, что все еще бессознательно делают теперешние «учителя народного хозяйства». Но если взглянуть в отношение и осознать ограниченность точки зрения, при которой понятие народного хозяйства ставилось в центр научного изучения хозяйства, то нельзя не сомневаться в недостаточности этого понятия и невозможности для него стать высшей систематизирующей идеей нашей науки. И я еще раз определенно отмечаю, что эта критика нисколько не умаляет значения этого понятия, как плодотворной и необходимой рабочей идеи.

Рядом с идеей народного хозяйства с недавнего времени все чаще появляются два других понятия, с помощью которых предполагается завершить систему хозяйственных отношений — понятие частного хозяйства и понятие *мирового хозяйства*.

Особые заслуги в разработке этой системы, образующей триаду: частное хозяйство — народное хозяйство — мировое хозяйство, приобрел Бернгард Гармс (Harms). «Так как мировое хозяйство не есть вещь в себе, но теснейшим образом связано с народным хозяйством, а то и другое сводится к единичному хозяйству, то и исследование должно исходить из последнего, чтобы потом через народное хозяйство прийти к хозяйству мировому» (Народное и мировое хозяйство. 1912. § 89).

Далее он определяет: «*Едиличное хозяйство* — это организация для добывания (сохранения) и потребления вещественных благ, руководимая хозяйствующим субъектом» (Там же. С. 94).

Народное хозяйство есть совокупное понятие отношений и их взаимодействие между отдельными хозяйствами, ставших возможными благодаря свободе сношений и условиям техники передвижений народа, организованного в государство, основанных на однородных правовых нормах и поощряемых политико-экономическими мероприятиями.

Мировое хозяйство — это совокупное понятие соотношений между отдельными хозяйствами земного шара, ставших возможными благодаря высокоразвитым путям сообщения, регулируемых и поощряемых государственными международными договорами (Там же. С. 106).

Против этого тройного расчленения хозяйственных явлений следует, прежде всего, возразить, что оно логически неприемлемо, так как эти три понятия не лежат в одной плоскости: в то время как «частное хозяйство» представляет собой эмпирическую реальность, «народное хозяйство» и «мировое хозяйство» являются чисто научным сочетанием разрозненных элементов в фиктивные единства. К этому может быть прибавлено, что категории «народное хозяйство» и «мировое хозяйство» имеют при этом еще совершенно различный смысл и познавательную ценность. Но, прежде всего, сомнения, на которые я обратил внимание по поводу применения понятия «народное хозяйство», как высшей системообразующей идеи экономической науки, остаются и увеличиваются по отношению к двум другим смежным понятиям. Как не имеет содержания понятие «народное хозяйство», хотя оно иногда непозволительным образом наполняется некоторым содержанием (как, например, указание на хозяйственно-связующие отношения лишь ввиду возникающего затруднения, но при этом уже делается заимствование у другого понятия, об употреблении которого теоретики народного хозяйства не отдают себе отчета), также совершенно бессодержательны и понятия «частное хозяйство» и «мировое хозяйство», покуда не будет определено каким-нибудь образом, в какой хозяйственной связи должны быть расположены «частное хозяйство» и «мировое хозяйство».

Следующие, еще подлежащие обсуждению, попытки систематизации хозяйственных явлений избежали ошибки, которую я, главным образом, и подверг порицанию в только что проанализированной схеме. Они стараются определить различные способы хозяйства по содержанию.

2. Систематизация по «состоянию производства»

С давних времен делались попытки распределить в нашем сознании многообразие хозяйственной жизни по типам, классифицируя их по господствовавшим в известные периоды времени или у отдельных народов направлениям в производстве. Можно даже сказать, что это и есть древ-

нейшая форма систематизации, так как мы находим ее применение уже у Аристотеля. В своей «Политике» (I, 3) он излагает следующее: различные виды жизненного строя, при которых исполняется естественная работа, таковы: жизнь кочевников, земледельцев, разбойников, рыболовов и охотников, — им он противопоставляет затем жизнь, направленную на приобретение денежного дохода.

Позднее, в социологической литературе XVIII в., эта классификация становится излюбленной: народы охотников, пастухов и земледельцев представляются как предварительная ступень к «цивилизованным» народам, у которых промышленность и торговля достигают полного развития. Например, в исследованиях А. Смита о военном деле, о воспитании и налоговом деле это подразделение играет большую роль (см., например: Смит А. «Богатство народов». Кн. III. Гл. 1, 3, 4 и кн. V. Гл. 1).

В Германии первым применил эту схему подразделения Фридрих Лист⁴, который расширил ее в следующую пятичленность: 1) ступень дикости; 2) пастушество; 3) земледельческая ступень; 4) земледельческо-промышленная ступень; 5) земледельческо-промышленно-торговая ступень.

Полное развитие получил этот прием классификации у Густава Шенберга в его «Руководстве к политической экономии» (3-е изд. 1890 г. С. 27 и сл.).

Шенберг обозначает отличительный признак, которым он пользуется для классификации как «состояния производства», и различает шесть типов: 1) народ охотников, 2) народ рыболовов, 3) народ пастухов или кочевников, 4) оседлый народ чистых земледельцев, 5) промышленный и торговый народ, 6) индустриальный народ. В основе он характеризует отдельные типы с точки зрения того, «в каком отношении, в какой мере и в какой степени участвовали в создании благ каждый из трех факторов производства — работа, природа и капитал (т. е. материальное средство производства, созданное только людьми)».

В двух первых типах «природа господствует над производством и потреблением. Она одна производит и исключительно средства питания человека. Хозяйственная деятельность человека изолирована. Совместная органическая деятельность, подразделение людей на различные классы по роду занятий, обмен — еще не имеют места». Все имеют одинаковое занятие, исполняют однородную работу (мужская работа, женская работа? — В. З.). Частное имущество состоит из движимости; совместное, общественное имущество состоит из участков для охоты (рыболовства), защищается родом от чужих родов. Но правовой институт собственности отсутствует.

⁴ До Листа схожую схему предлагал один из наиболее видных представителей «русско-немецкого» направления политической экономии — Генрих Штерн. — *Ред.*

У пастушеского или кочевого народа «скотоводство является главной отраслью производства и самым существенным источником пропитания... их главная деятельность уже не такая сугубо оккупаторская, как на первой ступени. Скотовод уже не предоставляет исключительно одной природе производить средства для своего пропитания.

Так как скот в стадах, как средство производства, захваченное человеком или созданное при его содействии, является капиталом, то на этой ступени хозяйства капитал также становится существенным фактором производства и самостоятельным источником дохода...

В стадах заключается теперь также возможность к образованию большего и приносящего доход имущества... Возможность образования имущества ведет также к имущественным различиям. Появляется разница между имущими и неимущими, между богатыми, состоятельными и бедными. Возможность разнообразной продуктивной деятельности отдельных единиц и безопасного экономического использования рабочей силы несвободных создает (!) разделение между работодателями и работниками, — между свободными и несвободными... В этом хозяйстве рабство возможно... а потому... оно часто имеется налицо. Разница в имущественном и в остальном хозяйственном положении и занимаемом месте создает здесь, как и всегда, другие социальные и политические классовые различия... Хозяйственное существование пастушеских народов уже значительно лучше. Главный источник пропитания становится правильнее и обеспеченнее... Но производство еще изолировано, ограничено потребностями хозяйства семьи. Разделение на различные самостоятельные классы по доходу, производство и правильный обмен меновыми благами обычно отсутствуют... Род хозяйства допускает большие объединения людей... Экономическим успехам соответствуют также успехи в праве (институт собственности, наследственное право, правовая защита, уголовное право и т. д.), в социальных отношениях и вообще в духовной жизни».

Состояние оседлого чисто земледельческого народа отличается тем, что люди стали оседлыми, и к скотоводству прибавилось хлебопашество, как главная отрасль производства и главный источник дохода. «С переходом к земледелию совершается важное изменение производства и всего хозяйственного положения людей... В своем собственном пропитании... они не зависят уже, как прежде, только от свободных даров природы, а сами устанавливают род продуктов земли и увеличивают их своей работой... С обработкой земли и длительным пребыванием в общине развиваются новые правовые отношения к земле». Хотя хозяйственные условия этих народов и различны, они все же обнаруживают следующие общие черты: большая и более разнообразная работа людей повышает

удовлетворение материальных потребностей, делает более обеспеченным хозяйственное существование, уменьшает опасность перенаселения. Развитие поднимается, знание расширяется, нравы облагораживаются. Производство народа — по существу есть первобытное производство (производство сырья) с сельским хозяйством (хлебопашество, скотоводство) в качестве его главной отрасли; почти всегда это производство предметов непосредственного потребления в отдельных частных хозяйствах (изолированное производство)...

...Изготовление продуктов обмена и оплачиваемый обмен продуктов встречается лишь в виде исключения, но (!) очень часто к этим хозяйствам принадлежат также несвободные лица, рабочая сила которых, равным образом и имущество, используется господствующим классом в своих интересах...

...В хозяйствах наступает разделение труда по занятиям, производящее население расслаивается на разные классы по занятиям...

...Промышленная работа... первоначально — домашняя и побочная работа, а не самостоятельное профессиональное занятие: ее техника еще очень низка. Но с течением времени она почти повсюду развивается в самостоятельное профессиональное занятие... Появляются, как незначительная часть населения, ремесленники по профессии и ремесленные классы в различных отраслях промышленного труда... Но ремесло, только как исключение, — свободный источник дохода; в больших частных хозяйствах большинство ремесленников несвободны... работают на хозяина и для удовлетворения его хозяйственных потребностей... Свободной торговли, класса торговцев — не существует, и операции обмена, поскольку они вообще встречаются, — операции натурального обмена.

У народа промышленного и торгового существует, рядом с сельским и народным хозяйством и рыболовством, горное дело, промышленный труд в форме ремесла и торговля — самостоятельные профессиональные и доходные отрасли.

Рядом с сельскими округами, занимающимися преимущественно сельским и лесным хозяйством, существуют города как средоточия промысла и торговли. Население разделяется на сельское и городское... В городах тесно друг с другом живет и занимается хозяйством множество людей. Население... уже больше не производит всего, что оно потребляет в виде материальных благ. Состоя, главным образом, из торговцев и ремесленников, оно ограничивает по существу свое материальное производство созданием ремесленных продуктов и привлечением торговых товаров. Между городским и сельским населением развиваются правильные сношения для товарообмена, города становятся рынками... В области материальной производительности характерно, прежде всего, большее раз-

деление труда. Это разделение труда, сопровождаемое дальнейшим разделением в отдельных предприятиях, особенно в ремесленных, ведет к большим техническим успехам. Ремесленные продукты становятся многочисленнее, разнообразнее, лучше и изготавливаются с меньшими затратами. Но по существу продукт остается продуктом труда с простыми орудиями и инструментами. Торговля доставляет продукты других стран. Производство, бывшее до настоящего времени изолированным, становится в большей части общественным производством продуктов обмена, с постоянным сбытом последних. Также новым и характерным является публично-правовой институт особого блага — денег... Народное хозяйство становится денежным хозяйством... С этими деньгами, как с благом, обладающим абсолютной покупательной силой, создается новый имущественный объект, новое средство производства, и так как они могут быть объектом оплачиваемой ссуды, — новый источник дохода. С введением денег появляется ссуда деньгами, заемный кредит в самых различных формах. Доходная работа становится во всех отраслях деятельностью также и лично-свободных людей. Но не всегда она — деятельность только свободных лиц.

...Всюду, вместе с более сложными хозяйственными отношениями, вместе с новыми учащающимися сношениями между ведущими хозяйством людьми, создается более сложное хозяйственное право... С изменившимся отношением производства и обмена складываются также новые имущественные отношения и специальный классовый строй... Работа, личность, личная заслуга и капитал становятся новыми элементами создания специальных классов... Новые имущественные классы, противопоставленные прежним, добиваются в общественной и политической жизни справедливого признания. Смягчаются, часто совсем уничтожаются, отношения личного господства.

Все эти отношения делают народное хозяйство ремесленных и торговых народов новой, самостоятельной и высшей формой хозяйственной жизни. Оно становится в большей степени основой справедливых и гуманных хозяйственных условий; вместе с этим народная жизнь становится культурной жизнью».

«Индустриальный народ достигает самой высокой ступени хозяйственного развития в истории. Это ступень, к которой в текущем столетии пришло большинство европейских народов и Соединенные Штаты Северной Америки». Характерны следующие моменты: «В народно-хозяйственном производстве индустрия, машинное производство, получает все большее применение и положение, господствующее над общим производством и путями сообщения, национальными и международными. Одновременно происходит полное преобразование хозяйственного организ-

ма во всех областях. Разделение труда и техника делают чрезвычайные успехи. Производство и потребление увеличиваются в огромных размерах, распределение, социальный классовый строй становятся в значительной мере иными и лучшими (!), народное хозяйство осуществляет в более высокой степени предпосылки хозяйственности и справедливости, гуманности, нравственности и становится основанием повышенной культурной жизни. Новая хозяйственная ступень – продукт высшего духовного развития народов с начала, так называемого, нового времени. Успехи в науках, в распространении всеобщего обучения, в познании и признании личных прав и нравственных обязанностей людей создали новый государственный строй. Государства становятся конституционными правовыми государствами с устремлением к дальнейшему развитию в культурные государства. Основаниями государственного порядка становятся свобода личности и равенство перед законом... Под влиянием новой экономической науки в области экономики каждый получает свободу деятельности, идущую очень далеко... Благотворный результат этой свободы увеличился еще одновременными большими успехами естественных и технических наук... Эти причины создали новое по существу положение технического процесса производства в области сельского хозяйства, промышленного труда, горного дела, совершенно новое дело транспорта, путей сообщения, страхования и кредита, совершенно иной способ сношений, особенно также мировых сношений. Рядом с увеличением производительности труда, капитал стал гораздо более значительным фактором народного хозяйства. Появилось бесчисленное количество новых видов предприятий, много новых профессиональных классов, и в предприятиях изменились во многих отношениях не только условия конкуренции и рынка, а с ними и вид производства, но и все экономическое и социальное положение многих предпринимателей. Крупное производство становится единственной возможной формой производства для многих предприятий и часто оттесняет мелкое и среднее производство, большие акционерные общества и другие товарищеские предприятия достигают еще неизвестного ранее значения. Становится в значительной степени иным положение многих классов наемных рабочих. Оно имеет много преимуществ, но и влечет за собой большую опасность (!). Одной из наиболее важных задач государства и общества становится защита рабочих от этой опасности, улучшение их положения, чтобы сделать его удовлетворительным, осуществление для них требований справедливости, гуманности и нравственности».

Я изложил более подробно суждения Шенберга, потому что в них содержится лучшее из всего, что было сказано об определении различных

способов ведения хозяйства. Если все же они оказываются неудовлетворительными, то причина следующая: систематике Шенберга, дополненной подробным изображением «современного народного хозяйства», безусловно нельзя сделать упрека в бессодержательности. То, что Шенберг нам дает, это скорее полные жизни картины определенных хозяйственных и культурных условий. Но у него отсутствует как раз то, что наука и должна давать: порядок. Перечисленные Шенбергом существенные черты различных хозяйственных эпох совершенно обособлены и не имеют внутренней связи. Этим отдельным чертам недостает идейного единства для их сочетания в связную картину. Этот недостаток происходит из-за отсутствия системообразующей идеи, потому что так называемое «состояние производства» не есть такая идея.

Читатель, наверное, заметил, что при определении различных типов хозяйства под «состоянием производства» в каждом случае понимается иное. У народов охотничьих, пастушеских, земледельческих автор обозначает как «состояние производства» вполне определенный признак хозяйственной жизни — именно преобладающее *направление* производства, важнейшую отрасль пропитания. Нужно при этом заметить, что критерий различения хотя и ясен, но неправильно выбран. Нельзя рассматривать всю хозяйственную жизнь в ее особом своеобразии лишь как функцию этого признака. Если, как замечает Шенберг, рабство существует у пастушеских народов, как и у народов-хлебопашцев, то преобладающий род занятий не может быть определяющим для всего строения хозяйственной жизни. Но все-таки, как подразделительный критерий для примитивных видов хозяйства, понятие «состояния производства» еще имеет некоторый смысл. Он утрачивается совершенно по отношению к «высшим» типам хозяйственного устройства. Здесь он вообще расширяется в понятие «состояние хозяйственной жизни». Понятия «ремесленный народ», «торговый» или «промышленный народ» теперь определяются не по преобладающему направлению производства, ибо «производство» стало разносторонним, а по совершенно иным признакам: по правовому строю, образованию классов, разделению труда, по технике, распределению, величине предприятий и т. п., короче говоря, по всем существенным признакам, которые наблюдаются нами в «состоянии хозяйства». Но задача состоит как раз в том, чтобы связать эти отдельные черты в духовное единство и найти *для этого* идею. Это-то как раз здесь и упущено. Если «состояние производства» приравнивается к «состоянию хозяйственной жизни», то оно не может служить для систематизации этого «состояния хозяйственной жизни». Попытка Шенберга, которая, как мы видим, завершает старания многих видных исследователей хозяйства, должна быть признана неудавшейся.

3. Систематизация по «длине пути сбыта»

Карл Бюхер на основании значительного ряда предшествовавших работ создал систематику хозяйственной жизни, которая и в настоящее время пользуется в широких кругах, особенно среди историков, большим авторитетом и рассматривается как окончательное разрешение проблемы. Бюхер облегчил изложение (и критику) своего учения, предпослав своим рассуждениям недвусмысленный критерий, по которому должны различаться отдельные виды хозяйственной организации. В «Происхождении народного хозяйства» (1-е изд., 1893 г. С. 14) он пишет: «Если мы хотим постичь все это развитие с одной какой-нибудь точки зрения, — как и многие другие систематики хозяйственной жизни, Бюхер полагает, что, располагая различные типы в последовательности времени, он тем самым дает изображение исторического течения хозяйства человечества, — это может быть только точка зрения, вводящая нас в круг основных явлений народного хозяйства и в то же время вскрывающая организующий момент предыдущего хозяйственного строя». А это значит выявить отношение, в каком производство благ находится к их потреблению, или, точнее: длину пути, проходимого продуктами от производителя к потребителю. С этой точки зрения мы можем все хозяйственное развитие, по крайней мере у народов Центральной и Западной Европы, разделить на три периода.

1. Период замкнутого домашнего хозяйства (чистое производство для собственного потребления), при котором блага потребляются в том же хозяйстве, в котором они созданы.

2. Период городского хозяйства (производство на заказчика или период непосредственного обмена), при котором блага переходят непосредственно из хозяйства производящего в хозяйство потребляющее.

3. Период народного хозяйства (товарное производство, период обращения благ), при котором блага должны обычно пройти через ряд хозяйств раньше, чем они дошли до потребления.

Но и бюхеровская систематика слаба, хотя на первый взгляд и кажется основательной.

Если даже принять, что излюбленное Бюхером различие правильно, все же следует заметить, что этот признак длины пути сбыта совершенно не в состоянии характеризовать в целом состояние хозяйственной жизни. Он совершенно не вводит нас «в круг основных явлений народного хозяйства», а относится к сравнительно второстепенным обстоятельствам.

При всем том теория Бюхера *ложна*, т. е. находится в противоречии с действительностью: длина пути сбыта вовсе не различна в различаемых исторических строях хозяйства, так что, очевидно, она не может служить отличительным признаком. Уже ранее я писал об этом следующее:

«Мое возражение станет всего яснее, если я приведу несколько примеров: сукно средневекового городского суконщика, которое он продавал на рынках и ярмарках (или, как я еще прибавлю — торговцам), продукты мелкой железодельной промышленности, серебро из рудников в Средние века, — все они проходили путь из производящего хозяйства в потребляющее не длиннее и не короче того пути, который те же продукты проходят в наше время от фабрики к портному или слесарю, или ювелиру, а все же явления тогдашние и теперешние принадлежат совершенно различным мирам. Путь сюртука, сапог и т. д. из современного капиталистического магазина в хозяйство потребителя ничуть не длиннее их пути в Средние века. Настоящим и чистым производством на заказ является Крупп и подобные ему предприятия, поставляющие на государство или коммуну; каждый современный паровозо- или вагоностроительный завод исполняют чистейшую «работу на заказ». Подобные явления не единичны в наше время; как Бюхер сам прекрасно знает, они представляют сильные тенденции развития. Разве наблюдаемое в разных областях исключение промежуточных звеньев, приближение потребителя к производителю, возвращает нас к организации средневекового городского хозяйства? Или «производство на заказ» разве не может относиться к совершенно разнородным периодам хозяйства? Хлеб, чтобы дойти до хозяйства потребителя, проходит путь совершенно одинаковой длины от пекаря-ремесленника из капиталистической хлебной фабрики, из пекарни потребительского общества и из военной пекарни: должны ли поэтому эти в корне различные хозяйственные организации рассматриваться как однородные? Но по схеме Бюхера не удастся и построение современного менового хозяйства. Если бы мы вообразили социалистически организованное общество, в котором оставлена современная специализация труда, то для многих продуктов путь от производящего хозяйства к потребляющему был бы так же длинен, как и теперь: неужели же я не должен различать эти в корне различные строи только потому, что путь, проходимый продуктом до потребителя, — одинаков? На что Бюхер не мог бы даже возразить: в настоящее время продукт производится, как товар, в социалистическом обществе — нет. Потому что этим возражением он подтвердил бы только правильность нашей критики, так как, подчеркивая товарный характер производства, мы пользуемся совершенно иным критерием различения, чем объявленная Бюхером длина пути. Где бы ни коснуться бюхеровской теории — она не выдерживает критики».

По последнему затронутому пункту я хотел бы заметить еще следующее: в конце своего знаменитого доклада Бюхер действительно верно описывает различные хозяйственные системы и часто удачно выявляет их отличительные признаки. Но он, очевидно, совершенно не созна-

ет, что тем самым (как мы это наблюдали и у *Шенберга*) он отказывается от своего положения, по которому критерием для создания системы должна быть длина пути сбыта. Ни одна из особенностей, которые он замечает в различных хозяйственных системах, — ни организация труда, ни функция денег, капитала, ни образование дохода и имущества, ни профессиональное деление, положение торговли, значение кредита и т. д., — ни одна из этих особенностей ничего общего не имеет с «длиной пути». Итак, мы спрашиваем далее: если она не является критерием различения, что же является им? Мы ведь все время ищем идею, дающую нам возможность связно охватить отдельные явления хозяйственной жизни. Бюхер не дает нам этой идеи: с одной стороны, он дает нам непригодный отличительный признак, а с другой — перечисляет отдельные признаки без внутренней связи. Систематика Бюхера еще менее пригодна, чем шенберговская.

В добавление упомяну еще об одной попытке систематизировать хозяйственную жизнь. Несмотря на то, что она представляет собой заблуждение, она еще и теперь пользуется успехом среди историков. Я имею в виду деление *Бруно Гильдебранда* на хозяйство натуральное, денежное и кредитное. Против этого трехчленного деления можно возразить то же, что против бюхеровской теории: будь она даже правильной, все же она выделяет только поверхностные явления, а не основные особенности различных хозяйственных систем. Но, сверх того, она еще и неверна. Выделять следует вовсе не противоположности — натуральное и денежное хозяйство, а самодовлеющее и меновое хозяйство. А денежное и кредитное хозяйство в свою очередь совсем не могут быть противопоставлены, как уже часто указывалось другими. «Трехчленное деление — пишет, например, *Густав Кон* в своих «Основах» (§ 337), — не выдерживает критики уже потому, что оно упускает существенную функцию денег... именно функцию мерила ценности: эта функция не меняется от того, предоставляется ли при обороте кредит, или нет; действительная противоположность, которая намечается здесь, была бы: «наличное хозяйство» и «кредитное хозяйство», в то время как в обоих случаях имеет место «денежное хозяйство». Неверно даже, что «кредитный оборот», как утверждается на основании того трехчленного деления, вместе с высшим развитием хозяйства все больше распространяется и оттесняет наличный оборот: напротив, передовое хозяйство все больше освобождает кредит от обмена и превращает предоставление кредита в особую сделку, которая дает покупателю возможность покупать за наличные. Скромное знакомство с современными деловыми сношениями в Англии, Америке и т. п. подтверждает это».

II. ИДЕЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Идея, которая могла бы связать хозяйственные явления в систему, должна непосредственно исходить из идеи самого хозяйства. Она должна заключать в себе все черты, существенные для хозяйства, и должна связывать эти отдельные черты в единое целое. Но отнюдь не в их абстрактной логической форме, а в их конкретной исторической определенности.

Эти требования удовлетворяются идеей хозяйственной системы.

Я разумею под хозяйственной системой вид хозяйствования, представляющегося по смыслу единством, в составе которого каждая из основных частей хозяйства обнаруживает определенное устройство.

Мы помним, какие основные части входят в состав понятия хозяйства:

1. Дух (Geist). 2. Форма. 3. Техника.

Согласно с этим, мы можем определить понятие системы хозяйства точнее: это вид хозяйствования, понимаемого нами как духовное единство — 1) подчиненное определенному смыслу, 2) имеющее определенный строй и организацию и 3) применяющее определенную технику. Это понятие хозяйственной системы действительно удовлетворяет всем требованиям, которые мы должны предъявлять высшей системообразующей идее. Оно достаточно емко, чтобы включить в себя все стороны хозяйственной жизни, и потому выполняет более плодотворную работу, чем отдельные признаки, которые в прежних попытках систематизации должны были играть роль системообразующей идеи, но, естественно, могли характеризовать лишь отдельные стороны хозяйственной жизни. С другой стороны, оно достаточно определено, чтобы удержать историческую конкретность хозяйственной жизни, и в своей системообразующей силе обнаруживает преимущества перед чисто формальными идеями, как идея народного хозяйства. Оно, наконец, достаточно обще, чтобы его можно было приложить ко всем мыслимым видам хозяйственного устройства, от самого примитивного до самого высокоразвитого.

Теоретически существует столько же хозяйственных систем, сколько мыслимых возможностей устройства хозяйственной жизни. Но эти возможности не беспредельны. Их границы определяются, с одной стороны, фактической невозможностью осуществить каждую из основных частей, из которых складывается хозяйство, с другой стороны — они ограничены тем, что все эти возможности осуществления не поддаются осмысленному сочетанию.

Ниже я даю обзор всех мыслимых возможностей осмысленного устройства хозяйства и надеюсь, что эта таблица замыкает круг этих возможностей. В ближайшем отделе мы сможем установить, что, во всяком случае,

исторически существовавшие виды хозяйства представляются соединением отдельных возможных видов устройства, отмеченных в нашей таблице. Но и хозяйственные устройства будущего, поскольку они приблизительно соответствуют мечтам социалистов, коммунистов или анархистов, не имеют других возможностей осуществления, чем те, которые с внутренней необходимостью получаются от применения определенных основоположений, содержащихся в таблице. Здесь действует закономерность, присущая всем духовным отношениям человека. То, что мы назвали *духом* хозяйства или *хозяйственным воззрением*, исчерпывается следующими возможностями проявления. У людей может прежде всего быть два, в основе различных, отношения к цели хозяйственной жизни: они могут поставить себе целью или создание предметов потребления для себя или других, т. е. удовлетворение известной потребности, или могут усматривать свою задачу в том, чтобы заработать возможно больше денег, стремиться к «прибыли». В первом случае они руководствуются, как я называю, принципом удовлетворения потребности; во втором — принципом доходности или прибыли.

Уже Аристотель понял, что хозяйство человека колеблется между этими противоположностями.

Аристотель, как мы уже видели выше, приводит перечень образа жизни людей в различных положениях, при которых производится естественная работа и средства существования не приобретаются в обмен или покупкой. Это — образ жизни кочевников, хлебопашцев, разбойников, рыбаков и охотников. В другом месте (Политика, I, 6) он говорит, что в дальнейшем ходе истории развивается «естественный» обмен между отдельными хозяйствами, который покоится на уступке излишков и ничего не меняет в «естественном» хозяйстве. Но с этим «соседским обменом» появляются деньги, и они становятся стимулом к перемене способа хозяйствования, поскольку он определяется деньгами, и к постановке другой цели: руководствоваться вместо принципа удовлетворения потребностей — принципом доходности. Об этом он говорит следующее: «С тех пор, как вследствие потребности в обмене были созданы деньги, появился новый способ доходности — занятие крупной или мелкой торговлей. Эта торговля первоначально была очень примитивной (т. е. еще руководствовалась принципом удовлетворения потребностей, как я доказал для европейского Средневековья. — В. З.), но затем техника ее так усовершенствовалась, что стало возможным принимать во внимание спрос и предложение и получать таким образом возможно большую прибыль». Абсурдно называть богатством обладание большими деньгами, ибо оно, как тому учит пример Мидаса, никого не может спасти от голода. Поэтому следует отличать естественное образование богатства и доход: «*Est enim alia acquirenda ratio et divitiae secundum naturam*».

Эта глубокая мысль Аристотеля устанавливает решающее отличие между обоими хозяйственными принципами: соответственно одному из них стремление направлено к точно ограниченной цели — к человеческому благосостоянию, соответственно другому — оно теряется в бесконечности. «*Omnes... in infinitum augent, qui pecuniis student*». Но подобное стремление к бесконечному — безумно и предосудительно: «*Ad finem... cuncta oportet tendere*».

Странным образом этот глубокий взгляд Аристотеля на основную разницу между принципом удовлетворения потребностей и принципом доходности остался незамеченным в течение всех веков. Если бы он был, по крайней мере, известен, как мудрая мысль Аристотеля, то противодействие моим усилиям вновь добиться признания этой антитезы было бы менее упорным. Надо надеяться, что с настоящего времени этот взгляд станет прочной частью науки о хозяйственной жизни.

Другой пункт, относительно которого хозяйственное воззрение может сложиться по-разному, это образ действия при *выборе средств*. Само собой разумеется, что при начертании этой схемы не может быть речи о том, чтобы подробно перечислить все средства, так как число средств, которыми люди пользуются для достижения своих хозяйственных целей, — бесконечно. Важнее указать различные возможности в выборе средств. Их опять-таки два: традиционное и рациональное. Традиционно человек ведет хозяйство, если он пользуется унаследованными средствами хозяйствования лишь потому, что они им унаследованы. Это был обычный (исторический) способ, т. е. наиболее долгое время применявшийся хозяйствовавшим человеком: крестьянин впрягает своих волов, как он этому выучился у своего отца; ломовой извозчик ездит на двухколесной телеге потому, что он только ее и знает; ремесленник шьет сапоги так, как этому его обучил мастер; мелочной торговец устраивает свою лавку на том же месте, где она находилась в течение поколений, и предлагает те же предметы и тем же способом, как это делалось его предшественниками. Напротив того, рационально ведет хозяйство тот, кто взвешивает каждое средство, соображаясь с высшей целесообразностью, если он относится к унаследованным средствам критически и отвергает их, поскольку они, по его разумению, не соответствуют требованиям целесообразности.

Ясно, что указанное здесь отличие, которое резко отделяет прежнее хозяйство от «современного» — это только отличие субъективное. Противоположность между хозяйством традиционным и рациональным не предопределяет степени достижения объективной рациональности, для которой требуется масштаб, лежащий вне пределов индивидуального решения того, кто ведет хозяйство, и чуждый субъективно намеченной цели.

Наконец, основные различия в хозяйственном воззрении происходят в зависимости *от отношения* отдельных лиц, участвующих в хозяйственной жизни, между собой. И здесь опять-таки это может быть выражено в двух видах — индивидуалистично или солидарно (употребляя это не совсем удачное выражение). Индивидуалистично или эгоистично отношение отдельных лиц друг к другу, если ими руководит исключительно собственный интерес, если они полагаются исключительно на собственную силу и знают только чувство личной ответственности. В этом случае хозяйственная деятельность покоится только на приложении собственных сил. Здесь возможно и религиозное основание. Тогда оно сопровождается поговоркой — на Бога надейся, а сам не плошай. Но индивидуалистически настроенный человек ни в коем случае не «помогает» другому, «во имя Божие он не делает того, что полезно другому». Но зато он и не рассчитывает на помощь других. Каждое хозяйственное действие покоится на принципе *do ut des*: сделанному одной стороной должно соответствовать сделанное другой.

Индивидуалистическому признаку противоположен принцип солидарности. Примыкая к нему, хозяйствующий человек чувствует себя не обособленным, а членом большой общины. Его деятельность определяется не только его личным интересом, но вместе с тем принимаются во внимание интересы остальных лиц и группы, к которой он принадлежит. Он чувствует себя ответственным также за других, и в соответствующем случае он ожидает для себя и заступничества других. Сознание солидарности может строиться на сознании долга и любви. В последнем случае мы говорим о принципе милосердия.

Основания, которые принимаются во внимание при определении *формы*, т. е. *регуливании* и *организации* хозяйства — следующие: хозяйственная жизнь может быть или связанной, или свободной. Это значит, что хозяйственное поведение людей может быть либо подчинено сверхиндивидуальным нормам, либо нормироваться общепризнанной личной или групповой властью. В первом случае мы говорим о хозяйственной нормативности, во втором — о хозяйственном натурализме. Само собой разумеется, что без какого-либо регулирования невозможна никакая хозяйственная жизнь. Но это регулирование может связать деятельность каждого в каждом случае законными или нравственными предписаниями, или же оно может запрещать только известные деяния, причем не запрещенное рассматривается как дозволенное.

В этом случае строй хозяйственной жизни будет или частнохозяйственный, или (в любой форме) — общественно-хозяйственный. Это значит: инициатива хозяйствования, «центр тяжести» хозяйственной жизни находится или в отдельных хозяйствах, — и тогда мы называем их руководите-

лей хозяйствующими субъектами, — или в каких-нибудь коллективах (род, город, государство). Частнохозяйственный или общественно-хозяйственный строй (и организация) простирается или только на производство, или только на потребление, или же на обе сферы хозяйственной жизни.

Противоположность между хозяйством частным и хозяйством общественным не покрывается ранее указанным отличием между свободным и связанным хозяйством. Правда, общественное хозяйство будет всегда связанным, но частное хозяйство может равно входить в состав как свободного, так и связанного хозяйственного строя (последний случай, например, подходит к средневековому городскому хозяйству).

Значительная разница получается в хозяйственном устройстве в зависимости от того, носит ли на себе (устроенная как частнохозяйственная) хозяйственная жизнь печать аристократизма или демократизма. Аристократически организованным является хозяйство в том случае, когда в массе хозяйствующих людей хозяйствующие субъекты составляют меньшинство, большинство же состоит из хозяйственных объектов, т. е. из лиц, которые вынуждены подчиняться постановлениям немногих хозяйствующих субъектов, когда во главе отдельных хозяйственных союзов стоят лица, облеченные властью. Напротив, хозяйственное устройство демократично, если большинство (или все) лиц, участвующих в хозяйстве, состоит из хозяйствующих субъектов. Предпосылкой демократического хозяйственного устройства будет всегда децентрализация владения, для того, чтобы хозяйствующие субъекты могли распоряжаться необходимыми орудиями производства. Аристократическое хозяйственное устройство обладает различными возможностями. При нем обладание средствами производства может находиться в руках хозяйствующих субъектов или хозяйственных объектов (последнее имеет место в средневековом барщинном хозяйстве). Связь между хозяйствующими субъектами и хозяйственными объектами при аристократическом хозяйственном устройстве также устанавливается различным путем: путем подчинения или на основании свободного соглашения (по договору).

Различие между аристократическим и демократическим хозяйственным устройством соприкасается, но не покрывается разницей между крупным и мелким производством, с которой нам еще предстоит познакомиться: барщинное устройство или организация домашнего производства — типы аристократического хозяйства на основе мелкого производства; кооперативное хозяйство — это демократическая форма хозяйства при крупнопредпринимательской организации.

Хозяйственная жизнь большого числа хозяйствующих людей может быть замкнутой или свободной. Этим я хочу указать на разницу между хозяйственным устройством, при котором каждое из хозяйств выполня-

ет все наличные виды труда, и таким, при котором разные виды хозяйственной деятельности осуществляются в разных хозяйствах, следовательно, на разницу между хозяйством не профессиональным и таким, в котором существуют определенные профессии. Можно также сказать, что в последнем господствует профессиональная специализация, или профессиональная дифференциация; в первом же ее нет.

Эта разница между замкнутым и свободным хозяйством опять-таки соприкасается с другой, не вполне ей соответствуя: именно, с разницей между хозяйством для удовлетворения потребностей и меновым хозяйством. Выше мы познакомились с принципом удовлетворения потребностей, как с возможным видом хозяйственных воззрений, и противопоставили ему принцип доходности. Здесь он появляется как принцип объективного регулирования и организации хозяйственной жизни, и ему противопоставляется принцип обмена. Это значит, что здесь этот принцип отличает хозяйственное устройство, при котором производство продуктов является в действительности производством продуктов потребления, потому ли, что целое производственное хозяйство есть одновременное и целое потребительное хозяйство, как в различных видах самодовлеющего хозяйства в собственном смысле слова, или потому, что больший производственный союз заготавливает продукты потребления для некоторого числа потребительских союзов, как это имело бы место в воображаемом социалистическом хозяйстве, или же, в настоящее время, в организованном кооперативном хозяйственном устройстве.

В противоположность этому мы обозначаем словами «меновое хозяйство» такое хозяйственное устройство, при котором блага создаются с самого начала для обмена на другие блага, следовательно, не как продукты потребления, а как продукты обмена (товары). При этом, однако, принцип удовлетворения потребностей может господствовать и в меновом хозяйстве, являясь выражением определенного хозяйственного воззрения. Этот случай мы можем наблюдать при рассмотрении ремесленного хозяйства.

Я говорил, что эти две противоположные группы: 1) замкнутое свободное хозяйственное устройство и 2) хозяйство для удовлетворения собственных потребностей – хозяйство меновое, – соприкасаются, не покрываясь. Очевидно, что профессиональная специализация является необходимой предпосылкой менового хозяйства; напротив того, хозяйство для удовлетворения потребностей может быть профессионально специализировавшимся, но это для него не составляет необходимости. Оно является, например, таким в форме расширенного самодовлеющего хозяйства (средневековое барщинное хозяйство) или в форме социалистического хозяйства; но уже иное в качестве первоначального самодовлеющего хозяйства.

В таком же отношении находится рассматриваемая нами здесь противоположенность в применении к упомянутому выше различию между натуральным и денежным хозяйством. Замкнутое самодовлеющее хозяйство будет всегда натуральным хозяйством. Свободное же хозяйство для удовлетворения собственных потребностей, как и меновое хозяйство, может быть или натуральным хозяйством, или денежным. Уже Аристотель знал, что меновое хозяйство возможно и без денег; современные теоретики социализма утверждают, что таково социалистическое хозяйство.

Наконец, форма хозяйственной жизни существенно определяется организацией производства.

Так как я буду подробно говорить об этом ниже, то здесь достаточно заметить, что предприятия могут строиться различным образом в самой основе, в зависимости от того, получают ли они форму *единичных* предприятий (также и расширенные единичные предприятия) или форму *предприятий-товариществ*. (Форма хозяйственной жизни обуславливается в большей части хозяйственным строем. Поэтому мы встретим много точек соприкосновения в описанных выше явлениях с принципами проведения *политико*-экономических систем, о которых будет речь в третьей главе.)

Я полагаю, что таким образом замкнут круг возможностей, которые встречаются в хозяйственном устройстве (регулирование, организация). Я сознательно сосредоточил свое внимание только на форме производства и потребления и оставил в стороне различные возможности распределения (распределение натурально-нормативное, распределение по заслугам, по потребностям; установленные полочки по долям). И именно потому, что способ распределения или совсем не имеет значения для осуществления хозяйственной системы, или с необходимостью вытекает из приложения известного хозяйственного принципа в связи с известной формой управления.

Остается исследовать, какие возможности осуществления обнаруживает материал хозяйственной жизни, приемы, применяемые при изготовлении и перемещении благ, одним словом — *технику* (экономическую).

Здесь, как и при систематизации хозяйственных принципов, оказываются три ряда противоположенностей: техника обоснована эмпирически или научно, в своем движении она стационарна или революционна и в проведении своем она органична или неорганична.

Техника покоится на опыте или на научном познании. На опыте зиждется эмпирическая техника, т. е. на личном опыте, который передается от мастера к мастеру, из рода в род путем столь же личного знания. С благодарностью принимается то, что природа несет трудящемуся человеку в своих непознанных силах. Эмпирической технике чуждо стремление проникнуть в тайны природы. Известно, какие приемы применить

для прядения шерсти, для возведения мостов, для плавки железной руды — этим удовлетворяются. Считается особо счастливым даром небес, если случай укажет кому-нибудь прием, ведущий к цели скорее и совершеннее. Его принимают, берегут и передают потомкам, как получают в наследство клад, который дарится при жизни. Поэтому обучение может быть лишь обучением правилам: указание приемов, которые должны быть применены для достижения известного технического результата. При научном приеме место скромно горделивого «я умею» занимает дерзко вызывающее «я знаю». Я знаю, почему не гниют бревна моста, если находятся в воде; я знаю, почему вода следует за поршнем насоса, я знаю, почему плавится железо от струи воздуха, я знаю, я знаю, я знаю; это девиз научного приема. При нем уже ничто не делается потому, что мастер обладает личным умением, а потому, что каждый занимающийся этим делом знает законы, лежащие в основе технического процесса, и правильное следование им обеспечивает успех каждому. Если при эмпирическом способе работают по правилам, то при научном — по законам. Таким образом, техника становится в зависимости от теоретических естественных наук, успехи которых определяют пределы их собственных возможностей.

В близкой связи с противоположенностью между эмпирическими и научными приемами, благодаря частичной (но не простой) зависимости от них, находятся два следующих различия в основном виде техники.

Техника *стационарна*, если применяемые в ней приемы изменяются только через длинные промежутки времени — самое большее, в период одного поколения, — но и то лишь в редких случаях затрагивая ее основы. Она *революционна*, когда, наоборот, правилом является частое изменение приемов и притом в самых ее основах.

Техника действует *органически*, если она использует в своих целях живые организмы (растения, животных, людей) и органические процессы роста в природе; если она применяет в качестве материала продукты из мира растений и мира животных и берет, в качестве сил, животное и человека. К органической природе мы причисляем также и силы, доставляемые нам ветром и водой; когда, следовательно, процесс производства (и транспорта) протекает в области органической жизни. Понятие органического включает в себе две противоположенности: механического (сделанного, искусственного, разумного) и анорганического (мертвого, неживого). Таким образом, *неорганическая* техника покоится или на *механическом приеме*, или на приеме *анорганическом*. Механическим является прием, поскольку производство (и транспорт) осуществляется не животными или людьми, а механизмами или химическими веществами, которыми человек только управляет, когда процесс производства автоматизирован. Прием *анорганичен*, когда мир благ строится из богатств мертвой

природы, т. е. когда применяются анорганические материалы (руда, уголь, камни, газы, химические вещества) и используются анорганические силы (напряжение пара, электричество).

То, что еще может быть сказано о природе и значении техники, не относится сюда, так как мы имеем в виду только систематизацию хозяйственной жизни. Достаточно указать, что намеченные здесь отличия, исчерпывающие типы техники, коснулись противоположенностей, которые решающим образом влияют на устройство хозяйственной жизни.

Мы познакомимся с этим подробнее при рассмотрении отдельных экономических систем. В заключение я привожу здесь для наглядности схемы различных возможностей устройства хозяйственной жизни.

А. Дух (хозяйственное воззрение)

- I. Принцип удовлетворения потребностей — принцип доходности.
- II. Традиционализм — рационализм.
- III. Солидарность — индивидуализм.

Б. Форма (регулирование и организация)

- I. Связанность — свобода.
- II. Частные хозяйства — общественное хозяйство.
- III. Демократия — аристократия.
- IV. Замкнутость — открытость.
- V. Хозяйство для покрытия потребностей — меновое хозяйство.
- VI. Индивидуальные предприятия — общественные предприятия.

В. Техника (приемы)

- I. Эмпирическая — научная.
- II. Стационарная — революционная.
- III. Органическая — неорганическая (механическая, анорганическая).

III. ОТДЕЛЬНЫЕ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ

Предлагая в дальнейшем обзоре продуманные сочетания различных возможностей хозяйственного устройства, я не имею при этом в виду глубокого систематизирования хозяйственной жизни: напротив, моя задача состоит лишь в том, чтобы выявить основные признаки, по которым мы узнаем единство известных хозяйственных систем. Я определяю главным обра-

зом хозяйственные системы историческим значением и попутно обращая внимание на известные «социалистические» хозяйственные системы, представляющиеся нашему воображению в виде возможностей. Подробное изложение предлагаемого в следующем наброске читатель найдет в моих больших работах, особенно в «Современном капитализме».

Я разделяю этот отдел на три подотдела и дам в первом суммарный обзор некапиталистических хозяйственных систем, во втором — представлю несколько точнее капиталистическую хозяйственную систему и в третьем — раскрою связь между хозяйственными системами и историей.

1. Некапиталистические хозяйственные системы

Общими для всех некапиталистических хозяйственных систем являются две составные части: принцип удовлетворения потребностей в области хозяйственных воззрений и связанность в области регулирования. Во всех других пунктах они обнаруживают в отдельности и в группах отличия, ведущие в результате к пестрому разнообразию в их устройстве.

Мы можем различать хозяйственные системы докапиталистические и послекапиталистические; докапиталистические представляют собой или хозяйства самодовлеющие, или меновые хозяйства; хозяйства самодовлеющие покоятся на основании демократическом или аристократическом. Из демократических хозяйств мы рассмотрим точнее два типа: хозяйство первобытных родовых союзов и хозяйство деревенской общины; также два типа аристократического самодовлеющего хозяйства и затем докапиталистическое хозяйство: ремесло.

а) *Ранние самодовлеющие хозяйства.* Мы можем мысленно воссоздать хозяйство первобытных родовых союзов лишь по неполным остаткам его у диких народов. Мы должны предполагать, что при кочевом образе жизни и преимущественно захватническом хозяйстве оно имело сильно выраженные черты коммунизма. Во всяком случае, главные «средства производства» составляли общее достояние, и потребление тоже было в основе коммунистическим. Разделение труда происходит, в лучшем случае, лишь между мужчинами и женщинами. Все члены — равноправны. В хозяйственном воззрении господствуют, кроме принципа удовлетворения потребностей, традиционность и солидарность. Техника — эмпирична, стационарна, органична.

Больше мы знаем о хозяйстве деревенской общины. Это — хозяйство ставших оседлыми хлебопашцев, которые земли, находившиеся первоначально в общественном владении, разделили между отдельными крестьянскими семьями. Основная идея, на которой построено это хозяйство — это идея пропитания: размеры отдельного крестьянского хозяйства

таковы, чтобы «пропитать своих людей», т. е. чтобы крестьянская семья могла использовать свою рабочую силу и заработать на свое содержание. Каждая семья получает в свое исключительное пользование земельный участок, соответствующий этим требованиям.

Нередко, после раздела отдельным семьям, исключаемая из него часть общей полевой площади остается как совокупное владение всей общины: общинная земля. Эта часть деревенского поля служит тогда основанием для общего хозяйства, чаще всего в виде пастбища для скота. Но и хозяйство на каждом наделе, перешедшем в частное владение, хотя и ведется отдельным крестьянином, руководствуется общим планом, устанавливаемым деревенскими старостами, причем доход идет отдельному крестьянину и потребление происходит в отдельном домохозяйстве. Таким образом, деревенское хозяйство представляет собой сочетание частного и общественного хозяйства. Как целое, деревенское общинное хозяйство в хозяйственном отношении автономно, т. е. удовлетворяет все свои потребности в своих собственных пределах. Этим обуславливается состав добываемых продуктов: это обычные средства питания, материалы для прядения, дерево, глина. Ремесленное производство также обеспечивается каждым крестьянским хозяйством. Постройка дома, приготовление одежды, инструментов, оружия и украшений, приготовление пищи — все это отрасли крестьянского самодовлеющего хозяйства. Поскольку крестьянин нуждается в железных орудиях, он и их изготовляет сам из железной руды. Где необходимо более сложное устройство, заботу о нем несет община. Так что в основе профессиональная специализация еще не существует. Изредка имеются лишь отдельные специальные работники — как кузнец, но и они включены в самодовлеющую общину, поскольку выполняют свои функции, подобно общественным чиновникам, за вознаграждение материальными благами.

Хозяйство определяется принципом удовлетворения потребностей, традиционализмом, солидарностью; техника, как и у первого типа, — эмпирическая, стационарная, органическая.

Аристократически организованные самодовлеющие хозяйства создаются тогда, когда один хозяйственный субъект обладает достаточной властью и богатством, чтобы привести в зависимость от себя большое число производительных работников и может их заставить работать на господское домохозяйство. Таким путем в самодовлеющий хозяйственный союз вступают чужие, почему в таком случае и можно говорить о расширенном самодовлеющем хозяйстве. Предпосылкой расширенного самодовлеющего хозяйства являются некоторые принудительные отношения, в каких находятся работники по отношению к господину. В расширенном самодовлеющем хозяйстве становится возможным разделение труда в широком размахе. Если взять расширенное хозяйство, как бы оно ни было обширно как

хозяйственное целое, оно представляет собой частнохозяйственную организацию. В отношении организации производства в целом или в своих частях, оно представляет собой общественный тип производства.

Два исторических типа самодовлеющего аристократического хозяйства — это ойкосное хозяйство древних греков и римлян и барщинно-помещичье хозяйство европейского Средневековья, о которых уместно привести здесь некоторые подробности.

Родбертус, которому мы обязаны изучением своеобразного хозяйственного устройства классических народов древности, назвал большие частные хозяйства ойкосными, потому что ойкос означает дом — единство хозяйственного устройства; ойкос — это не только жилище, но и сообща хозяйствующая группа людей, и обозначает приблизительно то же, что и римская *familia*; совокупность *famuli*, домашних рабов, челяди.

Ойкосное хозяйство получило свое завершение в императорском Риме. Оно зиждется на владении обширными землями и большим числе рабов.

Эти массы рабов организуются в широком масштабе для приготовления сырых материалов, изготовления ремесленных предметов и для личных услуг, которые все используются внутри потребительского господского хозяйства, составляющего замкнутое единство. «*Omnia domi Pascuntur*» — говорит богатый выскочка Петроний своим гостям.

Бюхер следующим образом описывает римскую виллу (как называются ойкосные хозяйства в Италии): «Это прежде всего *familia rustica*, которая служит целям производства: в каждом имении управляющий и его помощник со штабом надсмотрщиков и мастеров, которые повелевают большой толпой работников на полях и в виноградниках, пастухов и подпасков, кухонной и домовый дворни, прядильщиками, ткачами и ткачихами, валяльщицами, кузнецами, плотниками, столярами, металлистами, работниками для второстепенных сельскохозяйственных производств. В больших имениях каждая рабочая группа разбивается в свою очередь на отделения по 10 человек (*decuriae*), подчиненные старшему (*decurio*). *Familia urbana* может быть разделена на надзирающий персонал, на персонал, несущий внутреннюю и внешнюю службу при господине и госпоже. Из них, прежде всего, управляющий имуществом с кассирами, бухгалтерами, управляющими сданными в аренду домами, закупщиками и т. п. Для услуг внутри дома имеются управляющий, привратник, комнатная и гостинная стража, хранители мебели, серебра, гардероба; продовольствие находится на попечении дворецкого, хранителя погреба, смотрителя кладовой; на кухне теснится толпа поваров, истопников, пекарей, булочников, пирожников; особая прислуга для накрывания стола, для пробы и нарезания блюд; виночерпии прислуживают за столом, за которым гости развлекаются целой толпой красивых мальчиков, танцовщиц, карликов, шутов.

Для личных услуг господина предназначены: церемониймейстер, докладывающий о гостях, различные камердинеры, банщики, рабы для умащивания, обтирания, лейб-хирурги, врачи почти для каждого члена тела, брадобрее, чтецы, личные секретари и т. п. Для домашних нужд содержатся ученый или философ, архитекторы, живописцы, скульпторы, музыкальная капелла; в библиотеке заняты переписчики, гладильщики пергамента, с помощью которых библиотекарь изготавливает книги собственного домашнего издания. Знатный дом не должен быть лишен даже несвободных журналистов и стенографов. Если господин появляется в публичном месте, толпа рабов предшествует ему и следует за ним... Если господин отправляется в качестве наместника в провинцию или пребывает в одном из своих имений, то ежедневные сношения с городом поддерживаются несвободными курьерами и почтальонами. Что же сказать о придворном штате рабов госпожи, о котором Беттигер написал специальную книгу («Сабина»), о громадном персонале, специально для ухода и воспитания детей. Здесь происходило невероятное расточение человеческих сил. Но в результате этот организм многорукого замкнутого домашнего хозяйства, созданный мощной системой наказаний и воспитания, умножал личную силу рабовладельца в тысячу крат, и это обстоятельство существенно содействовало тому, что стало возможным владычество горсти аристократов над половиной мира».

Тип, всего лучше представленный средневековым барщинным помещичьим хозяйством, который, как я сказал, также является самодовлеющим аристократическим хозяйством, отличается от античного ойкосного хозяйства тем, что рабочие силы находятся здесь не в чисто рабской зависимости, а в зависимости земельной; далее тем, что производство не сосредоточивается исключительно в господском хозяйстве, а частью протекает в хозяйствах барщинного и оброчного крестьянина. Основание барщинного хозяйства также составляет крупное землевладение, находящееся в одних руках, и объединение в имении господина большого числа лиц (все равно духовных или светских), желавших образовать большое единое потребительское хозяйство.

В подробностях экономическая структура барщинного хозяйства рисуется следующим образом: сельскохозяйственное производство протекает большей частью в отдельных крестьянских хозяйствах. Право собственности господина на землю в большинстве случаев ни в чем не меняло вида хозяйства: экономически оно проявлялось исключительно только в обязанности крестьянина отдавать владельцу земли часть своей продукции, а забота последнего состояла, прежде всего, в том, чтобы собрать этот оброк. Эта забота возлагалась им на известных лиц, называвшихся управляющими, или

villici, и назначавшихся по одному на деревню, в которой жили оброчные крестьяне. Оброк состоял из всех продуктов поля и стойла: из зерна, скота, птицы, меда, воска, шерсти, вина и т. д. и распределялся отчасти в связи с соображениями об особенностях отдельного крестьянского двора.

Villicus доставляет сданные ему продукты на господский двор или на один из дворов, где они обращаются на потребление. Но крестьянское хозяйство — только один из источников, из которых сельскохозяйственные продукты притекают в потребительное хозяйство землевладельца. Другая часть получается от помещичьего хозяйства, которое ведется служащими помещика на его собственной земле. Рабочие силы, которыми обслуживается помещичье хозяйство, состоят частью из холостой челяди и женатых помещичьих поденщиков, живущих на самом дворе, частью же из деревенских крестьян, обязанных барщиной, которые несут «упряжную повинность». Потребность в ремесленных продуктах также покрывается при содействии собственного хозяйства (барский двор) и деревенских крестьянских хозяйств, причем крестьяне доставляют продукты частью готовыми к потреблению, частью сырьем, перерабатывающееся в готовый предмет потребления в мастерских барского двора.

Так же, как сельскохозяйственный и ремесленный труд, и транспорт — водный и сухопутный — организован на основании барщинных обязанностей.

Если, таким образом, аристократические самодовлеющие хозяйства докапиталистического периода обнаруживают большое несходство между собой и еще большее — с демократическими хозяйствами, то все же оба первых типа одного хозяйственного воззрения одушевлены тем же, чем и последнее: удовлетворение потребностей, традиционализм, солидарность (которая ограничивается, конечно, только единичными отдельными хозяйствами и не касается их взаимоотношения) — и покоится на однородной с ними технике, и их техника — эмпирична, стационарна и органична.

б) *Ремесло*. Но те же признаки хозяйственного воззрения и те же особенности техники, которые мы наблюдаем в системах докапиталистического самодовлеющего хозяйства, обнаруживает и докапиталистическое меновое хозяйство — ремесло.

И ремесло подчинено верховному принципу удовлетворения потребности: и в ремесле объем и направление производства определены потребностью в вещественных благах. Правда, ремесленник обменивает свои продукты на другие, или на деньги, но его хозяйственная деятельность обуславливается не стремлением получить прибыль, а, как и у крестьянина, стремлением иметь соответствующие его положению средства существования, иметь свое «пропитание».

Принцип *традиционализма* находит себе в ремесле самое чистое выражение. Классический прием личной передачи лично приобретенных знаний развивается в ремесле в отношении мастера к ученику.

Составной частью ремесла является также и принцип *солидарности*. Он находит свое выражение в бесчисленных постановлениях средневековых цехов о долге защищать друг друга, согласовывать свое поведение с честью и благом целого.

С традиционализмом ремесла согласуется эмпирическая техника; стремлению к равенству, выраженному в идее питания, соответствует стационарность техники, а предпосылкой деления по профессиям (о которой сейчас идет речь), производящегося по личному подбору, является органическая техника.

Хозяйственная система ремесла выявляет следующие составные формы (регулирования и организации):

1. Хозяйственный строй по духу своему является *связанным* — поведение отдельного хозяйствующего субъекта в значительной мере подчинено объективным нормам. Это теснейшим образом соединено со стремлением к получению пропитания.

2. Ремесло имеет в основе частнохозяйственное построение: и потребление и производство протекают, главным образом, в отдельных хозяйствах. Но как в хозяйстве деревни, так и в ремесленном хозяйстве часть всего производства удерживается за общественным хозяйством: общественному пастбищному хозяйству на общинной земле в деревенской общине соответствует коллективное пользование более крупными приспособлениями, которые сооружаются цехом (или городом).

3. Как крестьянское общинное хозяйство, так и ремесленное, по природе своей *демократичны*. Это небольшие самостоятельные хозяйствующие субъекты, которые хотят существовать рядом друг с другом; там, где, как в европейском Средневековье, хозяйственная система ремесла получает чистое выражение, — там они действительно и существовали таким образом. Хозяйственных субъектов, т. е. лиц, обреченных на пожизненную зависимость, ремесленное хозяйство не знает.

Отношение руководителя ремесленным производством — «мастера» — к своим сотрудникам-подмастерьям, — работникам, мальчикам, служителям, помощникам всех видов, как бы они ни назывались, а также и ученикам, — и их отношения к нему можно понять правильно лишь тогда, когда представляешь себе семейный характер, которым первоначально отличается всякое ремесло: семейное сообщество — древнейший носитель этой формы хозяйства, которая сохраняется еще и тогда, когда к сотрудничеству уже привлекаются чужие лица. Подмастерье и уче-

ник входят в семейный союз всей своей личностью и поглощаются им прежде всего в отношении всей своей жизненной работы. Семья — вместе с подмастерьями и учениками — составляет одно производственное и домохозяйственное единство. Все члены ее — подзащитные мастера; они сливаются с ним в органическое целое, как дети со своими родителями. Но как никогда не может зародиться представление, что родители существуют ради детей, или дети — ради родителей, как неразумно было бы думать, что сердце существует ради головы, или наоборот, так же происходит в отношениях мастера к подмастерьям и ученикам: ни один из сотрудников не может мыслиться действующим ради другого, но все категории личностей — следовательно, и помощники-подмастерья и ученики — представляются самоцелью, или, что то же самое — отдельными органами на службе общего целого. Ученик — зачаточный подмастерье; подмастерье — будущий мастер; мастер — бывший подмастерье; подмастерье — бывший ученик.

4. Своеобразно отношение ремесла к вопросу о профессиональной специализации. С одной стороны, отдельный хозяйственный субъект самолично выполняет большое число функций, которые разделены в других системах (например, в капиталистической), так что можно утверждать, что разделение функций идет очень далеко.

Лучше всего определяются в подробностях особенности ремесленной организации, если взять исходной точкой ремесленника и его личность и затем спросить, что это за существо и какие мотивы руководят им и приводят в конце концов к ремесленной организации. Мне думается, что всего вернее можно будет выразить, чем является ремесленник по своей внутренней природе, если мы выразим свое суждение в отрицательной форме, — что «ремесленником» мы называем того промышленного работника, который не лишен ни одного из условий личного или вещественного характера, необходимых для производства и сбыта благ, в лице которого, таким образом, имеются все свойства промышленного производителя, или, как обобщая можно сказать, в лице которого все данные для производства заключены в недифференцированной форме. Так как для производства всегда необходимо совмещение вещного имущества и личных способностей, то из сказанного следует, прежде всего, что ремесленник располагает, кроме личных качеств, правом распоряжения всеми нужными для производства вещественными благами, т. е. средствами производства, что можно выразить и таким образом: в лице ремесленника еще не совершилась дифференциация имущества на персональное и вещное, или тот же смысл в другой форме: вещное имущество ремесленника еще не получи-

ло характера капитала. Мы исходим из того, что ремесленник обладает не только необходимым для занятия своим ремеслом вещным имуществом, но и всеми нужными для этого способностями: он представляет собой в некотором роде промышленного «господина Микрокосмоса».

То, что позднее разовьется во многих индивидуумах в особые склонности, все это ремесленник соединяет «в самом себе», конечно, в миниатюрных размерах. Его универсальности необходимым образом соответствует его хозяйственность. Можно также назвать ремесленную организацию такой, в которой посредственность является принципом, руководящим организацией. Сущность ремесленничества составляет выполняемая им функция промышленных работников в том смысле, что оно обладает техническими возможностями, необходимыми для выработки предметов потребления или для исполнения другой хозяйственной работы ручным способом.

Но с этими, скажем, техническими дарованиями, ремесленник совмещает нужную художественную концепцию, художественное чутье, необходимые для производства и особенно необходимые для передачи производственного знания, — чтобы не употребить вводящего в заблуждение выражения — научную квалификацию. Наряду с этим, он действует и в качестве организатора и руководителя производства. Но он еще и торговец. Его личные способности включают в себя еще и умение купить и продать, всю организацию для сбыта; одним словом, все, что при других системах производства выполняется отдельными людьми, наиболее для этого приспособленными.

С другой стороны, в ремесле, именно в промышленном ремесле, специализация занятия достигает высоких пределов, как рабочая специализация, т. е. в форме продолжительного занятия той же специальной деятельностью. В том виде, как осуществляется эта специализация занятий, на деле сказывается опять-таки своеобразие ремесленной организации. А именно, комплекс специализированной работы, взятый как единое целое, всегда сохраняет личную окраску: он представляется выражением некой живой личности.

В этом смысле удачно было определено ремесло, как выражение деятельности индивидуума, развившейся в жизненное призвание и, так сказать, расширившейся до пределов, в каких может властвовать и действовать сила одной руки. Этой идее работы, в смысле причастности к ней всей личности, соответствует свойственное ремеслу разделение по профессиям. Это разделение как раз таково, что индивидуальная личность может и должна применять свои силы в круге работ, объединенных духовой связью, идеей целого; что расширение этого круга должно раздробить

эти силы, и обратно: если эти силы действуют в слишком узком круге или же только в одном направлении, работа упирается в тупик чисто механического занятия. А этим устанавливаются качественные границы отдельных ремесел, тогда как количественное определение круга действия самым очевидным образом находится под влиянием руководящего положения о «пропитании». Так в общих направлениях граница отдельных ремесел определяется субъективными соображениями, лежащими в личности ремесленника.

5. Этой идее разделения ремесла на профессии соответствует, в свою очередь, устройство заведения. Индивидуальное заведение во всех своих видах является формой, внутренне соразмерной ремесленной системе: как единоличное заведение, семейное заведение, заведение с помощниками, т. е. так называемое мелкое предприятие. Однако, ремесленная организация мыслима, и иногда встречалась, также в форме крупного предприятия.

6. При всем том система ремесла представляет собой все же меновое хозяйство. Это, как нам известно, значит, что по существу отдельные хозяйства производят не то, что они потребляют, а то, что они не потребляют, и находятся друг к другу в отношениях обмена своими предметами. Таким образом, как правило, развитое ремесленное хозяйство — денежное хозяйство.

Существует несколько возможностей отношений, устанавливающихся между отдельными хозяйствами; согласно этому, можно различать следующие виды ремесла:

а) *Наемный ремесленник* и *ремесленник на заказ или на продажу*. Разница между этими двумя формами ремесла состоит в том, что в первом случае сырой материал доставляется потреблением, во втором — производителем.

б) *Странствующий ремесленник* и *оседлый ремесленник*, в зависимости от того, исполняется ли ремесло при переходе с места на место или длительно на одном месте. Если странствующие ремесленники одновременно наемные — их называют также отхожими.

в) *Ремесленники, производящие на местные нужды своей деревни или города, или для большого рынка*. Этим последним различием я нарушаю общепринятый взгляд, по которому понятие ремесло обозначает, что производство предназначается для местного рынка, так называемое производство на заказ. Выше я уже говорил и по источникам доказал в своем «Капитализме», что ремесло вполне возможно и в чистом виде, без того, чтобы иметь дело с производством на заказ, в то время, как с другой стороны, производство на заказ ни в коем случае не обуславливает ремесленный строй хозяйства.

Социалистические хозяйственные системы. Я понимаю под социалистическими системами антикапиталистические или послекапиталистические хозяй-

ственные системы, отличающиеся от рассмотренных до сих пор тем, что они еще не могли быть испытаны в действительности. Поэтому невозможно сказать, могут ли вообще и, следовательно, в каком размере могут особенности хозяйственного устройства, соединенные в чисто абстрактных системах, сочетаться друг с другом, или же эти идеальные системы неосуществимы, т. е. являются утопиями. Хозяйственная утопия — это хозяйственная система, содержащая несовместимые слагаемые. Что социалистические системы, как они измышлялись до сих пор, в основных пунктах утопичны, можно легко доказать.

Все социалистические системы сходятся в следующих составных частях:

1) Руководящей идеей социалистического *хозяйственного воззрения* является:

а) *Принцип удовлетворения потребностей* — как во всех докапиталистических хозяйственных системах. Производство должно осуществляться не ввиду денежного дохода, а для создания предметов потребления.

б) *Рационализм*. Обращение к рационализму, который должен быть принят всей хозяйственной жизнью, главным образом и отличает социалистические хозяйственные системы от докапиталистических, но зато последними заимствована третья сторона хозяйственного воззрения.

в) *Солидарность*. Хозяйственному социализму приходится разрешить трудную задачу — искусственно воссоздать сознание солидарности, которая в докапиталистических хозяйственных системах питается естественным чувством общности.

В социалистических хозяйственных планах, существующих в наше время, выражено пожелание:

2) Применить технику, которая совершенно противоположна докапиталистической и которая представляет собой дальнейшее развитие (как мы еще увидим) капиталистической техники. Техника, которую предполагают положить в основание социалистического хозяйства, должна быть: а) научной, б) прогрессивной и в) революционной. В предположении, что такая техника совместима с социалистическим порядком и организацией, всего ярче проявляется утопический характер социалистических хозяйственных систем, так как

3) Форма, в которой они мыслятся, совместима лишь с техникой стационарной, потому что, — в том опять-таки согласуются все социалистические хозяйственные системы, — хозяйственный строй а) должен быть связанным в самом широком смысле слова, т. е. должен планомерно регулировать все хозяйство. Другими словами, при соответствующей современной технике, б) широкой профессиональной специализации и в) крупнопредпринимательской организации социалистическое хозяйство должно при всем том быть г) хозяйством для удовлетворения потребностей

и д) общественным хозяйством. Таким образом, для установления согласованности между производством и потреблением избирается застывшая система планомерного предписания. А это осуществимо — хотя, вообще, на иных основаниях — лишь при стационарной технике.

Если по указанным пунктам все социалистические хозяйственные системы согласуются между собой, то в других, но только второстепенных, признаках некоторые из них между собой расходятся. В качестве вариантов в социалистических системах хозяйства мы можем различать:

1) Централизованные и децентрализованные — в зависимости от того, находится ли центр управления в центральной инстанции или в самоуправляющихся органах (гильдии и т. д.);

2) Денежные и натурально-хозяйственные — в зависимости от того, предполагается ли пользоваться для «учета» деньгами или нет;

3) Оплачивающие или коммунистические — в зависимости от того, определяется ли доля каждого в общем продукте его затратай труда или его потребностями. В первом случае социалистические системы строятся на ценностном основании.

Как раз по отношению к социалистическим системам оправдывается то, с чем мы познакомимся ниже, как со свойством всякого осуществления систем хозяйства: то, что их историческое воплощение и в отдаленной степени не соответствует чистоте идеального типа. То из социалистических идей, что в настоящее время стремится к осуществлению и частью уже осуществлено, — это отдельные составные части социалистических хозяйственных систем. То, что в наши дни называют «социализацией», — не что иное, как проведение таких отдельных составных частей, их внедрение в хозяйственную систему, построенную на совершенно иных основаниях. К этим «попыткам социализации» я еще вернусь в соответствующем месте.

2. Капитализм

Мы разумеем под капитализмом определенного рода хозяйственную систему, имеющую следующие особенности.

I. Дух, хозяйственный образ мыслей — обусловлены следующим образом:
а) господствующий хозяйственный принцип — *принцип доходности*.

Особенность принципа доходности выражается в том, что при его господстве непосредственную цель ведения хозяйства составляет не удовлетворение потребностей одного человека или множества людей (что имеет место во всех некапиталистических системах), а исключительно умножение количества денег. Это целепоставление присуще идее системы капиталистического хозяйства; итак, стремление к прибыли (т. е. к увеличению некоторой первоначальной суммы путем хозяйственной дея-

тельности) можно обозначить как объективную цель капиталистического хозяйства; нет необходимости в том, чтобы с этим (особенно при высококоразвитом капиталистическом хозяйстве) совпадала субъективно наметаемая цель отдельных хозяйствующих субъектов.

Второй хозяйственный принцип, господствующий в капиталистическом хозяйстве — это:

б) *Индивидуализм*. При этом говорится и о принципе конкуренции. Это обозначает, как нам известно из прежнего изложения, умонастроение, соответственно которому отдельный хозяйствующий субъект чувствует, что строит свое дело исключительно на самом себе. Каждый рассчитывает только на себя и свою силу. Он простирает сферу своего воздействия так далеко, как это соответствует его воле и власти, без соображения о благе и страдании лиц, участвующих в хозяйственной жизни. Он действует «без оглядки». Зато, с другой стороны, он и не ждет внимания других к себе. Он не дожидается никакой помощи, никакой поддержки, никакого поощрения. Принцип (естественный) свободы, которая обозначает здесь свободу кулаков, осуществлен за счет принципа равенства, проводимого, например, в демократических самодовлеющих хозяйствах, ремесле или в системах современного социализма. Принципу конкуренции соответствует принцип вознаграждения полностью за затраты той и другой стороны, принцип *do ut des*.

Третий принцип в капиталистической хозяйственной системе, который требует признания, — это:

в) *Экономический рационализм*, которым прежде всего проникнуты все капиталистические организации (в то время, как обширные области хозяйственной жизни, лежащие за пределами этих организаций, погрузились в иррациональность, уничтожить которую в хозяйственной жизни ставит себе задачей экономический социализм).

Экономический рационализм, состоящий в том, что в основу всякого мероприятия кладется принцип наибольшей целесообразности, проявляется в капиталистических организациях тройким образом:

- 1) как планомерность в ведении хозяйства;
- 2) как целесообразность, в более узком смысле;
- 3) как учет или исчисляемость.

Планомерность в капиталистической хозяйственной системе приводит к ведению хозяйства по перспективным планам, — разумеется, в отдельных хозяйствах, на которых, как мы увидим, построено капиталистическое хозяйство (в то время как опять-таки, в отличие от этого, социализм хочет сделать эту планомерность общей, обнимающей отдельные хозяйства в их совокупности; поэтому социализм организационно должен исходить от одного *общего хозяйственного плана*).

Принцип целесообразности, в собственном смысле, имеет в виду правильный выбор средств в каждом отдельном случае.

Наконец, принцип учета ставит своей задачей сочетать принцип вознаграждения с экономическим рационализмом тем, что стремится к точному цифровому расчету (в деньгах) и к регистрации всех единичных хозяйственных явлений и их цифровому сочетанию в осмысленно построенную систему чисел. Принцип учета получает свое законченное выражение в присутствии капиталистической хозяйственной системы высоко развитом искусстве счетоводства.

Для полного проведения этой учетной систематизации хозяйственных явлений необходимо снабжение каждого явления в хозяйственной жизни денежным выражением. Этим путем все хозяйственные явления теряют свою качественную окраску и становятся чистыми, в деньгах выразимыми и выраженными количествами.

II. *Форма* капиталистической хозяйственной системы представляет следующую картину, для которой я использую выше намеченную схему.

а) Хозяйственный строй в принципе свободен. Господствующему хозяйственному принципу индивидуализма соответствует широкая независимость отдельных хозяйственных субъектов. Границы, положенные каждому правом и обычаем, отодвинуты к далекой периферии и по существу рассчитаны лишь на то, чтобы удержать от явно преступных деяний. В этих широко раздвинутых границах каждый может действовать, как ему угодно.

Эта «хозяйственная свобода», которая представляется нам здесь совокупностью субъективных прав на свободу, является, с точки зрения хозяйственного строя, системой объективных прав на свободу, обеспечиваемых правом и обычаем. Они составляют содержание экономического либерализма, и мы еще займемся ими при ознакомлении с различными системами экономической политики.

б) Капиталистическое хозяйство по принципу — частное хозяйство; это значит, что инициатива принадлежит хозяйствам (предприятиям), руководимым принципом доходности и действующим свободно, которые имеют все шансы хозяйственного успеха и несут весь риск хозяйственной неудачи, чем и поддерживается деятельность всего хозяйственного процесса.

в) Строение капиталистического хозяйства — аристократично. Число хозяйствующих субъектов незначительно по сравнению с общим числом вообще причастных к жизни хозяйства лиц; большая часть распорядительной власти принадлежит немногим хозяйствующим субъектам. Ввиду свободного характера хозяйственного строя форма отношений между хозяйствующим субъектом и хозяйственными объектами — форма свободного договора (о заработной плате).

Исторической причиной аристократического расслоения в капиталистическом хозяйстве является обоснованная личными и материальными обстоятельствами способность немногих и тем же обоснованная неспособность многих руководить процессом производства, который, в силу предъявляемых им технических и организационных требований, исключает деятельность среднеодаренных и среднеимущих посредственностей в качестве хозяйствующих субъектов (как это возможно в ремесле).

г) Капиталистическое хозяйство — ясно выраженное разомкнутое хозяйство, т. е. оно покоится на высокоразвитой специализации занятий и разделении функций. Но основания, по которым проводится специализации труда, столь отличаются от тех, которыми обусловлено разделение ремесла, что круг деятельности всего предприятия не определяется больше волей отдельной личности, а чисто материальными соображениями; так что решающим моментом в вопросе о специализации является исключительно момент целесообразности причинной последовательности отдельных процессов на место органического расчленения производственных процессов, по необходимости связанных с живой личностью, вступает механически проведенное деление, целесообразное только ввиду желаемого результата.

В конечном счете степень специализации будет зависеть от преимуществ, которые она обещает частному хозяйствующему субъекту в его стремлении к своей высшей цели: доходности.

Ниже, при рассмотрении организации предприятия, мы еще точнее познакомимся с правилами, по которым происходит специализация в рамках капиталистической хозяйственной системы, и по которым специализация уравнивается своей противоположенностью — комбинацией.

д) Капиталистическое хозяйство покоится на основе *хозяйственного обращения*, т. е. рыночной связи. Все производство происходит для рынка, является ясно выраженным товарным производством. Это значит: все продукты идут в обращение. Но точно так же и все средства производства тоже получают через обращение, т. е. покупаются на рынке. И, наконец, соединение хозяйствующего субъекта с хозяйственными объектами совершается посредством заключения договора на рынке, т. е. с рабочей силой поступают так же, как с товаром.

Установление известного отношения между потребностями и производством происходит окольным путем, через посредство цен. Последние определяют объем и направление производства. Так что, в отличие от всех хозяйств для удовлетворения потребностей, эта система удовлетворения потребностей — не застывшая, а подвижная. Так как руководящая точка зрения капиталистического хозяйства — стремление к получению прибыли, то производство осуществляется лишь в том случае, когда цены «выгод-

ны», т. е. производство обещает успех частному хозяйству. Успех частного хозяйства при капиталистической хозяйственной системе мы называем доходностью. Но подобно тому, как производство регулируется при посредстве образования цен, так же регулируется и распределение. Оно является следствием происходящего на рынке состязания между отдельными лицами и отдельными группами лиц, непосредственно заинтересованными в распределении, особенно между двумя большими классами: получателей сверхприбыли и получателями заработка.

е) Устройство предприятий при капиталистической хозяйственной системе не единообразно.

Правда, при ней преобладает крупное предприятие, но имеет место и мелкое предпринимательство (домашняя промышленность). Я скажу об этом больше в главе, в которой обсуждается организация хозяйственной жизни.

III. *Техника* капиталистической системы хозяйства — научная, революционная, анорганическая.

3. Хозяйственные системы в истории

A. *Хозяйственные эпохи*

Различным хозяйственным системам в теоретической систематике в истории соответствуют различные хозяйственные эпохи (хозяйственные периоды). Я называю хозяйственной эпохой промежуток времени, в течение которого какая-нибудь хозяйственная система осуществляется в истории, или в течение которой хозяйственная жизнь обнаруживает черты, свойственные известной хозяйственной системе.

Каждая хозяйственная система осуществляется в рамках другой, так как человеческое хозяйство немислимо без хозяйственной системы. Когда какая-нибудь хозяйственная система начинает развиваться, — другая уже существует. (С точки зрения гуманитарной науки нас не касается вопрос: существовала ли, и если да, то в данном случае как сложилась «первая» хозяйственная система? Он аналогичен вопросу: развился ли, и если да, то как развился человек в человека — или, может быть, он «произошел» от животного. Этот вопрос относится к области метафизики.)

Бывают эпохи, когда отдельная хозяйственная система налагает свою печать на всю хозяйственную жизнь. Это высшая эпоха данной хозяйственной системы. Такие времена — эпохи чистого стиля.

До времени своего полного развития, — начиная с ее возникновения, — хозяйственная система переживает свою раннюю эпоху. Эта ранняя эпоха является поздней эпохой для исчезающей, или лучше — для отступающей хозяйственной системы. Ранние и соответственным образом поздние эпохи — времена смешанного стиля, переходные времена.

Я приложил эту схему деления по эпохам в особенности к капиталистической хозяйственной системе и различил эпохи раннего капитализма, высокого капитализма и позднего капитализма. Эта терминология в настоящее время уже принята.

Представим себе несколько точнее, как складывается эпоха. Ранняя эпоха какой-нибудь хозяйственной системы — это тот промежуток времени, когда она «зарождается». Это значит — способ хозяйствования складывается таким образом, что хозяйственная жизнь стремится постепенно приблизиться к идее новой хозяйственной системы. Это приближение совершается шаг за шагом и обозначает в последовательности времени частью интенсивное (внутреннее), частью экстенсивное (внешнее) формирование черт, свойственных хозяйственной системе, стремящейся к жизни.

Интенсивное оформление происходит таким образом, что отдельные составные части хозяйственной системы появляются одна за другой и слагаются в однородные единства, которые в своей совокупности составляют новый способ ведения хозяйства. Где-нибудь возникает отдельная черта нового вида хозяйства, к ней присоединяется другая, третья и т. д.: обломок хозяйственной организации, хозяйственного воззрения, в которых пробивается новый дух. Так в различных местах хозяйственной жизни отдельные составные части новой хозяйственной системы развертываются во все более чистые формы, которые, чем чище они выражены, тем лучше спаиваются в последнюю завершенную гармонию. Рядом с этим интенсивным (внутренним) развитием идет экстенсивное (внешнее), состоящее в том, что новые хозяйственные основоположения и хозяйственные формы получают все более широкое распространение или на большее число отраслей хозяйственной жизни, или на пространственно более обширные области.

В своем «Современном капитализме» я пытался показать, как с этой точки зрения, при помощи исторических фактов, установить эпохи современной истории хозяйства, особенно эпохи капитализма (см. особенно вторую главу второго тома). Трудность установления правильных хозяйственных эпох (которые очень длительны уже сами по себе) увеличивается тем, что обычно эпохи устанавливаются по важным политическим событиям, которыми затем пользуются историки хозяйства, я сказал бы, из-за удобства, хотя они совершенно непригодны для установления хозяйственных эпох. Это касается особенно Великой Французской революции 1789 г. В другом соответствующем месте я попытался доказать, почему 1789 г. не составил эпохи для хозяйственной жизни. Более того, мы должны поставить себе задачей разделение хозяйственных эпох, и в особенности эпох капитализма, совершенно независимо от деления на политические периоды.

Б. Историческая последовательность хозяйственных систем

Большинство систематиков хозяйственной жизни совершали ошибку, nepозволительным образом связывая проблему выработки системы с проблемой разделения на хозяйственные ступени. Господствующая (бюхеровская) систематика особенно страдает от этого смешения двух сложных проблем, тем более, что Бюхером сделана попытка понять формы и изменения хозяйственной жизни в древности, в европейском Средневековье и в Новое время, как единый ряд развития, для того, чтобы втиснуть их в схему своей хозяйственной систематики, которая, вдобавок ко всему, еще и неудовлетворительна.

Более того, мы должны иметь в виду, что установление хозяйственных ступеней и выработка хозяйственных систем — две совершенно различные вещи. Конечно, с помощью идеи хозяйственной системы мы можем теперь ввести разумный порядок и в исторические изменения хозяйственной жизни и тем достичь лучшего «исторического» понимания этой жизни в ее необходимости. Но при этом мы должны остерегаться построения с помощью хозяйственной систематики чего-нибудь вроде закономерного развертывания хозяйственной жизни, причем, примерно, последовательность известных хозяйственных систем или отдельных черт хозяйственной жизни была бы нами обозначена как (рационально) «необходимая». История показывает нам последовательность, которую мы считаем «данной», «естественной»; экономический рационализм следовал за традиционностью; господство принципа доходности — за принципом удовлетворения потребностей; разомкнутое профессионально-специализированное хозяйство — за замкнутыми хозяйствами; меновое хозяйство — за самодовлеющими и т. д. Но развитие может совершаться и в обратном порядке, и даже часто так происходило.

В противоположность этому можно установить известную правильность в последовательности хозяйственных систем, обусловленную некоторой психологической закономерностью, поскольку данная хозяйственная система имеет тенденцию как бы выделить из себя следующую. Эта связь наиболее ясна в последовательности хозяйственных систем демократической и аристократической: вся история хозяйства до настоящего времени протекала в смене этих двух типов, и кажется, что здесь действительно имеется нечто подобное внутренней «необходимости», так что, может быть, можно было установить некую «тенденцию развития».

Следующие факты истории доказывают существование этого ритма правильной смены между аристократическим и демократическим хозяйственным устройством (по крайней мере, для хозяйственной жизни Европы):

1) хозяйственная демократия: первоначальный строй европейского хозяйства;

2) хозяйственная аристократия: хозяйственный строй кочующих пастухов;

3) хозяйственная демократия: деревенское хозяйство;

4) хозяйственная аристократия: барщинное хозяйство;

5) хозяйственная демократия: ремесло;

6) хозяйственная аристократия: капитализм.

Кажется, что в настоящее время к этому аристократическому периоду примыкает демократический, который сказывается в росте влияния профессиональных союзов, в развитии кооперации, в возрастающем ограничении свободных сношений защитительными мерами, в переходе к огосударствлению, муниципализации и в других, подобных этим, явлениях нашего времени.

В. Нагромождение хозяйственных систем

Выше я сказал, что мы можем устанавливать хозяйственные эпохи по преобладанию хозяйственной системы, и что всегда *одна* хозяйственная система достигает развития в рамках другой. В дополнение следует также заметить, что с развитием истории число видов хозяйства, имеющих место в известный период, все увеличивается и таким образом господствует больше двух хозяйственных систем: а именно, кроме тех, которые борются за преобладание, существуют еще другие, господствовавшие ранее и никогда не исчезающие совсем.

Таким образом, хозяйственная жизнь становится все богаче. Как в фуге новый голос вступает раньше, чем отзвучал предыдущий, так уже в европейском Средневековье сосуществовали: деревенское хозяйство, барщинное хозяйство и ремесло; после прибавился капитализм, но самодовлеющее хозяйство, деревенское хозяйство, ремесло — удержались. И они живут еще в настоящее время, которое знает следующие способы хозяйствования: самодовлеющее хозяйство, деревенское хозяйство, ремесло, капитализм и «социализм». Но понятно, что в этом концерте один голос преобладает в определенное время, и им определяется хозяйственная эпоха.

Литература: (I) *Копперс П. В.* Этнологическое исследование хозяйства // Антропос. 1917. Т. X, XI (обзор); *Пленге И.* Основные формы сравнительной хозяйственной теории, 1919. Сравнительно непонятное и несовершенное сопоставление опытов систематизации до настоящего времени. В остальном можно сослаться на работы, указанные в тексте. Ср. *Зомбарт В.* Промышленная работа и ее организация // Archiv für soziale Gesetzgebung und statistik. 1900 (перевод на русский язык издан под заглавием «Организация труда и трудящихся» в 1901 г.).

(II) Не существует литературы, так как само понятие создано мной.

(III) Я подробно представил докапиталистические хозяйственные системы и капиталистическую систему в своей работе «Современный капитализм» (изд. 1923 г.), где читатель найдет и дальнейшую литературу (есть русский перевод 1-го изд. и переводится последнее). С этим ср. отдел, написанный мной в «Grundriss der Sozialökonomik». Т. IV; Принципиальная особенность современного капитализма как исторического явления, 1925.

О социалистических системах хозяйств осведомляют: *Шеффле А.* Квинт-эссенция социализма. 1-е изд. 1847 (есть русский перевод); *Бургуэн М.* Социалистические системы и экономическое развитие (есть русский перевод); *Диль К.* О социализме, коммунизме и анархизме. 4-е изд. 1922; *Мизес Л.* Общественное хозяйство. Исследование социализма, 1922. Из новейшей социалистической «революционной» литературы назовем: *Ратенау В.* Новое хозяйство, 1918 (переведено); *Нейрат О.* Полная социализация, 1920.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

I. ОБЩИЕ ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ

1. Принципы организации предприятий

Организация хозяйственной жизни происходит, как мы видели, в заведениях. Заведениями мы хотели бы назвать учреждения в целях продолжительного занятия трудом.

Всякая организация человеческого труда покоится на двух и только на двух принципах: на специализации и сотрудничестве. Человек не может измыслить ничего другого, кроме этих двух организационных принципов, которые, — конечно, в очень различном применении и сочетании, — лежат в основе всякого распорядка в заведении.

Под специализацией я понимаю такой вид распорядка, когда одному и тому же рабочему надолго поручаются одни и те же повторяющиеся функции. Это есть та форма, в которой используется прием разделения труда. Степень специализации может, понятно, быть чрезвычайно различной. Когда первоначально кузнечное и гончарное ремесла в течение долгого времени выполнялись каждое отдельным работником, это было применением принципа специализации, и мы имеем лишь различие в степени применения этого же принципа, когда в современном конфекционере работница всю жизнь только пришивает костяные пуговицы к мужским жилетам. Точно так же безразлично, происходит ли частичная работа, которая длительно исполняется одним рабочим, от горизонтального или вертикального расщепления прежнего, мыслившегося единым, общего процесса: происходит ли разделение между слесарным делом и кузнечным, или между дубильным и сапожным. И, наконец, для поднятия специализации безразлично, происходит ли специализация между заведениями или внутри одного заведения.

В первом случае происходит то, что мы называем специальными заведениями, среди которых опять-таки существует чрезвычайно большая градация степеней, но внутри которых никак нельзя провести сколько-нибудь твердую границу для специфического различия. Обработка железа в целом — специальное производство по сравнению с прежним, предназначавшимся для удовлетворения собственных потребностей; кузнечное дело стало специализированным производством после того, как от него отделилось слесарное; кузница для изготовления инструментов является специальным заведением внутри специализированного кузнечного дела; изготовление кос — опять-таки специальное заведение среди кузниц для изготовления разных инструментов и т. д.

Второй принцип организации производства — это сотрудничество. Мы понимаем под этим совместный труд нескольких лиц над общей работой.

Сотрудничество может быть или непосредственное, по месту, сотрудничество в узком смысле слова, или трудовое сотрудничество, когда совместная работа совершается при телесной или духовной связанности (10 рабочих тянут за один канат), или сотрудничество непосредственное: в работе, когда этой связанности нет, когда соучастие состоит, напротив, лишь в содействии одной и той же работе (тысяча рабов обжигают в различных местах кирпич для той же постройки). Сотрудничество является простым, когда все сотрудничающие делают одно и то же; подразделенное сотрудничество с разделением труда, когда часть или отдельные группы рабочих выполняют специальную работу.

Так получается следующая схема применения принципов организации.

Пока Робинзон сам покрывает все свои нужды, он может, правда, применять прием разделения труда и соединения материала; но он не может ни специализироваться, ни сотрудничать.

Как только он начинает работать с Пятницей, они сотрудничают.

1) Когда они волокут к берегу ствол, из которого будет изготовлен их челнок — простое рабочее сотрудничество.

2) Когда Робинзон идет на охоту, Пятница исполняет домашнюю работу — сотрудничество в работе с разделением труда.

3) Когда оба идут на охоту, Пятница загоняет дичь, Робинзон стреляет — трудовое сотрудничество с разделением труда.

2. Виды заведений

Чрезвычайное многообразие видов заведений, существующих в наше время, вызывается различными обстоятельствами:

а) Качеством проводимой в заведении работы. Последняя получает свой отпечаток прежде всего в зависимости от цели, которой служит

заведение; производится ли зерно или вино, кирпич или рубахи, железо или пряжа, сапоги или серная кислота; перевозятся ли блага или продаются — это, естественно, является в первую очередь решающим для устройства заведения. Затем влияние на форму заведения оказывает степень специализации, применяющейся при разграничении рабочих процессов. Наконец, заведение получает различный отпечаток в зависимости от того, объединено ли оно в одно целое с точки зрения личной или вещественной: разница, которую мы уже встречали при оценке специализации по профессии. В тесной связи с этими различиями в строе заведения находится и второе важное обстоятельство, которое становится решающим для формы заведения, это:

б) Отношение рабочего к своей работе. Оно может, по существу, быть двух родов: или труд и продукт труда составляют собственность одного и того же индивидуума, представляют собой ясное выражение его, и только его, в высокой степени личной деятельности, являясь, следовательно, индивидуальными и личными; или же труд и продукт составляют общий, в деталях не различимый, результат деятельности многих; они существуют лишь как совместная работа и совместное произведение, т. е. не личная, а коллективная, не индивидуальная, а общественная. Сообразно этому можно разделить все заведения на две большие группы: на такие, в которых распорядок факторов производства таков, что продукт является продуктом отдельного рабочего, и на другие, в которых соотношение факторов производства таково, что продукт является продуктом коллективного рабочего. Первые должны называться индивидуальными, последние — общественными заведениями.

В индивидуальном заведении могут быть заняты одно или несколько лиц. Одинокое заведение, естественным образом, всего чаще выявляет сущность индивидуального устройства заведения, хотя оно отнюдь не является эмпирически наиболее частым видом этой формы. Одинокарабочий охватывает в своей деятельности все фазы производственного процесса, вся затрачиваемая при этом работа — его собственная, в высокой мере личная работа. Продукт, который им создан, может быть признан его исконно личным произведением в целом и в частях. Но мы должны расширить понятие индивидуального производства за пределы одиночного заведения и включить в него заведение с помощником, как мы назовем такое, в котором немногие работники или помогают руководителю заведения в его собственной работе, или же с ним рядом исполняют такую же работу. В первом случае можно было бы говорить об общем произведении, если бы выработка коллективного рабочего не была так мала, чтобы быть скорее отнесенной к индивидуальной рабочей личности, и если бы нельзя было все-таки вполне хорошо отличить рабо-

ту руководителя и установить отношение главной работы к подсобной. Школьным примером этого типа заведения с помощником в собственном смысле служит заведение — кузница, в котором рядом с мастером работает кузнечный подмастерье, действующий молотом, и ученик, раздувающий меха. Работа этих троих, правда, срастается в неделимое целое, но, по существу, все же является работой кузнечного мастера: он — создатель, они — помощники. В другом случае, когда на помощниках лежит та же работа, что и на мастере, вообще не создается общего продукта, а лишь известное число отдельных индивидуальных продуктов лиц, соединенных в одном заведении. Рабочее задание распределяется в таком заведении по усмотрению руководителя между им и помощниками, соответственно возможностям каждого.

Такая форма заведения с помощником преобладает в главных ремесленных отраслях: портняжество, скорнячество, сапожное ремесло, столярное, слесарное, жестяное, переплетное — организованы указанным образом, пока сохраняют свой старый ремесленный отпечаток.

В общественном заведении общий рабочий процесс расчленен на составные части, из которых каждая представлена одной рабочей силой и которые находят свое единство не в творческой индивидуальности отдельной личности, а лишь только в организме коллективного рабочего. Дифференциация и интеграция в новое образование — существенная особенность общественного заведения. Она может осуществиться путем разложения общего процесса и разделения отдельных функций среди отдельных рабочих, как и путем пользования сообща средствами производства. Значение общественного заведения, с точки зрения общего продукта, в том, что только этим путем возможно осуществление вещественно-рационального рабочего процесса и сотрудничества, равно как и использование средств производства больших размеров. С точки зрения отдельного рабочего, существенная сторона этой формы заведения усматривается все же в том, что созданный в заведении продукт (вещественный или услуги) является не как создание одного, а как создание коллективного рабочего: тысяча пар сапог, которые к концу рабочего дня стоят в упаковочной сапожной фабрики, не представляют собой больше отдельных произведений определенных известных лиц, а общее произведение 500 рабочих сил: локомотив уже сделан не одним или несколькими лицами, а десятками тысяч людей в общественном рабочем процессе.

Об особенностях общественного заведения я еще буду говорить в следующем отделе. Лишь там мы сможем вполне оценить третье обстоятельство, определяющее формы заведений, в соотношении отдельных факторов производства между собой. Заведения приобретают различный отпечаток в зависимости от местоположения участка в сельскохозяйственном

производстве, от того, преобладает ли в производстве производительный фактор личный или вещественный, что обусловлено состоянием материальной техники. Соответственно этому мы можем различать ручные производства и автоматическое производство: внутри второй группы — опять-таки химические и машинные. Это различие получает свое значение лишь в соединении указанного признака с признаком, указанным под а) и б), что будет изложено в специальном учении о производстве.

Обычный прием классификации заведений — это распределение их на классы по величине. Не подлежит сомнению, что в «величине» или «объеме» мы имеем чрезвычайно значительный момент устройства заведения. Если я все же не причисляю величину к обстоятельствам, в основе определяющим формы заведения, то мною руководят следующие соображения: 1) трудно определить, величина которого из факторов производства должна стать решающей для подразделения. Здесь представляются различные возможности. Можно решать по пространственной величине заведения (величина площади обработки в сельском хозяйстве) или по количеству созданных или переработанных продуктов, или по величине и числу применяемых производственных машин и двигателей, или, наконец, что всего чаще случается, по числу занятых лиц. В зависимости от выбора одного из этих факторов различные заведения попадут в одну из рубрик «крупного», «среднего» или «мелкого» заведения.

Но, если даже предположить, что соглашение о той величине, которая должна быть выбрана как признак для различения, достигнуто, все же сомнения об этом критерии еще не исчерпаны. Прежде всего, нужно напомнить, что 2) величина есть всегда *differentia gradualis a ne differentia specifica*: где же должна проходить граница между крупным, средним и мелким производством? Может быть там, где ее обычным образом проводит статистика, когда она подразделяет заведения по числу занятых в них лиц? И почему при 5 или 20 лицах? Почему не при 12 или 15? Чтобы дать на это удовлетворительный ответ, пришлось бы определить специфические различия между классами по величине и тем самым отвергнуть критерий чистой величины. Далее этот критерий страдает еще тем, что 3) он лишь очень неопределенно выражает особенность заведения. Он, прежде всего, безразличен к чрезвычайно важному признаку устройства заведения — к способу работы. Эти соображения заставляют меня, если и не оставлять совсем без внимания величину заведения ввиду ее важности как принципа деления, — то пользоваться этим лишь как *principium subdivisionis*.

Для практических целей статистики признак величины в числовом выражении сохранит навсегда исключительное значение, потому что

она ничего или очень немного может сделать с научными признаками разделения, которые даны мною выше.

Обычный способ статистического определения формы производства — разделение его по числу занятых в нем лиц. К сожалению, группы, установленные таким образом, не одни и те же в правительственной статистике разных стран. Были попытки международного соглашения, но до сих пор безуспешно. Германская промысловая статистика 1907 г. различает следующие (13) размеры заведений: а) одиночные заведения (с одним лицом), б) прочие заведения с 2–10, 11–20, 21–50, 51–100, 101–200, 201–500, 501–1000, свыше 1000 лиц.

Для обобщающих и сравнительных соображений по традиции рассматриваются заведения с числом лиц до 5, как мелкие заведения, с 6 до 50 лиц — как средние заведения, и заведения с 51 и большим количеством лиц — как крупные заведения.

Германская сельскохозяйственная промысловая статистика различает, кроме того, по величине использованной в сельском хозяйстве площади, следующие 18 классов:

От	Менее 0,1 ара	}	Карликовые хозяйства
0,1	до 2 аров		
—»—	2 —»— 5 —»—	}	Парцеллярные хозяйства
—»—	5 —»— 20 —»—		
—»—	20 —»— 50 —»—		
—»—	1 —»— 2 га	}	Мелкие
—»—	2 —»— 3 —»—		
—»—	3 —»— 4 —»—		
—»—	4 —»— 5 —»—	}	Средние
—»—	5 —»— 10 —»—		
—»—	10 —»— 20 —»—		
—»—	20 —»— 50 —»—	}	Большие
—»—	50 —»— 100 —»—		
—»—	100 —»— 200 —»—	}	Крупные хозяйства
—»—	200 —»— 500 —»—		
—»—	500 —»— 1000 —»—		
—»—	1000 га и свыше		

крестьянские
хозяйства

В самой правительственной статистике делается следующее замечание к этому подразделению: «Само собой разумеется, что такому большому району обследования, как Германская империя, подобное распреде-

ление по величине на 18 классов не всюду будет соответствовать существующим условиям действительности. В зависимости от качества почвы, благоприятности местоположения и интенсивности обработки, обработанные площади в разных областях и районах Германии имеют очень различное значение. Поэтому невозможно, только на основании классов, по величине сельскохозяйственной площади всегда делать правильное разграничение».

В специальном учении о производстве мы увидим, какие другие признаки применяются в науке для сельского хозяйства, чтобы различить все формы производства.

3. Закономерность в устройстве производственных единиц

Формы производства не только в действительности различаются между собой: их различие большей частью является необходимостью, обусловленной «природой вещей», т. е. рациональными моментами.

Обусловленность создается: а) целью, которой служит заведение. Цель часто — не всегда — делает, благодаря применению известной техники, необходимой известную организацию заведения. Так, данное устройство заведения может быть вызвано родом создаваемого продукта. Чтобы добыть из воздуха азот, необходимо известное сооружение, с определенным составом средств производства и рабочих; устройство железной дороги между двумя пунктами, или городской подземной дороги, ставит в известных границах совершенно определенные требования при устройстве предприятий. Но и в особенности выработки или в способе распределения продукта или группы продуктов может заключаться требование определенного устройства заведения: например, быстрая доставка (газета) или приспособление к потребностям клиентуры (розничная торговля).

При известных условиях имеется только *одна* техническая возможность достигнуть известного результата (добыча искусственного азота): тогда, значит, цель обуславливает устройство предприятия в целом. Но очень часто представляются различные возможности: рубахи или сапоги можно заготавливать в крупных, автоматических предприятиях или в малых ручных заведениях. Выбор зависит от соображений хозяйственного порядка. Если остановились на одной из возможностей, то во многих случаях устройство заведения опять-таки предопределено. Так, мы б) наблюдаем большую зависимость устройства заведений от применяемой техники. Техника предписывает род и размер орудий производства. Последние же, чтобы быть приведенными в действие, требуют

заведения определенной величины и вида. Если я хочу готовить сапоги машинным способом, то мне нужен определенный набор машин, прежде всего, сложная машина для шитья подошв. Эти машины требуют определенной степени специализации и для своего полного использования определенного числа рабочих. Таким образом, внутренней необходимостью устанавливаются, во всяком случае, минимальная специализация и минимальный размер заведения.

Но в тесной связи, в зависимости устройства заведения от примененной техники, находится в) обусловленность форм производства принципами организации (специализация и сотрудничество). Эта обусловленность проявляется в том, что специализация не только требует в своей основе сотрудничества, но в том, что степень специализации определяет предел сотрудничества и тем самым – размер заведения. Если я разлагаю рабочий процесс, проводимый в предприятии, на 30 частичных операций, я непременно должен занять 30 рабочих. Обычно же – больше, так как исполнение отдельных частичных работ требует разного срока. Предположим, что из 10 частичных процессов каждый длится 3 часа, из 10 других – каждый по 2 часа и еще 10 – по часу; тогда заведение потребует по меньшей мере 460 рабочих. Оно может увеличиваться тоже лишь равномерно, пока степень специализации и длина рабочего времени для каждого частичного отдельного рабочего процесса остается та же.

Из только что проанализированных элементов закономерного образования заведения складывается, имеющее большое значение, понятие *оптимального* размера производственной единицы. Это понятие показывает, что существует такой размер для заведения, при котором желательный производственный результат достигается всего лучше, в особенности – максимум (трудовой) производительности. А это осуществляется при следующих трех условиях:

- 1) применении самого продуктивного способа производства;
- 2) все факторы производства использованы наилучшим образом;
- 3) все факторы производства находятся в отношении правильной соразмерности, т. е. пропорциональны.

Выполнение этих трех условий ведет к определенному размеру заведения: это и есть оптимальный размер заведения.

Существует абсолютный и относительный оптимум размера заведений. Последний определяется соображением о надлежащем количестве приготавливаемого продукта; первый – без этого соображения. Таким образом, подлежащая разрешению проблема может быть выражена так: создать некое благо (некую услугу) при благоприятных условиях, соответствующих состоянию техники в данное время.

II. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ЕДИНИЦЫ НА ОТДЕЛЬНЫХ СТУПЕНЯХ ХОЗЯЙСТВА

Понятно, что основные положения об устройстве заведений, развитые в предыдущем отделе, действительны во всех областях хозяйственной жизни. Но особенности условий производства в различных сферах хозяйственной жизни создают, как это уже следует из сказанного, частью столь значительное разнообразие форм заведений, что становится целесообразным выделить в особые группы те из них, в которых это своеобразие проявляется особенно резко. Различие в устройстве заведений всего яснее выступает на важнейших ступенях хозяйственного процесса: основное добывающее производство, обработка сырья и сбыт продукта. Поэтому в дальнейшем будут подробно рассмотрены особенности форм производства в этих трех областях хозяйственной жизни. Из трех отраслей основного производства — сельское хозяйство, горное дело, охота (рыболовство) — я разберу только сельское хозяйство, потому что преимущественно в нем могут быть установлены особенности, которые больше нигде не повторяются.

1. Формы производства в сельском хозяйстве⁵

Особенности форм производства в сельском хозяйстве определяются разницей в использовании земли. Это различие простирается: 1) на выбор продукта, который должен быть, главным образом, получен от земли; 2) на разделение посевной площади; 3) на последовательность культур по годам, так называемый севооборот. Соответственно с этим мы различаем следующие формы производства:

1) Производство для исключительного разведения кормовых растений: *чистое пастбищное или травяное хозяйство*, без пашни.

2) Производство для преимущественного разведения кормовых растений:
а) *первобытное пастбищное хозяйство*: в нем большая часть земли используется как вечное пастбище, но время от времени переверстываются отдельные участки, земля распахивается, лес сжигается, чтобы использовать землю для пашни;

б) *урегулированное пастбищное хозяйство*, так называемое переложное, залежное или подсежное хозяйство. Оно также использует всю пахотную площадь попеременно для пастбища и пахоты, но в правильной последовательности. Разбивка на (7–12) «порубки», из которых приблизительно половина всегда служит как пастбище.

⁵ «Системы хозяйства» — по обычной русской терминологии. — *Ред.*

3) Хозяйства для преимущественного развития зерновых растений, так называемые зерновые хозяйства. Здесь площадь окончательно разделена на (вечное) пастбище и пахоту. Мы различаем:

а) *примитивные полевые хозяйства*⁶, в которых обрабатываемая посевная площадь постоянно засеивается зерновыми растениями. Соответственно числу «полей», на которое разделяется площадь, существует одно-, двух- и трехпольное хозяйство. Наиболее значительная из форм примитивного полевого хозяйства — это трехпольная система. При ней пахота разбита на три поля, из которых одно находится под озимыми, второе — под яровыми, в то время как третье — под паром;

б) *улучшенные полевые хозяйства*, особенно — улучшенное трехпольное хозяйство. «Улучшение», которым достигается прежде всего расширение скотоводства и следующее отсюда увеличение количества удобрения и более целесообразное использование сил земли, состоит в засеве парового поля, т. е. в возделывании на паровом поле кормовых растений (клевер). Этим путем достигается чередование посева, при котором число лет оборота делится на три; например, 9-польный севооборот: 1) паровое поле; 2) озимое; 3) яровое; 4) клевер; 5) озимое; 6) яровое; 7) корнеплоды; 8) озимое; 9) яровое.

4) Производство с равномерным разделением зерновых растений и кормовых растений, так называемое *плодопеременное хозяйство*. Уничтожение вечного пастбища, переменный засев площади зерновыми и листовыми растениями, т. е., с одной стороны, зерновым хлебом, а с другой — кормовыми, стручковыми растениями и корнеплодами (картофель, свекла).

5) Производство для переменного разведения одного растения, так называемые *вольные хозяйства*: никакой последовательной плодоперемены, несвязанное использование пахоты по усмотрению.

Соответственно большей или меньшей затрате средств производства и живой работе на данную площадь пахоты, сельскохозяйственное производство может быть интенсивным или экстенсивным. Первая половина перечисленных форм производства принадлежит к экстенсивным, вторая — к интенсивным формам производства. Здесь не приходится обсуждать вопрос о применимости различных форм производства, что прежде всего определяется интенсивностью спроса (выражаемого при меновом хозяйстве высотой цены).

Несколько иная систематика сельскохозяйственных форм производства дана у Эребо. Он отличает следующие формы производства:

1) Экстенсивное пастбищное хозяйство.

⁶ «Паровое зерновое» хозяйство — по обычной у нас терминологии. — *Ред.*

- 2) Однопольное хозяйство с переменной пахоты на пашню.
- 3) Двухпольное хозяйство с переменной.
- 4) Трехпольное хозяйство с переменной.
- 5) Чисто трехпольное хозяйство без перемены.
- 6) Улучшенное трехпольное хозяйство (паровое поле частью засеяно).
- 7) Улучшенное трехпольное хозяйство (все паровое поле засеяно).
- 8) Плодопеременное хозяйство со значительным разведением стручковых растений.
- 9) Плодопеременное хозяйство со значительным разведением кормовых трав.
- 10) Плодопеременное хозяйство со значительным разведением корнеплодов и растительным удобрением.
- 11) Чисто корнеплодное зерновое хозяйство с растительным удобрением.
- 12) Садовая обработка поля.

2. Формы производства в промышленности

Особенности форм производства и, прежде всего, их отличие друг от друга всего яснее выражены в формах крупных промышленных заведений, поэтому я и даю их более подробное описание.

Мы различаем две такие формы: мануфактуру и фабрику. Сначала познакомимся с этими формами производства, чтобы затем исследовать существующее между ними историческое и систематическое взаимоотношение.

а) Мануфактура – это та общественная форма крупного производства, в которой существенные части производственного процесса исполняются ручной работой. Итак, к существу мануфактуры относятся:

1) момент величины: в мануфактуре, как во всех «крупных производствах», функция руководства уже обособляется;

2) момент общности: рабочий процесс утратил свою индивидуальную форму; созданное представляется созданием коллективного рабочего;

3) момент ручной работы, примененной в основных частях производственного процесса, следовательно, не только во второстепенных процессах.

Мануфактуры принимают в свою очередь различные формы. Мы различаем:

а₁) *Мануфактуры с простым сотрудничеством и с простым разделением труда.* В первых рабочие, соединенные для общей работы, исполняют по существу все одну и ту же работу. *Пример:* типография, сапожная мануфактура, ситценабивная мануфактура (все – до введения машин, экономящих ручную работу). Внутри этих заведений работа специали-

зирована. Эта форма мануфактуры составляет правило, так как даже в только что перечисленных примерах мануфактур с простым сотрудничеством появляются начала специализации. В большинстве же мануфактур вся организация построена на принципе специализации.

б₁) *Одиночные заведения и сложные заведения.* Это отличие касается возникновения мануфактуры из отдельных ремесленных заведений и означает, что производимая в них работа, хотя и специализирована, но все еще составляет общее содержание мануфактурного заведения, или же, что некоторое число рабочих процессов, бывших ранее, или вообще, профессионально самостоятельными, вновь соединяются в объединенное заведение. Типами первого вида являются (описанные А. Смитом) игольная мануфактура, сапожная мануфактура; типами второго вида — текстильная промышленность, производство оружия, судостроение, производство экипажей, мебельное производство, постройка домов и др.

в₁) *Строительные и перерабатывающие* мануфактурные заведения. В первых создается «составное» благо путем сопоставления отдельных составных частей; оно «строится», почему в этих случаях и сохраняется выражение «строение». Говорят: домостроение, судостроение, машиностроение. В перерабатывающих же мануфактурных заведениях, напротив, сырье получает другой вид, может быть с прибавлением некоторых придатков; в этих случаях, когда дело касается, например, приготовления тканей, сапог, шляп, бумаги, сигар и т. д., слово «строение» не может быть употреблено.

б) Я называю *фабрикой* ту форму крупного промышленного заведения, когда существенно важные части производственного процесса стали независимы от оформляющего воздействия рабочего, когда они перенесены на систему неодушевленных тел.

Отличительными признаками фабрики, таким образом, являются: 1) размер, 2) общественность, 3) автоматичность.

Признаки 1) и 2) являются общими для фабрики и мануфактуры, признак 3) составляет особое отличие первой.

Автоматичность состоит в объективировании производственного процесса, в его освобождении от живого человека, в его перенесении на «системы неодушевленных тел», которые как бы наполняются жизнью вследствие надления их искусственно созданной силой. Автоматичность может покоиться на химическом или механическом процессе. В последнем случае, о котором почти исключительно думают, говоря о фабрике, автоматизм представлен машинизмом, почему можно механическую фабрику (и только такую) назвать также машинофактурой. В другом случае,

в химической фабрике, автоматичность достигнута набором аппаратов, в *которых* совершается химический процесс: доменная печь, пивоваренный котел, соляная варница, обжигательная печь, реторты и т.д. Часто встречается сочетание механической и химической фабрики. *Пример:* заведения для выработки стали.

в) *Мануфактура и фабрика в их функциональных особенностях и в их взаимоотношениях.* Специфическая функция фабрики состоит в следующем: быть такой формой заведения, в котором в самой совершенной для данного времени форме осуществляется преодоление качественной и количественной ограниченности индивидуального рабочего, путем применения в производстве механизации и научных химических приемов. Обратное выражаясь: фабрика — орудие коллективного рабочего, с помощью которого силу, точность, уверенность, быстроту он может развить за пределы органического. Именно коллективного рабочего, который только и действует на фабрике: потому что, отрицательно выражаясь, — и это составляет ее существенный признак, — на фабрике нет больше места для проявления какого бы то ни было индивидуального, личного действия. Поэтому-то фабрика и представляет собой самое последовательное проведение принципа общественного производства, не будучи при этом вообще высшей формой устройства заведения. Часто упускается из виду, что для определенного времени эта высшая форма достигается и в фабрике и в мануфактуре. Это становится ясным, если вспомнить о сущности мануфактуры.

Сущность мануфактуры определяется двояким образом: как переходная форма и как самостоятельная законченно-развитая форма крупного общественного заведения. В первом случае ее особая функция состоит главным образом в подготовке машинного способа производства. Последний может достичь плодотворного развития лишь при том условии, что носитель механизации вырастает в коллективного рабочего, безграничного в своих органах, и если разделение труда достигло такой степени и производительный процесс так упрощен, что может быть предоставлен инженером одним машинам. Оба предварительных условия создаются мануфактурой, которая разлагает процесс производства на простые части и распределяет выполнение этих частей между отдельными органами коллективного рабочего. Здесь мануфактурная организация ведет, так сказать, к обезличению трудового процесса, его эмансипации от живой личности отдельного рабочего.

Не только иной, но прямо противоположной является функция, которую надлежит выполнить мануфактуре в качестве самостоятельной, вполне развитой формы общественного заведения. Здесь именно она должна

не подавлять личность отдельного рабочего, а должна как раз помочь ей вполне развернуться. Мануфактура представляет в этом случае ту форму заведения, которая совмещает преимущества общественного заведения с незаменимым для некоторых достижений высшим личным творчеством индивидуума. В этом случае она представляет собой, если захотеть расширить систематику заведений, как бы синтез общественного и индивидуального заведения, как они ни кажутся несовместимыми на первый взгляд.

Известный пример первого типа — постройка машин в большом масштабе с преимущественным применением ручной работы, второй тип — представлен фарфоровой мануфактурой или мануфактурой роскошной мебели. Этот второй тип хорошо обозначается как художественная мануфактура. Первый тип представляет всегда лишь переход к фабрике, и, поскольку речь идет о нем, правы те, кто, по примеру Маркса, рассматривает его всегда лишь как предварительную ступень к фабрике, как еще не фабрику. Напротив того, во втором типе крупное общественное предприятие достигает, как я уже говорил, в промышленном производстве, подобно фабрике, своей высшей формы, за пределами которой совершенствование уже невозможно.

3. Заведения в торговле

Если сельскохозяйственные заведения получают свой особый характер от отношения к земле, производственные — от отношения к технике, то в области сбыта товаров своеобразные формы заведения обуславливаются отношением к покупателям. Сообразно с этим, мы устанавливаем следующие различия в формах торговых заведений.

1) *Оптовые и розничные заведения*, смотря по тому, сбываются ли товары торговцам или непосредственно потребителям.

2) *Оседлые заведения* и заведения странствующие (разносчицьи заведения) — в зависимости от того, приходит ли покупатель к торговцу, или торговец к покупателю. Между этими крайностями существуют различные промежуточные формы: уличная торговля вразнос, рыночные и ярмарочные торговые заведения и т. д., которые все отличаются тем, что торговец и покупатель встречаются на полпути.

3) *Заведения по происхождению* и по назначению товаров, в зависимости от того, составляют ли товары, наполняющие торговое заведение, некоторое единство по своему происхождению (из одной отрасли: торговое отделение, специальная торговля, или по месту производства — местная торговля) или по своему назначению для известной потребности (торговля предметами особых потребностей). Особая форма заведения — универ-

сальный магазин, особенностью которого является сочетание трех признаков: 1) размера, 2) назначения (на все потребности), 3) разнородности совмещенных в нем групп товаров.

III. УСТРОЙСТВО ЗАВЕДЕНИЙ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

1. Хозяйственные заведения и производственные заведения

Само собой разумеется, что общие основные положения об устройстве заведений сохраняют свое значение и в капиталистическом хозяйстве. Но опять-таки и здесь устройство заведений обнаруживает столько своеобразных черт, что на них стоит специально остановиться.

В капиталистическом хозяйстве на первый план особенно выступает одна проблема, которая существует и в других системах хозяйства, но там почти незаметна — это разница между хозяйственным заведением и производственным заведением.

Мы видели, что смысл капиталистического хозяйства, прежде всего, определяется принципом доходности, т. е. приспособлением единичного хозяйства для получения прибыли. Сложный прием осуществления этой цели — получения прибыли — дал повод к устройству столь же сложных предприятий, которым ставится лишь одна задача — извлечение прибыли. Но рядом с ними сохраняются и те заведения, которые устроены для создания вещественных благ, для транспорта и других услуг. Но это, очевидно, нечто совершенно отличное: делать барыш и делать сапоги. Таким образом, создаются также две в корне различные группы заведений, смотря по тому, имеется ли в виду одна или другая цель. То заведение, которое служит извлечению прибыли, я называю хозяйственным заведением; то, которое предназначено для создания вещественных благ или для хозяйственных услуг, — производственным заведением.

Правда, в некапиталистических хозяйственных системах не существует особых учреждений для получения дохода, так как вообще не существует стремления к доходу. Но, однако, и в них можно, по крайней мере мысленно, выделить из общего хозяйственного процесса известные мероприятия, которые мы можем обозначить как процесс ценностной реализации, в противоположность собственно производственному процессу: всякая закупка и продажа, предпринимаемые крестьянином или ремесленником, пред-

ставляющие в действительности одно неразрывное целое с его сельскохозяйственным и промышленным производственным заведением, являются все же мероприятиями, исходящими из другого волевого центра, нежели собственно производственные мероприятия — поскольку они служат «извлечению ценностей» из него, а не «производству» продукта. Их тоже можно обозначить, как «хозяйственные» действия в более узком смысле, и мыслить, как содержание особого хозяйственного «заведения». Так что умозрительно можно во всяком хозяйственном устройстве различать хозяйственное заведение и производственное заведение. Но их различие выступает лишь в капиталистическом хозяйстве. Я изменил против прежнего свою терминологию. То, что теперь я называю хозяйственным заведением, я называл раньше хозяйственным сообществом для реализации ценностей (*Wirtschafts Verwertungs Gemeinschaft*), а понятие заведения я ограничивал тем, что теперь называю производственным заведением *Werkbetrieb*). Различие по существу остается то же. Но мне представляется более целесообразным обозначать словом «заведение» *оба* явления; таким образом образовать *высшее* понятие — заведение — с двумя *подчиненными* понятиями, — так как каждая планомерная деятельность может всегда проявляться только в заведениях; следовательно, также и наживание денег. И «хозяйствование», где оно, как в капиталистической системе, «обособляется», есть «учреждение в целях постоянного производства» (причем слово «производство» берется, конечно, в более широком смысле, нежели тогда, когда противопоставляются понятия «хозяйственное заведение» и «производственное заведение»). Это учреждение требует устройства помещений для работы, предметных пособий (торговые книги, кассы, обстановка, письменные принадлежности и т. д.) и рабочей силы (бухгалтер, кассир, писцы и т. д.).

Хозяйственное заведение называется в капиталистическом хозяйстве капиталистическим предприятием; в юридическом обозначении — фирмой. В следующем разделе будут описаны его особенности. Здесь мы должны еще несколько точнее разобраться в соотношении между хозяйственным и производственным заведением в рамках капиталистической системы.

Часто оба вида заведений внешне совпадают и могут рассматриваться как некоторое единство, т. е. как одно заведение. Контора и фабричное заведение сапожной фабрики или бумагопрядильни — только два отделения одного и того же единства.

Но есть также случаи, — с развитием капиталистического хозяйства эти случаи умножаются, — когда хозяйственное и производственное заведения разделяются и ясно выступают в своем различии. Это случаи, когда хозяйственное заведение — предприятие — обнимает не одно производственное заведение, а несколько.

В промышленном производстве мы встречаем такие организации, например, в случае конфекциона: здесь одно закупочное, распределяющее и рассылочное заведение противопоставлено многим вырабатывающим, а именно домашним заведениям; или, как в электрической промышленности, где одно крупное предприятие, как «АЕГ»⁷ или «Сименс-Шукерт», включает в себя большое число фабрик, электрических заводов, городских железных дорог; или в горной промышленности, где один завод («Werk») охватывает горные заводы, доменные печи, сталелитейные, прокатные, литейные и другие несомненно самостоятельные «заводские» заведения.

Мы встречаем подобную организацию в товарной торговле, где мы часто видим *одно* центральное закупочное заведение со многими филиалами для продажи.

Мы встречаем ее в банковом деле, где рядом с центральным отделением опять-таки существует много филиальных, часто в разных местах, даже в различных странах.

Понятно, не исключена возможность того, что в этих случаях сам центр представляет собой, кроме хозяйственного заведения, также самостоятельное производственное заведение с особыми функциями.

Наконец, есть случаи, — и они становятся многочисленнее с развитием капиталистического хозяйства, — когда капиталистическое соединение многих производственных заведений заканчивается в одном общем реализующем хозяйстве еще не под фирмой, не в едином обозначаемом так юридически хозяйственном заведении, а когда оно ведет к союзу самостоятельных фирм в одно отчетное общество, которое при известных условиях видоизменяет и производственные заведения.

В этих случаях мы говорим о конвенциях, концернах, «контроле» и т. п.

Вне круга проблемы устройства заведений остаются случаи, когда деятельным центром представляется совсем не *одна* фирма, даже и не группа фирм, которые можно было бы, как в предыдущем случае, рассматривать как единство, а когда, напротив, на сцену выступает действующая фирма (или группа фирм), но за ней оказывает влияние другая сила — «капитал», или конкретнее: капиталист, дающий деньги. Здесь создается неразрывное взаимодействие предпринимателя и лица, его финансирующего, когда невозможно сказать, кто в действительности располагает хозяйственной инициативой. Я обозначаю такие отношения как симбиоз лиц, финансирующих предприятие, с предпринимателями. Возникающая здесь проблема, не подлежащая моему обсуждению, есть проблема «финансирования».

⁷ «Всеобщая Компания Электричества». — Ред.

2. Капиталистическое предприятие

То, что отличает капиталистическое предприятие, как организованное заведение — это обособление деловых операций, что, таким образом, означает возвышение самостоятельного хозяйственного организма над отдельными живыми людьми; объединение в одном хозяйстве в логическое единство всех единовременных и последовательных хозяйственных явлений, причем, однако, это объединение само тогда выступает в качестве носителя отдельных хозяйственных актов и ведет собственную жизнь, более долгую, чем жизнь отдельных индивидуумов.

В капиталистическом предприятии — в «деле» (Geschäft), как в совокупности отдельных дел, хозяйственные отношения освобождены от всего личного. Отдельные хозяйственные акты не относятся больше к определенной личности, а как раз — к преисполненной чисто хозяйственного смысла абстракции, как бы к самим себе, как к целому: имущественные отношения обезличены, овеществлены. Торговля знает это абстрактное образование под названием «фирма». Это обозначение, как и само образование, — создание современного западно-европейского, рационального духа: ни одно прежнее поколение, ни одна культура не создали ничего подобного нашему капиталистическому предприятию, — нашей фирме.

Обособление «дела» составляет сущность капиталистического предприятия. Это становится очевидно, как только мы уясним себе, что таким образом была впервые создана форма хозяйственного заведения, которая осуществила идеи, присущие капиталистической хозяйственной системе.

Лишь в таком обезличенном дохододобывающем механизме, как капиталистическое предприятие, принцип доходности мог получить беспрепятственное применение. Только овеществление хозяйственных актов делает возможным их исполнение без соображения о других интересах, а лишь ввиду дохода; и только обособление дела открывает безграничному стремлению к прибыли широкую дорогу.

Но, подобно тому, как принцип доходности получает полное развитие лишь в капиталистическом предприятии, так и идея полного *рационализации* всех хозяйственных явлений, планомерность и целесообразность претворяются в действительность лишь в рамках этой формы производства. Лишь в «деле», призванном к самостоятельной жизни, обеспечивается непрерывное постоянство хозяйственного процесса, после того, как он уже предоставлен принципу доходности. Это постоянство дано всему естественно-органическому миру обстоятельствами, которые заложены в самих условиях хозяйственной жизни: забота о пропитании, имеющая целью удовлетворение потребностей, становится постоянной, благодаря непрерывающейся необходимости удовлетворять естественной потреб-

ности в вещественных благах: и в естественных союзах семьи, цеха созданы формы, в которых может осуществляться непрерывная деятельность, соответствующая положению вещей. Способ хозяйствования, отделенный от необходимости удовлетворять непосредственные потребности и направленный на окольный путь доходности, не располагает никакой гарантией непрерывающейся длительности; отдельные акты для получения прибыли в виде деловых операций происходят в нем скорее скачками. Но в конце концов сливаются воедино в «деле», что и является затем ручательством в том, что оно будет постоянно вестись в будущем. Но раз уже созданное в форме самостоятельного дела, постоянное хозяйственное предприятие, стремящееся к получению прибыли, оказывается организацией более совершенной, потому что более постоянной и более приспособленной для применения рациональных руководящих положений. Время существования дела не связано больше какой-либо личной случайностью, точно так же, как и его устройство может быть проведено исключительно с точки зрения высшей экономической целесообразности.

С течением времени для осуществления этой целесообразности сложилась искусная, научно-обоснованная система деловых приемов. Подобно часовому механизму, эта система может быть введена в каждое предприятие, и содержание ее становится уже совершенно независимым от воли и возможностей отдельного хозяйствующего субъекта.

Единство капиталистического предприятия, собственно, триедино: в нем содержится единство юридическое, техническое и коммерческое.

Юридическое единство создается единством и самостоятельностью фирмы. Оно покоится на том, что теперь все правовые акты относятся к единственному правовому субъекту — предприятию.

Техническое или расчетное единство (*ratio, raison, ragione*) образуется систематической, т. е. преимущественно двойной бухгалтерией. Оно состоит в том, что все деловые явления сводятся в единую систему получений и выдач.

Коммерческое единство или единство кредита (*ditta*) образуется через отображение единства предприятия во внешнем мире. После того, как предприятие изнутри развилось в правовое единство и в расчетное единство, оно получает как бы посвящение извне тем, что «третьи лица» признают его таковым и признают потому, что предприятие считается ими кредитоспособным как таковое, без соображения об определенной личности.

Мы видели, что цель капиталистического предприятия — стремление к прибыли. Надлежащим средством к достижению этой цели является заключение договоров об оплачиваемых взаимных услугах. В пределах капиталистического предприятия каждая техническая проблема должна иметь возможность разрешиться заключением договора; все

помыслы и желания капиталистического предпринимателя направлены на выгодное проведение этого договора. Обмениваются ли рабочие услуги на вещественные или вещественные на вещественные же – все равно: в виду имеется в конце концов удержание в руках капиталиста того плюса в меновой стоимости (деньги), на получение которого рассчитана вся его деятельность. Таким путем все явления хозяйства теряют свою качественную окраску и становятся чистыми количествами, выразимыми и выражаемыми в деньгах. Умелое оперирование ими – задача капиталистического предпринимателя. Действительное содержание капиталистического предприятия – это не производство железа, перевозка людей или имуществ, сбыт товаров, устройство театральных представлений или содействие кредиту и т. д., его содержание – *расчет*.

3. Осуществляемые формы в устройстве капиталистического заведения

В последующем я даю обзор важнейших особенностей, которые обнаруживаются в устройстве капиталистических заведений в настоящее время. Понятно, что я не имею при этом в виду их исторической обусловленности и значения. Я даю схему понятий исторически значительных формообразований в идеально-типической чистоте.

А. Разграничение отделов работы в заведениях

1. *Специализация*. Мы знаем, что разделение заведений по специальностям – явление общеэкономическое. Но в капиталистическом хозяйстве оно развито до своих крайних логических пределов. Мы различаем следующие виды специализации:

1) *Разделение функций* – это специализация хозяйственных (капиталистических) функций, т. е. самостоятельность отдельных частей капиталистического процесса реализации. Создаются следующие специальные заведения:

- а) для доставления капитала,
- б) для доставления рабочей силы,
- в) для доставления средств производства,
- г) для проведения сбыта товаров,
- д) для проведения транспорта товаров,
- е) для проведения производства товаров (или осуществления услуг).

2) *Разделение работы (Werk (Sach) teileung)* – это специализация определенных комплексов деятельности при осуществлении одной из функций.

Специализация работы происходит по следующим принципам:

а) вообще: после появления нового специализируемого явления, как специализация вновь появляющихся комплексов деятельности (выработ-

ка препарата, фильм), или, как специализация бывших до этого времени слитными комплексов деятельности (постройка машин);

б) в указанных направлениях специализация проявляется особенно в товарной торговле: 1) в специальных отраслях, 2) в торговле предметами определенных потребностей, 3) в местной торговле;

в) особенно в промышленном производстве мы различаем горизонтальную специализацию процессов, выполняемых рядом друг с другом (выработка разных сортов бумаги), и вертикальную специализацию производственных процессов, следующих друг за другом. Последняя, в свою очередь, происходит таким образом, что отдельные частичные фабрики доставляют составные части для главного изделия (фабрикация сапог), или так, что общий процесс распадается на несколько промежуточных процессов (текстильная промышленность).

3) *Типизация* – это повышение специализации в трудовом процессе, а именно специализация по немногим однородным типам какого-нибудь товара, установленным по известным нормальным размерам (швейные машины трех размеров); напротив того, нормализация – это *введение однородности* в выработку отдельных частей фабриката.

II. *Комбинация*. Комбинация – противоположность специализации. В более широком смысле, который здесь не имеется в виду, комбинация – это всякое сложное устройство заведения; «комбинированным» представляется в этом смысле каждое заведение, в котором выполняется несколько хозяйственных (капиталистических) функций, выполняется несколько работ. Напротив, в более узком смысле слова, который здесь имеется в виду, комбинация – объединение нескольких ранее самостоятельных (или могущих быть самостоятельными) заведений разного содержания в *одно* заведение: результат того же рационально-капиталистического духа, который порождает и специализацию. При явлении комбинации специализация предполагается уже данной, чтобы быть, таким образом, дополненной и развитой.

Комбинация – это соединение в *одно* заведение; она, следовательно, ведет к совокупному заведению. Она не существует там, где имеется лишь общность владения и собственности (Стиннес).

Далее, комбинация – это соединение *самостоятельных* заведений *разно-родного* содержания. Поэтому *не есть комбинация* соединение в одно заведение нескольких однородных заведений (двух горных заводов, двух универсальных магазинов, двух парходных обществ).

Мы различаем следующие виды комбинации:

1) По природе *новообразованного совокупного заведения*:

а) отдельные заведения остаются, как производственные заведения, самостоятельными: единством является исключительно только хозяйст-

венное заведение, общность реализации, капиталистическое предприятие. Это тот случай, когда два самостоятельно ведущиеся заведения продают друг другу и ведут этому особый счет. Или: соединение отделений для страхования жизни от огня, грабежа, несчастных случаев и т. д. в одно большое страховое общество;

б) отдельные предприятия остаются самостоятельными в качестве производственных заведений, но в соединении в новое общепроизводственное заведение, существующее тогда рядом с ним; например, когда совместно производятся закупки; или когда общими являются некоторые работы по организации и руководству; или когда заведения работают «одно на другое»: прокатный завод вальцует расплавленную сталь сталелитейного завода; когда отбросы одного заведения используются в другом;

в) отдельные предприятия теряют свою самостоятельность и растворяются в новом заведении, в котором они теперь составляют лишь отделение.

2) По содержанию комбинированных (старых) заведений мы различаем:

а) объединение функций;

б) производственные объединения в форме присоединения — когда маловажное второстепенное заведение связывается с важным «главным заведением»: бондарная мастерская с пивоваренным заводом; типография и шоколадная фабрика;

в) производственное объединение в форме сочетания — когда соединяются два или больше равнозначущих заведения: доменная печь — сталелитейный завод; прядильная — ткацкая.

При этой форме сочетания комбинация может быть:

1) горизонтальной: если соединяются отрасли производства; две отрасли розничной торговли; два прокатных завода разного вида;

2) вертикальной кверху: если низшая производственная ступень соединяется с высшей: горный завод — доменная печь;

3) вертикальной книзу — в соответственно обратном порядке: доменная печь — горный завод.

г) По точке зрения на цель, имевшуюся в виду при комбинации: можно иметь в виду или общее производство (рельсы) или удовлетворение общей потребности (предприятия для обстановки помещений).

III. *Концентрация.* Под концентрацией в устройстве заведений понимается нечто подобное «увеличению» заведений. Но понятие «увеличения» многообразно, соответственно этому обычно остается неопределенным и понятие «концентрации». Ниже я делаю попытку выяснить сущность этих отношений.

Понятие «увеличение заведений» получает различный смысл, смотря по тому, рассматривается ли явление с точки зрения отдельного заве-

дения или же с точки зрения распределения общей продукции (услуг) по величине между отдельными классами заведений.

С точки зрения отдельного заведения, смысл «увеличения» может быть тройким:

1) Рост средних величин, например, вкладываемого капитала или числа служащих.

2) Рост оптимального размера заведения: идеальная доменная печь «новейшей» конструкции больше, чем в прежнее время.

3) Возрастание самых крупных существующих заведений до оптимума и за его пределы.

Напротив, при оценке явления увеличения с точки зрения распределения общей продукции между отдельными классами по величине полу-чаются следующие возможности:

1) При неизменяющейся производительности: «большие» заведения увеличиваются (может быть, и сами становятся больше); тогда меньшие должны уменьшаться (т. е. область их сбыта должна сжаться).

2) При увеличивающейся производительности: большие заведения увеличиваются без уменьшения малых, следовательно, так, что область их сбыта не должна суживаться (может быть, даже расширяться): все возрастающая область сбыта больших заведений является полностью добавочной продукцией, от которой, во втором случае, когда, несмотря на рост больших, число мелких заведений увеличивается, часть приходится на меньшие заведения.

3) При увеличивающейся производительности: большие заведения расширяются за счет малых, область сбыта которых таким образом (не взирая на подъем производительности) уменьшается:

а) соответственно числу заведений;

б) быстрее, чем число заведений;

в) медленнее, чем число заведений.

Сдвиг, неблагоприятный для малых заведений, может совершиться в трех различных видах: малые исчезают, в то время как крупные создаются вновь, или собственное малое заведение превращается в крупное, или несколько прежних малых заведений растворяются в одном большем.

Теперь, после установления понятия «увеличение», мы можем определить понятие «концентрации». И это слово может употребляться (и употребляется) в трех смыслах.

1) Концентрация не в настоящем смысле слова (в каком, следовательно, оно не должно употребляться) значит то же, что увеличение отдельных заведений, т. е. значит то же, что появление более крупных заведений. Если мы отвергаем такое употребление слова концентрация, то это

значит: с точки зрения отдельного предприятия вообще невозможно образование осмысленного понятия концентрации. Напротив, это возможно лишь с точки зрения распределения общей продукции. Отсюда мы приходим к понятию концентрации в более широком смысле.

2) Концентрация в более широком смысле — это увеличение доли высших классов заведения в общей сумме продукции без сокращения границ деятельности малых; между тем, как

3) Концентрация в более узком смысле слова значит то же, что увеличение доли больших заведений за счет меньших.

Понятие «концентрация» запутывается далее еще тем, что очень часто под «концентрацией капитала» разумеют столько же только что разобранную концентрацию заведений, как и *концентрацию имущества*, т. е. скопление большого имущества в немногих руках. Понятие концентрации имущества можно образовать по той же схеме, что и для понятия концентрации заведений. Но следует всегда иметь в виду, что концентрация заведений и концентрация имущества — два совершенно различных явления, которые совпадают, но которые могут и не совпадать. Возможна концентрация заведений также и в узком смысле слова, при уменьшении концентрации имущества, как, например, в следующем случае: три частных предприятия — с имуществом каждое в 1 млн. марок — превращаются в акционерное общество; через некоторое время эти три миллионера беднеют, и акционерное общество начинает принадлежать 1000 акционерам. Обратное, возможна концентрация имущества, также и в более узком смысле, при уменьшении концентрации заведений: если, например, богатый человек покупает три дворянских имения, из которых каждое являлось заведением, и использует их, превращая в небольшие заведения, сдаваемые в аренду.

Б. Внутреннее устройство заведений

I. *Механизация.* Капиталистическое заведение представляет собой высшую форму заведения, построенного с точки зрения рациональной целесообразности. В своей законченности оно представляет систему искусно проникающих один в другой трудовых процессов, исполнителями которых являются заменимые носители этих процессов в образе людей: его идеал — *interchangeability of parts*⁸. Для осуществления этого идеала служат следующие средства:

1) Разделение отдельных трудовых процессов, т. е. разложение комплекса трудовых процессов на отдельные части, разграниченные согласно чисто деловым точкам зрения.

⁸ Заменимость частей.

2) Нормализация этих частичных процессов таким образом, что они либо для всех заведений (функция управления), либо, по крайней мере, для одного и того же заведения – однородны.

3) Специализация, т. е. длительное предоставление этих, с деловой точки зрения, разграниченных частичных процессов особым исполнителям.

4) Автоматизация, т. е. передача исполнения этих отдельных работ механизмам (машинам), или, где это невозможно, установление известной принудительной скорости работы путем включения рабочего в группу.

5) Схематизация, т. е. замена живого надзора, руководства и контроля искусной системой предписаний, указаний и контролирующих установлений, действующей автоматически. В высокоразвитых заведениях непрерывно циркулирует «бумажный поток, который в цифрах подробно устанавливает производство и оборот ценностей».

6) Тейлоризация, как по имени американца Тейлора мы называем прием, которым рационализируется и научно обставляется каждая отдельная работа. Смысл системы Тейлора следующий: исполнение каждого отдельного трудового процесса изымается из усмотрения рабочего и подчиняется объективным нормам. Между рабочим и предметом работы (в других случаях приемами работы) внедряется искусная система предписаний и правил, которой принудительно подчиняются его собственные приемы.

С введением тейлоризма в цепь включается последнее звено. Личное, духовное в устройстве заведения, которое ранее имело исключительное господство и шаг за шагом оттеснялось, изгоняется из своего последнего убежища. Отныне производство вполне «объективировано», стало чистым созданием разума, вполне «механизировано».

II. *Интенсификация.* Заведение, до такой степени «объективированное», должно давать максимум трудовых достижений, если в нем затрачена высшая мера энергии. Но затрата энергии (в заведении определенных размеров) означает степень его интенсивности. Возможное увеличение этой интенсивности опять-таки является тенденцией капиталистического хозяйства.

Увеличение же количества затрачиваемой энергии достигается:

1) путем уплотнения возможно большего количества работы в данный промежуток времени, которое должно быть использовано без остатка, будь то потенциальное (календарное) время в 24 суточных часа, 7 дней недели или 366 дней года, или действительное рабочее время, какое работает заведение (если оно не работает непрерывно); преследуемая цель – получение в определенное время возможно большей суммы работы. Это прежде всего достигается ускорением автоматически действующим

шего аппарата средств производства, путем поощрения более прилежной работы рабочего и организованным вмещением большего числа производительных актов в данный промежуток времени (учащение движения пароходов и поездов, более быстрый оборот товаров, введение сезонной работы).

Далее, в зависимости от рода заведения, интенсификация достигается:

2) путем усовершенствования аппарата орудий производства, особенно приспособлений, — следовательно, за счет применения больших, лучших машин и аппаратов, или

3) путем привлечения рабочих высшей квалификации.

III. *Экономизация* — способ повышать производственную возможность заведения при наибольшей бережливости в затрате факторов производства. Бережливость достигается следующими средствами:

1) устранением лишних расходов, например, в горных заводах на постройку шахт, вентиляторов; на фабриках — на приспособления для охраны; в закрытых помещениях вообще — на расширение площади соответственно увеличенному числу рабочих;

2) получением более дешевых средств производства и их лучшим использованием, какое, например, достигается более рациональными приспособлениями для сжигания, уменьшения или использования отбросов, предохранения от порчи, повышения процента использования (*rendement*) и др., но также и заменой дорогостоящего сырья более дешевым (*суррогирование*);

3) оставлением более дешевых рабочих сил и их лучшим использованием. Стремление к достижению этой цели ведет:

а) к найму женщин и детей;

б) к усовершенствованию сортировки при помощи пробы; о чем речь была уже выше;

в) к усовершенствованию систем оплаты, предназначенных для этого, чтобы рабочий давал высшую производительность. Это достигается при помощи:

а₁) сдельной и поштучной системы оплаты;

б₁) премиальной системы оплаты (добавочная плата при известной высшей выработке);

в₁) поурочной системы (добавочная плата при выработке не ниже минимального задания).

В. Формы объединений

Организация заведений в капиталистическом хозяйстве частично вышла за пределы отдельных заведений и применила объединение

нескольких заведений для совместной деятельности. Мы уже познакомились с некоторыми из этих форм объединения, когда рассматривали разграничение областей работы отдельных заведений.

1) Слияние (фузия), т. е. спайка ранее самостоятельных заведений в одно новое заведение. Это явление происходит также при комбинации (которая, как мы видели, не требует предварительного слияния). Но мы встречаемся с ним также и независимо от явления комбинации, именно, когда дело касается спайки двух однородных заведений: двух банков, двух пароходных обществ, двух электрических обществ и т. д. На практике — это наиболее частый случай слияния.

Совершенно иной смысл, нежели слияние, имеет вторая форма объединения:

2) Картель. Картели — это целевые союзы самостоятельных предприятий однородных отраслей производства в целях продолжительного регулирования условий сбыта какой-либо промышленности с монопольными тенденциями. От слияния они отличаются, с одной стороны, по цели: они ограничиваются регулированием сбыта, с другой стороны — видом соединения; предприятия остаются самостоятельными; картельный договор не имеет в виду какого бы то ни было переустройства заведения.

3) Трест — это совмещение картеля и слияния.

Литература: (I) *Гельфанд В.* (Парвус). Техническая организация работы: дис., 1891; моя вышеупомянутая статья в «Архиве». Т. XIV.

(II) *Сельскохозяйственная система производства: фон-дер-Гольц.* Сельское хозяйство в шенберговском руководстве к политической экономии; *Эрбо Ф.* Общее учение о сельском хозяйстве, 1917; *Бринкман Т.* Экономические основы организации сельскохозяйственных предприятий (есть русский перевод, изд. «Экономическая жизнь». М., 1926), *Промышленные системы производства; Эндрю.* Философия промышленности. 3-е изд. 1861; *Маркс К.* Капитал. 4 отд.; *Бюхер К.* Системы производства в промышленности // Возникновение народного хозяйства. 1-е изд. 1893 и в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» (есть русский перевод того и другого). О системах заведений в торговле см. литературу к учению о торговом заведении, указанную в III, 3.

(III) *Мсерварт Р.* Введение в хозяйственную статистику (есть перевод, изд. «Гос. изд-ва». М., 1925); *Зомбарт В.* Современный капитализм. Т. II. Гл. 10 (есть перевод); *Лифман.* Формы предприятия. 2-е изд. 1921 (есть русский перевод); *Зомбарт В.* Немецкое народное хозяйство в XIX в. и в начале

СТРОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

XX в.» 5-е изд. 1921 (есть русский перевод); *Лейтнер Ф.* Учение о производстве в капиталистической крупной промышленности // *Grundriss der Sozialökonomik*. Т. VI; *Фогельштейн Т.* Финансовая организация капиталистической промышленности и образование монополии. Там же; *Никлиш Г.* Учение о хозяйственном предприятии. 5-е изд. 1922; *Гирш Ю.* Организация и формы торговли; *Шер И. Ф.* Общее учение о торговых заведениях, 1913. Ч. 1, 2 (есть русский перевод).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕГУЛИРОВАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

I. ТИПЫ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Мы хотели назвать регулированием тот порядок, который хозяйственная жизнь получает от «хозяйственного строя» (правовой строй, обычный строй, нравственный строй). Мы установили, что в каждом хозяйственном строе господствует определенный дух, который выражается в следовании известным основоположениям, известному правовому воззрению. Поскольку этот дух вносится в хозяйственный строй правоустанавливающей властью, мы можем говорить о *политико-экономической системе*, в которой мы мысленно пытались найти единство отдельных многообразных определений хозяйственного правопорядка. Это единство будет рассмотрено с двоякой точки зрения: оно осуществляется или установлением цели в основе однородной, или в выборе однородных в основе средств для достижения цели, поставленной себе хозяйственной политикой.

Сообразно этому, мы можем различать следующие типы *политико-экономических систем*, составляющих, конечно, лишь часть общегосударственной и общественной политики, которая, в свою очередь, входит в общую социальную систему (см. об этом гл. I моего «Пролетарского социализма», 1924 г.).

1) В зависимости *от цели* получают: универсалистические и индивидуалистические системы хозяйственной политики, или, как мы можем их еще назвать, идеалистические или реалистические и материалистические или номиналистические системы.

Универсалистическая хозяйственная политика имеет целью благо «целого». Но последнее имеет смысл лишь в том случае, когда мы понимаем его, как конкретную идею: государство, нация, город. Эта политика покоится на идеалистическом мировоззрении, т. е. на таком, которое рассматривает сверхэмпирические идеи, как реальности истории.

Чистым типом универсалистической хозяйственно-политической системы может, например, служить система Адама Мюллера⁹.

Индивидуалистическая хозяйственная политика имеет целью благо индивидуумов: единичных, многих, всех. Она покоится на материалистическо-номиналистическом мировоззрении.

Для этого рода хозяйственной политики типичны системы либерализма и пролетарского социализма. «Социалистическое общество создается для того, чтобы сделать доступным для каждого возможно более высокую меру жизненных удобств» (Бebelь).

2) В зависимости *от выбора средств* получают хозяйственно-политические системы: норматизация, связанная, несвободная и свободная.

Нормативная хозяйственная политика подчиняет хозяйственное поведение отдельных лиц системе связывающих правовых норм.

Для этого рода хозяйственной политики типично торговое государство, выдвигаемое Фихте: «Главные результаты этой теории следующие: в государстве, основанном на праве, соотношение трех главных сословий нации рассчитано, и каждое ограничено известным числом благ; каждому гражданину, так же, как каждому общественному чиновнику, обеспечена его доля во всех продуктах и фабрикатах страны пропорционально затрачиваемому им труду, но без видимого эквивалента; с этой целью установлены соотношение ценности всех вещей между собой и их цена в деньгах; наконец, чтобы сделать все это возможным, должна быть сделана невозможной непосредственная торговля вещами с другими странами».

Свободная хозяйственная политика в принципе предоставляет каждому организацию и ведение хозяйства по его личному усмотрению. В крайнем случае, она проводит известные границы для проведения индивидуумов в форме уголовных норм.

Тип такого строя — крайнее манчестерство.

Соображение о цели и выбор средств, обычно, не находятся в отношении неперменной зависимости. Правда, хозяйственно-политические системы, проведенные универсалистично, ведут в результате к нормативному регулированию хозяйственной жизни. Но индивидуалистическая хозяйственная политика может пользоваться в своих целях как связанным, так и свободным устройством. Доказательство: системы либерализма и (пролетарского) социализма, противоположные по выбору средств и одинаковые по намеченным целям.

⁹ Известный в свое время (начало XIX в.) публицист и экономист идеалистически-теологического направления, идеи которого в настоящее время выдвигаются некоторыми немецкими экономистами.

3) *Смешанными* политико-экономическими системами я называю те, в которых в принципе предусматриваются различные цели или выбор различных средств. Я говорю «в принципе», и этим я хочу сказать, что имею в виду не нечистое выражение политико-экономической системы в истории, а систему с двойственными решениями.

Так, замкнутое торговое государство Фихте совмещает определенно универсалистические и индивидуалистические цели. «В этом государстве все — слуги целого и потому по праву получают свою долю в благах целого. Никто не может обособленно разбогатеть, но и никто не может впасть в нищету. Неизменность его положения обеспечена каждому в отдельности, и, тем самым, спокойная и равномерная неизменность гарантирована целому». С точки зрения идеалистической, можно одинаково преследовать и универсалистические и индивидуалистические цели. Напротив, с точки зрения материалистической — только индивидуалистические.

Смещение точек зрения нормативной и натуралистической при выборе средств мы находим в классической форме «Утопии» Платона: Платон требует нормального устройства лишь для высших, благороднейших сословий, в то время как «подлый народ» — главный носитель хозяйственной жизни — предоставляется своим низким побуждениям.

В дальнейшем мы сделаем попытку познакомиться с главными политико-экономическими системами, ставшими или становящимися историей. Мы снова найдем в них, хотя и не в чистой форме, наши различные типы. Из политико-экономических систем прошлого я выбираю существенно важные для нашей западно-европейской хозяйственной жизни системы городского хозяйства, меркантилизма и либерализма.

II. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ПРОШЛОГО

1. Экономическая политика средневековых городов

Совокупность мероприятий, которые мы называем политикой городов, подобно естественному потоку, вытекала из сознания общности. Ее целеставление по существу — универсалистично, выбор средств делает созданный ею хозяйственный порядок в основе связанным.

Были ли это, в начале развития городов, лица, стоявшие во главе городов, или позже — патрицианские роды, или, наконец, плебейские цехи — от кого бы ни исходили хозяйственно-экономические мероприятия, они

всегда были преисполнены одним духом; их носителем был всегда наивный эгоизм этой маленькой группы людей, которая сознавала себя как нечто единое и была полна решимости пробить себе, как чему-то единому, путь вопреки всему внешнему миру, каким являлись для нее все чужие. Чужие, по отношению к которым не признавали никаких обязательств, которых стремились использовать как объект для собственного блага, — чужие, послы которых встречались с недоверием, потому что от них, в свою очередь, не ожидалось ничего хорошего.

Целью этой искусной системы регулирующих норм и направляющих мероприятий, которая представляет хозяйственную политику средневековых городов, было следующее: доставить «пропитание» этой общине, как некоему целому. Для этого было необходимо: 1) мудрая ввозная политика, несшая заботу о том, чтобы народ во всякое время располагал нужным количеством потребительных благ, особенно продуктов питания хорошего качества; 2) умелая вывозная политика, которая обеспечивала бы сбыт произведениям граждан; 3) промышленная политика, — обеспечивавшая ремесленную структуру производства.

Первой цели служили все те мероприятия, которые мы обнимаем понятием право — дорожное, штапельное. Это обозначает право провозить через город каждый торговый караван, двигавшийся в пределах определенного городского округа, и задерживать прибывший таким образом товар в городе хотя бы на несколько дней с тем, чтобы он был предоставлен гражданам для удовлетворения возможной в нем потребности.

Этой же цели служило так называемое рыночное право, которым городские жители обеспечивали себе монополию покупки у окрестных сельских хозяев. Ей же служило запрещение закупки местных припасов до прибытия на рынок, иногда даже запрещение всякой покупки местных припасов для перепродажи и, во всяком случае, запрещение всякой торговли съестными припасами на поставку. Интересы потребителя защищались во вред интересам торговца еще тем, что ему предоставлялось так называемое закупочное право, т. е. право закупать для себя из любой партии товаров, привезенных торговцем в город (также и против воли торговца), сколько ему было нужно. Или торговец мог закупать лишь после того, как были удовлетворены потребители и т. д. Обязательство продавать все товары на общественном рынке должно было обеспечивать доброкачественность товаров, предназначенных к продаже, чему служили еще другие предписания полицейско-рыночного характера: запрещение выставлять на продажу порченые вещи, требовать слишком высокую цену, надзор за весами, гирями и т. д. Но были также созданы и приспособления, которые гарантировали городу хорошее обеспечение хлебом: за счет города строились амбары и в них складывалось зерно.

Второй цели — обеспечить городскому ремесленнику сбыт его произведений — служило прежде всего запрещение всякой ремесленной работы в возможно более обширном округе вне города (так называемое *Bannrecht*), чем жители данного округа вынуждались обеспечивать себя промышленными изделиями в самом городе. Но сбыт городским ремесленникам стремились обеспечить также и тем (там, где этого не делала монополия), что проводились постановления о хорошем исполнении (запрещение употребления суррогатов, запрет работы после наступления темноты, правительственная проба товаров, предназначенных к вывозу). Наконец, ремесленнику обеспечивался сбыт в самом городе всякими мероприятиями, которые затрудняли сбыт чужих промышленных произведений.

Третьей цели — обеспечить ремесленную структуру промышленного производства и укрепить ремесло — служило так называемое цеховое устройство. Цехи были союзными сообществами отдельных ремесленников. Как было правильно сказано, они имели полномочия на занятие определенным ремеслом, нечто вроде ленного права на ремесло, подаренного цехам городом. Поэтому цехам было предоставлено право устанавливать правила, которые должны были служить сохранению и поощрению ремесла. Главная цель, которая имела в виду всеми предписаниями и правилами, была следующая: постоянно обеспечивать ремесленнику определенный размер заведения (т. е. определенный круг заказчиков), чтобы один не расширялся и не обогащался за счет другого, чтобы, наоборот, все имели равную часть в общем районе сбыта. Достижению этой цели служили:

а) Предписания, которые должны были создавать одинаковые для всех ремесленников условия приобретения сырья: путем ли установления, что ни один мастер не мог делать закупок иначе, как в рыночный день, в указанном, а не в ином месте, или же установлением по закону цен на сырье, обязательных для всех, или же ограничением количества закупаемого одним лицом, тем ли, что вообще запрещалась каждая предварительная «запродажа», или же тем, что каждому ремесленнику предоставлялось право принимать участие в покупке другого (так называемое *Einstandsrecht*).

б) Постановления, которые ограничивали расширение предприятия или размер производства. Сюда относятся установления высшего числа подмастерьев и учеников, которые могли быть заняты у одного мастера. Там, где такое ограничение оказывалось непригодным по самой природе ремесла, или вообще было неисполнимым, там применялись другие средства, чтобы помешать слишком большому расширению производства или развитию в крупное производство. Или же, наконец, определенно уста-

навливалось количество благ, которое могло быть создано одним ремесленником в определенный промежуток времени.

Это имело место именно там, где продукты были по существу однородны, следовательно, прежде всего в ткачестве, но потом также в скорняжном ремесле, дубильном и других.

в) Постановления, имевшие целью ввести по возможности одновременное и равноценное предложение.

Сюда относятся различные предписания о роде, месте и времени продажи; запрещение отбивать у товарища по цеху заказчиков и покупателей или отнимать у него работу; к этому относится запрещение заканчивать работу, начатую другим товарищем по цеху, и многое другое.

2. Меркантилизм

Меркантилизм — экономическая политика всех европейских государств с XVI до XVIII в. — тоже представляет собой политико-экономическую систему с универсалистическим целеполаганием, и свою цель — благо целого — он стремится осуществить, сильно связывая хозяйственную жизнь правовыми нормами.

Прежде всего, меркантилизм является не чем иным, как экономической политикой города, распространенной на более широкую территорию. Он также несет в широком объеме заботу о пропитании подданных, в данном случае — государства, он также исходит из идеи, что отдельный хозяйствующий субъект получает от общества свое право создавать блага или торговать; он также решается для блага общего взять на себя право надзирать за хозяйственной деятельностью своих граждан.

К этой прочно построенной системе городской хозяйственной политики прибавляется еще государь со своими особыми интересами. Но государь для укрепления своей мощи нуждался прежде всего в деньгах: потому, начиная с этого времени, важной задачей хозяйственной политики представляется изыскание денег для кассы государя; для разрешения этой задачи стремились прежде всего покровительствовать производительным силам страны. Но духу того времени, когда политика меркантилизма переживала свой расцвет (XVI — XVIII вв.), соответствовало то, что казалось возможным воздействовать на развитие производительных сил прежде всего путем развития капитализма, стремившегося к господству.

Из этих трех элементов — основы экономической политики городов, стремления поднять финансы государя и усилия к поощрению капиталистической хозяйственной системы — создается хозяйственная политика меркантилизма, которая, в отличие от более покойной политики городов, имеет сильно активистический характер и отличается тем, что инициа-

тива хозяйственного «прогресса» большей частью передана правительственным учреждениям.

1) *Политика обеспечения.* Если самым ревностным старанием городских властей была забота об обеспечении своих городов потребительными благами, то (можно сказать) центром устремлений всех крупных государственных людей ancien régime стало наполнение кассы своих государей меновыми ценностями в форме денег. К этой цели вело привлечение еще до этого денег в подчиненные им страны для того, чтобы прямо, или окольными путями, они текли в государственные кассы. Но умножение денег одновременно поощряло развитие в стране капитализма, что опять-таки было, с одной стороны, полезно финансам государя, с другой — лучше всего обеспечивало «пропитание» общины и ее граждан. Так политика обеспечения благами городов стала политикой обеспечения деньгами государств. Три дороги, по которым надеялись прийти (и частью действительно приходили) к золоту (первоначально — серебру), были: алхимия, разработка или приобретение копей и усиление активности в торговой политике, активный баланс которой должен был уравновешиваться ввозом благородных металлов. Два последних пути вели к совершенно определенно построенной вывозной политике и к своеобразной внутренней торговой и промышленной политике, которая, рядом с непосредственным обеспечением деньгами, имела еще и другие задачи, почему мы и должны подвергнуть ее особому рассмотрению.

2) *Политика вывоза* ставила себе целью сбывать продукты промышленности в возможно большем количестве за пределами своей собственной страны (ввиду ли только что указанной цели — установление активного торгового баланса, или для расширения «пропитания» своих подданных). Этой цели служили следующие меры:

а) Регулирование ввоза и вывоза: на сырье назначались высокие вывозные пошлины (для того, чтобы промышленность страны располагала обильным и дешевым сырьем), на готовые фабрикаты налагалась высокая ввозная пошлина (чтобы чужая промышленность не подавляла отечественной), и предоставлялись облегчения как для ввоза сырья (по первой из указанных причин), так и покровительство вывозу готовых фабрикатов (чтобы облегчить их сбыт за границей).

б) Поощрение пароходного сообщения путем монополизирования отечественного судоходства и премирование судостроения: высшим пунктом и классическим выражением этой протекционистской судоходной политики стал знаменитый Навигационный Акт Кромвеля (1651 г.).

в) Расширение и эксплуатация колониальных владений. Если рассматривать, как я это делаю, политику абсолютных государств в их крайних формах, как продолжение и завершение политики средневековых горо-

дов, то ясно, что колонии, располагающиеся вокруг всех этих государств, можно сравнить с «сельскими округами», на которые, во всяком случае, распространялась хозяйственная власть средневековых городов: на место города выступило государство, создавшее себе теперь в колониях область, которую оно могло эксплуатировать так же, как город эксплуатировал округ, тем, что оно заставляло их доставлять свои произведения исключительно ему и за то приобретать продукты государства.

3) Внутренняя политика меркантилизма — промышленная, торговая и меновая — должна была, прежде всего, выполнить задачу наивысшего развития производительных сил страны. Стремление к разрешению этой задачи привело к следующим группам мероприятий:

а) Установление единообразия в отдельных странах многочисленных различных местных промышленных постановлений. Это единообразие имело значение национализации промышленного права. Оно достигалось или тем, что вместо города или цеха органом надзора и контроля становилось государство, или тем, что цехи делались национальными союзами, или, наконец, тем, что для вновь зарождавшихся отраслей промышленности с самого начала создавались национальные цехи.

б) Мероприятия для развития сношений, которые частью заключались в мерах освободительного характера, поскольку уничтожались внутренние пошлины, сильно препятствовавшие свободным сношениям внутри государств; частью же выражались в положительных поощрительных актах. Особенности сношений и их условий привели к тому, что само государство, поскольку оно считало себя вынужденным содействовать развитию сношений, нередко должно было само прилагать руку и по собственной инициативе создавать средства для сношений. Так, современная государственная власть обращает свое особое внимание на улучшение дорог и водных путей и несет заботу об организации путей сообщения внутри страны: начала правительственной почты относятся ко времени меркантильной хозяйственной политики.

в) Третья группа мероприятий, входивших во внутреннюю политику меркантилизма, имела целью поощрение капитализма во всех областях.

Я понимаю под этим такую политику, которой все усилия правительства направлены к тому, чтобы вызвать к жизни частнохозяйственную деятельность, или сделать ее там, где она существовала, доходной или более доходной. Выражаясь точнее, можно сказать, что правительство использовало все имеющиеся в его распоряжении средства либо для того, чтобы способствовать развитию уже существовавших капиталистических интересов, либо для поддержания прорывавшихся к жизни, но еще находившихся в зачаточном состоянии капиталистических интересов, либо, наконец, для насаждения ростков таких интересов. С другой стороны, силы

правительства расходовались частью на то, чтобы осуществить капиталистический способ хозяйства в противовес противоположным тенденциям ремесленных цехов.

А этого поощрения капитализма полагали достичь (и в большинстве случаев — достигали) с помощью следующих мер:

а₁) Привилегии или монополии: они состояли, главным образом, в запрещении для других занятия определенной хозяйственной деятельностью.

Привилегии времени меркантилизма, в форме предоставления монополии, отличаются от привилегий нашего времени, в форме предоставления патентов, тем, что первые предоставлялись авторитетом правительства с определенным намерением, каждым отдельным актом привилегии поддержать интересы общественные (или государя), в то время как патент на изобретения покоится на индивидуальном (частном) праве, в охране которого не может быть отказано.

В исторической последовательности право предоставления монополии должно, пожалуй, быть отнесено к старым идеям феодализма. Король владеет всей властью и всеми проистекающими из нее правами и в той мере, в какой ему заблагорассудится, наделяет ими своих слуг, которые сами передают другим частью или полностью полученные от него права. И государь приписал себе в то время подобное же право, именно право разрешать (и запрещать) хозяйственную деятельность, допускать к ней определенных лиц или им в ней отказывать.

Монополия, которая предоставлялась известному лицу или корпорации, могла, по существу, распространяться на любое доходное занятие: мы равно часто встречаем монополии производственные, торговые и монополии на сношения. Монополия могла предоставляться на вечные времена или на срок жизни первого получившего ее, или на известное число лет.

Производственные монополии были, в сущности, главным образом промышленными монополиями. Они осуществлялись в существовавших уже отраслях промышленности, которые должны были перейти в капиталистическое производство (большой частью, с введением нового приема производства, который и был поводом к монополизированию), либо таким образом, что какая-нибудь одна корпорация получала контроль над всей промышленностью, или же так, что с самого начала создавалась национальная монополия, или, наконец, так, что какой-нибудь город или область получали преимущественное право производить предметы определенного рода.

В качестве торговой монополии, привилегия давала исключительное право торговых сношений с определенной местностью, с определенной страной. На таких географических привилегиях покоились все крупные заморские торговые компании XVII и XVIII вв.

Смысл привилегирования ясен: зарождающейся промышленности или начинающейся торговле или сношениям (которые в большинстве случаев были между собой связаны) предоставляется уверенность или надежда на успех, которые при малом сбыте в те времена никогда бы не были обеспечены, если бы существовал принцип конкуренции.

б₁) Регламентация, т. е. подчинение хозяйственного положения каждого надзору и указаниям власти, действительно выработалась в систему лишь в период меркантилизма. Господство этой идеи регламентации проявляется в том, что было названо излишком попечения абсолютного государства. Его основные положения нисколько не отличались от положений цехового строя, которые во время господства меркантильной хозяйственной политики не только сохранили силу всех существенных пунктов и для ремесла, но в важнейших частях даже были перенесены и на капиталистическую промышленность. Прежде всего, для произведений этой промышленности был сохранен правительственный осмотр, которым рассчитывали обеспечить добротность фабрикатов.

Идея, которой при этом руководствовались, выражена в классической форме словами, которыми Кольбер, самый крупный представитель меркантилистических положений, начинает промышленный устав 1667 г.: «*Nous désirons remédier autant qu'il nous est possible, aux abus qui se commettent depuis plusieurs années aux longueurs, largeurs, force et bonté de draps, serges et autres étoffes de laine et fil, et rendre uniformes toutes celles de même sorte, nom et qualité, en quelque lieu qu'elles puissent être fabriquées tant pour en augmenter le débit dedans et dehors notre royaume que pour empêcher que le public ne soit trompé*»¹⁰.

в₁) Наконец, премии должны были служить тому, чтобы возбуждать рвение капиталистических хозяйствующих субъектов, и при известных условиях, также для того, чтобы покрывать потери, которые оказывались у предпринимателя. С этой целью из государственных касс выдавалась доплата наличными, часто в весьма значительных суммах. Поддержка покровительством оказывалась всем изобретениям; королевская касса как бы находилась на рынках и дорогах в ожидании тех, кто располагал каким-нибудь изобретением, чтобы их наградить. Но рядом с этими чистыми доплатами существовало большое число всевозможных льгот —

¹⁰ Мы хотим, насколько это в наших силах, помочь против упущений, которые в течение нескольких лет делаются в длине, ширине, крепости и добротности сукон, саржей и других тканей шерстяных и бумажных, и сделать одинаковыми все ткани одного сорта, названия и качества, где бы они ни фабриковались, с целью столько же увеличить их сбыт внутри и вне нашего государства, сколько и для того, чтобы население не вводилось в заблуждение.

нематериальных и материальных, которыми предполагали оживить предпринимчивость.

Савари перечисляет в своем словаре (см. Manufactures) важнейшие из этих льгот, список которых является для нас доказательством того рвения, с каким государственное управление старалось помочь юному капитализму встать на ноги. Так, предприниматели, проявившие себя и внушившие доверие, получали: наследственное дворянство; годичную пенсию; разрешение варить пиво для себя, своих родственников и рабочих, места для постройки своих заведений; право «Commitimus»; освобождение от промышленного надзора и др.

Может быть, не во всех странах хозяйственная политика меркантилизма была проведена с одинаковой последовательностью. Но ее идеи определяли руководящие точки зрения в управлении своими странами всех великих государственных людей от Кромвеля и Кольбера до Фридриха Великого. Она была последней широкой системой регулирования хозяйственных явлений с осознанными целями, выросшей из известного государственного воззрения. Политические системы последующих времен представляются по сравнению с ней низменной торгашеской политикой.

3. Либерализм

В противоположность обоим охарактеризованным нами политико-экономическим системам, цель, постановленная либерализмом, — чисто индивидуалистическая; в хозяйственном строе, представленном этой идеей, самое широкое поле действия предоставлено осмотрению каждого.

Экономический либерализм сам составляет часть общего государственного и общественного воззрения, которое, начиная с XVII столетия, сложилось в государствах Западной Европы на основании материалистической и номиналистической метафизики и в значительной степени было вызвано великими открытиями естествознания в XVII в. Это было социальным ньютонизмом, перенесшим теорию гармонии сфер на общество и покоившимся на вере в естественный порядок общественных отношений, в некий *ordre naturel*, который надеялись осуществить, предоставив общественным элементам — отдельным личностям — полную свободу действий.

Экономический либерализм оказался идеологией, соответствующей капитализму, стремившемуся к освобождению от уз, наложенных на него меркантилизмом. И потому он приобретал большую практическую наступательную силу. Он стал той политико-экономической системой, которая в XIX в. приобрела внутри государств почти полное господство и хотя бы временное — в сношениях государств между собой.

Его основные положения следующие: отменяется обязательность общественной солидарности; отдельные личности сохраняют лишь общественно-договорные отношения; они связаны только интересами, а не чувствами и симпатиями. Высшая точка зрения, которой регулируются все отношения в обществе, — это интересы отдельных лиц. Общественное благополучие — это лишь сумма благополучия отдельных лиц. «Государство не имеет для либерализма никакого самостоятельного значения, оно является лишь организацией власти общества для защиты правопорядка». Последний сам предусматривает резкое разграничение между публичным и частным правом, неизвестное в прежние времена: гражданская деятельность человека, в особенности его хозяйственная деятельность, в основе предоставлена сфере частного права. Правовой порядок хозяйственной жизни превращается, таким образом, в систему субъективных прав, которой не противопоставляется никаких обязанностей. Хозяйственное право отодвинуло возможно дальше границы независимого поведения единичных хозяйствующих субъектов: хозяйственное право стало системой индивидуальных прав на свободу. Это хозяйственное право составляют следующие части:

I. Свобода промысла, обозначаемая также как «промышленная свобода» в более узком смысле. В принципе, каждый может свободно решать, как, когда и где он хочет осуществлять свою хозяйственную деятельность. Противоположность этому составляют системы промышленных монополий, цеховой строй, средневековое законодательство о праве штапельном, дорожном, праве преимущественной продажи и т. д., а также, конечно, и всякий «социалистический» хозяйственный строй.

II. Свобода контрактных соглашений, обозначаемая также как свобода договоров. Этим устанавливается, что каждый хозяйствующий субъект может самодержавно, по свободному соглашению с другим, устанавливать условия о предоставлении хозяйственных благ и услуг. Таким образом, эта свобода гарантирует свободу купли и продажи, свободу договора о найме, аренде, земле, и, главным образом, свободный договор о заработной плате. Противоположенность составляют: предписания свыше, устанавливающие продажные цены и заработную плату, запрещение процентов, ограничение числа лиц, нанимаемых работодателем и т. д.

III. Свобода во всякое время по усмотрению менять место своей деятельности, так называемое право свободного передвижения.

IV. Свобода собственности как на потребительные блага, так и на средства производства, движимость и недвижимость. Резкую противоположность составил бы опять-таки социалистический хозяйственный строй; но и докапиталистический правовой порядок с своей «связанностью» собственности, с признанием «служебных свойств» собственности покоится

на принципиально ином основании. Но свобода собственности содержит следующие отдельные свободы:

1) Свободу распоряжения собственностью, предоставляющую собственнику вещи право использовать ее так, как это ему желательно; собственность не отягощена никакими обязанностями. На практике это означает, прежде всего, что собственник всегда может по желанию употребить ее как потребительное благо или как средство производства: что земледелец может использовать свою землю как парк, ристалище или место для охоты, что владелец городской строительной площади не может быть принужден предоставлять свою землю для застройки и т. д.

2) Свободу отчуждения.

3) Свободу закладывать.

V. Свобода наследования. Право распоряжения собственника простирается за пределы его жизни. Этим обеспечивается непрерывность индивидуальных интересов; лишь этим дается выражение в высшей степени личной природе права, которое принимает последнее освящение.

VI. Постоянная охрана благоприобретенных частных прав. Этим как бы увековечивается царство индивидуальных хозяйственных интересов; личному интересу обеспечивается бессмертие; окончательным образом признается перевес единичной воли над волей целого.

Законодательные и административные мероприятия, предпринятые для осуществления этих идей в течение XIX в., естественно были главным образом «освобождением» от стеснений и от перешедших в качестве наследства более ранних политико-экономических систем.

В сельском хозяйстве дело касалось отмены старого аграрного устройства. В подробностях это означает:

1) Освобождение индивидуального хозяйства от связи с имением: отмена крепостной зависимости, барщины и упряжной повинности, оброчных повинностей.

2) Освобождение от сельского союза: раздел общих угодий, уничтожение чересполосицы.

3) Уничтожение владельческих привилегий («дворянских вотчин») и т. д.

В области промышленного производства предстояло разрушение принудительных постановлений — городских и меркантилистических:

1) уничтожение цехового устройства;

2) отмена привилегий;

3) отмена регламентации.

В области торговли и сношений нужно было убрать препятствия, стоявшие на пути свободного обращения товаров. Отсюда:

1) уничтожение прав штапельного, дорожного, рыночного и т. д.;

- 2) уничтожение внутренних таможенных границ;
- 3) уничтожение таможенных границ между отдельными государствами.

Но эта последняя цель никогда не была достигнута даже приблизительно. В 1860-х гг. казалось, что и в сношениях между нациями хотят перейти к «свободной торговле». Однако, вскоре движение остановилось, и уже в конце 1870-х гг. все государства (за исключением Англии) вернулись к системе покровительственных пошлин.

Осуществление либерального законодательства, основы которого были всюду те же, произошло в разных странах по-разному. Мы можем различать три различных типа этого осуществления: английский, французский, прусско-германский.

1) *Английский* тип определяется формально тем, что дело освобождения как бы само завершается, — путем постепенного обветшания самих установлений. Крепостное право и зависимость еще до сего времени не отменены соответствующим законом. Материально английский тип, прежде всего, характеризуется тем, что освобождение начинается всего раньше; уже с XVI столетия крепостное право и зависимость отмирают; уже начиная с XVII в. уничтожается система привилегий и регламентирования. Но, кроме того, как уже указывалось, английская экономическая политика отличается от экономической политики всех других государств тем, что в ней нашло признание основное положение о свободе торговли при международном обмене (с 1840-х гг.). Это не исключает того, что и Англия, как мы еще увидим, ведет выраженно меркантилистическую политику.

2) *Французский* тип формально отличается сильно выраженными драматическими чертами. Хотя уже Тюрго начал дело освобождения путем реформ, оно было проведено лишь театральным переворотом Великой Французской революции — в ночь на 4 августа. Провозглашение прав человека! Доктринерские фразы о естественных правах! По содержанию либеральное законодательство характеризуется во Франции широким радикализмом: кодекс Наполеона — это свод законов, всего лучше выражающий либерально-правовые идеи. Выше мы уже определили время начала реформ.

3) *Пруско-германский* тип характеризуется формально тем бюрократически-законным путем, каким проводится законодательство о реформах: «... то, что Французская революция сделала снизу, мы должны сделать сверху» (Гарденберг). Материальная особенность прусско-германской реформы состоит в том, что проведение ее относится к сравнительно позднему времени, не ранее XIX в. Аграрная реформа, начатая Штейном и Гарденбергом в 1807–1811 гг., снова застревает, и энергично к ней при-

ступают лишь с 1850 г. Точно так же уничтожается и свобода промышленности, впервые введенная в 1810 г. и осуществленная лишь в 1860-х гг. (в 1865 г. — горная свобода, в 1867 г. — общегерманский промышленный устав). Торговля и сношения освобождаются от внутренних таможенных границ лишь с основания таможенного союза (1833 и сл. гг.). Германия является также первой страной, которая решительно покидает пути либеральной экономической политики и становится образцом для создания той политико-экономической системы, которую мы можем обозначить как систему настоящего времени. С ней мы еще должны попытаться познакомиться.

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Я не буду здесь говорить о политико-экономической *системе* настоящего времени, так как думается, что такой не существует. Насколько это можно видеть в настоящее время, мероприятия экономической политики не исходят от высшей, руководящей идеи и потому не имеют единого характера. И еще невозможно сказать, является ли смешение стилей, отличающее современную политику, проявлением сознательного признания «смешанной» системы или только выражением внутренней растерянности государственных людей. Во всяком случае, смешение стилей выступает явственно. Экономическая политика наших дней установлена столь же на универсализм, как на индивидуализм; она признает принцип свободной конкуренции, но не останавливается перед далеко идущим регулированием хозяйственной жизни. Ее определяют как неомеркантилизм, и не без оснований. Прежде всего политико-экономические отношения, в каких находятся между собой государства, обнаруживают большое сходство с положением государств в отношениях друг к другу во время господства меркантилистической экономической политики. Но родственные черты встречаются и во внутренней экономической политике. Это будет подтверждено рассмотрением важнейших основ теперешней экономической политики.

Как я уже указывал, казалось, что на короткое время в течение XIX в. *внешняя* экономическая политика европейских государств потеряла направление: стали обнаруживаться идеи свободной торговли. В течение 1860 и 1870 гг. целый ряд государств перешел к более или менее выраженной системе свободной торговли. Но уже к концу 1870-х гг. государства

снова вспомнили о своих особых интересах: снова путеводной звездой их деятельности стали государственные интересы, снова получила значение идея самостоятельной национальной хозяйственной области. Следствие этого поворота сразу же сказывается различным образом.

Прежде всего, начиная с 1880-х гг., почти все страны (за исключением Англии) снова возвращаются к определенно выраженной защитительной торговой политике, причем введение ее в одной стране почти вынуждало к тому же другие страны.

Затем в 1880-х гг. наступила новая эра колониальной политики: она начинается английскими завоеваниями Южной Африки, за этим следует оккупация некоторых африканских территорий Германией, овладение французами Тунисом, их экспедиция в Тонкин, проникновение итальянцев в Ассаб и Массауа, абиссинская война и т. д.

Наконец, все яснее стало проступать стремление великих держав создавать там, где они не могли основать колоний, «сферы влияния», т. е. ставить полудивилизованные народы в такую зависимость от себя, при которой последние были вынуждены предоставить им известные хозяйственные преимущества (вложение капитала, государственные заказы и т. д.). Наступает эра «египтизации» и «балканизации» многих европейских и внеевропейских народностей. Мы обозначаем совокупность этих стремлений к расширению как империализм, в развитии которого, впрочем, не последняя роль принадлежит Англии, единственной стране «свободной торговли» в отношении таможенной политики.

Мы снова видим, как частные интересы руководящих хозяйствующих субъектов совпадают с тем направлением, в каком развивается экономическая политика государств. Насколько неразумно такое явление, как современный империализм, — который обусловлен множеством факторов: религиозной политикой, политикой народонаселения, государственной политикой, — рассматривать как политику, всецело предназначенную служить капиталистическим интересам и только им, настолько все же несомненно, с другой стороны, что и эти хозяйственные интересы оказывали влияние при определении внешней политики государств. Капитализм, вступивший в последнюю фазу своего развития, теперь, как и при своем возникновении, чтобы завоевать земной шар, требовал поддержки всеми средствами, какими располагает государство. Снова был провозглашен пароль: поскольку государство — постольку капитализм. И чувство самосохранения государств принуждало их к той неомеркантилистической политике, которую я только что обрисовал.

Характер внутренней экономической политики настоящего времени в особо высокой степени отличается тем смешением стилей, которое я в общем отметил как отличительную черту современной экономиче-

ской политики. То, что мы наблюдаем, представляет собой процесс преобразования в нормативно-регулируемую хозяйственную жизнь, которая до сих пор складывалась, преимущественно, натуралистично — по основным положениям либерализма: этот процесс уже совершается в течение нескольких поколений и в последнее время был лишь несколько ускорен. Это внедрение, как можно тоже выразиться, системы хозяйственного управления в систему свободных хозяйственных отношений называют в новейшее время социализацией. Но взгляд на события в европейской экономической политике последнего поколения учит, что выражение это — ново, но явление — старо.

Понятие «*социализация*» имеет следующее содержание: в общем, это слово, как вполне правильно определила комиссия по социализации, означает движение в направлении к народному хозяйству, которое планомерно ведется и контролируется в интересах всего народа.

Социализация может иметь следующие степени:

1) Полная социализация (*Vollsozialisierung*), т. е. нормализация, рационализация всей хозяйственной жизни данного народа; полное как интенсивное, так и экстенсивное плановое устройство хозяйства.

2) Социализация целиком (*Durchsozialisierung*), т. е. полная социализация одной хозяйственной отрасли (хозяйственной области), интенсивная по частям полная социализация.

3) Частичная социализация (*Teilsozialisierung*), т. е. как интенсивная, так и экстенсивная неполная социализация хозяйственной жизни.

Эта частичная социализация, о которой только и идет речь, когда мы говорим о социализации, более распространена, чем обычно думают. И немногие лишь знают, что мы с давнего времени находимся в процессе социализации. Каждое постановление об общественном контроле какого-нибудь хозяйственного явления есть уже акт социализации, так как оно обозначает хотя бы и небольшой шаг по пути к превращению хозяйства, ведущегося на основании натуралистического принципа, как то соответствует идеям либерализма, в нормативно-регулируемое хозяйство.

Потому нам следует искать явлений социализации не только в области производства, как это обычно делают, но также в области потребления и распределения.

Соответственно этому мы различаем:

1) Социализацию *потребления*, т. е. всякий общественный надзор над продающимся товаром: контроль продуктов питания, запрещение алкоголя, курения и т. п. Государство не предоставляет мне потреблять, что и как я хочу, а вмешивается в этот в высокой степени личный акт потребления.

2) Социализацию *распределения*, т. е. распоряжение уже созданными благами по «плану»: распределение жилищ, рационализация получения това-

ров, таксы на цены, налоги с социалистическими целями; огосударствление горного дела, принудительное государственное страхование и т. п.

3) Социализацию *производства, которая* имеет двоякий смысл: речь идет или только о регулировании или воздействии на оставшиеся в основе предпринимательскими частные хозяйства, будь то формально назначение в производстве советов для контроля хозяйства, фабричная инспекция; или материально: рабочее законодательство, рационализирование сырья, установление, что и где производить и т. д. Или же вопрос касается исключения предпринимательского хозяйства (социализация в более узком смысле), следовательно, замена или восполнение частнохозяйственной организации другим каким-либо общественно-окрашенным хозяйственным порядком. Но и эта социализация в более узком смысле слова обнаруживает еще очень разнородные формы. Сюда относится не только огосударствление и муниципализация предприятий, не только передача их во владение или под руководство особых союзов, как «гильдии», но также принудительное синдицирование под общественным контролем или создание так называемых смешанных обществ, в которых как бы происходит симбиоз общественных и частных интересов. Эти смешанные общества представляют собой тип хозяйственной организации с богатой будущностью. В нем находит себе яркое выражение также и своеобразное смешение стилей хозяйственной политики настоящего времени.

Регулирование немецкого угольного хозяйства, как оно установлено законом об угольном хозяйстве от 13 марта 1919 г. (с инструкцией от августа того же года), должно иметь программное значение. Согласно этому закону, угольный синдикат становится принудительным синдикатом. Все угольные предприятия каждого округа объединяются в союзы, эти опять-таки — в общий союз. Угольное хозяйство ставится под высший надзор империи и регулируется имперским угольным советом, к которому принадлежат работодатели, рабочие горного дела, представители от потребителей и ученые специалисты. Установление цен и условий доставки исходит от имперского угольного совета. Министр имперского хозяйства имеет некоторое право — veto.

Литература. (I) Вебер М. Национальное государство и народно-хозяйственная политика, 1895; Шпани О. Истинное государство, 1921; Дитцель Г. К истории социализма и коммунизма (перепечатка 1920 г.); Меллендорф В. От старых времен к старым временам. Старый Фриц;

Фихте И. Г., фон Штейн, Лист Ф., Бисмарк, Лагард П. О германском общественном хозяйстве, 1920. Пролетарский социализм, 1924. Т. 2.

(II) О политике городского хозяйства и меркантилизме см. мой «Современный капитализм», особенно Т. I. Гл. II.

Об экономическом либерализме см.: *Шеффле А.* Капитализм и социализм, 1870. Лекции 5, 7; *Вагнер А.* Основание политической экономии. 3-е изд. 1892. 5-я книга; *Трамбов.* Немецкая партия свободы, 1903; *Шульце-Геверниц Г.* Британский империализм и английская свободная торговля, 1906; *Беккер Ю.* Немецкое манчестерство, 1907; *Филлипович Е.* Развитие политико-экономических идей в XIX в., 1910 (есть русский перевод). Вышеуказанное сочинение *Л. Мизеса.* Общественное хозяйство, 1922.

(III) *Маркс Э.* Идея империализма в современности, 1903. Империализм. К анализу хозяйственной и политической жизни современности. Собрание мнений, изданное В. Баргиусом, 1905; *Фриджюнг.* Век империализма. В 3 т. 1919; *Ленц Ф.* Власть и хозяйство, 1916; *Шульце-Геверниц Г.* (сочинение, указанное в книге II); *Шумпетер И.* К социологии империализма, 1919.

Ратенау В. Новое хозяйство, 1918. Построение общественного хозяйства. Докладная записка Министерства имперского хозяйства, 7 мая 1919 г. К этому: *Висель Р.* и *Меллендорф В.* Хозяйственное самоуправление: отчет заседаний комиссии по социализации, 1919 и сл.

*Перевол с нем. В. З.
под редакцией В. В. Леонтьева*

ЕВРЕИ И ИХ УЧАСТИЕ
В ОБРАЗОВАНИИ
СОВРЕМЕННОГО ХОЗЯЙСТВА

1. О РАЗМЕРАХ И ФОРМАХ ЭТОГО УЧАСТИЯ

Чтобы определить участие и роль, играемую некоторой группой населения в определенной хозяйственной деятельности, в нашем распоряжении имеются два метода, которые можно назвать методами статистическим и генетическим. С помощью статистического метода — как показывает уже само название — мы пытаемся узнать число хозяйствующих субъектов, принимающих вообще участие в определенной области экономической деятельности, заводящих, например, торговлю с известной страной или вводящих известную отрасль промышленности в данную эпоху, — затем определяем процентное отношение числа членов изучаемой группы населения к числу всех занятых в этой ветви хозяйственной деятельности. Метод этот имеет, бесспорно, свои большие преимущества. Несомненно, я получаю точное представление о значении иностранцев, или же протестантов, евреев и пр. для развития известной отрасли торговли, если я могу установить с цифрами в руках, что 50 или 75 % из занятых в торговле лиц относятся к одной из изучаемых мною категорий. Особенную ценность приобретает этот метод, если с помощью статистики я могу выделить, помимо личности хозяйствующих субъектов, и другие экономически важные моменты проблемы: размеры вложенного капитала, количество созданных благ, величину товарного оборота и пр. Поэтому при работах, подобных предлагаемой здесь, исследователи охотно и с пользой будут прибегать к статистическому методу. Но скоро также они должны будут заметить, что одним статистическим методом задача не может быть разрешена. Во-первых, потому, что даже лучшая статистика сообщает далеко не все, а часто и не самое важное из того, о чем идет речь в нашем случае. Статистические данные молчат в вопросе о динамическом действии, оказываемом в хозяйственной жизни (как и повсюду, где проявляется активность человека) отдельными могучими индивидуальностями, влияние которых простирается далеко за пределами их непосредственной деятельности и роль которых в ходе развития определенной стороны общественной жизни несоразмерно значительнее, чем это можно было бы судить по голым цифровым итогам. Если деятельность какого-нибудь банкирского дома влияет решающим образом на десять других банков и налагает таким образом особый отпечаток на весь характер коммерческой деятельности известной эпохи и страны, то это действие — а, значит, и роль в развитии банковской жизни — этого задающего тон банкирского дома, не может быть выделено никакими, даже наиточнейши-

ми, цифровыми данными. Таким образом, статистический метод должен во всяком случае быть дополнен другими методами исследования.

Но помимо этого и гораздо больше, может быть, дает себя чувствовать другой недостаток статистического метода: дело в том, что в большинстве случаев он неприменим за отсутствием достаточного цифрового материала. Только при особенно благоприятных обстоятельствах нам остались от прошлого точные цифровые данные о числе занятых в определенной отрасли промышленности или торговли лиц, о величине оборота и т. д. с точным указанием процентного отношения различных групп населения, — в интересующем нас здесь случае количественного участия евреев в хозяйственной жизни. Для настоящего времени и для будущего было бы, вероятно, возможно — при особенно благоприятных обстоятельствах — предпринять в большом масштабе указываемого рода статистические исследования. О некоторых подобных исследованиях мы еще будем говорить в дальнейшем. Надо только не упускать из виду огромных трудностей, сопряженных с такого рода работами. Общие профессиональные и промышленные переписи здесь нам не могут ничем помочь. В самом благоприятном случае из них можно извлечь указания на участие групп различного вероисповедания в отдельных отраслях хозяйственной деятельности. Но этого для нас мало: во-первых, как я уже сказал выше, одно указание на число лиц без данных о размерах представляемого ими капитала или же промышленного или торгового предприятия, само по себе, недостаточно; во-вторых, от нашего анализа ускользают все те лица, которые переменили свое вероисповедание, но по существу должны быть отнесены к изучаемой нами группе населения. Чтобы придти к более или менее надежным результатам при таких статистических исследованиях, должно прибегнуть к изучению различных источников (торговых и промышленных руководств, торговых и промышленных адресных книг, податных списков еврейских общин и т. д.); эти исследования должны производиться в виде монографий людьми, обладающими точными знаниями по какой-нибудь определенной отрасли экономической деятельности и, в частности, точными сведениями о лицах, принимающих в этой отрасли участие. Я льщу себя надеждой, что книга моя послужит стимулом начать такие исследования в крупном масштабе. (Эти исследования, помимо всего прочего, требуют еще больших денежных затрат.) Но в настоящее время — если не говорить о замышляемой Зигмундом Майром анкете — мы не имеем ни одной пригодной работы такого характера. И если бы для установления роли евреев в нашей хозяйственной жизни мы бы не имели ничего, кроме статистического метода, то этот очерк должен был бы остаться не написанным. Но, как я уже сказал в самом начале, мы имеем еще другой — генетический — метод. Метод этот не просто служит для заполнения пробелов, оставляемых статистическим мето-

дом; наоборот, он имеет свои особые крупные достоинства, дающие ему равные с статистическим методом права на наше внимание.

Этот генетический метод можно определить приблизительно следующим образом: мы желаем прежде всего узнать, насколько известная группа населения (евреи) влияет (или влияла) решающим образом на ход развития и направление, на сущность и формы современной хозяйственной жизни, — иначе говоря, мы хотим узнать ее качественное или, как я выше выразился, динамическое значение. Но это мы сумеем скорее всего узнать тогда, если рассмотрим, не получили ли определенные, особенно характерные для нашей экономической жизни черты своего первого и решительного отпечатка от евреев. Так мы постараемся исследовать, нельзя ли в деятельности евреев видеть причину известных внешних образований локального или организаторского характера; или же, не обязаны ли своим происхождением некоторые практические, деловые принципы, ставшие всеобщими, основными для нашей хозяйственной жизни, экономическими правилами поведения, особенностям еврейского духа. Применение этого метода требует, как мы видим, ретроспективного анализа хозяйственного развития, по возможности до его первых начатков; оно заставляет нас обратиться с своим исследованием к детским годам современного капитализма или, по крайней мере, к той поре его, когда он впервые получил свой теперешний отпечаток. Но, разумеется, мы не должны довольствоваться изучением только этой поры молодости; наоборот, мы должны самым внимательным образом следить за процессом созревания сущности капитализма, ибо все это время — вплоть до настоящего времени — непрерывно накапливался все новый и новый материал: некоторые, существенные для известной хозяйственной системы черты довольно часто выступают лишь в позднем возрасте. Надо только уловить мгновение, когда впервые обнаруживается эта новая черточка, и исследовать, кто именно играл в этот решающий момент главную роль в той отрасли экономической жизни, где принятый новый росток.

Нужно установить, говорю я, кто играл здесь главную роль; нужно, несмотря на то, что довольно часто очень трудно, или даже просто невозможно, точное и бесспорное констатирование факта; как и в других случаях, все здесь зависит от научного такта исследователя. Само собой разумеется, что те лица, которые творческим образом вводят в хозяйственную жизнь новое учреждение или новую руководящую идею, не являются непременно «изобретателями» в тесном смысле этого слова. Довольно часто высказывалось утверждение, будто у евреев нет собственно изобретательского гения, что не только в технической, но и в экономической области новые «изобретения» делались не евреями и что евреи лишь умели искусно использовать чужие идеи. Я не разделяю этого тезиса в таком его общем виде: мы имеем еврейские «изобретения» в узком смысле этого слова даже в технической

области и, уж во всяком случае, в сфере чисто экономической. Но, если бы даже это утверждение было правильно во всем своем объеме, то оно все-таки совершенно не противоречило бы гипотезе о том, что евреи наложили свой особенный отпечаток на известные стороны экономической жизни; ведь в хозяйственном мире не столько важно изобретение само по себе, сколько «эксплуатация» этого изобретения; иначе говоря, в хозяйственной деятельности важно надеть жизнь известную идею, надо сделать так, чтобы новая мысль пустила корни в действительности. Для хода и направления хозяйственного развития решающим моментом являлось не то, что какая-нибудь остроумная голова додумывалась у себя дома до теоретической идеи, скажем, о продаже в рассрочку; важнее было то, имелись ли налицо люди, обладавшие желаниями и способностями, необходимыми, чтобы ввести в употребление эту новую форму торговых операций.

* * *

Прежде чем я попытаюсь установить роль и участие евреев в образовании нашей современной экономической жизни, я хотел бы сказать еще несколько слов по поводу вопроса о том, насколько возможно вообще правильно выразить размеры этого участия, если удастся самым выгодным образом скомбинировать оба находящиеся в нашем распоряжении метода: статистический и генетический.

Прежде всего мы должны признать как несомненный факт, что значение евреев для современного хозяйственного развития покажется нам более крупным, чем оно есть на самом деле, ибо все явления будут рассматриваться нами под тем углом зрения, какое значение имели в их судьбе евреи. Когда мы анализируем какой-нибудь фактор по методу изоляции, то в результате неизбежно переоценивается значение этого фактора в сложном совокупном результате. Если бы мы задумали написать историю современной техники и ее влияния на ход хозяйственной жизни, то все оказалось бы технически детерминированным, как в другом случае все оказалось бы государственно-детерминированным, если бы мы захотели односторонне выдвинуть значение современного государства для генезиса капитализма. Это обстоятельство разумеется само собой, но я нарочно обращаю на него внимание, чтобы заранее отнять всякое основание для обвинений, будто я преувеличил значение евреев для развития нашей хозяйственной жизни. Понятно, что тысяча других обстоятельств содействовали, с своей стороны, тому, что наша экономическая жизнь получила ту форму, которую она имеет в настоящее время. Без открытия Америки и ее серебряных рудников, без изобретений современной техники, без специфических особенностей европейских наций и их исторических судеб, современный капита-

лизм был бы так же невозможен, как и без влияния евреев. Влияние евреев образует только одну главу в великой книге истории. В новом генетическом описании современного капитализма, которое я надеюсь обнародовать в не очень далеком будущем, это влияние евреев получит подобающее ему место, сообразно его частичному значению для великой связи целого. Там оно выступит в своих настоящих размерах наряду с другими факторами. Здесь же это невозможно, поэтому (неопытному читателю) картина действительности легко может показаться искаженной и один фактор непропорционально выпяченным. Сделанное мною здесь предупреждение окажет, я надеюсь, свое (субъективное) действие и, в связи с другим (объективным) фактом, будет содействовать приблизительно точной оценке изучаемого мной явления. Этот второй факт заключается в том, что влияние евреев на ход нашего экономического развития, наоборот, гораздо больше, чем это выступает в историческом изложении. Дело в том, что вообще влияние это может быть установлено лишь в одной части; в другой же (может быть, большей, и, во всяком случае, значительной) части оно совсем ускользает от нашего анализа. Не забудем, во-первых, нашего недостаточного знакомства с фактическим положением вещей, как оно имело место в истории. Я уже указал выше, как многого оставляют желать статистические данные. Но то же самое можно сказать и о генетически динамическом методе; кто может в наше время претендовать на точные сведения о лицах или группах лиц, основавших ту или иную область промышленности, развивших ту или иную отрасль торговли, впервые выступивших с тем или иным принципом экономической деятельности? Я думаю, правда, что в этой области можно приобрести еще гораздо больше знаний, чем те, которые у нас имеются; я не сомневаюсь также, что даже и теперь эти знания гораздо полнее, чем находящиеся в моем распоряжении и использованные мною в этой работе факты. Таким образом к объективной (кроющейся в самом существе дела) недостаточности наших знаний присоединяется еще субъективная (зависящая от недостаточности сведений самого автора) ограниченность их; благодаря этому читателю предлагаемого очерка преподносится только часть — и, может быть, ничтожная часть — заслуживающего внимания материала. Во всяком случае читатель должен твердо запомнить, что то, что я могу сообщить о роли евреев в образовании современного хозяйственного строя, представляет только минимальную часть действительности. Он должен также иметь в виду, что минимум этот делается еще меньше по другой причине — именно потому, что как ни отрывочны наши знания о возникновении современного хозяйственного быта, поскольку речь идет об установлении причастных к этому делу личностей, они становятся особенно недостаточными, когда мы желаем ответить на вопрос, были ли евреями, или нет, те лица, влияние которых на ход хозяйственной жизни

может быть установлено (и это даже в том благоприятном случае, когда мы в состоянии точно указать на отдельные личности и знаем их имена).

Говоря о «евреях», я имею в виду лиц, принадлежащих к народу, исповедующему закон Моисея. (Устанавливая таким образом понятие «еврей», я умышленно обхожу вопрос о кровном родстве, которое мы пока оставим в стороне, как фактор спорный или несущественный.) Мне не нужно подчеркивать, что при таком определении данного понятия (несмотря на исключение в этом определении всяких расовых признаков), евреем остается и тот, кто выходит из еврейской религиозной общины. Евреями остаются и потомки его, поскольку простирается действие исторического воспоминания.

Когда пытаешься установить участие евреев в хозяйственной жизни, то постоянно натываешься, как на тяжелое препятствие, на то обстоятельство, что христианами обозначаются лица, которые собственно евреи, и обозначаются только потому, что они крестились или когда-то крестились их предки. Я уже сказал, что особенно резко сказывается вытекающая отсюда ошибка и недооценивание действительности при пользовании статистическим методом, ибо статистические данные всегда указывают лишь на вероисповедание. Но и генетический метод не избавляет нас от этого неудобства; и здесь довольно часто остается скрытым от нас истинный характер какого-нибудь лица только потому, что оно переменяло религиозное одеяние. Между тем мы должны принять за достоверный факт, что во все времена немалое количество евреев переменяло веру. В прежние времена переходы из еврейства в христианство совершались преимущественно под влиянием насилия и принуждения. С фактами этого рода мы встречаемся уже в раннем Средневековье: в VII — VIII вв. в Италии, Испании, в царстве Меровингов; но и позже — вплоть до новейшего времени — мы встречаемся с этим явлением у всех христианских народов. Это тянется чуть ли не до той эпохи, когда выступает, как массовое явление, добровольный переход в христианство: я говорю о XIX в., особенно о его последней трети. Для последних десятилетий прошлого столетия у нас появляются первые надежные статистические данные, между тем, как от прошлого у нас остались просто подчас невероятные сведения. Так, например, мне кажется маловероятным сообщение Якова Фромера, будто к концу 20-х гг. XIX в. почти половина берлинских евреев перешла в христианство. Против этого говорят цифры, имеющиеся из эпохи заслуживающих доверия статистических данных. Согласно этим цифрам, более заметное движение в сторону перехода в христианство замечается лишь в 90-х гг.: но процент крестившихся ни разу не был выше 1,28 (этот максимум достигнут в 1905 г.), между тем как в среднем он держится на уровне 1% (с 1895 г.). Во всяком случае в Берлине число оставивших иудейство довольно значительно: принявшие христианство насчитываются ежегодно сотнями, составляя в сумме (с 1873 до 1906 г.) 1869 человек.

Сильнее сказывается это движение среди евреев Австрии, особенно Вены. В настоящее время в Вене из еврейской религиозной общины выступает ежегодно 5–600 лиц, а за 34 года (1868–1903) всего покинуло иудейство 9085 человек. Число выступлений быстро растет. В среднем в период 1868–1879 гг. одно крещение приходилось в год на 1200 евреев, в период 1880–1889 гг. одно на 420–430, а в 1890–1903 гг. уже на 260–270.

Но если бы при изучении влияния евреев на хозяйственную жизнь от анализа исследователя ускользали бы одни только крещеные евреи! На самом же деле есть и другие группы евреев, роль которых или очень трудно или даже совсем невозможно учесть.

Я не говорю уже о еврейских женщинах, выходящих замуж за христиан: по имени они, разумеется, перестают быть еврейками, хотя по всей вероятности не теряют своей сущности (и передают таким образом дальше особенности еврейского народа). Я имею скорее в виду столь важную в историческом отношении группу мнимоевреев, с которыми (об этом подробнее в дальнейшем) мы встречаемся во все эпохи, и которые в иные периоды составляли довольно значительную часть еврейства. Эти криптоевреи умели так искусно выдавать себя за неевреев, что во мнении окружающих они фактически сходили за христиан (или магометан). О евреях португальско-испанского происхождения, живших в южной Франции в XV и XVI вв. (и позже) мы узнаем, например, следующее (но таким же образом жили все мараны на Пиренейском полуострове и вне него): «*Ils obéissaient à toutes les pratiques extérieures de la religion catholique; leurs naissances, leurs mariages, leur décès étaient inscrits sur les registres de l'Eglise qui leur octroyait les sacrements chrétiens du baptême, du mariage et de l'extrême-onction. Plusieurs même entrèrent dans les ordres et devinrent prêtres*». (Они исполняли все внешние обряды католической религии; их рождения, браки, смерти были занесены в списки церкви, исполнявшей над ними христианские таинства крещения, брака, причащения. Многие из них вступили в монашеские ордена и стали священниками.)

Нет поэтому ничего удивительного, если в сообщениях о торговых и промышленных предприятиях и пр. эти мнимоевреи выступают не как евреи, и что некоторые историки еще и теперь рассказывают о благотельном влиянии «испанских» или «португальских» выходцев. Эти мнимые христиане умели иногда так искусно скрыть свое настоящее происхождение, что в настоящее время специалисты по вопросам иудаизма нередко спорят о том, было ли известное семейство еврейского происхождения или нет. Особенно велика, конечно, наша неуверенность в тех случаях, когда криптоевреи принимали христианские имена. Особенно многочисленны должны были быть евреи между протестантскими беглецами XVII столетия, как мы можем заключить на основании ряда доводов, в частности на основании массы еврейских имен, встречающихся среди гугенотов.

Наконец, от анализа ускользают все те евреи, которые до мартовской революции 48 г. фактически принимали участие в хозяйственной жизни страны, но не были известны властям, так как закон запрещал им занятие их профессиями. Они должны были или пользоваться услугами подставных лиц из христиан, или искать защиты у привилегированных евреев, или же придумывать какой-нибудь другой обход закона, чтобы заниматься своим делом. Знатоки утверждают, что эта, оставшаяся в неизвестности, часть еврейства была в иных местах довольно значительна. Так, например, в Вене в 40-х гг. прошлого столетия число евреев «по скромной оценке» достигало уже 12 тыс.; в их руках уже тогда находилась вся оптовая текстильная торговля; целые кварталы внутреннего города были заняты еврейскими предприятиями. А между тем официальные сведения говорят в приложении к отчету за 1845 г. лишь о 63 евреях, которые, как «терпимые купцы евреи», занимаются торговлей определенно указанными товарами.

Но об этом довольно. Мне важно было указать лишь, что в силу целого ряда причин, число евреев, о которых мы имеем сведения, меньше, чем их было, или имеется, на самом деле. Благодаря этому обстоятельству, роль евреев в образовании нашей хозяйственной жизни должна опять-таки казаться меньшей, чем она есть в действительности: на это обстоятельство я считал необходимым обратить внимание читателя. Теперь же мы попытаемся выяснить эту роль евреев.

2. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОБЛАСТИ С XVI В.

Для развития современной хозяйственной жизни решающим фактом явилось перемещение центра тяжести мировых хозяйственных отношений и перенесение центра экономической энергии из круга южно-европейских наций (итальянцев, испанцев, португальцев) — к которым примыкали некоторые южно-германские области — к северно-европейским народам: сперва к бельгийцам и голландцам, затем к французам, англичанам, северным немцам. Основным фактом явился внезапный расцвет Голландии, давший толчок для интенсивного развития экономических сил Франции и Англии. В течение всего XVII в. для всех теоретиков и практиков северо-западных наций Европы существует только одна цель: догнать Голландию на поприще торговли, промышленности, судоходства и колониальных владений.

Факт этот общеизвестен, и для объяснения его «историки» приводили самые странные основания.

Так, например, утверждали, будто причиной потери хозяйственного значения итальянскими и южно-германскими государствами-городами, Испанией и Португалией, является открытие Америки и морского пути в Индию; благодаря этим открытиям будто бы потерпела сильный ущерб левантинская торговля, а значит, был потрясен экономический фундамент занимавшихся этой торговлей южно-германских и итальянских городов. Эта аргументация совсем не убедительна. Во-первых, левантинская торговля в течение XVII и XVIII вв. превосходила торговлю с почти всеми странами: благоденствие южно-французских торговых городов, равно как и Гамбурга, все это время зиждилось почти исключительно на ней. С другой стороны, многие итальянские города, потерявшие свое могущество в XVII столетии, принимали в течение всего XVI в., несмотря на изменение торговых путей, самое деятельное участие в левантинской торговле (так, например, Венеция до 1550 г.).

Нельзя понять также, почему народы, стоявшие впереди других до XV в. — итальянцы, испанцы и португальцы — должны были пострадать от развития новых торговых сношений с Америкой и Ост-Индией (морским путем), нельзя понять, почему они, в силу своего географического положения, должны были отступить на задний план перед французами, англичанами, голландцами, гамбуржанами? Разве путь из Генуи в Америку или Ост-Индию был длиннее, чем из Амстердама, Лондона или Гамбурга? Разве португальские и испанские гавани не были ближе других к новым странам, которые, открытые испанцами и португальцами, ими же и были заселены?

Так же малоосновательно и другое соображение, которое приводят как объяснение причины перемещения экономического центра тяжести к северно-европейским народам — именно указание на более сильную и централизованную государственную власть, дававшую северянам перевес над раздробленными немцами и итальянцами.

С изумлением спрашиваем мы: разве могущественная царица Адриатики представляла, хотя бы в XVI в., менее сильную державу, чем семь (нидерландских) провинций в XVII столетии? Разве царство Филиппа II не превосходило могуществом и силой все царства своего времени? С изумлением спрашиваем мы дальше, почему отдельные города политически разорванных немецких государств — как, например, Франкфурт-на-Майне или Гамбург — достигли в XVII и XVIII вв. такого процветания, сравняться с которым могли лишь немногие французские или английские города?

Здесь не место разбирать причины этого явления во всей их сложной совокупности. Разумеется, конечный результат явился итогом целого ряда обстоятельств. Но мы — соответственно той точке зрения, с которой рассматриваем данную проблему — укажем на возможность объяснить это странное явление гипотезой, которая, по моему мнению, заслуживает самого серьезного внимания и на которую, удивительным образом, еще не обращали

должного внимания. Я имею в виду гипотезу, ставящую перемещение хозяйственного центра тяжести с юга Европы на север (для краткости мы будем пользоваться этим неточным оборотом речи) в связь с переселениями евреев. Эта новая точка зрения проливает массу света на многие, оставшиеся до сих пор темными и загадочными, явления того времени. И начинает казаться поразительным, что до сих пор не обращали внимания хотя бы на внешний параллелизм между передвижениями еврейского народа и экономическими судьбами различных народов и городов. Точно солнце шествует Израиль по Европе: куда приходит он, там пробуждается новая (капиталистическая) жизнь, откуда он уходит, там засыхает все, что до сих пор цвело. Краткое напоминание о пережитых еврейским народом с конца XV в. превратностях судьбы подтвердит справедливость этого наблюдения.

Великое всемирно-историческое событие, о котором следует напомнить здесь раньше всего — это изгнание евреев из Испании и Португалии (1492 и 1497 гг.). Никогда не должно забывать, что в тот самый день, когда Колумб отплывал из Палоса, чтобы открыть Америку (3 августа 1492 г.), говорят, 300 тыс. евреев выселились из Испании в Наварру, Францию, Португалию и на Восток, и что в те годы, когда Васко де Гама открывал морской путь в Ост-Индию, евреи были изгнаны также и из других частей Пиренейского полуострова. Странная игра случая вызвала хронологическое совпадение этих равно замечательных, каждое в своем роде, событий: открытие новых частей света и крупнейшее передвижение еврейского народа. Но этим официальным изгнанием евреев из Пиренейского полуострова еще не заканчивается их тамошняя история. Очень много евреев остается на родине в качестве мнимохристиан (маранов), и благодаря только все усиливавшимся со времени Филиппа III жестокостям инквизиции, они в течение ближайшего столетия покидают страну: значительная часть испанских и португальских евреев переселяется в другие страны лишь в течение XVI в., и особенно в конце его. Но к этому же времени испано-португальское народное хозяйство близится к своему концу.

В XV в. евреи были изгнаны из важнейших немецких торговых городов: Аугсбурга (1439–1440), Страсбурга (1438), Эрфурта (1458), Нюрнберга (1498–1499), Ульма (1499), Регенсбурга (1519).

В XVI в. их постигает та же участь в целом ряде итальянских городов: в 1492 г. они изгнаны из Сицилии, в 1540–1541 гг. из Неаполя, в 1550 г. из Генуи, в том же году — из Венеции. И здесь хозяйственный регресс совпадает хронологически с выселением евреев.

С другой же стороны, мы замечаем, параллельно с появлением еврейских беглецов, хозяйственный расцвет — иногда совершенно неожиданный — тех городов и стран, куда направились спаньолы.

В Германии — Франкфурт-на-Майне и Гамбург раньше других городов приняли к себе в течение XVI и XVII вв. очень много евреев. И странное

дело: кто в XVIII в. путешествовал по Германии и отдавал себе отчет в том, что видел, тот находил в упадке все прежние (имперские) торговые города, как Ульм, Нюрнберг, Аугсбург, Майнц, Кельн, и только о двух городах мог сказать, что они сохраняют – и даже усиливают – свой блеск; эти города – Франкфурт-на-Майне и Гамбург.

Во Франции в XVII и XVIII вв. выделяются своим богатством города Марсель, Бордо, Руан – странным образом – опять-таки пункты, принявшие к себе еврейских беглецов.

Известно, что экономическое развитие Голландии получило в конце XVI столетия внезапный толчок вперед (в капиталистическом смысле). Первые португальские мараны поселяются в Амстердаме в 1593 г., вскоре к ним присоединяются новые беглецы. В 1598 г. открыта первая синагога в Амстердаме. В середине XVII столетия уже во многих голландских городах были многочисленные еврейские общины. В начале XVIII в. число «изгнанников» доходит в одном Амстердаме до 2400. Уже в середине XVII в. их духовное влияние очень велико: государствоведы рассуждают о древнееврейском царстве, как об образцовом государстве, согласно которому должен был бы сформироваться строй Голландии. Сами евреи называют в то время Амстердам своим новым, великим Иерусалимом.

Наконец, и в Англии так называемый экономический подъем, т. е. зарождение капитализма, идет, по-видимому, параллельно с притоком еврейских элементов испано-португальского происхождения.

Прежде полагали, что в Англии, со времени изгнания евреев при Эдуарде III (1290) до их (более или менее официального) обратного допущения при Кромвеле (1654–1656), не было совсем евреев. В настоящее время лучшие знатоки англо-еврейской истории не разделяют уже этой точки зрения. Во все времена в Англии жили евреи. Но в XVI в. их стало там много. В царствование Елизаветы их было уже немало. Сама Елизавета любила заниматься еврейской литературой и любила общество евреев. Ее врачом был Родриго Лопец: еврей, послуживший для Шекспира прототипом Шейлока.

Известно, как, благодаря ходатайству Манассе-бен-Израиля, евреи получили к середине 50-х гг. XVII столетия официальное разрешение селиться в Англии и как с тех пор они быстро умножились, благодаря иммиграции (происходившей с XVIII в. также и из Германии). Согласно автору *Anglia Judaica* в 1738 г. в одном Лондоне жили постоянным образом 6 тыс. евреев.

Разумеется, констатирование факта, что передвижения евреев и экономические судьбы народов обнаруживают хронологический параллелизм, еще совсем не доказывает того, что выселение евреев вызывало экономический упадок страны, а переселение их – хозяйственный подъем ее. Принять это значило бы рассуждать по типу: «post hoc ergo propter hoc».

Для доказательства этой каузальной связи малоубедительны также взгляды позднейших историков, хотя мнения людей такого калибра, как Монтескьё, имеют все-таки известный вес. Поэтому я не буду приводить свидетельств этого рода. Наоборот, заслуживают, по моему мнению, серьезного внимания суждения современников; из них я приведу некоторые, особенно убедительные, ибо они часто одним словом проливают столько света на события своего времени, сколько лишь с упорным трудом можно получить другим путем.

Когда в 1550 г. венецианский сенат решил изгнать маранов и окончательно запретить торговлю с ними, то христиане-купцы заявили, что это равносильно для них разорению и что им только остается самим выселиться с евреями, ибо они живут от торговли с ними. В руках евреев находились по их словам:

1. Торговля шерстью с Испанией.
2. Торговля испанским шелком, сахаром, перцем, индийскими колониальными товарами и жемчугом.

3. Значительная часть экспортной торговли: евреи посылают венецианцам товары на комиссию «*acciochè le vendiamo per lor conto guadagnando solamente le nostre solite provisioni*» (!) («чтобы мы продавали эти товары за их счет, зарабатывая только наши обычные комиссионные»).

4. Вексельная торговля.

Покровителем евреев в Англии был, как мы знаем, Кромвель, и в его симпатиях к евреям не последнюю роль, как сообщают, играли экономические соображения: для расцвета товарных и денежных оборотов нужны были, по его мнению, богатые еврейские торговые дома; кроме того, он желал приобрести для правительства могущественных союзников.

С такой же симпатией относился к евреям великий французский государственный деятель XVII в. — Кольбер. По моему мнению, очень замечательно то, что оба этих величайших организатора современного государства признали за евреями способность развивать (капиталистическое) хозяйство. В одном ордонансе Кольбер указывает интендантам Лангедока на то, какую огромную пользу сумел извлечь Марсель из торговой сметливости евреев. Жители больших французских торговых городов, в жизни которых евреи играли крупную роль, давно по собственному опыту убедились в том, что евреи полезны для них и поэтому считали необходимым удерживать их у себя. Мы встречаем неоднократно — особенно из среды обитателей Бордо — благоприятные отзывы о евреях. Когда в 1675 г. в Бордо стало буйствовать войско из наемников, то многие зажиточные евреи начали готовиться к отъезду. Это испугало общинный совет и советники сообщают, полные страха: «*Les Portugais, qui tiennent des rues entières et font un commerce cousidérable, ont demandé leurs passeports. Les Portugais et étrangers,*

qui font les plus grandes affaires, cherchent à se retirer d'ici: Gaspard Gonzalès et Alvarès out quitté, depuis peu, qui etaient des plus considérables parmi eux. Nous nous apercevons que le commerce cesse» («Португальцы, занимающие целые улицы и ведущие оживленную торговлю, потребовали свои паспорта. Португальцы и иностранцы, ведущие самые крупные дела, желают удалиться отсюда. Гаспар Гонзалец и Альварец — одни из самых богатых среди них — недавно покинули город. Мы замечаем, что торговля останавливается»). Несколько лет спустя субинтендант выражает свое мнение о значении евреев для Лангедока в следующих словах: «Без них торговля Бордо и всей провинции несомненно погибла бы» («*régiraif infailliblement*»).

Не менее ясно понимали значение для себя евреев голландцы в XVII в. Когда Манассе-бен-Израиль отправился с своей известной миссией в Англию, то голландское правительство было охвачено подозрением, не идет ли дело о том, чтобы привлечь голландских евреев в Англию. Поэтому оно поручило своему послу в Англии, Нейпорту, запросить Манассе о его планах. Нейпорт ответил своему правительству (в декабре 1655 г.) в успокоительном тоне, что нет никакой опасности: «*Manasseh ben Israel hath been to see me and did assure me, that he-dofh not desire any thing for the Jews in Holland, but only for these as sit in the inquisition in Spain and Portugal*» («Манассе-бен-Израиль посетил меня и уверял, что он хлопочет не для голландских евреев, а для тех, которые находятся под гнетом испанской и португальской инквизиции»).

То же самое мы видим в Гамбурге. В XVII в. роль и значение евреев делаются здесь настолько значительными, что их считают необходимыми для процветания города. В одном случае сенат высказался за разрешение постройки синагог, мотивируя это тем, что в противном случае евреи покинут Гамбург, и он рискует тогда опуститься до положения деревни. В 1697 г., наоборот, гамбургское купечество обращается к городскому совету с настоятельной просьбой (дело шло об изгнании евреев) поладить с ними, чтобы не вызвать тяжелых потрясений в гамбургской торговле. В 1733 г. мы читаем в одном «мнении», находящемся в сенатских актах: в вексельном деле, в торговле галантерейными товарами, в производстве известных материй евреи «почти совсем мастера», они «перегнали наших». Прежде не приходилось задумываться о евреях. Но «они заметно увеличиваются в числе. Нет почти ни одной отрасли крупной торговли (*Commercii*) и промышленности (*Fabrique*), где бы они не принимали деятельного участия. Они стали для нас уже *Malum necessarium* (неизбежным злом)».

Но мнения и суждения современников не могут нас вполне убедить о правильности известного утверждения; мы желаем — если только это возможно — высказывать свои собственные суждения. А это мы сумеем сделать, разумеется, только тогда, когда собственное исследование убедит нас в действительной наличности утверждаемой нами связи; мы должны попытаться

ся определить на основании источников истинное, реальное участие евреев в образовании нашего современного хозяйства, т. е. — выражаясь точнее — участие их в развитии, раскрытии современной капиталистической хозяйственной системы. Исследование это должно начинаться с конца XV в., т. е. с того момента, когда (как мы видели) пути еврейской истории и европейской экономической истории делают крутой поворот в направлении современного развития. Ибо только в этом случае мы сумеем дать окончательный ответ на вопрос, в какой мере обязано еврейскому влиянию перемещение хозяйственной области.

Для меня лично — замечу заранее — значение евреев для образования и дальнейшего развития современного капитализма представляется в двояком виде: с одной стороны, мы имеем влияние более внешнего характера, с другой — влияние внутренне духовного рода. С внешней стороны евреи много содействовали тому, чтобы международные хозяйственные отношения получили свой теперешний отпечаток, так же, как и возникновение современного государства — этого вместилища капитализма. Кроме того, они придали капиталистической организации ее особую форму еще тем, что создали целый ряд господствующих над современной экономической жизнью учреждений и приняли самое деятельное участие в выработке ряда других учреждений.

С внутренней, духовной стороны их значение для развития капитализма так велико потому, что именно они напитали хозяйственную жизнь современным духом, именно они вполне вызвали самую внутреннюю идею капитализма.

Мы рассмотрим теперь вкратце один за другим отдельные пункты, чтобы читатель мог понять, как должно правильно ставить проблему. Предлагаемое исследование, как я уже неоднократно указывал, не имеет целью давать исчерпывающее решение проблемы: вопросы в нем ставятся скорее для возбуждения интереса к самой задаче, и только там и сям, в виде опыта, бросаются намеки на возможные ответы. Только дальнейшие исследования, на основании систематически собранного материала, сумеют окончательно установить, насколько соответствуют действительности высказываемые здесь догадки.

3. ОЖИВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Роль евреев в выработке новых форм торговли, начиная с момента перемещения хозяйственной области, очень велика, и, во-первых, в чисто количественном отношении, по размерам приходящегося на их долю товарного оборота. После всего сказанного мной в начале этого очерка мне не прихо-

дится повторять, что точный подсчет этой доли евреев невозможен, если не говорить об особенно благоприятных, исключительных обстоятельствах. Возможно, что более подробные и детальные исследования обогатят нас в этом отношении новыми цифровыми данными. Мне же пока известны лишь немногие цифры, которые, тем не менее, очень поучительны (в виде образцов).

Так, сообщают, будто в Англии размеры торговли евреев еще до разрешения им жительства — значит в первой половине XVII в. — равнялись приблизительно $\frac{1}{12}$ всей английской торговли. К сожалению, мы не знаем, из какого источника почерпнута эта цифра. Но что она не очень далека от действительности, это вытекает из указания, встречаемого нами в одной докладной записке английских купцов. Дело идет о том, должны ли евреи платить налог с иностранцев за ввозимые товары, или нет. Авторы записки думают, что, если не будут взимать этого налога, то корона потерпит ущерб, по меньшей мере, в 10 тыс. ф. ст. ежегодно. Мы очень хорошо осведомлены о размерах участия евреев на Лейпцигской ярмарке, бывшей долгое время средоточием немецкой торговли и являющейся отличным показателем развития этой торговли; эта ярмарка играла также важную роль для некоторых пограничных стран — именно Польши и Богемии. С конца XVII в. мы видим, что евреи принимают самое деятельное — и все растущее — участие в делах Лейпцигской ярмарки; все исследователи, занимавшиеся обработкой цифрового материала, единодушно утверждают, что ярмарка обязана своим блеском и процветанием именно евреям. К сожалению, только с Пасхальной ярмарки 1756 г. становится возможным сравнение числа евреев с числом христиан, так как только с этого года в архивах имеются статистические данные о числе купцов-христиан на ярмарках. Число евреев на Пасхальной ярмарке и на ярмарке в день Св. Михаила (Michaelismesse) в среднем было за год:

<i>Годы</i>	<i>Число евреев</i>
1675–1680	416
1685–1690	489
1691–1700	834
1701–1710	854
1711–1720	769
1721–1730	899
1731–1740	874
1741–1748	708
1761–1769	995
1770–1779	1652
1780–1789	1073

1790–1799	1473
1800–1809	3370
1810–1819	4896
1820–1829	3747
1830–1839	6444

Обращает на себя внимание особенно быстрый рост числа евреев в конце XVII и XVIII столетия и в начале XIX в.!

Если взять целиком весь период 1766–1839 гг., то оказывается, что в среднем ежегодно посещали ярмарки 3185 евреев-купцов, приходящихся на 13005 христиан: число евреев составляет таким образом 24,49 %, или почти четверть христиан. В отдельные годы, как, например, в промежуток 1810–1820 гг., отношение евреев к христианам достигает 33½ % (4896 евреев, 14366 христиан)! (Надо заметить при этом, что все эти цифры, вероятно, значительно ниже действительности, так как по новейшим, более точным исследованиям число евреев, торговавших на ярмарках, было гораздо больше.)

Иногда можно косвенным путем убедиться, какую крупную долю всей торговли какой-нибудь страны или города составляла торговля евреев. Так мы знаем, например, что в течение XVII в. торговля Гамбурга с Испанией и Португалией (а также и Голландией) находилась почти целиком в руках евреев. Но в то время из Гамбурга в Испанию и Португалию направлялось в круглых цифрах 20 % всех шедших морем товаров, а в Голландию около 30 %.

Или же мы узнаем, что левантинская торговля составляла значительную часть французской торговли XVIII в.: «... peut être la plus brillante (branche) du commerce de France» («... может быть, самая цветущая отрасль французской торговли») и в то же время узнаем, что вся она зависела от евреев: «... покупатели, продавцы, маклеры, агенты, комиссионеры и пр. — все это евреи».

Но чтобы понять исключительное значение евреев для развития мировой торговли (опять-таки прежде всего с чисто количественной точки зрения), достаточно того общего соображения, что в течение XVI и XVII столетия, почти вплоть до конца XVIII в., левантинская торговля и торговля с Испанией и Португалией были самыми важными отраслями мировой торговли. Эти торговые артерии были почти исключительно в руках евреев. Еще во время своего пребывания в Испании они захватили в свои руки значительную часть левантинской торговли; уже тогда они имели конторы во всех левантинских приморских городах. При изгнании же евреев из Пиренейского полуострова, значительная часть спаньолов отправилась сама на Восток; другая часть двинулась на Север, и таким образом торгов-

ля с Востоком незаметно перешла к северным народам. В частности, только благодаря установлению этих торговых сношений, Голландия становится мировой торговой державой. Сеть мировой торговли становилась все больше, а петли ее все уже, по мере того, как евреи устраивали свои конторы в более отдаленных и лежащих ближе друг к другу пунктах. Это верно, особенно, если принять во внимание, что в мировой оборот был втянут — опять-таки, главным образом, благодаря им — западный материк. Но этой фазы развития хозяйственной жизни мы коснемся тогда, когда будем говорить об участии евреев в основании современного колониального хозяйства.

Другой способ понять значение евреев для образования современной мировой торговли — это ознакомление с теми видами товаров, которыми они преимущественно торговали. Еще более особенностями своей торговли, чем размерами ее, приобрели евреи столь огромное влияние на весь ход хозяйственной жизни, и, благодаря именно этим особенностям, они отчасти революционировали старые формы жизни.

Здесь, прежде всего, мы встречаемся с тем важным фактом, что евреи в течение долгого времени почти монополизировали торговлю предметами роскоши. А в аристократические XVII и XVIII столетия эта торговля имела самое серьезное значение. Из предметов роскоши евреи больше всего торговали ювелирными изделиями, драгоценными камнями, жемчугом, шелком и шелковыми товарами. Золотые и серебряные ювелирные изделия находились в их руках потому, что они с незапамятных времен господствовали над рынком благородных металлов; драгоценные камни и жемчуг — потому, что они первые завладели копиями (именно в Бразилии); шелк и шелковые товары — потому, что у них издавна были сношения с Востоком.

С другой стороны, мы находим, что евреи — или одни, или успешнее других национальностей — занимаются теми отраслями торговли, где дело идет о сбыте массовых продуктов. С известным правом, думаю я, можно утверждать, что именно евреи первые доставили на рынок главные и массовые товары нового времени. К таким товарам относятся, помимо некоторых земледельческих произведений: зернового хлеба, шерсти, кожи, а позже в течение XVII и XVIII вв., спирта — главным образом, также и продукты быстроразвивающейся капиталистической текстильной индустрии и новые, появившиеся на мировом рынке, колониальные товары: сахар и табак. Я не сомневаюсь, если когда-нибудь возьмутся писать историю торговли новейшего времени, то при изложении истории предметов массового потребления, все время будут наткаться на еврейских торговцев. Немногие, чисто случайно попавшие в мои руки данные уже и теперь ясно доказывают справедливость моего утверждения.

Но особенно стимулирующим образом действовала на ход развития хозяйственной жизни торговля новыми, революционировавшими все традиционные методы, товарами, — торговля, в которой евреи опять-таки принимали особенно деятельное участие. Я имею в виду торговлю хлопком, иностранными хлопчатобумажными товарами (ситцами), индиго и т. д. Предпочтение, оказываемое евреями подобным товарам, в которых, согласно тогдашнему образу мысли, видели врагов туземного «мастерства», навлекало нередко на них упреки в «непатриотической торговле», «в еврейском гешефтмахерстве, которое, давая занятие немногим немецким рабочим, разрушает туземную промышленность».

Особенно еще выделялось «еврейское гешефтмахерство», ставшее, благодаря этому, образцом для всех видов торговли многообразием и изобилием входивших в оборот товаров. Когда французские купцы стали жаловаться на конкуренцию со стороны еврейских торговцев, то интендант ответил им: если бы христиане имели такие же разнообразно и богато снабженные лавки, то клиенты также охотно шли бы к ним, как и к их еврейским конкурентам. Что касается деятельности евреев на лейпцигских ярмарках, то в книге Р. Маркграфа мы читаем следующее описание: «Кроме того, они (еврейские торговцы) влияли благотворно на обороты ярмарки разнообразием своих закупок; благодаря им, ярмарочная торговля становилась многостороннее; точно так же они толкали промышленность, и особенно туземную, к все большему многообразию производства. На многих ярмарках евреи имели даже решающее значение, благодаря своим разнообразным и огромным закупкам».

Но особенное значение имело, по моему мнению, «еврейское гешефтмахерство» в эпоху раннего капитализма, для народного хозяйства большинства стран тем, что евреи были почти монополистами в таких отраслях торговли, из которых извлекались большие массы денег наличными. Я имею в виду новооткрытия, богатые золотом и серебром, страны (Центральная и Южная Америка), с которыми они находились или в прямых сношениях, или же вели торговлю через посредство Испании и Португалии. Нам часто попадаются документы, сообщающие, что евреи ввозят наличные деньги в страну. А что отсюда вытекает источник всякого (капиталистического) «народного благосостояния» — это очень хорошо знали теоретики и практики того времени; это, наконец, поняли теперь и мы, когда рассеялся туман смитовских теорий. Чтоб основать современное народное хозяйство, надо было в первую голову привлечь в страну благородные металлы, а в этом никто не принимал такого энергичного участия, как еврейские купцы.

Это дает нам возможность прямо перейти к следующей главе, в которой будет разбираться, главным образом, вопрос об участии евреев в развитии современного колониального хозяйства.

4. ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Мы теперь только начинаем понимать, что не последнюю роль в процветании современного капитализма играет приобретение колоний. Дальнейшее изложение должно придать вероятность гипотезе, что и в этом колониальном движении крупную – если даже не решающую – роль играли опять-таки евреи.

Что во всех колониальных предприятиях евреи принимали очень деятельное участие – это весьма естественно. (Новый Свет – если он даже и представлял собой преобразованный Старый Свет – все-таки давал больше надежд на лучшее будущее, чем угрюмая старая Европа, особенно с тех пор, как последнее европейское Эльдorado оказалось негостеприимной страной.) Это имеет силу как для Востока, так и для Запада и для Юга земного шара.

В Ост-Индии жили, – по-видимому, еще с Средних веков – многочисленные евреи; когда после 1498 г. европейские народы стали протягивать руки ко всем старым культурным странам, то эти индийские евреи оказались желанными опорными пунктами для европейского господства, так как они могли служить пионерами торговли. На кораблях испанцев и португальцев пришли, по всем вероятностям (точных данных на счет этого еще нет), значительные группы евреев, поселившиеся затем в Индии. Во всяком случае во всех голландских поселениях на Востоке мы застаем довольно большой процент евреев. Мы узнаем, что крупная часть акционерного капитала Голландско-Ост-индской компании находилась в руках евреев. Мы знаем, что генерал-губернатор Голландско-Ост-индской компании, «который, если и не является основателем голландского могущества на Яве, то все-таки больше других содействовал упрочению его», назывался Коном (Коэном). Просматривая портреты губернаторов голландско-индийских владений, мы можем легко убедиться, что этот Кон был не единственным губернатором-евреем. Но мы встречаем также евреев в качестве директоров ост-индской компании, мы встречаем их, одним словом, во всех колониальных предприятиях.

До сих пор неизвестно, как велика была роль евреев в развитии колониального хозяйства в Индии с тех пор, как хозяевами ее стали англичане. Но зато мы имеем сравнительно много сведений об участии евреев в основании английских колоний в Южной Африке и Австралии; мы знаем, что здесь (особенно в Капской колонии) почти все экономическое развитие зависело от евреев. В 1820 и 1830-х гг. в Южную Африку прибыли В. Норден и С. Маркус; им обьязано «the industrial awakenig of almost the whole interior of Cape Colony» («промышленное пробуждение почти всей внутренней части Капской колонии»). Юлий, Адольф, Джеймс Мозентали кладут начало

торговле шерстью и кожами и основывают камлотовую индустрию; Аарон и Даниил де Пасс монополизируют китоловный промысел; Иоэль Майерс кладет начало разведению страусов; Лиленфельд фон Гопетаун покупает первые алмазы и т. д., и т. д. В Австралии одним из первых оптовых торговцев был Монтефиоре. Поэтому не звучит совсем преувеличением, когда утверждают: «... a large proportion of the English colonial shipping trade was for a considerable time in the hands of the Jews» («... значительная часть английской колониальной торговли морем в течение долгого времени находилась в руках евреев»).

Но собственно настоящим полем деятельности евреев в колониальных странах — особенно в эпоху раннего капитализма — является преобразованный вполне европейцами западный материк. Америка во всех своих частях — это страна евреев: таков неизбежный результат, к которому приводит внимательное изучение источников. А так как Америка со дня своего открытия имела колоссальное влияние на европейскую хозяйственную жизнь и на всю европейскую культуру, то, разумеется, деятельное участие евреев в образовании американского мира имело совсем исключительное значение для всего хода нашей истории. Я остановлюсь поэтому несколько дольше на этом вопросе, рискуя даже утомить читателя излишними подробностями. Но проблема так значительна и важна, что несколько педантический способ изложения имеет за себя известное оправдание.

Евреи связаны с открытием Америки самым тесным и странным образом: кажется, будто Новый Свет был открыт для них одних, с их помощью, кажется, будто все эти Колумбы были лишь управляющими Израиля. Так рисуют себе историческое положение вещей сами гордые евреи, ссылаясь на новейшие архивные исследования. Согласно этим исследованиям (здесь мы можем коснуться их лишь мимоходом), только еврейская наука подняла мореходную технику настолько высоко, что стали вообще возможны заокеанские плавания: в 1473 г. Авраам Цакуто, профессор математики и астрономии в Саламанкском университете, составляет свои астрономические таблицы (*Almanach perpetuum*); в 1484 г. Хозе Вецинго, астроном и лейб-медик Иоанна II португальского, и математик Моисей открывают на основании таблиц Цакуто, вместе с двумя коллегами-христианами, морскую астролябию (инструмент, с помощью которого определяют ширину местонахождения корабля по высоте солнца). Хозе переводит альманах своего учителя Цакуто на латинский и испанский языки.

Далее утверждают, что материальная основа для экспедиции Колумба была создана евреями: еврейские деньги сделали возможными два первых путешествия Колумба. Первое путешествие он предпринимает на занятые у королевского советника Луиса де Сантанджеля деньги. К Сантанджелю же, истинному покровителю Колумбовой экспедиции, адресованы его первые

два письма; к Сантанджелю и к казначею Аррагонии, Гавриилу Санчецу, марану. Вторая экспедиция Колумба опять-таки снаряжается на еврейские деньги, но на этот раз уже не на добровольно предложенные суммы, но именно на деньги, оставленные изгнанными евреями и взятые в 1493 г. по повелению Фердинанда Аррагонского в государственную казну.

Но этого мало: на корабле Колумба находилось несколько евреев и первый европеец, вступивший на американскую почву, был еврей: Луис де Торрес. Так утверждают современные, основанные на изучении подлинных актов, исследования.

Лишь только ворота Нового Света открылись для европейцев, как туда хлынули толпой евреи. Мы уже видели, что открытие Америки произошло как раз в тот год, когда испанские евреи были изгнаны из своей родины; мы видели, что в последние годы XV столетия и в первые десятилетия следующего столетия мириады евреев были обречены на странствования; европейское еврейство пришло тогда в движение, подобно муравейнику, в который ткнули бы палкой. Ничего удивительного в том, что значительная часть этого муравейника направилась в подававшие такие надежды страны Нового Света. Первыми купцами в Америке были евреи. Первые промышленные предприятия в американских колониях были устроены евреями. Уже в 1492 г. португальские евреи поселились на острове Св. Фомы и завели здесь крупное плантаторское хозяйство: они основали многочисленные сахароварни, и у них работало 3 тыс. негров-рабов. Приток евреев в Южную Америку, вскоре после открытия ее, был так велик, что в 1511 г. королева Иоанна сочла необходимым издать ограничительный акт. Но, очевидно, указ этот остался без действия, ибо евреи становились там все многочисленнее. Законом 21 мая 1577 г. был, наконец, формально отменен закон, запрещавший эмиграцию в испанские колонии.

Чтобы оценить правильно ту энергичную деятельность, которую развили евреи, как основатели колониальной торговли и колониальной промышленности в пределах южно-американской области, нужно проследить в отдельности судьбу некоторых колоний.

История евреев в американских колониях, а значит, и история самих этих колоний, распадается на два крупных периода, отделенных друг от друга фактом изгнания евреев из Бразилии (1654 г.).

Мы уже упомянули, что вскоре после открытия Америки, евреи основали на острове Св. Фомы сахарную промышленность (1492 г.). В 1550 г. мы застаем эту промышленность на острове уже в полном расцвете: 60 плантаций, снабженных сахарными мельницами и котлами, вырабатывают ежегодно — как можно судить по вносимой в пользу короля десятине — 150 тыс. аррбов сахара (по 25 фунтов в каждом). Отсюда (или же с Мадеры, где они также издавна занимались производством сахара) евреи переносят эту

отрасль промышленности в величайшую из американских колоний – в Бразилию, в которой благодаря этому начинается ее первый период процветания (определяемый господством сахарной промышленности).

Поселенцы новой колонии рекрутировались на первых порах почти исключительно из евреев и преступников; из Португалии ежегодно прибывало два корабля с этими поселенцами. Евреи скоро становятся здесь господствующей кастой; немалая часть самых зажиточных бразильских купцов состояла из «новых христиан». Из них же происходил первый генерал-губернатор Бразилии, введший порядок в управлении колонией: действительно край начал процветать лишь тогда, когда туда послали (в 1549 г.) Thomé de Souza, человека выдающихся качеств. Но полный расцвет колонии начинается лишь тогда, когда она переходит (в 1624 г.) в руки голландцев и в нее устремляется поток голландских евреев. В 1624 г. объединяются многочисленные американские евреи и основывают в Бразилии колонию, в которую переселились 600 именитых евреев из Голландии. В эту первую половину XVII в. все крупные сахарные плантации находились в руках евреев, о всесторонней деятельности и богатстве которых сообщают нам путешественники. Так Нингофф, путешествовавший по Бразилии в 1640–1649 гг., пишет следующее:

«Among the free inhabitants of Brazil that were not in the [Dutch West India] Companys service the Jews were the most considerable in number, who had transplanted themselves thither from Holland. They had a vast traffic beyond all the rest; they purchased sugar mills and built stately houses in the Receif. They were all fraders, which would have been of great consequence to the Dutch Brazil hadthey kept themselves within the due bounds of traffic» («Из свободных обитателей Бразилии, не находящихся на службе [Голландско-Вестиндской] компании, самые многочисленные были евреи, переселившиеся сюда из Голландии. Торговля их превосходила своими размерами торговлю остального населения; они имели сахарные мельницы и строили богатые дома в Ресифе. Все они были купцами; это могло бы иметь большое значение для голландской Бразилии, если бы они держались в должных границах торговли»).

В отчете о путешествии Ф. Пайрарда мы читаем: «The profits they make after being nine or ten years in those lands are marvellous, for they all come back rich». («Барыши, получаемые ими за 9–10 лет пребывания в этих странах, должны быть колоссальны, ибо все они возвращаются назад богачами»).

Это преобладание евреев в плантаторском деле пережило эпоху голландского владычества над Бразилией; оно тянулось – несмотря на «изгнание» евреев в 1654 г. – до XVIII в. Но и о первой половине XVIII в. мы узнаем, что когда однажды «в руки святого Ведомства (инквизиции!) попали многие из именитых купцов Рио-де-Жанейро, то промышленная деятельность

приостановилась на очень многих плантациях; производство и торговля провинции (Багии) оправилась от этого удара лишь спустя долгое время». Декретом 2 марта 1768 г. предаются уничтожению все списки о новых христианах; законом 25 марта 1773 г. «новые христиане» уравниваются во всех гражданских отношениях со старыми христианами.

Очевидно, таким образом, что даже после того, как португальцы завладели (в 1654 г.) Бразилией, в ней остались многочисленные и имевшие крупное значение в экономической жизни страны криптоевреи; к цветущей сахарной промышленности они присоединили еще торговлю драгоценными камнями, которую вскоре захватили в свои руки.

Но в еврейско-американской истории 1654 г. является составляющей эпоху датой, ибо очень большая часть бразильских (и эмигрировавших позже) евреев направилась с тех пор в другие области Америки и таким образом перенесла туда хозяйственный центр тяжести.

Прежде всего укажем на некоторые важные пункты вест-индского Архипелага и прилежащего к нему материка, расцвет которых начинается с XVII в., когда они пропитываются еврейскими элементами. Таков Барбадос, который был заселен почти исключительно евреями. В 1627 г. им завладели англичане; в 1641 г. был ввезен сюда сахарный тростник; в 1648 г. начался экспорт сахара. Но сахарная промышленность не могла укрепиться здесь, так как, вследствие своего плохого качества, сахар не мог окупить издержек доставки в Англию. Лишь изгнанные из Бразилии «голландцы» ввели надлежащий способ производства и научили жителей изготовлять сухой, непортящийся сахар, вывоз которого и возрос вскоре очень сильно. В 1661 г. Карл II мог уже произвести в бароны тринадцать помещиков, получавших 10 тыс. ф. ст. дохода из Барбадоса, а около 1678 г. остров отправлял ежегодно 400 судов, вмещавших по 150 тонн неочищенного сахара.

В 1664 г. Томас Модифорд вывез из Барбадоса производство сахара на Ямайку, которая благодаря этому скоро разбогатела. В 1656 г. англичане окончательно отняли этот остров у испанцев. В то время на Ямайке были лишь три небольших сахароваренных завода; в 1670 г. уже работали 75 сахарных мельниц, из которых некоторые вырабатывали 2 тыс. центнеров сахара; в 1700 г. сахар был главным продуктом Ямайки и источником ее благосостояния. Насколько значительно было здесь участие евреев, мы можем заключить из того факта, что уже в 1671 г. купцы-христиане ходатайствовали перед правительством об удалении евреев; ходатайство это имело результатом лишь то, что правительство стало еще более благоприятствовать иммиграции евреев. Губернатор отклонил петицию с следующими замечательными словами: «He was of opinion that His Majesty could not have more profitable subjects than the Jews and the Hollanders; they had great stocks and correspondance» («Он того мнения, что его величество не может иметь

более полезных подданных, чем евреи и голландцы; у них большие капиталы и большие торговые связи»). Так произошло то, что евреи не были изгнаны из Ямайки, а наоборот, «they became the first traders and merchants of the English colony» («они стали первыми купцами и торговцами английской колонии»). В XVIII столетии они платят все подати и держат в своих руках значительнейшую часть промышленности и торговли.

Из других английских колоний они особенно полюбили Суринам. Здесь с 1644 г. жили евреи, получившие вскоре привилегии, «whereas we have found that the Hebrew nation... have... proved themselves useful and beneficial to the colony» («ибо мы убедились, что евреи оказались полезными для колонии»). Это привилегированное положение осталось, разумеется, и тогда, когда Суринам (в 1677 г.) перешел от Англии к Голландии. В конце XVII в. их отношение к остальному населению равнялось 1:3. Из 344 суринамских плантаций, на которых по большей части вырабатывался сахар, они владели в 1730 г. 115.

Картину, подобную той, которую представляют английские и голландские колонии, мы застаем и в важнейших французских колониях: на Мартинике, Гваделупе, Сан-Доминго. И здесь сахарная промышленность — источник «благосостояния», и здесь евреи господствуют над производством сахара и торговлей им.

На Мартинике первая большая плантация и сахароварня была устроена В. Дакостой, бежавшим туда из Бразилии с 900 единоверцами и 1100 рабами (в 1655 г.).

На Сан-Доминго начало сахарной промышленности относится уже к 1587 г., но лишь благодаря «голландским» беглецам из Бразилии она достигает процветания.

Не следует упускать из виду, что в те критические, переходные столетия, когда основывалось американское колониальное хозяйство (а с ним и современный капитализм), производство сахара (не говоря, разумеется, о серебряной промышленности и о добыче золота и драгоценных камней в Бразилии) составляло основу всего колониального хозяйства, а, значит, косвенным образом и европейского. Трудно себе представить, какое огромное значение имели в то время сахарная промышленность и сахарная торговля. Когда мы читаем заключение парижского торгового совета от 1701 г., что судоходство Франции обязано своим процветанием торговле ее, производящих сахар, островов и может держаться и развиваться только в зависимости от этой торговли — то это совсем не является преувеличением. А торговлю сахаром почти монополизировали евреи (в частности, французскую торговлю — богатый дом Градис из Бордо).

Но особенно велико стало могущество евреев в Центральной и Южной Америке, когда с конца XVII столетия возникла тесная связь между англий-

скими колониями Северной Америки и Вест-Индией; связь, которой, как мы увидим, обязана своим существованием европейская Северная Америка и которую, в существенных чертах, создали опять-таки еврейские купцы. Мы переходим таким образом к обсуждению той роли, которую сыграли евреи в развитии северо-американского народного хозяйства, или, что сводится к тому же, в зарождении Соединенных Штатов Америки. Дело в том, что Соединенные Штаты стали в хозяйственном отношении тем, что они есть, главным образом, благодаря влиянию еврейских элементов. Это утверждение опять-таки требует подробного разъяснения, ибо оно противоречит, очевидно, ходячему (по крайней мере, в Европе) взгляду на вещи.

На первый взгляд кажется, будто именно северо-американская хозяйственная жизнь образовалась в своих существенных чертах без содействия евреев. Когда я выражал в разговорах мнение, что современный капитализм в своей основе есть не что иное, как эманация еврейского духа, то довольно часто мне возражали ссылкой именно на Соединенные Штаты, как на доказательство справедливости противоположного. Сами янки чванливо утверждают иногда, что они обошлись без евреев. Какой-то американский писатель, если не ошибаюсь, Марк Твен, объяснил однажды довольно обстоятельно, почему евреи не играют там, в Америке, никакой роли: потому будто, что они, янки, такие же «продувные» (smart), как и евреи, если даже не более продувные. (Между прочим, то же самое говорят о себе и шотландцы.) И действительно: среди крупнейших промышленников и спекулянтов Соединенных Штатов, среди «магнатов трестов» мы встречаем мало еврейских имен. Со всем этим можно согласиться. И все-таки я поддерживаю свое утверждение, что и Соединенные Штаты — и что даже ни одна страна так, как Соединенные Штаты — исполнены еврейского духа. Впрочем, в иных американских кругах — и как раз в кругах людей, способных судить о вещах — это знают очень хорошо. Когда несколько лет тому назад была отпразднована с большой пышностью 250-летняя годовщина поселения евреев в Америке, то президент Рузвельт обратился к распорядительному комитету празднества с письмом, в котором он в очень лестной (для евреев) форме высказывал свои пожелания. Он писал, что в первый раз за свое президентство посылает по случаю торжества поздравительное письмо; но он должен был сделать это исключение, ибо повод был слишком важен. Преследования, которым как раз в это время подвергались евреи, делают для него особенно настоятельной обязанность подчеркнуть, какие выдающиеся гражданские качества обнаружили лица иудейского вероисповедания и происхождения с тех пор, как они поселились в стране. Говоря далее о заслугах евреев перед Соединенными Штатами, он употребляет удачный, вполне выражающий сущность дела, оборот: евреи помогли в создании страны — «The Jew participated in the upbuilding of this country». А бывший

президент Гровер Кливленд выразился по тому же поводу: «Немногие — или даже вообще ни одна — из образующих американский народ национальностей не оказали большего прямого или косвенного влияния на создание современного американизма, чем еврейская нация» («I believe that it can be safely claimed that few, if any of those contributing nationalities have directly and indirectly been more influential in giving shape and direction to the Americanism of to day»).

Но в чем же заключается крупное значение евреев именно для Соединенных Штатов? Во-первых, в том, что с количественной стороны, их участие в американской экономической жизни никогда не было так мало, как это кажется на первый взгляд. Из того, что среди полудюжины миллиардеров, имена которых, вследствие поднимаемого ими (и особенно их женами) шума, у всех на устах, нет ни одного еврея, совсем еще не следует, что еврейский элемент слабо представлен в американском капитализме. Во-первых, даже среди крупнейших трестов некоторые находятся под руководством евреев. Так, плавильный трест (Smelter-trust), который со всеми находящимися под его контролем заводами представлял (1904 г.) капитал (номинально) в 201 млн. долл., есть дело рук евреев (Гутгенгеймов). Точно так же евреи занимают руководящее положение в табачном тресте (500 млн. долл.), в асфальтовом, телеграфном и т.д. трестах. Точно так же в руках евреев находится целый ряд крупнейших банкирских фирм, под «контролем» которых находится, разумеется, весьма значительная доля американского хозяйства. Так, например, «Гарриманова система», имевшая целью объединение всех американских железнодорожных сетей, получила существенную поддержку от нью-йоркского дома Кун, Леб и К^о. Очень многочисленны евреи, занимающие руководящее положение, на Западе: Калифорния в значительной мере дело их рук. При основании этого штата евреи выделились на поприще судей, депутатов, губернаторов, бургомистров и т.д., и не менее в области промышленности. Братья Зелигманы, В. Генри, Джессе, Джемс в Сан-Франциско; Луи Слосс, Льюис Герстль в Сакраменто (где они основали «Alasca Commercial C^o»); Гельман и Ньюмарк в Лос-Анджелесе — таковы немногие из крупнейших фирм, развивших здесь свою деятельность. Во время золотого периода именно евреи завязали сношения с Востоком и Европой. Важнейшие финансовые сделки того времени предпринимались такими людьми, как В. Давидсон, агенты Ротшильда, А. Прист из Род-Эйланда, А. Дайер из Балтимора, три брата Лазар (основавшие международный банкирский дом «Lazard Frères» в Париже, Лондоне и Сан-Франциско), Зелиганы, Глэзь, Вормсеры. Мориц Фридендер был одним из крупнейших пшеничных королей. Адольф Сутро занимался эксплуатацией Комстокских каналов («Comstock Lodes»). И поныне еще большинство калифорнийских банков и промышленные предприятия в руках евреев. Я напому о «The London,

Paris and American Bank» (З. Гринебаум, Р. Альтшуль), «Angl. California Bank» (Ф. Н. Лилиенталь, И. Штейнгарт), «Nevada Bank», «Union Trust Company», «Farmers and Merchants Bank of Los Angeles» и т. д. Я напомним о разработке угольных копей Дж. Розенфельдом, о преемнице компании Гудзонова залива — «The Alasca Commercial Co», о «North Americ Comm. Co» и т. д.

Вряд ли можно сомневаться, что, благодаря иммигрированию за последние десятилетия многочисленных евреев, повсюду стало в колоссальных размерах чувствоваться значение евреев для американской хозяйственной жизни, как количественного фактора. Пусть вспомнят только, что теперь в одном Нью-Йорке живет уже больше миллиона евреев и что из эмигрировавших евреев огромное большинство еще не начинало капиталистической карьеры. Если положение дел в Америке будет и в дальнейшем идти так, как в последние 30 лет, если размеры эмиграции и процент прироста различных национальностей останутся такими же, что и теперь, то через 50 или 100 лет Соединенные Штаты превратятся в страну, населенную лишь славянами, неграми и евреями, в которой, разумеется, евреи захватят хозяйственную гегемонию.

Но все это фантазии, касающиеся будущего, и им не место в этом очерке, где изучается прошлое и настоящее. Относительно же этого прошлого и настоящего приходится признать, что участие евреев в американской хозяйственной жизни, беря только количественную сторону дела, довольно значительно и далеко не так ничтожно, как это можно думать на основании поверхностного наблюдения; но все-таки из одного этого количественного участия нельзя заключить о том огромном значении, которое я здесь (вместе со многими другими знающими людьми) приписываю еврейскому племени. Значение евреев, главным образом, качественного характера, как это вытекает из довольно сложного ряда соображений.

Поэтому я не акцентирую внимание на немаловажном факте, что в Америке евреи почти монополизируют — или же, по крайней мере, монополизируют в течение долгого времени — целый ряд весьма существенных отраслей торговли. Я имею здесь в виду, главным образом, торговлю зерновым хлебом на Западе; торговлю табаком, хлопком. С первого же взгляда ясно, что это три жизненных нерва американского народного хозяйства; ясно также, что лица, в руках которых находятся эти три мощные отрасли хозяйства, должны тем самым принимать выдающееся участие во всей совокупности хозяйственной жизни; но, как я уже сказал, я не настаиваю особенно на этом обстоятельстве. Не настаиваю потому, что есть еще более серьезные основания говорить о значении евреев для народного хозяйства Соединенных Штатов.

Евреи — это как бы совсем особая нить, это, можно сказать, как бы золотая нить, вплетенная в ткань американского народного хозяйства

от его начала до конца, так что хозяйственная жизнь Америки с первого же момента получает от них свой отпечаток.

Ибо с момента первого же пробуждения капиталистического духа на берегах Атлантического океана и в лесах и степях новой части света они находятся здесь. Годом прибытия их считается 1655 г., — именно та дата, когда к устью Гудзона пристал, из снова подпавшей под власть португальцев Бразилии, корабль с еврейскими беглецами, начавшими ходатайствовать о разрешении поселиться в основанной там Голландско-Вест-индской компанией, колонии. Ходатайствовали они об этом разрешении, однако, не как просители, а как члены племени, принимавшего активное участие в основании новой колонии, племени, перед влиянием которого уже должны были склоняться губернаторы. Когда корабль с еврейскими поселенцами прибыл в Новый Амстердам, губернатором там был Стюйвзент. А Стюйвзент не был другом евреев и охотно бы закрыл доступ новопришельцам. Но из Амстердама пришло распоряжение в письме директоров компании (от 26 апреля 1655 г.): евреям не должно препятствовать заниматься торговлей и селиться в пределах области Вест-индской компании, «also because of the large amount of capital which they have invested in shares in this Compagny» («потому что они вложили большие капиталы в акции этой компании»). Из Нового Амстердама они вскоре устремились в Лонг-Эйланд, Альбани, Род-Эйланд, Филадельфию.

И с тех пор начинается оживленная деятельность их, первым результатом которой было то, что новые колонии вообще могли уцелеть экономически. Если теперь существуют Соединенные Штаты, то только потому, что английские колонии Северной Америки добились, благодаря ряду благоприятных обстоятельств, могущества, давшего им под конец возможность самостоятельного существования. И именно при созидании этого колониального могущества, евреи были первыми и энергичнейшими работниками. Я опять-таки имею в виду не тот элементарный факт, что только благодаря поддержке некоторых богатых еврейских домов колониям удалось добиться самостоятельного государственного устройства: эта поддержка дала им ту экономическую основу, на которую они могли опереться. Без еврейских поставок во время войны и особенно без полученных от них необходимых денежных средств, никогда не была бы осуществлена независимость Соединенных Штатов. Но эти услуги евреев не представляют чего-то присущего исключительно одним американским отношениям: это универсальное явление, почти однообразно встречающееся нам в истории всех современных, покоящихся на капиталистическом основании, государств.

Но я нахожу зато в другого рода деятельности еврейских колонистов факт, благодаря которому конституировались Соединенные Штаты и который представляет в то же время явление, свойственное только американ-

скому миру. Я имею в виду тот простой факт, что в течение XVII и XVIII столетий еврейская торговля была тем источником, из которого черпало жизнь народное хозяйство американской колонии. Только поддерживавшиеся евреями торговые сношения сделали возможным то, что колонии продолжительное время были экономически связаны с метрополией и в то же время достигли самостоятельного хозяйственного процветания. Проще говоря, благодаря обязательству, которое Англия налагала на свои колонии — покупать все продукты обрабатывающей промышленности в метрополии — само собой получилось то, что торговый (а, значит, и расчетный) баланс колоний был постоянно пассивным. Их хозяйственный организм должен был бы истечь кровью, если бы к нему не притекал постоянно поток крови в виде благородных металлов. Но этот свежий поток создавала еврейская торговля, перекачивая золото из южно- и центрально-американских стран в английские колонии Северной Америки. Благодаря тесным сношениям, завязанным эмигрировавшими в Северную Америку евреями с вест-индскими островами и Бразилией, они сумели развить оживленную торговлю с этими областями, носившую в итоге активный характер для северно-американских колоний: таким образом, добывавшиеся в тех странах или притекавшие к ним из непосредственного соседства благородные металлы (с начала XVIII в. на первом плане также и бразильское золото) переходили в жилы северно-американского народного хозяйства.

Если, считаясь с только что указанными фактами, можно с некоторым основанием сказать, что Соединенные Штаты вообще обязаны своим существованием евреям, то с тем же правом можно сказать, что только благодаря еврейскому влиянию они таковы, какими мы их знаем, т. е. именно американские. Ибо то, что мы называем американизмом, в значительнейшей своей части не что иное, как кристаллизовавшийся еврейский дух.

Но откуда же взялась эта резкая окраска американской культуры специфически еврейским духом?

Как мне кажется, из начавшегося весьма рано и носящего вполне универсальный характер перемещения колонистов с еврейскими элементами.

Насколько я себе представляю дело, заселение Северной Америки происходило в большинстве случаев следующим образом: группа здоровых мужчин и женщин — скажем двадцать семейств — отправлялась в дикие, нетронутые места, чтобы начать здесь новую жизнь.

Из этих двадцати семейств девятнадцать имели с собой плуг и серп; они шли с намерением распахать леса, выжечь степи и зарабатывать себе пропитание, возделывая собственными руками землю. Двадцатая же семья устраивала лавку и снабжала своих сотоварищей необходимыми предметами потребления, которых не производила земля. Эта двадцатая семья начинала вскоре брать на себя задачу сбыта, произведенных девятнадцатью дру-

гими семьями, сельскохозяйственных продуктов. Она имела больше наличных денег, чем другие семьи, и поэтому могла, в случаях нужды, быть полезной другим ссудами. Очень часто к «лавке», которую она держала открытой, примыкал своего рода земельный кредитный банк; часто также агентство по продаже земли и аналогичные предприятия. Таким образом, благодаря деятельности этой двадцатой семьи, северно-американский крестьянин уже заранее приходил в соприкосновение с денежным и кредитным хозяйством Старого Света. Все производственные отношения складывались наперед на современном основании. Дух города победоносно врвался сейчас же в отдаленные деревни. Американское народное хозяйство с первого же дня колонизации стало проникаться элементами капиталистической организации. Ибо эти первые торговые ячейки быстро разрослись во все охватывающие организации. Но кто придал этому «Новому Свету» капиталистический характер, кто именно — если принимать в расчет только личный фактор, а не просто влияние исторической конъюнктуры? — Двадцатая семья в каждой деревне.

Нечего прибавлять, что этой двадцатой семьей была в каждом случае еврейская семья, которая присоединялась к группе переселенцев или же появлялась вскоре по основании ею колонии.

Такова рисуемая моему духовному взору общая картина, поскольку я комбинирую в один совокупный образ те случаи, где дело происходило именно так. Исследователям, которые придут после меня, предстоит написать с выдвинутой мной точки зрения экономическую историю Соединенных Штатов. Имеющиеся у меня в руках материалы представляют уже довольно солидную массу. В свое время я их сообщу читателю, если он соблаговолит ознакомиться с книгой, в которой я разовью свои взгляды.

*Перевод с немецкого В. З.
под редакцией П. С. Юшкевича*

ИДЕАЛЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Из всех социальных наук в самом печальном и заброшенном состоянии находится, может быть, наука о политике. Если бы кто-нибудь стал утверждать, что она находится в настоящее время на уровне аристотелевских учений, то это было бы, по моему мнению, очень милостивое суждение о том, что сделано нашим поколением. Какого-либо прогресса в этой области за последнее время не замечалось. Новейшее и наиболее крупное сочинение в этой отрасли знания — «Политика» все еще много читаемого покойного лейпцигского профессора Рошера¹ — могло бы спокойно появиться на несколько десятилетий раньше и все-таки при своем появлении оказалось бы устаревшим: о многочисленных результатах социального исследования за последние десятилетия в нем нет и помину. Люди, родившиеся после 1850 г., с трудом понимают его. Не лучше обстоит дело и с большинством других научных сочинений о политике. И резкая критика Дж. Ст. Милля представляется мне нынче еще более справедливой, чем тогда, когда он ее впервые формулировал². Будем надеяться, что ближайшее будущее пополнит теперешние пробелы. Что всего важнее при современном состоянии науки, — это добыть строительный материал для новой теории политики и в особенности утилизировать для политики сведения, добытые в других областях социального знания. Скромную попытку в этом направлении и представляют нижеследующие строки. В них высказываются сначала некоторые общие замечания о понятии, сущности и отраслях политики, а затем на этой основе предпринимается специальное исследование о значении идеала в отдельной области политики, — в политике социальной.

I

Общее понятие политики установлено с достаточной ясностью. По существу я готов принять его в формулировке Гольцендорфа³. «Политика как наука» есть, по его определению, специальная отрасль знания, трактующая

¹ «Политика». Историческое исследование о природе (!), монархии, аристократии и демократии. Штуттгарт, 1892.

² Logic. 5-е изд. (1862), II, 456 сл.

³ Prinzipien der Politik. 2-е изд. 1879. С. 3 и сл., в особенности с. 11. Там же сделаны указания на сходные и несходные воззрения. Из новых определений понятия политики ср. определение Гертлинга в Staatslexikon. T.IV, слово «Politik». В «Handwörterbuch der Staatswissenschaften» слова «политика» совершенно нет.

о государстве и обществе. Ее объектом и содержанием является «выходящая за пределы юрисдикции реализация государственных целей (на базе существующих отношений)». В пояснение Гольцендорф замечает:

«Решающее значение для нас имеет не простая наличность средств, пригодных для осуществления государственных целей, а их применение и результаты. Шлейермахер весьма удачно называет практическую политику «успешной деятельностью». Идея деятельности для государства и его целей является верховным представлением, из которого должна исходить практическая политика... Действующими субъектами, которых предполагает или имеет в виду политика как наука, являются государственная власть и ее исполнительные органы. Существовая повсюду, они служат, хотя и не исключительными, но, тем не менее, необходимыми орудиями политической деятельности».

При этом слово «государство» должно быть понимаемо в широком смысле «общественного целого», так как в широкое понятие политики мы должны также включить, например, политику сельских и городских общин. Значит, говоря вообще, дело идет о сознательной деятельности общественных учреждений.

Но если мы и можем в общем принять это абстрактное понятие практической политики, то господствующее учение не дает нам никакого ответа на вопрос об удовлетворительной систематике политики.

Мы рекомендовали бы при этом разграничить две главные области политики сообразно со сферами государственной деятельности, которая направляется или на охрану интересов данной общественной организации против других — «внешняя», «национальная» политика, — или на изменение, приспособление и развитие существующего социального строя в известном направлении — «внутренняя» или «социальная» политика в широком смысле этого слова. И лишь с последней мы будем иметь здесь дело. Она обнимает также и ту отрасль политики, точное формулирование понятия которой является нашей задачей, — «социальную политику» в узком, собственном смысле слова.

Что такое социальная политика? Это вопрос, на который не так легко дать ответ, как может думать посторонний делу читатель.

О каком-либо установленном и господствующем определении понятия нет и помину. В лучшем случае тот или другой автор имеет свой личный взгляд и формулировку понятия, а в большинстве случаев — никакого. В настоящее время считается позволительным написать целую книгу о «социальной политике», не отдавая себе отчета, какое точное понятие соответствует этим словам. В громадном энциклопедическом словаре государственных наук Конрада отдел «Социальная политика» совершенно отсутствует! И это в так называемый «век социальной политики»!

Формулируя ходячий взгляд на это понятие, можно, думается мне, определить социальную политику как совокупность тех мер внутренней политики, которые предприняты с начала пролетарского движения с целью удовлетворить или, по крайней мере, успокоить настойчиво требовательных наемных рабочих, следовательно — как ту политику, результатом которой является так называемое «социальное» законодательство — столь же неясное понятие⁴. Так, например, барон Гертлинг в своем исследовании о «естественном праве и социальной политике»⁵ полагает, что понятие социальной политики «популярно» в смысле специальных задач, «относящихся к положению, потребностям и требованиям рабочего класса». Мало-помалу стали говорить о социальном вопросе, пока вдруг и у нас не очутились перед прочно организованной социальной, социал-демократической партией, и тут уже правительство начало обсуждать меры для борьбы с опасными стремлениями и для устранения вызвавших их зол. Социальные (!) дебаты занимают обширное место в заседаниях германского рейхстага, начиная с 1877 г. Правительственные законопроекты и предложения различных партий в большей или меньшей степени проникаются социально-политическими соображениями. «Социальная политика» — лозунг нашего времени. Совершенно однородному представлению о значении термина обязан, очевидно, своим наименованием «Verein für Sozialpolitik».

Само собой разумеется, что наука в ее работе над определением понятий не должна подчиняться влиянию, а тем менее руководству таких внешних обстоятельств. Поищем, нет ли таких определений понятия, которые в меньшей степени носили бы характер исторических определений, приспособляющихся к обстоятельствам? Пользуется известностью определение Адольфа Вагнера: «В общем мы разумеем под социальной политикой ту политику государства, которая направлена к устранению недостатков в области процесса распределения путем законодательной и административной деятельности»⁶. Это определение меня тоже не удовлетворяет.

⁴ О понятии «социальный» см. рассуждения Stammer'a в «Wirtschaft und Recht» (Leipzig, 1896) С. 117 и сл. Я охотно принимаю его определение: социальный — внешне урегулированный, но хочу тут же заметить, что на этом определении невозможно построить удовлетворительного понятия «социальной политики» в тесном смысле. Штаплер может понимать под социальной политикой лишь *всю* внутреннюю политику, как я противопоставил ее раньше национальной политике. Но все-таки является желательным точное разграничение понятий и выделение «социальной политики» в тесном смысле слова.

⁵ «Naturanrecht und Sozialpolitik». Freiburg, 1892. С. 5.

⁶ «Ueber Soziale Finanz- und Steuerpolitik». Braun's Archiv. Band IV. S. 4.

Прежде всего и оно носит на себе печать случайности. Подчиняясь обычной теперь манере характеризовать, совершенно поверхностным образом, новую политическую экономию тем, что она «обращает большее внимание на процесс распределения», в то время как старая ставила на первый план «процесс производства». Адольф Вагнер тоже хочет, очевидно, противопоставить старой «экономической» политике — политике производства — новую политику распределения — «социальную». Но против этого определения имеются и еще более серьезные возражения по существу. Прежде всего спрашивается, почему именно политика распределения должна быть окрещена именем социальной? Нет ни малейшей связи между предметом и его словесным выражением. А затем, если даже не обращать внимания на это обстоятельство, то главный недостаток такого определения заключается в том, что оно прямо-таки способствует неопределенности и бессистемности. Понятие «политика распределения» так растяжимо, что под него можно подводить самые разнородные предметы.

А между тем все значение определения понятий заключается именно в том, чтобы внести порядок и систему в наблюдение живого многообразия действительности. «Политикой распределения» были бы, например, мероприятия к урегулированию договора о найме, снабжение работой голодающих домашних ткачей, страховая политика и т. п. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что по отношению к целому ряду мероприятий совершенно невозможно установить, принадлежат ли они к области «производительной» или «распределительной» политики. Куда относится охранительное законодательство рабочих? Или введение нормального рабочего дня? Наконец, приведенное определение страдает еще тем недостатком, что оно насильственно исключает из области социальной политики те мероприятия, которые хотя и принадлежат к «политике производства», но стоят в теснейшей зависимости от «политики распределения». При этом я имею в виду, например, современное рабочее законодательство, «организацию ремесла», политику по отношению к картелям, потребительным обществам, бирже и т. п. Мы должны, следовательно, поискать лучшего.

Определение, которое ведет на верный путь, дано Брюллем в статье «Социальная политика», вошедшей в «Словарь государственных наук»⁷. По его мнению, «социальная политика, или учение об обществе в тесном смысле, представляет ту отрасль государственных наук, которая занимается отношениями публичной власти к отдельным производительным сословиям и их взаимным интересам». Кроме смешения политики, как

⁷ Staatslexikon. Band V, 1896. S. 140. Подобным же образом, впрочем, определяет понятие социальной политики в узком смысле также и фон Гертлинг, противопоставляя его приводимому им «популярному» взгляду на социальную политику.

науки, с практической политикой, это определение страдает большой неопределенностью. Несомненно, перед автором мелькало верное и осязательное понятие, но он все-таки не сумел правильно сформулировать свою мысль. Это проявляется в дальнейшем ходе статьи, посвященной преимущественно рабочей политике нового времени, где автор не смог плодотворно применить собственное определение понятия. Таким образом, мы и здесь не находим искомого: пригодного отграничения понятия социальной политики, других же попыток установления этого понятия, которые заслуживали бы внимания, я не знаю. Таким образом, не остается ничего другого, как попытаться самому формулировать его.

Насколько я понимаю дело, во всей экономической политике, которая только нас здесь и интересует, мы можем проследить два существенно различных рода мероприятий⁸. Хотя это различие не всегда существует в сознании политика, т. е. сообразно поставленным целям, но зато постоянно может быть проведено по отношению к результатам известных мер.

А именно: политические мероприятия направляются или к поддержанию и уничтожению определенной экономической системы или ее составных частей, или же влияют на судьбу отдельных членов хозяйственной организации. Под экономической системой я понимаю определенный порядок экономической жизни данной совокупности людей, в котором господствуют известные принципы. Различение отдельных экономических систем привело бы к неодинаковым результатам в зависимости от выбора признаков различия. Если мы пока удовольствуемся принятым Бюхером⁹ критерием — путем от производства к потреблению, — то получим три исторически сложившиеся экономические системы: самостоятельное натуральное хозяйство, меновое хозяйство городов и современное капиталистическое хозяйство с широким обменом. Как известно, все три, или, если мы захотим рассматривать социалистическое «самодовлеющее хозяй-

⁸ Под экономической политикой я понимаю политику, влияющую на экономическую жизнь и регулирующую ее, а под экономической жизнью — совокупность тех социальных явлений, которые возникают из производства, распределения и потребления. Для меня социальная жизнь не исчерпывается вполне экономической жизнью, как предполагает Штамлер. Попутно мне хочется заметить Штамлеру, что, по моему мнению, его вывод о невозможности выделения экономических феноменов из других проявлений социальной жизни проистекает лишь от ошибочности избранных им субъективных признаков различия (материальных потребностей) и что он падает, если взять, как это я делаю, за критерий для обособления социальных явлений объективную деятельность. Впрочем, эти разногласия довольно безразличны при установлении понятия социальной политики.

⁹ Entstehung der Volkswirtschaft, 1893.

ство» на высшей ступени развития, как четвертую экономическую систему, то все четыре экономические системы существуют в современных культурных государствах одновременно друг с другом. На них опираются социальные классы¹⁰: земельная аристократия и крестьянство, как представители различных форм первобытного натурального хозяйства, мещанство, как представитель территориально-ограниченного менового хозяйства, буржуазия, как классовое выражение капиталистически развитого менового хозяйства в его консервативно-монархической форме, и, наконец, пролетариат с его тенденцией к обобществлению и демократизации.

Что мы разумеем под составными частями экономической системы, должно бы быть ясно: обособленные сферы однородной экономической жизни, образуемые одинаково заинтересованными группами лиц — частями социальных классов, которые, хоть и являются членами одного и того же тела, но при известных условиях могут прийти в противоречие между собой. Чем выше, сложнее экономическая система, тем многообразнее это разделение. Так, наибольшее число оттенков мы находим в рядах буржуазии, представляющей капиталистическое хозяйство в его поступательном развитии: аграрная, промышленная и финансовая буржуазия.

Этого, нам кажется, достаточно для понимания сделанного выше различия в характере мероприятий экономической политики: первая кате-

¹⁰ Теория образования классов еще не выработана. Как известно, заключительная (52-я) глава III тома «Капитала» К. Маркса должна была быть посвящена этому вопросу. Но уже на середине второй страницы читатель наталкивается с величайшим сожалением на замечание: «Здесь манускрипт обрывается». Какая неизмеримая потеря для науки! Новые попытки в том же направлении неудовлетворительны. Назовем из них: *Schmoller G. Das Wesen der Arbeitsteilung und sozialen Klassenbildung*. Что Шмоллер понимает под социальным классом, — не совсем ясно. Уже Бюхер в статье под тем же заглавием показал, что Шмоллер недостаточно отчетливо различает профессиональные группы и социальные классы, и со своей стороны пытается указать в понятии «социально-профессионального класса» «взаимодействие между профессией и собственностью». Ту же попытку он повторяет в статье «*Bevölkerung des Kantons Basel-Stadt*» (1890 г.), но и здесь, по моему мнению, не формулирует понятие с достаточной точностью. Совершенно неопределенно высказывается Штамлер (с. 275–278 его книги), который выставляет четыре критерия для разграничения социальных классов, не указывая, который из них он сам считает правильным для установления все-таки же единого понятия социального класса. Впрочем, надо заметить, что критерии 1, 3 и 4-й неприложимы, а 4-й — неопределенно выражен. Почему критерий одинаковости направления интересов — если их, как это я делаю, ставить в связь с определенной экономической системой — кажется Штамлеру «шатким», для меня непонятно.

гория мер относится (имеет целью или, по крайней мере, следствием) к существованию, содействию в развитии или уничтожению известной экономической системы или ее составных частей, или, — как мы уже можем теперь подставить вместо этого, — известного социального класса или его групп. Другими словами, эти меры видоизменяют *экономический порядок в пользу или во вред известной группе интересов*.

Примерами могут служить: освобождение крестьян, торговые договоры, биржевые реформы, ограничения разностной торговли или больших магазинов, установление *Befähigungsnachweis*'а — свидетельства о достаточной технической подготовке, как условия к самостоятельному ведению ремесленных и фабричных предприятий, охранительное рабочее законодательство и т. п. В резкой противоположности с этой категорией мероприятий экономической политики стоит другая категория, которая имеет объектом судьбу отдельных, произвольно сгруппировавшихся индивидуумов, без отношения к определенной экономической системе и соответствующей ей принадлежности к тому или другому классу. Сюда относятся, например: политика борьбы с нищенством с ее придатком в виде современного принудительного страхования, многие отделы политики по отношению к различного рода товариществам, многие отрасли финансовой политики, например, политика подоходного обложения, которая знает лишь различие между бедным и богатым, между имеющим собственность и лишенным ее, одинаково несущественное как для теоретика, так и для практика социальной политики. И в то же время, например, политика обложения торгово-промышленных предприятий и т. п. очень легко может относиться к первой категории мероприятий, поскольку ее целью или следствием является содействие развитию или нанесение вреда крупной или мелкой промышленности, капитализму или ремесленному производству.

Читатель уже догадывается, какую цель я преследую, делая это различие в мероприятиях экономической политики: я хочу выделить первую категорию мер в качестве социальной политики. Таким образом мы получаем следующее определение этого понятия: *под социальной политикой мы понимаем те мероприятия экономической политики, которые имеют целью или следствием сохранение, содействие развитию или уничтожение, подавление определенной экономической системы или ее составных частей*. Ей я противопоставляю *индивидуальную политику* — те мероприятия, которые направлены ко благу отдельных лиц или групп, без различия их принадлежности к определенной экономической системе, а значит, также и к определенным социальным классам. В пользу моей терминологии говорят следующие основания:

1) Этим достигается выделение, так сказать, *экономической политики первого класса* и обособление ее от других мероприятий, что делает возможным разграничение важного от неважного, постоянного от преходящего.

Тогда сравнительно незначительные мероприятия, следствием которых является воздействие на экономический строй в определенном направлении, будут иметь для нас несравненно большее значение, чем самые обширные индивидуально-политические мероприятия. Вопросы о том, большее или меньшее число лиц, вместо денежной помощи из налога в пользу бедных, будет охотнее получать более или менее высокую ренту из специальной страховой кассы, больший или меньший процент с доходов богатых людей будет взят посредством подоходного налога, будет ли помощь голодающим ткачам оказана из дохода с благотворительного базара или из кассы военного ведомства, составленной взносами сердобольных людей и т. д., — имеют бесконечно меньшее значение для всей экономической жизни, а вместе с тем и жизни общества в целом, чем, например, вопросы: будет ли следствием осуществления данной меры законодательной охраны рабочих вытеснение или сохранение мелкого производства, ведет ли известная политика к увеличению или уменьшению крестьянских хозяйств, способствует или препятствует данная мера налоговой политики развитию крупных магазинов, укорачивает или удлиняет данное распоряжение существование домашней и кустарной промышленности, произойдет ли расцвет или упадок крупной промышленности вследствие принятого торгового договора и т. д., и т. д.

2) Выделяя в особую группу мероприятия, влияющие на характер экономической системы, мы вносим *порядок* в пестрый ряд явлений экономической политики. Я, по крайней мере, не вижу лучшей точки зрения для группировки однородных и разграничения неоднородных мер. Ясная формулировка политико-экономических систем дает нам систему экономической политики. Она получается из группировки влияющих на данную экономическую систему мероприятий путем обособления и соответствующего наименования совокупности мер, касающихся отдельных отраслей и областей этой экономической системы и т. д. И эта систематика будет опираться на «сущность вещей», а не обязана своим возникновением преходящим историческим обстоятельствам.

Наконец, спрашивается, в-третьих, не произвольно ли мы назвали лишь одну группу мероприятий экономической политики «социальной политикой»? Я думаю, что совершенно нет.

Прежде всего, что касается значения этого выражения в разговорном языке, которое всегда должно быть принимаемо во внимание при установлении научной терминологии, то мы видели, что в данном случае оно по большей части так неопределенно, что не препятствует произвольному толкованию выражения «социальная политика». Мне кажется даже, что многим неясно представлялся именно тот смысл его, который дается нами — сравните, например, вышеприведенное определение из «словаря

государственных наук». Во всяком случае, разговорное значение понятия подходит не ближе к единственному ясному определению Адольфа Вагнера (социальная политика = политика устранения недостатков, возникающих из процесса распределения), чем к нашему. Слово же «социальная» политика по своему смыслу, несомненно, находит самое лучшее применение по отношению к мероприятиям, влияющим на характер «социального строя». При употреблении его в этом смысле, содержание и его словесное выражение вполне покрывают друг друга.

II

Если мы в последующем изложении, установив понятие социальной политики, попытаемся прибавить кое-что для характеристики ее сущности, то нам представится, очевидно, двойная задача: во-первых, исследовать, какова суть и значение политики вообще, а следовательно, и социальной политики; во-вторых, — выяснить характерные особенности социальной политики, которые именно отличают ее от других отраслей политики.

Так как мы не задаемся здесь целью писать статью о политике вообще, то для выяснения нашей точки зрения по отношению к первому пункту придется ограничиться лишь несколькими намеками. Если вся политика, говоря словами Шлейермахера, представляет «плодотворную деятельность», то она покоится, очевидно, на *идее осуществимости свободно избранных целей*. Здесь говорится, конечно, не о произвольном преследовании фантастических, лишенных плана целей. Это значило бы стать на точку зрения мечтательного утопизма, не имеющего почвы в действительности и не могущего оказывать обратного влияния на жизнь.

А надо ее понимать в том смысле, что политика, как всякая «плодотворная деятельность», несовместима с мыслью о невозможности влияния единичной воли на естественную необходимость совершения. Недавно мне довелось в другом месте¹¹ указать на то, что неумение согласовать

¹¹ «Хотя я уже много раз имел случай, по крайней мере отрывочно, характеризовать *сущность социальной эволюции*, тем не менее я считаю нужным еще раз повторить здесь в связной форме, что я разумею под этим понятием, так как правильное понимание именно этого пункта имеет решающее значение: социальная эволюция и признание таковой общественного движения в целом основывается на мысли, что мы находимся в непрерывном процессе экономического и социального переустройства и что каждой данной стадии этого процесса соответствует определенная группировка интересов и необходимые отношения господства, что, по мере хода этого переустройства и развития влияния различных общественных групп, как носительниц интересов, перераспределяются и сами отноше-

свободную осуществимость самостоятельно поставленных целей с идеей строгой причинности в социальной жизни обуславливается смещением

ния власти, в результате чего одни господствующие классы сменяются другими. В основе этого взгляда лежит мысль, что существующее для данного времени соотношение общественных сил и власти действительно является выражением экономических отношений, а не обманом или фокусничеством, и что эта власть лишь постепенно переходит в другие руки, по мере того, как применяются экономические отношения, и одновременно с этим развиваются личные, субъективные условия — характерные свойства стремящихся к господству классов. Короче говоря, социальная эволюция — это мысль о постепенном достижении могущества и водворении нового общественного порядка в соответствии с видоизменением экономических отношений, преобразованием, выработкой характера».

«Довольно часто среди эволюционистов возникают разногласия вследствие смещения понятий: *эволюционизм* и *социализм*. В особенности среди марксистов распространено мнение, будто эволюция представляет естественный процесс, совершающийся независимо от деятельности людей, по отношению к которому единичные личности должны спокойно положить руки в карманы и ждать, пока плод вполне созреет до того, чтобы быть сорванным...».

«Этот квиетический и, по моему мнению, псевдомарксистский взгляд не имеет ничего общего с идеей эволюции. Он совершенно упускает из виду, что все, совершающееся в социальной жизни, несомненно происходит между живыми людьми, которые участвуют в процессе развития, ставя себе цели и стремясь к их осуществлению. Часто смешивают совершенно различные точки зрения — социального теоретика и практического деятеля. Для первого развитие общественной жизни постольку представляется совершающимся, как необходимое сцепление причин и следствий, поскольку он выводит формы жизни, как неизбежный результат мотивов действующих лиц, а эти мотивы, в свою очередь, стремится понять в их определенной зависимости и обусловленности. Для него социальная жизнь представляет процесс, перенесенный в прошлое. А для политика, наоборот, этот процесс лежит в будущем. Что теоретик понимает как действие определенной причины, то для практика является целью будущего, которую он только еще должен достигнуть при помощи своей воли. Но эта воля, в свою очередь, представляет звено в цепи причин и следствий социальной жизни. И, несмотря на всю свою обусловленность, воля все-таки является высшей личной собственностью действующего человека. Пытаясь доказать необходимость определенного направления воли и, вместе с тем, развития определенного ряда явлений общественной жизни, социальный теоретик делает это всегда с само собой понятным ограничением: предполагая, что не ослабнет энергия действующих лиц для принятия известных решений и осуществления их» (Sombart W. *Soziale Bewegung im 19 Jahrhundert*. S. 104—105. Jena, 1896).

точек зрения социального теоретика, считающегося лишь с причинной необходимостью, и политического деятеля. В несколько другой форме ясно выразил ту же мысль Джон Стюарт Милль¹², сказав: «Учение о независимости социального прогресса от неизменных законов во многих головах неразрывно связано с мыслью, что индивидуальными усилиями или правительственными мероприятиями нельзя оказать значительного влияния на ход общественного развития. Это — заблуждение. Из того, что все совершающееся, в том числе также и акты человеческой воли, является следствием определенных причин, не следует, что волевые акты вообще и даже волевые акты отдельных индивидуумов не могут быть, в свою очередь, причинами большого значения».

Милль указывает, вслед за тем, на деятельность капитана во время бури и продолжает: «Как ни безусловны законы социального развития, они не могут быть более безусловными или строгими, чем законы природы, и, однако, человеческая воля может превратить их в орудия своих замыслов, и степень, в которой она достигает этого, составляет главное различие между диким и высоко цивилизованным человеком»¹³.

Во всякой политике, как «успешной деятельности», можно различать два существенных элемента: цель и средства к ее достижению. Поскольку эта цель, по сравнению с существующим положением дел, представляется лучшим и желанным, поскольку она противопоставляется реальному *status quo* в качестве сравнительно законченной идеи, мы можем назвать ее политическим *идеалом*, осуществление которого должно быть достигнуто политическими мероприятиями.

О политическом идеале мы и будем говорить в дальнейшем изложении.

Каково вообще, — должны мы спросить, — может быть к нему отношение науки? Очевидно, оно должно быть двоякое: наука может рассматривать идеал в его необходимости или в его свободе. Она может или объявить его причинно обусловленным в его возникновении — генетическая точка зрения, или же осветить его в его ценности и значении — критическая точка зрения. Последняя, в свою очередь, исходит из молчаливо-

¹² «Логика», III. С. 352, нем. изд.

¹³ Для уяснения сказанного здесь будет уместно привести прекрасную картину Макиавелли в его «Principe»: «Я сравниваю счастье с опасной рекой, которая, разливаясь, наводняет равнину, вырывает деревья и разрушает дома, уносит землю в одном месте и наносит ее в другом. Каждый бежит от нахлынувших волн; никто не может сопротивляться. Однако, в спокойные времена люди могут принять меры против этого, при помощи плотин и валов достигнуть того, чтобы река текла во время полноводья как бы в канале, или разливалась не так широко и не причиняла такого вреда». Opera, 1797. VI, 351–352.

го предположения веры в возможность успешного изменения направления политической деятельности, так как без этой веры критика была бы праздной, чисто академической болтовней. Как я представляю себе до сих пор остающееся совершенно без внимания учение о причинной необходимости идеалов партийной политики, я показал по отношению к современному пролетарскому идеалу в цитированной уже работе.

Здесь же, напротив того, я намерен попытаться осветить некоторые новые стороны критической точки зрения. Относительно своей точки зрения я должен прежде всего сказать, что я не придаю научной критике роли руководительницы по отношению к политическому идеалу. В одном из значительнейших новейших сочинений о социальной политике, вышеупомянутой книге Штамлера, сделана попытка утилизировать учения кантовской этики о «регулятивной идее» для социальной жизни. Штамлер ищет сущность социальной «закономерности» в телеологическом соотношении социальных событий с единой объективной целью всей социальной жизни, которую научное мышление должно установить a priori. Эту точку зрения я считаю ошибочной, но, так как для подробного опровержения ее здесь не место, нам приходится ограничиться замечанием, что он относит в сферу познания такую область человеческого бытия, которая в главных своих элементах выходит за его пределы. Все политические стремления имеют своим конечным основанием общее мирозерцание и жизнепонимание отдельных людей, а это последнее, в конце концов, укрывается в метафизическую область веры, куда не смеет последовать за нею познание. Часто указывавшееся противоречие кантовской этики, что она уничтожает дело всей жизни своего творца, переходя через указанную в «критике разума» границу человеческого познания, и вносит в этику онтологическое доказательство, которое было устранено из науки и утилизировано религией, — это же противоречие губит и рассуждения Штамлера.

Если справедливо, что «законосообразность» познания имеет своей основой единство формы нашего мышления, то не менее справедливо, что такая «законосообразность» не может быть установлена ни для человеческой деятельности вообще, ни для политической деятельности в частности, именно потому, что у этого единства нет «конечной» цели. Того, кто не желает знать или признавать категории причинности, мы можем, конечно, оставить в стороне, как чудака, упряма или идиота, но мы не можем поступить таким же образом с тем, кто защищает мирозерцание, противоположное нашему. Почему я не должен избрать целью своих стремлений «общество людей с свободной волей», а не нищезанскую «теорию культурного удобрения», мистический аскетизм или рабскую мораль, — не сумеет «доказать» мне ни один человек, хотя бы он затратил на это столько же труда, как Штамлер, по той простой причине, что здесь

речь идет не о распознавании истинного или ложного, т. е. соответствующего однообразным законам человеческого мышления или противоречащего им, а о выборе точки зрения, определяемой, главным образом, моими чувствами, принятие которой еще далеко не оправдывает причисления меня к категории идиотов или чудаков.

Но если даже наука и будет изгнана из этой непринадлежащей ей области, то этим вовсе еще не устраняется возможность критики политического идеала. Наоборот, ее задачи по отношению к этому последнему все еще очень многочисленны и важны, если мы даже откажемся от навязывания ей «конечных целей».

Задачи критического учения о политическом идеале заключаются, главным образом, в следующем: прежде всего оно должно взяться за «критику» в кантовском смысле слова, т. е. установить границу доказуемого; затем, в пределах «доказуемого», т. е. в области, доступной научному познанию, она должна водворить порядок и ясность. Тут дела не мало: надо обнаружить ошибки, противоречия и непоследовательности в работе идеала. Самый идеал должен быть установлен и обрисован с соблюдением формального единства. Затем следует указать соотношение идеала в одной области, — например, социально-политической, — к идеалу в другой области, — хотя бы этической; нужно также решить вопрос о зависимости чистого идеала от конечных целей и т. д.

Эти исследования касаются, главным образом, формальной разработки идеала, но и его содержание тоже должно быть исследовано критически. Нужно показать, что известный идеал утопичен, так как находится в противоречии с объективно необходимыми фактами, что необходим другой идеал, ввиду того, что желательно достигнуть каких-либо других целей, или же потому, что существует ряд неустраняемых обстоятельств.

Как показывают эти немногие рассуждения, наука об идеале имеет еще в этом отношении великие задачи перед собой, — задачи плодотворного и несомненно успешного творчества. Ибо, хотя в конечном счете, как мы это уже указывали, выбор идеала и направление политических стремлений определяются интересами, вытекающими из условий среды, индивидуальным и классовым мирозерцанием, независимо от теорем науки, — несомненно, наука может осветить путь, предотвратить ошибки, повысить твердость отчетливого стремления, укрепить нерешительных и колеблющихся, направить стоящие вне партий правительства, — если таковые существуют, — на путь прогресса.

Прогресса? — Но разве наука показывает, в чем он заключается? Конечно, нет. Но представитель науки, — и этого не следует забывать, — сам живой человек и, если он не вполне иссушен наукой, человек с живыми идеалами, в направлении которых лежит для него прогресс. И как никто

не согласится отказаться от попыток убедить другого в преимуществах собственного идеала, навязать другому свою волю, точно так же не откажется от этого и ученый. Его не оставит надежда, что уже уяснение положения, которого он может достигнуть только одному ему доступными средствами, может оказать влияние на направление политической деятельности. Но с тем большей отчетливостью он должен провести границу между наукой и деятельностью. Он должен открыть и честно сказать, где он перестает вести своего читателя и слушателя при посредстве убедительной силы своих логических дедукций, где он обращается уже не к знанию, а к воле. Тогда он может раскрыть всю свою индивидуальность, свое мирозерцание, всю силу своего красноречия, если его на это вызывает темперамент, — для того, чтобы направить волю других с волей собственных стремлений, но только он не должен предаваться иллюзии, что этим служит распространению научного знания. Он говорит и действует уже как человек, а не как исследователь. И если в жизни это разграничение часто бывает довольно затруднительно, часто даже невозможно, — в теории оно все же должно соблюдаться с полной строгостью. И всякий, кто хочет научно трактовать об идеалах социальной политики, должен сознавать это. Иначе он омрачает ясное познание невнимательной примесью элементов своего чисто личного, недоказуемого в своей истинности или ошибочности, убеждения.

III

Можно назвать *господствующим воззрением* убеждение, что идеалы социальной политики должны быть черпаемы не из самой хозяйственной жизни, а из других сфер, что хозяйственно-политические стремления имеют своим масштабом не потребности хозяйственной жизни, а другие постулаты человечества.

Области, из которых заимствуются обыкновенно идеалы социальной политики, суть этика и религия; к ним недавно присоединились расовая гигиена и национализм, которые тоже предъявляют претензии на социальную политику. Но как ни распространена эта точка зрения, было бы весьма ошибочным допустить, что она одинакова и ясна у всех ее представителей. Отдельные воззрения сводятся к следующим главным разновидностям.

Этическо-социальная точка зрения есть, по существу, точка зрения так называемой «этической» школы политической экономии и вдохновленных ею катедер-социалистических политиков. Как известно, она возникла в первой половине нашего века в виде реакции против нашествия капитализма. На этой точке зрения стояли в то время Сисмонди во Франции и Карлейль в Англии. Затем она возродилась в начале 70-х гг. в Германии,

где и получила широкое распространение, так как ей служило прочной опорой бюрократическое прошлое Германии, в особенности Пруссии. Теперь, как кажется, эпоха «этической» политической экономии наступила и в Италии. Представители этого направления в Германии известны — это наши известнейшие экономисты: Вагнер, Шмоллер, Кон и др., а равно и наши влиятельнейшие министры. Самый молодой из выдающихся представителей этической школы — Штамлер, который, по-видимому, совершенно не сознает своего родства с катедер-социализмом, так как отстаиваемую им (этическо-телеологическую) точку зрения на социальные явления, которая безусловно господствует в официальной политической экономии, он считает новой. Общая черта этическо-социального воззрения заключается в следующем: мы приступаем к существующим условиям с масштабом нравственного идеала. Если оказываются отступления от него, то это зло, т. е. нравственно несовершенные формы хозяйственного существования.

«Отдельные стороны прогресса следует привести в связь с целым, разрешить противоречие одностороннего развития с общими требованиями, восстановить гармонию между индивидуальным и общественным развитием, естественный, технический и интеллектуальный прогресс поднять на высоту нравственных целей развития всего человечества»¹⁴. Призыв направляется по адресу государственной власти, как хранительницы вечного огня нравственности. У отдельных представителей социально-этического направления обоснование нравственности совершенно различно. В то время, как Штамлер, как уже было указано выше, перенимает из кантовской этики априорный, формальный принцип «руководящей идеи», большинство современных катедер-социалистов стоит, по-видимому, на почве относительной этики.

По крайней мере об этом можно догадываться по нередко встречающимся в их сочинениях выражениям вроде: «осадок нравственных идей», «поток нравственных взглядов» и т. п. Я намеренно говорю «по-видимому», так как мне известно существование методического, принятого без возражений обоснования этической точки зрения у представителей катедер-социализма. Главный этическо-социальный труд, — вышеуказанная книга Кона, — ни единым словом не касается вопроса о том, откуда же берется тот нравственный масштаб, которым должны быть измеряемы все явления общественной жизни.

¹⁴ Cohn G. System der Nationalökonomie. I, 1885. С. 646–647. Эта книга, как известно, считается Standard Work этической политической экономии. В ней автор ставит своей задачей (с. VII) «изобразить в систематическом целом то, что в настоящее время разумеется под политической экономией, как этической наукой».

Представителей *христианско-социального* направления мы должны подразделить на две главные группы: евангелических и католических социал-политиков. И здесь Германия лишь повторяет то, что несколько поколений тому назад начато передовыми западно-европейскими странами... Большим единством и сравнительной ясностью отличается точка зрения *социальных католиков*. Все они берут исходным пунктом неизменное (материальное) естественное право, из которого они выводят принципы каждого социального строя, а в большинстве случаев также и форму самого этого строя. «Естественное право» католиков получено путем откровения и находит свое систематическое развитие в сочинениях католических авторитетов, главным образом, в трудах Фомы Аквинского.

Для характеристики этой ясной точки зрения может служить взгляд католического социал-политика барона фон Гертлинга, который в уже цитированной выше книге¹⁵ говорит на эту тему следующее: «Социальная политика, лишенная руководства в виде неизменных принципов нравственности и права, необходимо поведет к заблуждению» (с. 7). «Признание коренящегося в природе и потому раз навсегда данного права, совершенно изолированного от всех влияний общественного развития... составляет основу твердой и сознательной социальной политики (с. 21); содержание этого естественного права вытекает из божественного плана всего мира» (с. 36). Наиболее отчетливо эта точка зрения сформулирована социальными католиками Италии, где их умы руководятся моим уважаемым первым учителем Джузеппе Тониоло, — необыкновенно светлой головой. Для доказательства я позволю себе привести кое-что из итальянской католическо-социальной литературы. Программа «католиков против социализма» выработана Тониоло в 1894 г. Между прочим, в ней говорится: «Необходимо постоянно иметь в виду, как высокий и светлый идеал, как высшую и конечную цель наших стремлений, восстановление прекрасного и незыблемого здания *христианско-католического социального порядка* с его вечными творческими принципами, возвышенными идеалами, несокрушимыми основами и чудесным историческим развитием»¹⁶.

Ход мыслей программы и всех обосновывающих ее сочинений таков: на основе вечного идеала требуется водворение *определенного* социального строя; законы этого порядка систематизированы и разъяснены в *Corpus juris canonici*. Водворение *определенного* социального строя необходи-

¹⁵ *Naturrecht und Sozialpolitik*, 1893.

¹⁶ *Rivista internazionale di Scienze sociali*. 1894. Vol. VI. P. 172. Для уяснения точки зрения этой программы могут служить статьи: *Costanzi E.* La restaurazione cristiana ed il problema sociale; *Toniolo.* La legislazione cristiana. Его же: La protesta evoluzione sociale della chiesa — все в том же журнале.

мо, во-первых, как цель, потому что христианство, одобряя одни социальные отношения, осуждает другие (например, противоречие интересов), и, во-вторых, как средство, так как определенный социальный строй является лучшей, чем другие, гарантией роста христианского сознания. Следовательно, предстоит «реставрация общества» в духе христианства. Социально-политическому идеалу отводится совершенно подчиненная роль по отношению к религиозному. Слова другого католического писателя — М. де Вогюэ — могут служить, как motto этого направления: «Из всех центров моральной силы, которые нам известны, лишь одна церковь достаточно сильна для того, чтобы дать элементы социального возрождения. Лишь она одна имеет право и способность возвещать истинные законы общежития»¹⁷. Далеко не так однородна и ясна мне точка зрения представителей евангелическо-социального направления...

Всего более приближается к католическо-социальной точке зрения Тодт. Он имел в виду дать «изображение социального содержания христианства и социальных задач христианского общества на основании исследования Нового Завета». Тодт смотрит на Евангелие не только как на основу и исходную точку всей евангелическо-социальной реформаторской идеи, а надеется вывести из него основы новой общественной организации, как две капли воды похожей на «социальное государство». Принципиальное тождественное воззрение мы встречаем в евангелическо-социальной программе 1893 г. Против него именно восстает новая фракция христианских социалистов. Гере признает особенной заслугой Штекера то, что он избегал всякой попытки «развить новую программу непосредственно из нравственного, религиозного и социального содержания Библии», и считает заблуждением взгляд, что можно создать «евангелическую теорию и практику хозяйства». Следовательно, Библия вовсе не служит арсеналом для этих реформатских планов. Что же должно замечать ее? До сих пор на это нет достаточно ясного ответа. Не черпают ли «молодые» христианские социалисты стремление «к социальным реформам в обширном масштабе, направленным ко благу всех малых и страждущих»¹⁸, из учений христианства? Читая их журнал «Hilfe» или припоминая заключительные главы книги Гере: «Drei Monate Fabrikarbeiter», где Гере вручает евангелическо-социальному конгрессу оружие «этики Евангелия» и возводит конгресс в ранг «социально-этической инстанции», можно прийти именно к этому заключению. Но опять-таки тот же Гере ставит Штекера в заслугу, что его программа построена на чисто политических, социальных и нравственных соображениях по данным экономи-

¹⁷ «Revue des deux MoSdes», XI, 1892.

¹⁸ «Drei Monate Fabrikarbeiter», 1891. С. 221.

ческой науки, без непосредственного отношения к Писанию. Откуда же берутся идеал и программа нового евангелическо-социального движения, что служит масштабом реформ, к которым оно стремится: учение Евангелия, катедер-социалистическая этика, или же что-либо иное?

Предпринятое пастором Гере в его новой книге¹⁹ разграничение «социально-этического» и «социально-политического» направления тоже мало уясняет дело. И после того все еще спрашивается: чем же руководствуется «социально-политическое» направление? Его «исходной областью» должно быть «главным образом, простое христианское сознание» (с. 175). Оно должно считаться «наряду с положениями социальной этики», «главным образом с экономическими фактами», «принципами политической экономии» и т. д. Из него должна вырасти «христиански справедливая, реформаторская партия всего мелкого люда» (с. 176). А далее опять в качестве «помощницы» новой реформаторской партии призывается «новая немецкая политическая экономия», в честь которой, между прочим, поется при этом очень печальный хвалебный гимн. Она стоит «исключительно на почве экономической действительности» (с. 183) и выставляет свои «проекты реформ, сообразно с обстоятельствами» (с. 184). «И так как она — ее похвальная характерная особенность — насквозь проникнута этикой, то эти проекты реформ еще более обнаруживают ее глубокое родство с реформаторскими планами долженствующей возникнуть евангелическо-социальной партии реформ». Положим, что «наука», будь даже это сама «новая немецкая политическая экономия», не может дать идеалов политической деятельности, а лишь ее представители; на этом основании надо бы ожидать, что новая партия реформ примет катедер-социалистические идеалы. Но против этого опять говорят рассуждения (с. 186), где проповедуется возвращение к идеалам христианства: партия должна быть истинно христианской. «И это в том смысле, что она будет самоотверженно стремиться к тому, чтобы осуществить и применить в экономической и социально-политической жизни нашего народа все нравственное и религиозное содержание христианского учения». В прочно установившиеся взгляды Гере, несомненно, вкрался катедер-социальный дух и сделал их колеблющимися, неуверенными. Христианско-социальный пастор вступил в брак по расчету с «этической политической экономией». Он чувствует потребность обеспечить за потомством по крайней мере право собственной точки зрения — «веру отца». Но, по всей видимости, в этом супружестве решающий голос принадлежит жене. В общем, картина представляет мало отрадного. Может быть, мои последующие критические замечания внесут некоторый свет в эту темную историю.

¹⁹ Evangelisch-Soz. Bewegung. С. 56; ср. также с. 102 и сл.

Но прежде, чем перейти к ним, упомянем еще о новых претендентах на господство в царстве социальной политики – *гигиенистах расы*. В последнее время с полным правом был поставлен вопрос: не грозят ли современные «гуманные» стремления, в особенности направленные к защите так называемых «слабых», физическим и умственным вырождением нашей расы, что было бы равносильно началу конца всей человеческой культуры. На основании таких соображений выставляется положение, что «социальная политика» прежде всего должна способствовать сохранению и развитию «силы нашей расы». Книги, трактующие об этом вопросе, дают социал-политику в высшей степени интересный материал²⁰.

Авторы будут, пожалуй, очень изумлены, если я припишу им стремление к «идеалам» там, где они пытаются доказывать объективно. Но фактически дело идет именно ни о чем другом, как об определенном идеале, который должен служить путеводной нитью социальной политике. Выяснить свое отношение к этому по существу очень симпатичному направлению я смогу там, где буду подробнее говорить вообще о «защите слабых» в социальной политике. Прежде всего необходимо ответить на принципиальный вопрос: может ли расовая гигиена, религия или этика и вообще какая-либо отдельная дисциплина удовлетворительным образом намечать цели социальной политики, согласны ли мы признать чуждое

²⁰ Из новой литературы назовем: *Haykraft J. B. Natürliche Auslese und Rassenverbesserung*, 1895; *Dr. Ploetz A. Die Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen*, 1895; далее: *Pelman-Bon. Rassenverbesserung und natürliche Auslese. Centralblatt für allgem. Gesundheitspflege*, 1896; *Ammon O. Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen*, 1895.

К сожалению, естественно-научно образованным авторам почти сплошь не достает основательных знаний в области общественных наук. Особенно чувствительно дает себя знать это полное отсутствие политико-экономических знаний у Отто Аммона, книга которого, в силу этого, теряет всякую цену. Если автор (с. 9) хочет смягчить свой дилетантизм в области социологии тем, что указывает на социологов, как, например, Шеффле, которые, в свою очередь, были дилетантами в естествознании, то он забывает при этом ту громадную разницу, что эти социологи пользовались естественными науками лишь с целью аналогии или как вспомогательными науками, главным же полем своей деятельности избирали ту специальность, в которой они кое-что смыслили. Аммон, наоборот, хочет осчастливить нас теориями в области социальных наук, не будучи достаточно знаком с предметом. Мне неизвестно такого случая, когда бы политикоэконом указывал новые пути естествознанию и, скажем к примеру, без знания дарвинизма принялся за выставление естественно-научных теорий. А так именно поступает Аммон в области общественных наук.

владычество в сфере социальной политики, или желаем возвратить ей автономию²¹?

IV

На поставленный выше вопрос я здесь же, наперед, отвечаю следующим образом: *я считаю ошибочным господствующий взгляд, что социальная политика должна заимствовать свои руководящие идеалы из чуждых ей дисциплин и, наоборот, требую автономности социально-политического идеала.*

Обоснование этой точки зрения необходимо распадается на две части; в первой я постараюсь доказать, что, будучи возможным, господство чуждых идеалов в области социальной политики не необходимо и его можно избежать, а во второй — что хотя оно и возможно, но не целесообразно.

1) *Зависимость социальной политики не представляет необходимости.*

Многие социальные теоретики держатся того мнения, что заимствование целей социальной политики извне, т. е. чуждое господство в этой области, является неизбежным. Этот взгляд, хотя и в существенно различных формах, мы находим столь же распространенным среди расовых гигиенистов, как и у представителей христианско- или этически-социального направления. Рассмотрим же его, поскольку основательны аргументы, приводимые в защиту этого взгляда.

Как мы видели, расовые гигиенисты — сплошь люди с естественно-научным образованием. Отсюда понятна их склонность возводить определенный порядок общественных отношений, например, тот, который, по их мнению, наиболее соответствует требованиям расовой гигиены, в сан «естественной законосообразности», в стремлении к осуществлению расово-гигиенического идеала видеть нечто само собой понятное, стоящее выше всяких сомнений и споров. Такой взгляд страдает неясностью. Нет какого-то общественного порядка «на естественной основе», существ-

²¹ На этот раз я не намерен входить в разбор взглядов, представителем которых в последнее время явился Макс Вебер в его фрейбургской вступительной лекции «Die Nationalität und die Volkswirtschaftspolitik» (Freiburg, 1895), согласно которым путеводной звездой экономической политики должна служить *идея национального могущества*. Пока мы имеем дело лишь с бегло высказанной мыслью, требующей подробного обоснования. Вообще же я думаю, что точка зрения Вебера, именно в критике господствующих учений и в общих результатах исследования, очень близко совпадает с моими взглядами. Общим является то, что мы оба апеллируем к экономически *сильному*. Некоторые пункты разногласий, поскольку они не выяснятся моими последующими разъяснениями, дадут приятный повод к обсуждению этого вопроса в другой раз.

вующего в силу закона природы. Кто до сих пор не уверился в этом, тому достаточно прочесть, например, книгу Отто Аммона, о которой мы уже упоминали выше. Там каждый «естественный» или необходимый общественный порядок основательно приводится к абсурду. Да и кто мог бы удержаться от смеха, узнав, что в таком «на законе природы» покоящемся обществе, как его необходимые элементы, фигурируют, между прочим, крупные торговцы, наемные рабочие и рентьеры²².

Это напоминает худшие времена незрелой, хвалебной «вульгарной экономии», которые мы должны бы уж пережить теперь. Впрочем, мне кажется, что автор названной книги думал сказать не такую бессмыслицу, как он сказал. Может быть он хотел только выразить мысль, что существующий порядок нашего общества построен в приблизительном соответствии со способностями живущих в нем людей, — мысль, отстаиваемую также Шмоллером и о которой можно еще рассуждать. А чудовищная идея об «естественной законосообразности» биржи и рентьеров находится вне круга предметов обсуждения для каждого философа общественности, не живущего в состоянии полнейшей невинности.

Но и положение, что идеал расовой гигиены, т. е. благосостояние рода, *обязательно* при всех условиях должен быть поставлен впереди всех других, как это, по-видимому, принимает, например, Альфред Плетц в его книге, — я считаю недоказанным предположением. Прежде всего, «благо рода» не есть цель высшего порядка по сравнению с какой-либо диаметрально противоположной, например, счастьем индивидуума. При известных условиях один идеал приходит в конфликт с другим, как это пыталось уже изобразить чуткое художественное творчество, — например, Гергарт Гауптман в его первом произведении, — и уже сила аргументов решает победу того или другого идеала. При этом я не хочу оспаривать возможности, что идеал расовой гигиены может доказать свое первенство перед всеми другими, например, также и перед социально-политическим идеалом, поскольку его осуществление является *conditio sine qua non* к достижению каких-либо других целей, о чем будет еще говорено далее. Но я имел в виду и оспаривал не эту необходимость, которая была бы равносильна практической потребности, а необходимость, желающую казаться естественной законосообразностью. Лишь против этой последней направлялась пока моя полемика.

Мнение, что социальная политика должна ориентироваться согласно заимствованному извне идеалу, т. е. признание необходимости чуждого

²² См. с. 42 и 45. А на с. 281 читаем: «В конечном счете покоится... капиталистический способ производства (NB, о сущности которого Отто Аммон не имеет ни малейшего понятия) на законе природы» (!).

господства идеала в области социальной политики, разделяется, по-видимому, и католическо-социальной партией. Только она обосновывает эту необходимость совершенно другим образом: она апеллирует к вере, которая лишь и может привести к предположению о неизменном естественном праве в духе католического учения. Я уже раньше указывал на то, что точка зрения социальных католиков отличается большой ясностью и определенностью, как и все учения замечательной в этом отношении школы иезуитов.

С сознанием собственного достоинства восклицает упомянутый нами Тониоло²³: «Какая научная школа или какая социально-реформаторская партия в состоянии выставить более ясную и многообещающую программу, гарантированную опытом истории»? Социальные католики, действительно, имеют точку опоры, исходя от которой они могут строить план переустройства общественного порядка в определенном направлении. Конечно, для этого необходимо одно предварительное условие — именно вера в божественность того «естественного» порядка общества, осуществление которого должно быть целью. Католическо-социальная теория бессильна там, где это условие отсутствует. Наука может лишь констатировать это. Вступать в полемику о конечной цели социального католицизма она не может.

Наоборот, по существу научными аргументами борются этически-социальные политикоэкономы, к которым без всяких сомнений мы можем причислить и представителей евангелическо-социального направления. Поэтому, если они видят необходимость этического идеала в социальной политике, то мы можем прилагать к их доказательствам масштаб научной критики. К сожалению, здесь в большинстве случаев совершенно отсутствует благодетельная определенность воззрений, свойственная католикам. Посмотрим же, что можно установить на основании более ясно выраженных мнений этической школы?

Насколько можно судить, поводом к «этизированию» социальной политики послужили, главным образом, два соображения. Первое из них — что экономическая деятельность также подлежит этической оценке. Для специалиста достаточно напомнить хотя бы спор между Ласоном и Шмоллером о «нравственном характере», присущем деятельности вбивания гвоздя. Шмоллер полагал тогда, что и при этом должно быть дано место этическим соображениям. Или припомним слова Густава Кона²⁴ о «любимой манере исключать экономическую деятельность из области этики» и «выводимой отсюда независимости эгоизма». Впрочем, взгляды «эти-

²³ La pretesa evoluzione sociale della chiesa. Riv. intem. VI, 29.

²⁴ System, I. 384.

ческой» политической экономии настолько известны, что их подробное изложение здесь излишне.

Второе соображение, которое повело к узурпации социально-политической области этикой, состоит в том, что процветание экономической жизни или, как обыкновенно выражаются, возможно обильное производство богатств не может быть конечной целью человеческих стремлений и что, напротив, сами экономические успехи должны быть лишь средством к цели — существованию, «достойному человека», с точки зрения этики. Этот порядок идей тоже знаком каждому, кто несколько начитан в политико-экономической литературе последних десятилетий. Он происходит от Сисмонди и Карлейля и в полной чистоте встречается снова в новейшем сочинении этической политической экономии, много раз упоминавшейся книге Штамлера, где опять повторяется, что «производство» не может быть «основным явлением», «не может представить безусловной конечной цели социальной жизни» и т. д. Откуда с видимой последовательностью умозаключается: значит, в социальной политике надо руководствоваться не ее собственным, а высшим идеалом — этическим. Но при внимательном рассмотрении мы находим, что эта дедукция основана на ложном умозаключении. Без дальнейших рассуждений можно принять обе посылки этиков. Конечно, было серьезной ошибкой старой школы объявлять экономическую деятельность индифферентной в нравственном отношении. Не надо было особого глубокомыслия, чтобы видеть поверхностность этого взгляда. Немного философской подготовки было достаточно, чтобы раскрыть это очевидное недоразумение.

Само собой разумеется, что человек, как нравственное существо, представляет неразрывное целое, которое не может в одной сфере его деятельности подлежать нравственной оценке, а в другой — нет. Понятно само собой, что и самые незначительные действия, чисто техническая операция с гвоздем также составляют элемент всей совокупности действий нравственной индивидуальности. Одержат победу должна была «этическая» политическая экономия и в критике торгашеского идеала прежней буржуазной экономии.

Уж слишком грубо было стремление этого направления политической экономии, заклеянного Сисмонди названием «хрематистики» (искусства разбогатеть), низвести идеал человечества на уровень идеала американского свиновода. Можно было даже обойтись без тяжелой артиллерии кантовской этики, чтобы поколению, менее погрязшему в круге понятий *Lombard Street*, доказать чудовищность следствий «производительного идеала»: желание сделать людей, а именно рабочих, средством к достижению материальных целей — массы производимых богатств; хотя, конечно, эта точка зрения и не была так «бесчеловечна», как ее теперь пред-

ставляют. «Конечная цель» и там была «гуманна» — не бездушная масса богатств, а вполне жизненные карманные интересы класса предпринимателей представляли «безусловную конечную цель социальной жизни». Это все-таки следует упомянуть в защиту чести старой буржуазной экономики.

Но что доказывает все это по вопросу: должна ли социальная политика заимствовать идеал у этики? Мне кажется — ровно ничего. Иначе как же? Значит идеалы всех наших действий должны быть этическими, если все действия человека подлежат этической оценке? Или во всех сферах нашей деятельности должны господствовать этические мотивы потому, что наша конечная цель может быть нравственной? Совершенно нет. Наоборот, считается само собой понятным, что в отдельных сферах нашей деятельности господствуют особые идеалы и только экономическая область почему-то непременно должна оставаться в зависимости от этических соображений. Может быть, врач лечит больного с этической точки зрения? Или гигиенист действует сообразно предписаниям этики? Их идеалом служит нормально функционирующий организм человека, который в свою очередь, конечно, является носителем нравственных идей и может не быть абсолютной конечной целью человеческих стремлений; но для них он представляет единственную руководящую нить их искусства.

А если деятельность врача и гигиениста захотят причислить к животной области, чтобы этим объяснить неэтический характер их идеалов, то спрашивается: художник творит, ученый исследует, руководствуясь этическими принципами, или нет?

Не находят ли оба руководящий идеал в их собственной сфере деятельности?

Не господствует ли в искусстве идеал красоты, а в науке — идеал истины?

Оба идеала «неэтичны» — и все-таки служат идеалами духовной человеческой деятельности.

Итак, — что и требовалось доказать: — сколь несомненно, что каждое экономическое, даже каждое техническое действие и действие врача, художника или ученого могут быть подвергнуты нравственной оценке, столь же мало оснований экономическим результатам, как и всяким другим частным результатам человеческой деятельности, быть конечными целями нашего существования; совершенно невозможно допустить, что уже этим одним будто бы доказывается необходимость построения экономической жизни на этических основах, навязывания социальной политике идеала, заимствованного из этики. *Возможность* особого социально-политического идеала должна существовать при всех условиях. Конечно, с другой стороны, таким же образом уже господствующее направление доказывает *возможность* этического идеала для социальной политики.

Поэтому нам остается еще привести другую часть защиты автономности социально-политического идеала, в которой будет доказано, что, если зависимость даже и возможна, то все-таки она нецелесообразна.

2) *Чуждое господство в социальной политике нецелесообразно.*

Важнейшее требование, которое должно быть исполнено руководящим идеалом какой-либо отрасли политической деятельности, заключается, по-моему, в следующем: быть верным, надежным и недвусмысленным, чтобы всегда служить политике для несомненного указания пути.

Как маяк, который из нескольких, а не из одной неподвижной точки испускает лучи хорошо известного света, привел бы корабль, вместо спасения, к гибели, так и политику грозит серьезная опасность от идеала, который, наподобие блуждающего огонька, лишен спокойствия и постоянства маяка, указывающего путь. А именно такими кажутся мне этическо-социальный и христианско-социальный идеалы, как руководящие нити социальной политики.

Прежде всего мы спрашиваем: дают ли этические и религиозные соображения *вне* экономической жизни точку опоры, из которой эта жизнь может быть направляема? Хотя некоторые представители этих мировоззрений и утверждают это, но мы знаем уже, каким путем можно достигнуть того «неподвижного полюса в потоке явлений»: путем безусловной, чистой веры в предустановленную гармонию. Но хотим ли, можем ли мы хоть одну важную сферу человеческо-практической деятельности ставить в зависимость от этого требования? Я думаю, что никто вне тесного круга строго верующих католиков не захотел бы построить здание современной социальной политики на таком неустойчивом фундаменте. По меньшей мере, пришлось бы всем несогласно мыслящим заново искать руководящий принцип их социально-политической деятельности. А главное, так как правительства современности и, вероятно, также ближайшего будущего, не сделаются приверженцами ортодоксальной католическо-социальной точки зрения, то для практической жизни этим ничего бы не выигрывалось.

Сказанное относится к тому, что называют «материальным», естественным правом, т. е. таким, которое заключает в себе конкретные формы социального порядка. Где естественное право — как, например, у Штамлера — сводится к чисто формальному принципу «руководящей идеи», там главным сомнением является то, что такой принцип совершенно не дает годного к употреблению руководства для практических политических мероприятий, о чем будет еще сказано ниже.

Охарактеризованные выше точки зрения, которые можно назвать абсолютными, имеют, по крайней мере, одно преимущество — хотя и непригодной, но твердой руководящей основы. Наоборот, все те этические системы, которые признают изменяемость основ нравственности в различные

периоды времени, можно сравнить с кораблем, несущимся по течению. В противоположность к абсолютным, их можно назвать относительными.

Теперь спрашивается: что могут дать они для сколько-нибудь верно-го направления социальной политики? Экономическая жизнь должна быть «этизирована», приведена в соответствие с требованиями законов нравственности. Но под влиянием чего вырабатываются наши понятия о нравственно дозволенном и запрещенном? Они представляют «осадок» всего бытия в данную эпоху, — говорят этики. Но это, во всяком случае, не значит, чтобы мы представляли их упавшими с неба; это противоре-чило бы основам мировоззрения эволюционистов-этиков. Следова-тельно, мы должны заключить, что они представляют результат всех условий существования человечества в данное время, будет ли их возникновение рассматриваться с теологической или какой другой точки зрения.

Я совершенно не хочу рассматривать здесь колоссальную проблему о генезисе нравственных представлений. Но со мной наверное согласят-ся, что к числу факторов, которые именно по воззрениям современной эволюционистской этики играют громадную роль в образовании нрав-ственных понятий, принадлежит экономический. Если из условий окру-жающей среды должны быть объяснены изменения того, что мы по суще-ству считаем нравственно дозволенным или запрещенным, то, как один из самых важных элементов этой среды, бесспорно должна быть приня-та во внимание организация экономической жизни, хотя такой взгляд и не обязывает еще к признанию так называемого «материалистическо-го» понимания истории. А захотят последователи относительной этики, говорящие об «осадке нравственных идей», отрицать эту зависимость, так мы покорнейше просим их сказать нам прежде всего, откуда же еще дол-жен получиться этот «осадок»? Итак, проповедники этического-социаль-ных взглядов, если они захотят обосновать свою точку зрения с ясностью, необходимой для выяснения вопроса, но, к сожалению, слишком часто отсутствующей, то не смогут отрицать внутреннего противоречия своих воззрений, состоящего в том, что они прикладывают к экономической жизни масштаб, заимствованный из той самой экономической жизни, которую хотят измерять. Что это теоретическое противоречие в «эти-зировании» социальной политики сопровождается *опасными последствиями в практической жизни*, может убедиться каждый, кто беспристрастно наблюдает влияние «этической» политической экономии на хозяйствен-ную жизнь. По своей природе это направление всегда экономически реак-ционно. Самый факт его возникновения представляет реакцию против слишком быстрого темпа экономического прогресса.

Капитализм создает почти одновременно рабочее движение и «этиче-скую» политическую экономию или, что по существу равносильно, хрис-

тианский социализм: во Франции и Англии около середины нашего века, в Германии — для поколения наших отцов, а в Италии, например, теперь. Но в то время, как рабочее движение выступает прогрессивной силой, т. е. не стремится к уничтожению ни одного современного завоевания высших форм экономической жизни, историческая миссия «этической» политической экономии состоит в «задерживании». Все совершается чересчур быстро, при этом бешеном темпе мы теряем весь наш культурный багаж, «нравственное» преобразование не поспевает за экономическим; старые испытанные формы хозяйственной жизни, рассадники покорности и порядка, патриархальных нравов и морали, должны быть предохранены от разрушительного влияния промышленной революции, слабые должны быть защищены, сильные укрощены — так звучат предостережения «этической» политической экономии по адресу правительств. Основным мотивом всех «этических» и большинства христианско-социальных экономий является инстинктивный ужас перед крупнокапиталистическим развитием и симпатия ко всем формам мелкого производства и их носителям: мелким крестьянам, мелким ремесленникам, мелким кустарям и т. д.

И это понятно; ведь все взгляды об отвечающей требованиям этике хозяйственной жизни могут вырастать, если не на капиталистической почве, то лишь на почве докапиталистической системы производительных отношений. На первой выросла этика или безнравственность «вульгарной экономии», вторая породила этическую и христианско-социальную политическую экономию, которая представляет, можно сказать, теоретическое выражение консервативной мелкой буржуазии, как отдельные формы проявления социализма, например, Прудона, являются теоретическим выражением прогрессивной мелкой буржуазии. Попутно я хочу указать на то, как научный социализм, тоже признающий эволюционную этику, совершенно логичным образом отказался, при требовании определенной формы социального порядка, от ссылки на этические принципы, так как они всегда представляли бы лишь результат современности.

Для доказательства, как беспочвенно, неустойчиво и, следовательно, сомнительно этизирование социальной политики, я хотел лишь иллюстрировать сказанным опасные последствия этого для практической жизни.

«Этическая» социальная политика по существу всегда реакционна в своих тенденциях, что достаточно подтверждается историческим опытом.

Но она кроет в себе еще одну, не менее серьезную, опасность для успешного развития хозяйственной жизни, также присущую ее натуре. А именно — «этическая» экономическая политика имеет прирожденную тенденцию к бессистемности, отсутствию строгого плана, казуистике, близорукому политиканству, эклектизму.

Этические и вероисповедные социал-политики — если мы исключим уже разобранную доктрину ортодоксального католицизма — в своей критике общественно-хозяйственной жизни никогда не приходят к полному осуждению или одобрению данной экономической системы в целом. Наоборот, они гордятся тем, что предпринимают их этические и вероисповедные оценки «от случая к случаю». Таким путем они никогда не приходят, да с их точкой зрения и не могут прийти, к определенной системе экономической политики или, что равносильно этому, политике хозяйственных систем. У них идет непрерывное зашивание прорех и смягчение зол — сегодня капитализма, завтра ремесла, послезавтра крестьянства, а там крупного землевладения, и в результате, конечно, получается хаос. Если в некоторых из современных государств и как раз тех, в которых этическая национальная экономия особенно процветает, экономическая политика современности следует зигзагообразному курсу, то я склонен немалую долю вины отнести на счет злосчастного подсахаривания социальной политики всякого рода этическими соображениями.

Как опасен для экономического развития может быть этот, лишенный плана, ворчливый морализм, обнаруживается с особенной ясностью тогда, когда его жертвой делается один из неизбежных членов хозяйственной системы, существование которой в целом не подвергается опасности. Так, например, «нравственные» воззрения многих «этиков» легко мирятся с фактом бесчеловечной эксплуатации ремесленником его учеников или юнкером зависимой от него крестьянской бедноты, но возмущаются срочными сделками на бирже. Мигом устраниаются сделки на срок и другие «злокачественные наросты» капитализма под благовидным предлогом этических соображений, за которыми в большинстве случаев бывают скрыты реальные интересы, пышно разрастающиеся под этическим покровом. При этом почти не возбуждается вопрос о взаимодействии отдельных учреждений, неразрывной связи их с данной системой экономических отношений. «Этики» даже гордятся своим доктринерством «от случая к случаю». Модная теперь травля на все, что зовется «торговлей», характерна для принципиально ложной точки зрения этого рода критики: понятия о том, что «справедливо» черпаются ею из докапиталистического времени.

Тогда действительно торговля была второстепенным явлением экономической жизни; «производительным» трудом было изготовление предметов непосредственного потребления. И вот теперь этот антикварный масштаб отжившего периода экономических отношений прилагают к совершенно изменившимся условиям, на дурацкий манер различают «производительные» и «непроизводительные» сословия и пытаются возможно ограничить деятельность последних, ссылаясь на вечные истины

этики и теологии. Все это является совершенно естественным последствием экономической политики, искаженной и сбитой на ложный путь «этикой». Возражение, что выдающиеся «этические» политикоэкономы не разделяют лично всех этих заблуждений, — недействительно потому, что в основе таких заблуждений неоспоримо лежат проповедуемые ими учения. Можно сказать, что до сих пор указанные недостатки, присущие каждому этическо-социальному идеалу, — преимущественно формального характера: из смешения причинной зависимости между экономической жизнью и нравственными понятиями следует неопределенность точки зрения при оценке социально-политических проблем, отсутствие планомерности и целесообразности. Но заключительные соображения показали нам, что эти теоретические промахи, эти органические недостатки могут иметь очень серьезное значение и в практической жизни. И соображение, что правильный выбор социально-политического идеала имеет громадную важность для формирования всего культурного развития в известном направлении, является последним и, пожалуй, наиболее веским аргументом против уместности этических точек зрения в экономической, а в особенности — социальной политике.

Здесь дело идет об установлении порядка относительной важности различных сфер человеческой деятельности, скалы отдельных стремлений, об установлении правильной последовательности факторов нашего существования.

При этом с особой решительностью должно быть констатировано, что, бесспорно, первое место по важности занимает экономическая жизнь, на том простом основании, что от ее целесообразной организации зависят все остальные проявления человеческого существования. Поставлю я целью моих стремлений национальное могущество, цветущую и здоровую расу, покровительство хорошему, истинному и прекрасному, или я буду считать высшей целью материальное наслаждение, — во всех случаях житейские потребности моего земного несовершенства вынуждают меня прежде всего устроить нормально-экономическую жизнь, т. е. поддерживать ее в здоровом и цветущем состоянии. При болезненности хозяйственного организма и все остальные стремления лишаются необходимой основы. Здесь наблюдается совершенно то же, что и в индивидуальном организме, где все жизненные проявления обуславливаются нормальным функционированием тела. И вот, из этих, по-видимому, столь элементарных истин получаются важные выводы для решения поставленной нами задачи.

А именно, если какая-либо чуждая дисциплина, в частности та же этика, стремится захватить привилегию на декретирование правил организации экономической жизни, *то это равносильно извращению указанной нами «естественной» последовательности жизненных проявлений человеческой*

деятельности. Такое чуждое господство необходимо ведет к подчинению узурпированной области его воле, стремится к первенству *ego* целей. Допущение господства этического идеала в области социальной политики равносильно признанию унаследованных от старины понятий «нравственно дозволенного» границами, в которых лишь и может вестись хозяйственная деятельность. Но этим производительные силы заковываются в такие цепи, которые препятствуют успешному развитию экономической жизни. Не понятие «нравственно» должно ограничивать хозяйственную деятельность, а, наоборот, хозяйственные нужды образуют границы, в пределах которых нравственное может быть осуществлено.

Это значит: мы должны в общем принимать, как данные, те условия человеческого общежития, которые созданы требованиями успешной хозяйственной деятельности, и можем лишь стремиться к тому, чтобы в этих пределах осуществить требования этики. Или, другими словами, мы должны стремиться привести в соответствие требования этики с требованиями экономического прогресса, наподобие того, как либеральная этика нового времени сознательно или бессознательно содействовала ее выводами потребностям развивающегося капитализма.

Фактически всегда и везде культурное развитие и совершалось таким образом, что новая этика, соответствующая высшей форме экономических отношений, вытесняла старую. А близорукие историки как раз из этого параллелизма экономики и этики поторопились сделать вывод, что, мол, сама история свидетельствует о господстве последней над первой, тогда как в действительности применение этических принципов к экономической жизни лишь потому не вредило, что этика означала не что иное, как легкий тормоз экономического прогресса. Очевидно, этика играет при этом лишь чисто декоративную роль и в лучшем случае является излишней для экономического развития, которое находит свой путь и без этических рельсов.

Проблема отношения этики к экономике всегда приобретает большое практическое значение лишь там, где этика выступает консервативной или реакционной экономически. И в таком случае, раз она приобретает влияние, она, по-моему, действует вредоносно. В пределах совершенно-го экономического порядка всегда будет возможно устроиться сообразно требованиям морали; наоборот, не только нравственно, а и вообще невозможно существовать, раз прекратится экономическое развитие, если только мы не хотим покончить с культурной жизнью. А это явилось бы необходимой жертвой стремления задержать по «этическим» соображениям прогресс общества к высшим экономическим формам. Лишь они дают нам возможность прокормить возрастающее население, которое является основой современных государств и культуры, условием их существования.

Господа моралисты должны считаться с этим фактом. На то они и созданы, чтобы подыскивать *формы* нравственности, соответствующие необходимым экономическим переворотам. Здесь наблюдается отношение τὸ ζῆν к τὸ εὖ ζῆν (физического существования к духовно-нравственной жизни) Аристотеля: без экономического прогресса прекращается τὸ ζῆν, а потому и τὸ εὖ ζῆν. И, следовательно, все, что во имя εὖ ζῆν становится поперек дороги ζῆν, представляет явную опасность. Хочет этика приспособляться к требованиям экономического прогресса, тогда хорошо, но в таком случае ее идеал не нужен для социальной политики, — а раз она хочет противиться ему и в противовес экономически прогрессивному идеалу стремиться к осуществлению идеала реакционного, тогда она действует вредоносно и попросту должна быть устранена.

V

Вышеприведенные рассуждения должны были доказать, что господство чуждого идеала в области социальной политики совершенно не представляет необходимости, а кроме того вовсе нецелесообразно, потому что против него имеются очень серьезные возражения теоретического и практического характера. Теперь остается исследовать другой вопрос: возможен ли автономный социально-политический идеал и каковы должны быть в общем его основы, чтобы он мог отвечать справедливым требованиям?

Мы охарактеризуем сущность самостоятельного политического идеала, а тем самым и здоровой социальной политики, в двух отношениях: формальном и материальном.

Для *формального построения социальной политики* могут быть выставлены следующие основные положения:

1) Социальная политика *всеобща* в том смысле, что она равномерно охватывает все отрасли хозяйственной жизни. Имея объектом принципиальное упорядочивание экономических отношений, их формирование в определенную систему и желая быть сознательной и ясной, социальная политика не может действовать иначе, как по единому плану, влияя на все стороны хозяйственной жизни сообразно руководящим началам. Данная цель в области торговой политики необходимо требует совершенно определенного направления промышленной и аграрной политики. Не подвергаясь упреку в отсутствии плана и определенного курса, нельзя одновременно держаться реакционной промышленной политики и прогрессивного направления в области торговой политики. В каждой области хозяйственной жизни, в каждой сфере экономической деятельности применима социальная и личная политика. Эта последняя может

и не быть планомерной, тогда как социальная политика может быть целесообразной лишь при условии ее планомерности и единства. Говорить об «аграрной, промышленной и торговой политике» наряду или в противоположность к социальной политике — бессмыслица, неопровержимо доказывающая, что грешащие в этом отношении вообще не имеют ясного представления о предмете. Где же обитает это призрачное существо «социальная политика», если не в названных трех сферах хозяйственной жизни? Итак, схема ее такова: 1) аграрная, 2) промышленная, 3) торговая, 4) социальная политики, а представляется в следующем виде: I. Индивидуальная политика; II. Социальная политика: а) аграрная, б) промышленная, в) торговая.

2) Но из необходимой общности и единства социальной политики следует, что всякая сознательная, целесообразная социальная политика неизбежно должна быть классовой. Высказывая это мнение, я снова прихожу в резкое противоречие со взглядом, господствующим в теории, которая учит, что задача мудрой политики заключается именно в примирении выступающих в обществе классовых противоречий и охранении «общих интересов» государства. Как примеры господствующих мнений такого рода, я приведу хотя бы следующие:

Либеральное мнение — Гольцендорф: «Принципы политики» (с. 298—299): «Сущность культурной работы государства заключается в сохранении общественного, в особенности экономического и вероисповедного мира». «В общем сущность государственной культуры надо видеть преимущественно в сосуществовании различных общественных классов».

Католическое мнение — Гертлинг: «Естественное право и социальная политика» (с. 4—5): «Законодательство и государственное управление ни в коем случае не должны руководствоваться односторонними интересами какого-либо слоя населения, класса или сословия, а удовлетворять справедливым требованиям всех, стремиться к соглашению противоположных интересов с точки зрения общего блага. Именно в этом состоит задача социальной политики в действительном и общем значении этого слова. Она заключается в руководстве, поддержке и соглашении государством различных кругов общества в интересах государственного общежития».

Катедер-социалистическое мнение, как само собой вытекающий вывод из любезного учения о «sozialem Königtum» — *Шмоллер:* «Социальный вопрос и прусское государство»: «Как раньше в двухсотлетней борьбе королевской власти удалось спасти (!) третье сословие — бюргерство и крестьянство — и примирить их с господствовавшими прежде классами, так в XIX в. она должна примирить спор четвертого сословия с остальными классами, снова гармонически сочетать четвертое сословие с государственно-общественным организмом».

Итак, я, в противоположность этому, полагаю, что всякая сознательно целесообразная социальная политика необходимо должна быть классовой политикой, и притом в двойном смысле.

Социальная политика должна быть классовой прежде всего потому, что она распространяется на определенный социальный класс, а не на произвольно созданные категории лиц вроде всех «маленьких людей» и тому подобных нелепых групп. Это следует из моего определения понятия социальной политики. Но она имеет классовый характер и в том смысле, что может преследовать не «общие интересы», а всегда лишь интересы отдельных классов. В доказательство этой мысли приведу следующее: общие интересы общежития, в данном случае государства, существуют лишь по отношению к другим общежитиям, следовательно, только вне, а не внутри его. Существование, достоинство и могущество государства может быть представляемо равномерно для всех граждан во внешней национальной политике (хотя этого может и не быть: национальная политика очень легко может совпадать с классовой политикой). Внутренняя жизнь государства, наоборот, характеризуется разнородностью интересов, которая на известном пункте неизбежно приводит к противоположности интересов, для которых не существует примирения.

Противоположность интересов основывается на несовместимости между собой различных систем хозяйства, например, ремесленного производства для местного рынка и развитой капиталистической промышленности. «Примирение» или «соглашение» интересов, связанных с каждой из этих хозяйственных систем, очевидно, было бы мыслимо лишь в такой форме, что между ними было бы восстановлено подвижное равновесие, например, через отграничение каждой из них надолго определенной сферы деятельности. Но такого рода конструкция была бы фантастична, т. е. лишена реального основания. Она не считается с фактом, что экономическая жизнь находится в процессе непрерывных переворотов, что, в особенности в наше время, капитализм имеет тенденцию к распространению и неограниченному господству. А переворот всегда может совершаться лишь так, что новое положение развивается за счет отживающего: «... где одно занимает место, там другое должно отодвинуться».

Раз только в сохранении данного положения заинтересована известная группа лиц, что всегда имеет место, то переворот совершается к их невыгоде. Очень может быть, что определенное экономическое развитие, например, в направлении капитализма, необходимо и желательно для сохранения внешнего могущества данного общежития или для существования теперешнего и будущих поколений живущих в нем людей, что поэтому, например, промышленная политика должна быть направлена к развитию капитализма. Но что этим будут преследоваться «общие инте-

ресы» — по меньшей мере неясное выражение. Ведь при этом необходимо будут нарушены интересы вытесненных капитализмом ремесленников, которые, несомненно, желают, чтобы *их* интересы тоже были включены в «общие интересы», так же, как этого желает извозчик, если железная дорога ставит под угрозу его дальнейшее экономическое существование, или мелкий лавочник, «задавленный» большим магазином.

И в то же время очевидно, что, преследуя одновременно сохранение и содействие развитию двух взаимно исключаящихся систем хозяйства, — социальная политика становится бесцельной и лишеной плана. Она может замедлить темп развития, сопровождаясь гуманной индивидуальной политикой в интересах элементов, клонящихся к упадку. Но социальная политика должна всегда определенно иметь в виду направление, в котором переустраивается экономическая жизнь, а это может быть лишь направлением победного шествия определенной системы хозяйства, значит, отдельного социального класса.

В основе нашего взгляда лежит мысль о вечном течении экономической жизни; поэтому, особенно в отношении к современности, он находится в соответствии с действительностью. Основой другого взгляда служит идея о неподвижном состоянии гармонического деления общества, но он противоречит истории. *Мы* думаем, что определенные системы хозяйства сменяют одна другую и прекращают взаимную борьбу не раньше, как после победы одной из них; *они* же — сравните, например, выше цитированное мнение *Шмоллера* — представляют социальное развитие так, как будто возникают все новые классы, которые наподобие новых членов семьи присоединяются к существующим и должны быть упорядочены в отношениях с ними, как бы выполняя различные функции общественного организма и потому, при умелом руководстве правителя государства, могущие в полной гармонии существовать совместно. Так были включены «крестьянство и третье сословие», теперь пришла очередь пролетариата; семья получила прирост, но ее старшие члены уже сумеют устроиться и прийти к соглашению с младшими. Мы же, наоборот, видим в заново вырастающих классах лишь новых борцов. Меняются фронты борющихся сил, но остается борьба с лозунгом «Победа или смерть!» между крупным землевладельцем и крестьянином (иногда, правда, могут наступать периоды, в которых воюющие стороны складывают оружие и как бы заключают перемирие), между купцом и ремесленником, буржуа и юнкером, между капиталистом и пролетарием. И социал-политик должен стать в этой борьбе на ту или другую сторону, если он не хочет снизойти до роли «беспартийного», т. е. ограничиться чисто формальной политикой... Правительство, которое захотело бы «стоять выше партий», — предполагая это возможным, — необходимо сделалось бы или правительством зигзаго-

образного курса, которое толкало бы экономическую жизнь то в одном, то в другом направлении, преследуя сегодня юнкерскую, завтра мелкобуржуазную, а послезавтра капиталистическо-пролетарскую политику, или оно имело бы лишь декоративное значение, т. е. не преследовало бы никакой самостоятельной политики, — оно носило бы на себе все признаки дряхлости. История учит нас, что все сильные юношески, бодрые правительства преследовали резко выраженную классовую политику, а именно, энергически представляли интересы экономически прогрессивного для каждого данного времени класса.

Последнее замечание касается уже вопроса о *содержании социальной политики*, который в точной формулировке гласит: если сознательно-целесообразная социальная политика необходимо должна быть классовой, потому что она является политикой систем, то *какой же* социальный класс, *какая* хозяйственная система должна пользоваться содействием?

Задавая подобный вопрос, мы должны припомнить сказанное в начале этого исследования об отношении науки к политическому идеалу, а именно, что никогда не должно считать задачей науки доказательство ложности или верности «конечных целей». А в известном смысле и каждый частный идеал определенной деятельности переходит в ту сферу, где научное познание бессильно и господствует вера.

Я не имею здесь в виду то обстоятельство, что определенные интересы необходимо влекут к преследованию известных целей, а хочу лишь указать на простой факт, что последним аргументом, решающим для каждого человека вопрос о направлении его деятельности, является общее мировоззрение и понимание жизненных задач. Никто не сможет привести научные аргументы, которые могли бы, например, доказать «ложность» точки зрения Диогена или индийского столпника на экономическое развитие общества, если бы они делали вывод, что возможно меньшее развитие производительных сил является целью стремлений, идеалом экономической жизни, который надо осуществить.

Никто не сможет «научно» опровергнуть того, кто считает должным освободить человечество от рабства экономической нужды, например, систематическим ограничением деторождений или даже реальным, а не только книжным «отрицанием воли к жизни», попросту говоря, самоубийством. То, что мы противопоставляем таким воззрениям, есть антипатия, возмущение, отвращение, т. е. наше собственное, иное мировоззрение, а ни в коем случае не научные доказательства. Поэтому наука, как уже было выяснено раньше, сознавая границы ее приложимости, должна ставить проблемы так, чтобы она могла их решить.

И тогда проблема действительной, материальной социальной политики получит следующую формулировку:

Если известные стремления человечества будут признаны правомерными, то какова должна быть социальная политика? Такими правомерными стремлениями я считаю: сохранение и умножение наших современных культурных благ, сохранение и упрочение нашего национального могущества, по крайней мере, против низших восточно-европейских и азиатских народов, естественное возрастание населения, расширение благ культуры на все более широкие слои населения, возможное улучшение материального существования, т. е. самое широкое господство над силами природы, и возможно большее освобождение людей от хозяйственной деятельности. Лишь тому, кто согласен со мною в этих «конечных целях», — в действительности они признаются подавляющим большинством европейско-американского культурного человечества, — я могу научным образом доказать необходимость достижения определенных ближайших целей, посредством социальной политики, как *conditio sine qua non* осуществления названных «конечных целей». Это значит — выбор определенного социально-политического идеала, в конце концов, зависит от общего мировоззрения и жизнепонимания данной личности, и необходимость его может быть обоснована лишь как средства к цели. Мне могут возразить, что этим я, наконец, все-таки уничтожаю самостоятельность социально-политического идеала и подчиняю социальную политику чуждым точкам зрения. Совсем нет. Я уже раньше предостерегал от заблуждения, что организация хозяйственной жизни может когда-нибудь сделаться «абсолютной конечной целью» человеческого существования, никогда не отрицая характера социально-политического идеала, как одной из целей. Но я отрицал господство в социальной политике чуждых точек зрения. Социальная политика должна, по-моему, руководствоваться исключительно социально-политической точкой зрения. Я хочу построить социальную политику, достигнуть единства и ясности системы на почве ее собственного идеала: *это* называю я самостоятельностью социально-политического идеала, а не объявление абсолютными социально-политических целей.

Теперь, я думаю, не представит более трудности ответ на наш вопрос о наиболее целесообразной социальной политике. Он должен быть таков:

Здоровая социальная политика должна иметь своей задачей возможную поддержку того социального класса, который является носителем экономического прогресса, потому что лишь таким путем может быть осуществлен ее идеал: высшее развитие производительных сил, достижение которого необходимо требуется в интересах культурного прогресса.

Это может быть сформулировано и таким образом:

Идеал социальной политики есть экономически совершенное, которое представляется для каждого данного времени высшей по развитию хозяйственной системой, т. е. системой хозяйства высшей производительности.

Дальнейшее обоснование этих положений не составляет задачи настоящего исследования, предназначенного лишь для выяснения основной точки зрения. Иначе понадобилось бы систематическое изложение целей современной социальной политики, а для этого необходимы еще пока обширные предварительные работы, из которых некоторые уже сделаны мной.

Теперь мне хотелось бы лишь еще раз пробудить и укрепить в читателе верное понимание принципиальной своеобразности отстаиваемой мной точки зрения, чтобы, по крайней мере, по поводу руководящих положений моего взгляда не могло возникнуть недоразумений.

Прежде всего мои положения *не заключают*:

1) Мнения, что вся хозяйственная жизнь *необходимо* должна быть построена на одной схеме, что одна и та же система хозяйства неизбежно должна господствовать равномерно во всех сферах хозяйственной деятельности. Под влиянием известных условий, мелкое крестьянство *может* существовать наряду с крупной сельскохозяйственной промышленностью, так же, как местное ремесло и промышленный капитализм могут существовать в данной стране одновременно, и эти различные формы будут соответствовать для известного момента идеалу социальной политики.

2) Идеал высшей *производительности* не должен быть смешиваем с идеалом возможно большого производства, выставившимся старой школой, еще менее с идеалом наибольшего «чистого дохода», т. е. предпринимательской прибыли, как известно также иногда выставившимся в сочинениях прежних политикоэкономов.

Считаю уместным сказать еще несколько слов для пояснения вышеизложенного.

Мой идеал социальной политики действительно есть «*производственный идеал*» и этим примыкает к давно известным традициям, но лишь в том смысле, что он исполняется в зависимости от успешности производства, но он совершенно не исключает «воздействия на распределение». Эта зависимость от успеха производства неизбежна, потому что лишь она вносит в экономическую политику единство и определенность целей.

Так называемая «распределительная политика» представляет вполне бессистемную путаницу отдельных мероприятий; она не может иметь ясных и устойчивых точек зрения; она всегда является лишь политикой зашивания прорех и «штопаниея мужицкой сермяги». Попробуйте, например, сделать руководящим принципом экономической политики стремление увеличить долю участия неимущих в плодах «стоящих готовыми на столе жизни», и вы сразу увидите невозможность обосновать на таком принципе хоть несколько осмысленную и цельную систему социальной политики. Наоборот, социальная политика вполне может быть и очень часто быва-

ет «политикой распределения», если, например, достигается повышение заработной платы для предупреждения кризисов или поддержка безработным, чтобы воспрепятствовать понижению заработной платы, а тем самым и понижению технического уровня методов производства и т. д.

Ставя успешность производства в зависимость от хозяйственной организации, т. е. системы хозяйства, и выставя идеалом хозяйственную систему наивысшей производительности, я выделяю понятие производительности из чисто технической сферы и придаю ему *социальный характер*. А именно: выставя целью наивысшую успешность производства, я имею в виду не наиболее совершенный технически способ производства или транспорта, а возможно лучшую организацию общественной работы, которая воспользуется всеми успехами техники. Таким образом, ясно поставленная цель социальной политики есть всегда построение или изменение социального порядка, регулирующего хозяйственную жизнь.

Наконец, как упомянуто выше, я совершенно не отождествляю промышленного успеха с количеством произведенных богатств. Этим я возвращаю опять на ноги поставленное старой школой на голову отношение между человеком и вещами, причем я не делаю первого средством, вторые — целью, а, наоборот, хочу видеть человека целью, а вещи — средством.

Высшая возможность производства означает высшую производительность. Понятие «производительность», одно из кардинальных понятий всего учения политической экономии, принадлежит к самым неясным в нашей коллекции запутанных понятий. В нашей монументальной энциклопедии государственных наук отсутствует и этот заголовок! Я не могу представить себе большей муки ада для погрешившего на своем веку политикоэкономом, чем, если он будет присужден в царстве теней ежедневно прочитывать главу о «производительности» из наших ходячих учебников, хотя бы, например, соответствующие места в так называемой «Системе» Рошера.

Виной ужасной неясности здесь, как и во многих других вопросах, является недостаточная внимательность к тому, что слово «производительность» имеет много значений. Насколько я вижу, им обозначаются следующие три различных понятия: 1) то, что можно бы назвать общественной полезностью: судья «производителен», так как он «производит» разбор правонарушений, значит исполняет необходимую в жизни общества функцию; 2) то, что может быть названо частнохозяйственной «выгодностью»: затраченный капитал «производителен», т. е. он приносит выгоду; сюда относится учение физиократов о прибавочной стоимости, как *produit net.*; 3) то, что можно бы назвать технической «производительностью», если бы это выражение не давало повода к недоразумениям: плодотворность или производительность человеческого труда. Лишь в этом

последнем смысле понятие производительности важно для политической экономии, что здесь не место доказывать.

Во всяком случае только в этом смысле оно ясно, потому что поддается количественному выражению через установление отношения между суммой продукта к выражаемой во времени сумме труда. И только в этом смысле я употребляю здесь слово «производительность». Выставляя целью социальной политики хозяйственную систему наивысшей производительности, я тем самым ставлю целью достижение такой организации экономической жизни, при которой получается наивысшая плодотворность общественной работы, следовательно, создается *для общества возможность* мало работать или много производить.

Построение на основе этих положений всей современной, так называемой социальной, т. е. рабочей политики представляет одну из важнейших задач ближайшего будущего. Лишь тогда социальная политика избавится от господствующей беспринципности и отсутствия плана, лишь тогда она будет приведена в единую систему с разьединенными теперь отраслями экономической политики: аграрной, промышленной и торговой. Я, по крайней мере, не вижу другого выхода из хаоса современной политики, кроме принятия обоснованной здесь точки зрения.

Я думаю, что после всего сказанного мой принцип ясен. От дальнейшего обоснования его теперь приходится отказаться. Если мы оглянемся на пройденный путь, то главными пунктами, на которых останавливается наш глаз, будут следующие. Наблюдающий теоретик, который хочет озарить светом науки путь практического политика, стремится внести в путаницу отдельных политических мероприятий смысл, единство и систему. Он различает существенные от несущественных групп этих мероприятий. Так, он приходит к необходимости установить понятие социальной политики. Тогда перед ним возникает вопрос о руководящей точке зрения в области социальной политики. Он отклоняет чуждые масштабы потому, что теоретически они не дают ему прочного фундамента, практически же заключают опасность более важные меры принести в жертву менее важным. Таким путем он приходит к требованию самостоятельного идеала социальной политики: экономического совершенства. Как включает он этот идеал в ряд других идеалов человечества? Этот идеал представляет не «абсолютную конечную цель», его осуществление представляет лишь средство к осуществлению высших целей. Обеспечение необходимых потребностей нашего существования никогда не может доставить высшего удовлетворения божеству, которое живет в нашей груди. Но мы должны признать, что наши высшие стремления несбыточны, пока мы не заплатили дани земному несовершенству людей. Хозяйственные нужды можно сравнить с оковами, которые задерживают движение вперед; эко-

номическая жизнь есть граница, в которую заключено все наше существование со всеми его проявлениями, включая и самые высшие. Поэтому путеводной звездой наших стремлений может быть только одно: разорвать оковы, расширить границы, чтобы достигнуть света, воздуха и свободы. Теперь важно не подкапывание веры в экономический прогресс этически-вероисповедными сомнениями, а содействие тому, чтобы этот прогресс совершался как можно быстрее. Чем выше ступень достигнутого нами экономического совершенства, тем более свободными людьми мы будем, тем большую возможность мы будем иметь, чтобы посвятить нашу жизнь достижению идеалов правды, красоты, добра, человеческого совершенства.

Понимаемый таким образом самостоятельный идеал социальной политики служит этике, религии и расовой гигиене несравненно лучше, чем было бы возможно при вмешательстве названных дисциплин в хозяйственную жизнь. Не будем задерживать нашего развития, загромождать путь к лучшему будущему балластом отживших фраз и сомнений: будем всеми силами содействовать экономическому прогрессу в твердой уверенности, что на широкой основе материального благосостояния мы сможем развить и высшие формы человечности. История подтверждает этот жизнерадостный взгляд. Все высшие культуры расцвели лишь на почве богатой хозяйственной жизни. Еще ни один экономически прогрессивный народ не погиб культурно. Зато нас ужасают следы экономически выродившихся народов, погрузившихся во мрак варварства.

Так мы понимаем социальную политику в ее истинном значении; она должна выполнять собственное дело, не преследуя никаких чуждых целей. Ее дело заключается в том, чтобы очистить и уравнять путь, по которому человечество стремится вперед к свету и свободе.

Перевод с немецкого П. Ф. Теплова

ПОЧЕМУ
В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ
НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые здесь исследования рабочего движения и социализма в Соединенных Штатах впервые появились — почти в таком же виде — в XXI томе «Archiv für Sozialwissenschaft und Socialpolitik». К первоначальному тексту я добавил теперь лишь некоторые новые цифровые данные и несколько объяснительных вставок.

Я решился издать эти исследования отдельно лишь после того, как убедился, что в общих чертах выводы мои совершенно справедливы. Этой уверенностью я обязан отзывам американских знатоков: как друзья мои буржуазного лагеря в Америке единогласно выразили свое со мной согласие, так равно — что для меня еще важнее — и вожди социалистических партий признали справедливыми мои выводы. «International Socialist Review», официальный орган социалистической партии, передал их своим читателям по большей части дословно.

Это сочинение может служить дополнением к тем главам моего «Социализма и социального движения», в которых (в последнем издании) я уже пытался дать краткий очерк социализма в Соединенных Штатах.

Бреславль, 14 августа 1906 г.

В. Зомбарт

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В переводе настоящей работы Зомбарта нами сделаны в некоторых местах слишком специального характера небольшие сокращения, в общем весьма немногочисленные. Большие трудности для перевода представляют многочисленные технические термины, касающиеся различных сторон американской жизни и промышленности; насколько возможно, мы старались подыскать для них соответственные русские выражения, но в отдельных случаях мы были вынуждены приводить прямо и непосредственно английское обозначение, как это делал и сам автор, когда не мог привести для них соответственного немецкого выражения.

ВВЕДЕНИЕ

1. Капитализм в Соединенных Штатах

Соединенные Штаты Америки являются обетованной землей, Ханааном, для капитализма. Ведь здесь впервые осуществились все условия, необходимые для полного и ясного развития его сущности. Страна и люди, как нигде более, подходящие для развития высших форм капитализма.

Страна: как нельзя более приспособлена к быстрому накоплению капитала, так как богата благородными металлами: Северная Америка поставляет треть всего имеющегося серебра и четверть золота; богата также плодородной почвой: равнина Миссисипи охватывает почти в пять раз большее пространство черноземной почвы, чем южнорусские и венгерские черноземные области вместе; богата, наконец, обильными залежами полезных минералов, которые добываются в них в три раза больше, чем из всех европейских залежей. Поэтому она и способна, как никакая страна более, развитием и усовершенствованием неорганической техники вложить в руки капитализма то оружие, которым он завоевывает мир. Соединенные Штаты производят теперь уже почти столько же чугуна, сколько все остальные страны вместе (23 млн. тонн в 1905 г., а остальные страны вместе — 29,5 млн. тонн). И для капиталистической эксплуатации страна приспособлена, как нельзя более; как бы нарочно создана равнина Миссисипи для «рациональной» культуры почвы, для безграничного развития торговых сношений: пространство в 3,8 млн. квадратных километров, следовательно, почти в 7 раз большее, чем Германская Империя, без всяких «препятствий для торговли», с излишком даже снабженное некоторыми естественными путями для транспорта. На атлантическом берегу 55 удобных гаваней, тысячи лет ждущих капиталистической эксплуатации.

Итак, рынок, в сравнении с которым европейское государство то же, что средневековый город и его территория в сравнении с последним. Характерное для всего капиталистического хозяйства стремление к безграничному расширению, — стремление, которому узкая Европа ставит препятствия на каждом шагу, для которого все теории свободы торговли и всякая торговая политика являются всегда лишь жалкими суррогатами, — здесь, в необозримых равнинах Северной Америки, может впервые проявиться свободно. Действительно, если захотели бы конструировать идеальную страну для капиталистического развития из потребностей этой

системы хозяйства, то по размерам и свойствам получилась бы именно только форма Соединенных Штатов.

Народ: как бы специально подготовлялись в продолжение столетий люди, которые были предназначены в лице теперешних поколений проложить дорогу капитализму в первобытные леса. «Покончив с Европой», они переправились в «Новый Свет», с твердым намерением построить свою новую жизнь лишь из рациональных элементов: они оставили на старой родине весь балласт европейских нравов, всю излишнюю романтику и сентиментальность, все свойства феодально-ремесленного строя, всю «традиционность» и взяли с собой лишь нужное и полезное для развития капиталистического хозяйства: могучую работоспособность и мировоззрение, возводящее деятельность в капиталистическом духе в божественную заповедь. Макс Вебер в одной из своих статей приводил доказательства в пользу того, какая тесная связь существует между требованиями пуританско-протестантской этики и рационально-капиталистического хозяйства. И этим руководящим элементом, субъектам современной хозяйственной системы, представилось в качестве объекта, т. е. наемной рабочей силы, население, которое тоже, казалось, как бы создано для того, чтобы довести капитализм до высшей степени развития. В течение столетий рабочих было мало, и они были очень дороги. Это принудило предпринимателей подумать о наиболее рациональном способе использования рабочей силы, придать, таким образом, законченный вид их хозяйству и производству и постоянно заботиться о том, чтобы заместить рабочую силу при помощи *labour-saving-machinery* (машинным сбережением труда). Так возникло стремление к величайшему техническому совершенству, подобного какому никогда не могло быть в странах старой культуры. И когда были созданы высшие формы технической и экономической организации, необозримые толпы людей ринулись сюда и могли послужить материалом для капиталистических appetites, когда истощились другие источники средств к жизни. Известно, что в последние десятилетия ежегодно в Соединенные Штаты переселялось не менее полумиллиона людей, а в иные годы число их превышало три четверти и более миллиона.

И, действительно, нигде на земле *капиталистическое хозяйство не достигло такого высокого развития*, как в Северной Америке. Нигде погоня за наживой не выступила с такой ясностью, нигде стремление к прибыли, добыча денег ради денег не представилась более ясно исходным и конечным пунктом хозяйственной деятельности, как именно здесь: каждая минута в жизни наполнена этим стремлением, и лишь смерть кладет конец этой ненасытной погоне за наживой. Некапиталистическое рантиерство (*Rentnertum*) решительно неизвестно в Соединенных Штатах. В связи с этим стремлением за прибылью стоит *экономический рационализм* такой чистоты, какого

не знает ни одно европейское общество. И *беспощадно* идет капиталистический интерес к своей цели, хотя бы даже путь его лежал через трупы. Показателем этого могут послужить нам цифры, сообщающие о числе несчастных случаев на железных дорогах в Соединенных Штатах. «Evening-Post» вычислила, что число убитых на американских железных дорогах за промежуток времени с 1898—1900 гг. достигло 21847 человек, т. е. равняется числу погибших за это же время в войне с бурами англичан, включая сюда и тех, которые умерли от болезней в лазаретах. В 1903 г. на американских дорогах было убито 11 006 человек, а в Австрии в том же году 172; таким образом, в Америке на 100 км приходится 3,4, на миллион пассажиров — 19 несчастных случаев, в Австрии на 100 км — 0,87, а на миллион пассажиров — 0,99 (цифры по Филипповичу). Без размышлений применяется та форма производства, та техника, которая обещает наивысшую прибыль. Тогда как мы видим нарушение общественных интересов в том, когда какое-нибудь угольное производство приостанавливает свою деятельность, управление американских трестов из года в год определяет в самом широком масштабе, какие предприятия будут работать, какие стоять. Так создает капитализм хозяйственную организацию прямо по своему плану: состояние индустрии, структура отдельных предприятий, размеры и формы производства, организация торговли и обмена, взаимоотношение между производством и сбытом товаров, — все это, как известно, построено на самых «рациональных» началах, лучше сказать: все это служит капиталистическим интересам.

Последствия не замедлили проявиться. По силе капитала, по степени капиталистического накопления Соединенные Штаты уже теперь, несмотря на свою «юность», далеко превосходят все другие страны. Указателем, по которому можно судить о высоте капиталистического прилива, является цифра банковских операций. В 1882 г. показано было в «Controller of the currency» 7302 банка, в 1904 г. их было 18844. Первые обладали капиталом в 712 100 000 долл., вторые — в 1473904674 долл., в 1882 г. депозиты в банках исчислялись в 2 785 407 000 долл., в 1904 г. — в 10 448 545 990 долл. Вся сумма капитала («the banking power», «банковская сила») Соединенных Штатов (т. е. капитал, неприкосновенный капитал, депозиты и оборотный капитал), по исчислению того же докладчика, равнялась 13 826 000 000 долл., в то время как соответственные цифры для всех других стран вместе давали лишь 19 781 000 000 долл.

После этого нас не должны приводить в удивление те суммы капиталов, которые пошли на одну только промышленность в последние 20 лет. По статистическим данным, капитал, вложенный в «мануфактуры», равнялся:

1880 = 2 790 272 606 долл.

1890 = 6 525 050 759 —»—

1900 = 9 831 486 500 —»—

Известно также, что Соединенные Штаты являются той страной, в которой программа «теории развития» Маркса осуществилась во всей полноте, и что *концентрация капитала* в ней достигла уже степени, при которой, как указывал Маркс в известной предпоследней главе «Капитала», уже близки «сумерки богов» капиталистического мира. Новейшая статистика относительно числа и размеров трестов дает следующую поразительную картину¹.

Существует 7 «больших» промышленных трестов, которые заключают в себе 1528 ранее самостоятельных предприятий. Концентрированный в них капитал равняется 2662,7 млн. долл. Самым крупным из этих 7 великанов является «U. St. Steel Corporation» (Стальная корпорация Соединенных Штатов) с капиталом в 1370 млн. долл., вторым по величине — «Consolidated Tobacco Co» (табачная компания) — с 502,9 млн. долл. За ними следует 298 «меньших» промышленных трестов, которые «контролируют» 3426 предприятий и располагают вместе капиталом в 4055 млн. долл. 13 трестов с 334 предприятиями и 528 млн. долл. находятся теперь в периоде образования, так что общее число промышленных трестов равняется 318 с 5288 предприятиями и 7246 млн. долл. капитала. К ним присоединяются 111 «значительных» — «Franchise» — трестов (телефонных, телеграфных, газовых, электрических и трамвайных предприятий) с 1336 отдельными предприятиями и с капиталом в 3735 млн. долл. И лишь теперь главнейшее: группа железнодорожных трестов. Числом их 6, из которых ни одно не располагает менее чем миллиардом долларов. Общая сумма их капитала превосходит 9017 млн. долл., и они «контролируют» 790 учреждений. Наконец, следует упомянуть еще о «независимых» железнодорожных обществах с капиталом в 380 млн. долл.

Если сосчитать вместе все эти исполинские предприятия, с которыми теперь связана большая часть хозяйственной жизни Америки, то получится колоссальная цифра 8664 «контролируемых» предприятий и 20379 млн. долл. номинального капитала. Подумайте, 85 млрд. марок в руках нескольких предпринимателей!

Как неограниченно господствует капиталистическая система, видно лучше всего, пожалуй, из самого *строения общества*, в котором вы не найдете ничего, что не было бы капиталистического происхождения. Нигде не встречаем мы пережитков докапиталистических классов, некоторая примесь которых сообщает каждому европейскому обществу свои характерные черты. Нет здесь феодальной аристократии, место которой всеце-

¹ *Moody J. The Truth about the Trusts. N. Y., 1904* (Правда о трестах). Книга очень полезна, так как содержит чрезвычайно богатый материал из первоисточников — объявлений, деловых отчетов, финансов и т. д.

ло заняли магнаты капитала. Эпоха, которую Маркс мог лишь предвидеть, когда он писал свой «Капитал», настала теперь в Соединенных Штатах: здесь «eminent spinners» (выдающиеся прядильщики), «extensive sausage makers» (крупные колбасники) и «influential shoe black dealers» (влиятельные чистильщики сапог) наравне с «железнодорожными королями» властвуют над народом. «Когда владелец какой-нибудь большой западной железнодорожной линии проезжает в своем роскошном вагоне, то его путешествие похоже на триумфальное шествие короля. Правители штатов и областей склоняются перед ним; народные представители принимают его в торжественном заседании; города и поселения добиваются его благосклонности, так как, действительно, не в его ли власти принести счастье и гибель городу по своему благоусмотрению?» (J. Bryce).

Нет здесь старого феодального крестьянства и ремесленников. Вместо них сильное фермерство и очень немного мелкокапиталистических предпринимателей в торговле и индустрии; оба класса сильно пропитаны капиталистическим духом; охваченные стремлением к прибыли, они строят свое хозяйство на точных экономических рациональных основах. И группировка по профессиям этого по духу уже теперь вполне капиталистического народа с каждым годом все увеличивает количество капиталистически первенствующих групп: сельское хозяйство уже теперь в этой еще полукOLONиальной стране привлекает к себе меньше населения, чем в Германии, и быстро растет процент занятых торговлей и промышленностью, который уже и теперь значительно выше, чем у нас. С 1880—1890 гг. количество земледельческого населения в Соединенных Штатах упало с 44,3 до 35,7 % (в Германии процент земледельческого населения равен 36,12), а число лиц, занятых в промышленности и торговле, возросло с 10,8 до 16,4 % (в Германии 11,39 %).

Вместе с тем, и *весь образ жизни народа* все больше приспособляется к капитализму.

Соединенные Штаты уже и теперь — опять-таки вопреки их «молодости» — являются страной городов, вернее: *страной больших городов*. И я подразумеваю под этим не только цифровые данные, хотя также и статистика ясно указывает на превосходство городов. Правда, считая весь Союз, количество городского населения еще не так велико, как, например, у нас (в 1900 г. в Соединенных Штатах в городах с населением свыше 2,5 тыс. человек жили 41,2 % всего населения, а в Германии в городах с населением свыше 2 тыс. человек — 54,4 %), зато, во-первых, число больших городов с населением свыше 100 тыс. человек уже теперь больше, чем где бы то ни было (за исключением Англии): почти пятая часть всего населения (18,7 %) живет в них; во-вторых, рост городского населения идет чрезвычайно быстрым темпом: с 1890—1900 гг. оно возросло с 29,2 до 41,2 %;

в-третьих, эта низкая общая цифра находит себе объяснение в том, что юг сравнительно беден городами. Если же взять одни только восточные штаты Союза, то там мы найдем, что процент населения, живущего «на земле», равен лишь 31,8; наоборот, процент живущих в городах с 100 тыс. жителей равен 35,8². Но когда я говорю: Соединенные Штаты есть страна городов, то под этим я подразумеваю еще нечто другое, более глубокое, что, вместе с тем, показывает, почему я ставлю в связь города с капитализмом. Я разумею это в смысле такого характера поселения, который совершенно чужд всякому органическому росту, покоится на чисто рациональном базисе и руководится количественными точками зрения, который уже по идее вполне «городской». Европейский «город» лишь в самых редких случаях воплощает в себе эту идею целиком. Он вырос органически и в существе своем не более, как увеличенная деревня, главные черты которой сохранил и он. Что общего имеет Нюрнберг с Чикаго? Ничего, кроме внешних признаков, что много людей живут на улицах тесно друг подле друга и для своего прокормления нуждаются в подвозе извне. Но по духу между ними нет ничего общего. Ведь, первый есть лишь напоминающее деревню, органически выросшее образование, а второй — на «рациональных» основаниях искусственно построенный, действительный «город», в котором (сказал бы Тённис) истреблены все следы общины и выросло чистое общество. И, если в старой Европе «город» вырастает (скажем, лучше: вырастал до сих пор!) из деревни, заключая в себе все характерные черты последней, то в Соединенных Штатах, наоборот, вся прочая страна есть, в сущности, лишь городское поселение. Тот же рациональный ум, который создал квадратные, подобные ящикам, города, прошел с межевой цепью страну и по однообразному плану разделил ее, на всем ее огромном протяжении, на совершенно равные квадраты, которые при первом же на них взгляде отгоняют всякое предположение об «органическом» образовании поселений.

Нет также недостатка в Соединенных Штатах и в том, что всегда является отличительным признаком общества, покоящегося на капиталистических основах: я говорю о *противоположности между богатством и бедностью*. Точной статистики доходов и состояний в Соединенных Штатах нет. Но у нас есть некоторые попытки определить распределение богатств, правда, не безупречные, но все же имеющие некоторую ценность, так как они приняли во внимание все относящиеся сюда материалы³. Согласно

² Все цифры, по отношению к которым нет особых указаний, взяты из официальных статистических источников (Census).

³ Ср. *Spahr Ch. B. The distribution of wealth in the United States* (Распределение богатств в Соединенных Штатах), а также *Brooks J. Gr. The social unrest and Hunter R. Poverty* (Бедность).

этим исследованиям, из 60 млрд. долл. всего частного имущества (в 1890 г.) 33 млрд., или 54,8 %, находилось в руках 125 тыс. семейств, что составляло лишь *один* процент всех семейств, в то время, как 61/4 млн. семейств не имели никакой собственности. Но в каком бы виде ни находилось распределение всего количества имущества, не подлежит никакому сомнению, что нигде на свете абсолютная противоположность между бедностью и богатством не бывает даже приблизительно так колоссальна, как в Соединенных Штатах. Во-первых, уже потому, что «богатые» там гораздо «богаче», чем у нас. В Америке, наверное, больше людей, обладающих 1000 млн. марок, чем в Германии, обладающих 100 млн.

Кто был когда-нибудь в Нью-Йорте, «Байах» Нью-Йорка, тот, наверное, вынес впечатление, что там миллионы есть массовое явление. Нет на земном шаре такого второго места, где бы великолепные княжеские дворцы были обычным образцом домов, какими они являются в Нью-Йорте. И кто ходил когда-нибудь по магазинам Тиффани в Нью-Йорке, тому даже в самых блестящих и роскошных магазинах европейских столиц почудится как бы запах бедности. Магазины Тиффани, имеющие филиальные отделения в Париже и Лондоне (о таких «бедных» городах, как Берлин и Вена, понятно, не может быть и речи), именно благодаря этому и могут послужить прекрасными примерами для сравнения роскоши, а следовательно, и богатства высших «четырёхсот» в трех названных странах. Директора главного отделения в Нью-Йорке рассказывали мне, что большая часть товаров, которые они продают в Нью-Йорке, привозится из Европы, где они и приготавливаются специально для Тиффани. Является совершенно невозможным, чтобы какие-нибудь предприятия в Европе, даже их собственные отделения в Париже и Лондоне, могли бы предлагать товары по таким ценам, как в Нью-Йорке. Наиболее дорогие предметы потребляются исключительно в Нью-Йорке дамами высшего круга.

А с другой стороны, пожалуй, только в восточной части Лондона можно отыскать такую нищету, как в американских больших городах. Недавно вышла книга⁴, которая хоть и не может претендовать на pendant к «Положению рабочего класса» Энгельса, как выразилась в одной критической статье Флоренса Келли (для этого не хватает ей той широты теоретического горизонта, которая делает книгу Энгельса поворотным пунктом в развитии социальных наук), но которая все же превосходно достигает своей цели — именно осветить самые глубины нищеты американских больших городов. Автор ее прожил в качестве Settlement-worker'a (в культурном поселении) целый год в самых трущобных кварталах различных промышленных городов, делал, следовательно, собственные наблюдения, которые

⁴ *Hunter R. Poverty.*

ми и сумел чрезвычайно оживить свой литературный и статистический материал. По его смете, число лиц, живущих в нищете, т. е. не имеющих самого необходимого в пище, одежде и жилище (*underfed, underclothed and poorly housed*, недокормленные, плохо одетые и плохо поселенные), достигает в период обычного процветания в общем до 10 млн., из которых 4 млн. являются признанными нищими. В 1897 г. в Нью-Йорке к общественной помощи бедным прибегло более 2 млн. людей (?)⁵; в периоды промышленного подъема (1903 г.) 14 %, а в дурные периоды (1897 г.) 20 % всего населения этого города живет в величайшей нужде (*distress*); это количество только известных бедных и, если причислить сюда еще и стыдящихся своей нищеты бедных (так полагает автор), то число живущих в нужде (*in poverty*) в Нью-Йорке и других больших городах редко падает ниже 25 %. В Манхэттене (главной части Нью-Йорка) — в 1903, следовательно, «хорошем» году — 60463 семейства, т. е. 14 % всех семейств, были выселены из своих квартир. Каждый десятый покойник хоронится в Нью-Йорке на кладбище для бедных, как нищий.

Наконец, есть еще один несомненный указатель высокой степени капиталистического развития в Соединенных Штатах: *это своеобразие духовной культуры*.

Есть ли в американском народном характере черты, которые были бы общи всему населению страны? В этом можно было бы сомневаться, если принять во внимание колоссальные размеры страны, и люди, разыгрывающие из себя «знатоков» американских условий жизни, очень остерегаются высказывать что-нибудь общее для всего народа Союза.

Различия, по их мнению, там так же велики, как между отдельными народами Европы: ведь американская нация населяет целый континент, а не отдельную страну. Однако, эти мудрые суждения слишком поверхностны. Конечно, свойства страны в высшей степени разнообразны в Соединенных Штатах. Но все учреждения, и в особенности также характер народа, поразительно однообразны. Это часто утверждали действительные знатоки, как Брайс и другие, и каждому, кто приходил в соприкосновение с американской жизнью, если только он способен проникнуть хоть немного глубже поверхности явлений, должно именно это показаться отличительным признаком американского государства. Причины этой удивительной согласованности общественных учреждений в различных штатах изложил вполне убедительно Брайс. Но чем объяснить это однообразие американской народной психики? Или, быть может, нам еще не следует искать объ-

⁵ Официальное донесение «New-York State Board of Charities» (городского учреждения по благотворительности). Вероятно, во многих случаях были повторные регистрации. Иначе цифры уж слишком чудовищны.

яснения, а удовольствоваться лишь символизированием своеобразного «american spirit», «американского духа», который «без достаточного основания», помимо всяких социальных причин, спустился с неба на избранный народ? Но это тем менее входит в наши намерения, что мы не можем серьезно верить в исключительность этого удивительного «американского духа», а думаем скорее (при ближайшем рассмотрении) найти в нем старого знакомого, который уже не раз встречался нам в Lombardstreet'e или в Берлине W., здесь же лишь выросшего до значительных размеров и развившегося в более чистый тип. Мы попробуем найти его объяснение в известных условиях, развившихся уже в Европе и лишь доведенных до конца в Америке, а одновременно с этим объяснить его однообразие.

Но от того, кто своеобразие американского народного духа исследует в его сущности, не может остаться скрытым, что корни именно наиболее характерных черт его лежат в капиталистической организации хозяйственной жизни. Я попробую разъяснить это.

Известно, что жизнь в капиталистической среде приучает переносить необходимую в сфере хозяйственных отношений оценку всех благ на деньги также и на нехозяйственные отношения, т. е. при *оценке* вещей и людей *мерилом стоимости брать деньги*. Понятно, что, если этот прием приобретет право гражданства и будет применяться целым рядом поколений, то вследствие этого чувство чисто качественной ценности мало-помалу ослабнет. Утрачивается понимание прекрасного, артистически законченного, т. е. всего специфически художественного, что не поддается количественному определению, чего нельзя ни взвесить, ни измерить. От вещей, ценность которых определяют, требуют, чтобы они были или полезными и приятными (отсюда вкус к «комфорту»), или «дорогими» (этим объясняется любовь к материально-драгоценному: все, что служит украшением, все это в Соединенных Штатах нагромождается в избытке, начиная с дамских туалетов и кончая приемными палатами какого-нибудь Hôtel à la mode). Если же «цена» не бросается сама в глаза, то без больших церемоний прямо обозначается цифра стоимости этого предмета.

«Вы уже видели в доме Мг. Х Рембрандта в 50 тысяч долларов?», — нередко приходится слышать подобный вопрос. «Сегодня на рассвете яхта Карнеджи в 500 тысяч долларов вошла в такую-то гавань» (газетное сообщение). Понятно, что и в оценке человека главную роль играет его имущество, его доход. Исчезает понимание личности и ценности индивидуального.

В конце концов получается то, что эта привычка заменять все качественное измеримой денежной стоимостью внушает применять эту оценку также и там, где при всем желании невозможно брать деньги мерилом ценности. Этим вызывается преклонение перед количеством, как перед таковым, а следовательно, и то направление мысли американской

души, которое вдумчивый Брайс называет «a tendency to mistake bigness for greatness» (тенденция принимать толщину за величину), т. е. *почтение перед всякой весомой и измеримой величиной*, будь то число жителей в городе, число перевезенных почтовых пакетов, скорость поездов, высота памятника, ширина реки, число самоубийств или еще что-нибудь в этом роде. Это «помешательство на величине», столь характерное для современного американца, хотели объяснить огромными размерами его страны. Но почему в таком случае нет его у китайца? Или у монгола в плоскогорьях Азии? Почему не было его у индейца, жившего в этой же широкой стране? Везде, где у таких первобытных народов развивается представление о величине, оно носит, если можно так выразиться, космический характер: его порождает бесконечность звездного неба, необозримость степей, и, что отличает его, так это именно неизмеримость.

Оценка цифровых величин могла укрепиться в душе человека лишь при посредничестве денег в капиталистическом обращении (но не денег самих по себе: ошибка Зиммеля!). Конечно, огромные размеры американского континента способствовали затем укреплению этой особенности, но раньше, чем ум смог превращать географические представления в числовые оценки величин, он должен был вообще привыкнуть к цифрам.

Кто привык ценить лишь размеры явления, тот будет склонен также сравнивать два явления между собой, примеривая одно к другому, и большему он припишет большую ценность. Если одно из двух явлений по прошествии некоторого времени увеличится, то мы называем это успехом. Увлечение измеримыми величинами имеет, следовательно, своим необходимым следствием также и *высокую оценку успеха*: также в высшей степени своеобразная черта американского народного духа. Иметь успех всегда значит превосходить других, иметь больше других — быть «больше». Выше всего, конечно, ценится тот успех, который можно выразить в чистых цифрах, т. е. богатство. Также и неторговца прежде всего спрашивают, «как много» может он добыть своим талантом. Если это испытание не даст удовлетворительных результатов, то не остается другого исхода, как «величину» его славы принять за мерило его стоимости, его значения.

О каких своеобразных душевных процессах при этом идет речь, покажет, пожалуй, лучше всего отношение американца к *спорту*; в этом последнем его интересует лишь вопрос: кто будет победителем? Я присутствовал в Нью-Йорке на собрании, в котором сообщалось по телеграфу жадно ждущей толпе шаг за шагом о ходе шахматного матча в Чикаго! Все чувствования заключались в ожидании, на чью сторону склонится победа — и только в этом. Усилить эту эмоцию — задача пари; при помощи пари снова все значение спорта удачейшим образом сводится на чистые денежные цифры. Можно себе представить, чтобы держали пари в греческой Пале-

стре? Конечно, нет. Ведь здесь все восторгались неподдающимся вычислению проявлением личной красоты и силы, которые ценились одинаково и в победителе, и в побежденном. Мыслимо ли также пари на испанском бое быков? Опять-таки, без сомнения, нет. Женщины бросали здесь свои украшения, мужчины дорогие одежды тому *тоге*, который элегантно и с *grandezza* нанес смертельный удар: здесь художественная оценка!

А оценкой определяется также и направление воли. Раз американец преклоняется перед успехом⁶, то и все его стремления будут направлены на то, чтобы вести жизнь соответственно своему идеалу. В каждом американце, начиная с мальчика-продавца газет, мы видим беспокойство, стремление наверх, туда, через других. Жизненным идеалом американца является, следовательно, не спокойная жизнь, не дивная гармония личности, а только лишь «движение вперед». Отсюда его торопливость, безудержное стремление, *беспощадное состязание* на всех поприщах. Ведь, если каждый в отдельности гонится за успехом, то каждый же должен стараться обогнать других; начинается *Steeple chase*, погоня за счастьем, как привыкли мы выражать это в несколько тривиальной форме, *Steeple chase*, своеобразная скачка с препятствиями, отличающаяся от обычных скачек лишь тем, что цель ее не стоит на месте, а отодвигается перед состязающимися все дальше и дальше. Неумолимым назвали бы мы это стремление, бесконечным, пожалуй, лучше бы было сказать. Ведь безграничным должно быть всякое стремление за количеством, так как последнее само не знает никаких границ.

Эта психология гонки порождает сама собой и потребность в свободе борьбы. Нельзя считать идеалом жизни стремление обогнать других и в то же время желать быть связанным по рукам и ногам. Потому и требование «*Laisser faire*» является непреложным догматом американца, на который непременно наткнешься, если, по выражению Брайса, проникнуть в глубь американского духа. Но я хотел бы несколько иначе, чем Брайс, объяснить распространение этого основного воззрения. Конечно, отвращение ко всякой регламентации сверху, ко всякому государственному вмешательству, следовательно, «*doctrine of noninterference by government with the citizens*»,

⁶ «У всех сословий и общественных положений успех является высшим божеством, и хотя для его почитания нет настоящих жрецов и поклонников, но все же возник особый род публикаций, служащих ему преданными и постоянными служителями. Они учат набожного, но не ученого поклонника, как следует отвращать его неудовольствие, или, если его гнев возгорелся, какими покаяниями и обрядами можно его успокоить. Они поют хвалебные песни и рассказывают случаи из жизни тех, кто особенно удостоился милости, а всем остальным они твердят: «Следуйте нашему совету, и рано или поздно вы достигнете того же, что и те»» (*Ghent W.J. Our benevolent feudalism*).

невмешательство государства в жизнь граждан, у людей 1776 г. было вызвано чисто доктринерскими идеально-рационалистическими причинами. Но современного американца мало интересуют «высокие принципы» составителей конституции (framers of the constitution), поскольку они не имеют отношения к его повседневной жизни. Если он теперь так упрямо стоит на принципе свободы действия, то это только потому, что он инстинктивно признает этот принцип единственно пригодным для всякого гонящегося «за успехом». Как мало он доктринер и как охотно он жертвует своим принципом, если это не является препятствием на его пути, видно из того, что те самые американцы, которые написали на своем знамени «беспрепятственная деятельность индивидуума», ни на минуту не сомневаются ограничить самым беспощадным образом свободу индивидуума (чего никогда нельзя сделать в нашей «единовластно» управляемой Германии: вспомните о законодательном ограничении потребления алкоголя!) или даже ввести коммунистические учреждения, при виде которых у всякого свободомыслящего обер-бюргермейстера встали бы дыбом волосы (безвозмездное доставление всех учебных пособий ученикам народных школ в Нью-Йорке!).

Иметь успех для обычного среднего американца значит, главным образом, сделаться богатым. А этим объясняется, почему-то безудержное стремление, на которое мы указали, как на отличительное свойство американского народного характера, обращается прежде всего на хозяйственную деятельность. Лучшие и сильнейшие, которые у нас, — и еще более в романских странах и в Англии, где, как я пробовал доказать в другом месте, царят в этом отношении родственные американским условия (хотя и совсем другого происхождения), — кончают тем, что отдаются политической деятельности, в Америке направляют свою деятельность на хозяйственную жизнь, и в народе вырастает *переоценка экономики*, имеющая своим основанием ту же причину: веру, что здесь вернее всего достигнешь цели, к которой стремишься. И при этом экономики в смысле капиталистического хозяйства, символом которого является ценная бумага. Широкая публика спекуляциями на капитал и думает запустить руку в то колесо счастья, в котором лежат большие выигрыши. Нет на земле другой страны, где бы народные массы были так охвачены страстью к спекуляции, как в Соединенных Штатах, другой страны, где бы население так вкусило от капиталистического плода.

Этим мы и завершим круг наших рассуждений: мы исходили из капитализма, пробовали из него вывести все существенные элементы американского народного духа. А теперь мы видим, что деятельность последнего сама снова приводит к укреплению и росту капиталистической сущности, и что, следовательно, своеобразный «американский дух» как бы все снова и снова сам из себя порождается и, все больше очищаясь, приближается к *spiritus capitalisticus purus rectificatus*.

2. Социализм в Соединенных Штатах

Все вышеизложенное, конечно, не имело своей целью описать американское народное хозяйство (для этого я надеюсь подыскать случаи в позднейших исследованиях), а тем менее дать картину американской культуры; не имел я также в виду дать сколько-нибудь обстоятельное изображение американского народного характера. Для всего этого требуется, без сомнения, гораздо более подробное изложение. Единственной целью этих строчек было привести указания на существование необыкновенно сильно развитого капитализма в Соединенных Штатах. И это доказательство, я надеюсь, можно считать удавшимся, если даже «благосклонный читатель» не был готов следовать за мной по всем проселкам моих рассуждений.

Сами же эти доказательства, в свою очередь, должны послужить исходным пунктом для некоторых размышлений относительно американского пролетариата. Так как мы знаем, что положение рабочих классов зависит от свойств капиталистического развития, так как мы особенно твердо усвоили, что все «социальное движение» обязано своим происхождением созданному капитализмом положению, что весь также «современный социализм» является лишь рефлекторным действием капитализма, то само собой понятно, что, желая создать себе представление о положении пролетариата в какой-нибудь стране, мы начинаем наши исследования с рассмотрения общей экономической ситуации. И этот прием оказывается особенно удачным в применении к Соединенным Штатам. Таким именно путем мы придем всего скорее к ясной постановке вопроса и будем спасены от опасности бесцельного писания *de omnibus rebus et quibusdam aliis*.

Итак, если действительно (как это я сам всегда думал и часто высказывал) современный социализм является необходимой обратной стороной капитализма, то страна с высочайшим капиталистическим развитием — именно Соединенные Штаты — должна быть в то же время классической страной социализма; ее рабочий класс должен быть представителем радикальнейшего социалистического движения. А, между тем, и у нас, и в Америке на все лады слышатся (грустные — со стороны социалистов, ликующие — со стороны их противников) утверждения противоположного: нет вообще никакого «социализма» среди американских рабочих; выступают там под флагом «социалистов» несколько обанкротившихся немцев, не имеющих приверженцев. Вот утверждение, которое должно вызвать наш живейший интерес. Ведь, вот, наконец, страна без социализма, несмотря на высокое капиталистическое развитие! Учение о неизбежном социалистическом будущем опровергнуто действительными фактами! И для социального теоретика, и для социального политика чрезвычайно важно проникнуть в сущность этого удивительного явления.

Прежде всего мы должны спросить: действительно ли верно то, что в *Соединенных Штатах нет социализма*, нет именно специально «американского» социализма? Ну, в такой абсолютной форме, конечно, это неправда.

Во-первых, там есть одна, или, вернее, две социал-демократические партии, в чисто европейском смысле этого слова, которые ни в каком случае не опираются на одних только немцев. На объединенном конгрессе социалистической партии в 1901 г. в Индианаполисе из 124 делегатов было лишь 25, т. е. приблизительно 20 %, неамериканских уроженцев. Эта партия на последних выборах президента имела 403338 голосов, к которым нужно еще причислить 50 тыс. голосов социалистической рабочей партии, так что в Соединенных Штатах в 1904 г. было подано столько же голосов за социал-демократов, сколько у нас в 1878 г., или сколько на последних⁷ выборах в рейхстаг за свободомыслящих и антисемитов вместе. Но, без сомнения, цифра социалистических голосов (по причинам, которые будут изложены позднее) в Америке представляет собой *minimum* социалистически настроенных рабочих. В противность тому, как в Германии, число последних значительно выше, чем число поданных голосов.

Тем не менее, нельзя отрицать, что утверждение: американские рабочие чужды социализму — во многих отношениях имеет своим основанием истину.

В пользу него говорят прежде всего как раз приведенные цифры статистики выборов. Ведь, если даже и значительно увеличить их, то все же получается лишь крайнее меньшинство социалистов. Поданные за социалистического кандидата в президенты голоса составляют всего лишь 2,5 % от общего числа голосов. Да и это является завоеванием лишь самого последнего времени. На выборах 1900 г. социалистическая партия получила лишь 98417 голосов. Притом эти социалистические голоса в высшей степени ненадежны. Они подвергаются из года в год значительным колебаниям, на что указывают следующие цифры. За кандидатов социалистических партий было подано голосов:

	1900 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.
В Алабаме	928	2 313	—	853	—
В Колорадо	684	7 431	—	4 304	—
В Массачусетсе	9 716	33 629	—	13 604	—
В Пенсильвании	4 831	21 910	13 245	21 863	—
В Техасе	1 846	3 513	—	2 791	—

⁷ Не на выборах 1907 г., конечно, а на предыдущих. — *Прим. перев.*

	1900 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.
В Чикаго	—	—	—	44331	23323
В Нью-Йорке	—	—	—	24600	12000

Позднее я попробую дать объяснение также и этим любопытным скачкам цифр. Пока же я лишь привожу их, чтобы показать, на каких слабых основаниях стоит сейчас социалистическая партия в Соединенных Штатах даже и там, где она уже завоевала позицию.

Вывод, к которому приводят эти цифры, подкрепляется также целым рядом несомненных позитивных фактов, так что утверждение, из которого мы исходим, все больше заслуживает признания. Широкие слои американского пролетариата, в том числе также, и даже в особенности, «сознательные» рабочие, «ученые» рабочие, стоят вдали от социализма, равно как и наиболее видные среди «национальных» вождей.

Но это опять-таки нужно понимать с ограничением. «Стоят вдали от социализма» вовсе не значит, что они (как прежние английские чистые профессионалисты) были «манчестерцами» и отклоняли всякое государственное вмешательство или «государственно-социалистические» реформы.

Большая часть организованных рабочих и их вождей стоит сейчас за «political action», т. е. за самостоятельную рабочую политику. И среди требований, которые «American Federation of Labor» (Американская федерация труда) (следовательно, орган значительной части американских рабочих, руководимый «консервативным» Мг. Гомперсом, и во главе которого находится 9/10 антисоциалистических рабочих вождей), предъявляет законодательству, находятся следующие:

3. Введение установленного законом 8-часового рабочего дня.

8. Передача в ведение городского самоуправления городских путей сообщения, водопроводов, газа и электричества.

9. Передача в ведение государства телеграфов, телефонов, железных дорог и горного дела.

10. Отмена прав собственности на землю (и ее внутренние богатства) и замена их правом оккупации и свободного пользования⁸.

⁸ Политическая программа в этом духе была принята на очередном конгрессе «A. F. of L.» в 1894 г. «Пункты» 8 и 9 — единогласно. На съезде следующего года прошла резолюция, в которой говорилось, что федерация не принимает никакой «политической программы», так как обсуждавшаяся в прошлом году была принята лишь по всем отдельным пунктам, а не целиком, *in toto*. Федерация выставила лишь законодательные требования. Для нас дело от этого не меняется.

А ведь это уже значительное расшатывание «основ существующего общественного порядка». И, спрашивается, в каком смысле признавал я правыми тех, которые утверждали, что американские рабочие «стоят вдали от социализма». Если бы я не боялся вызвать недоразумения применением теперь столь часто употребляемого, но не всегда в одном и том же смысле, слова, то я ответил бы: американский рабочий стоит «по духу» вдали от социализма (как понимаем его мы в Европе, т.е. от социализма марксистской чеканки). Но я постараюсь лучше объяснить мою мысль подробнее.

1. Нельзя сказать, чтобы американский рабочий (но в том же упомянутом смысле: американский «нормальный» рабочий, взгляды которого доминируют среди всей массы рабочих и стоят позади взглядов вождей) в общем был совершенно «недоволен» теперешним положением вещей; напротив, он чувствует себя хорошо, он удовлетворен и в хорошем настроении духа — как и все американцы⁹. Его мировоззрение исполнено самого розового оптимизма — жить и жить давать, вот его основные принципы. А это лишает основания все те чувства и настроения, на которых строится классовое сознание европейского рабочего: зависть, раздражение, ненависть против тех, кто имеет больше, кто живет в довольстве.

2. У рабочего, как и у всех американцев, этот безграничный оптимизм выражается также в *вере в миссию*, в *величии своей родной страны*, в вере, которая довольно часто принимает религиозную окраску; американцы — это избранный Богом народ, знаменитая «соль земли». Брайс очень метко выражает это, когда говорит: «... пессимизм, это роскошь немногих; оптимизм же — это достояние и вера 999 из 1000, потому что нигде более отдельный человек не связывается так непосредственно и постоянно с величием своей страны». А это значит: американский рабочий отождествляет себя с теперешним американским государством; он стоит за звездное знамя; он настроен «патриотически» (как это следует выразить в немецком смысле). Так как центробежная сила (вышеуказанное разногласие, «дурное настроение»), которая ведет к классовому обособлению, к классовому противоположению, классовой ненависти, классовой борьбе здесь слабее, а центростремительная, ведущая к утверждению и признанию национальной и политической общности, государства, к «патриотизму» сильнее, то у американских рабочих нет свойственной европейскому социализму «враждебности государству». Мне кажется, что Джон Митчелл, известный вождь рудокопов, выражает мнение большей части американских рабочих,

⁹ Знатки психологии американских рабочих говорят о «воздухе довольства и необыкновенного веселья» (air of contentment and enthusiastical cheerfulness).

Проф. Зуммер В. Г.; цитир. по Генту, 123.

когда говорит («Organized Labour», 219): «Рабочие, выступающие против организации военных сил, забывают, что они, как организованные рабочие, сами составляют часть государства и имеют право влиять на политику этого государства». Рабочее движение в этой стране может иметь успех лишь тогда, если оно отождествляет себя с государством (can make progress only by identifying itself with the State). Что Митчелл, который представляет всего лучше именно «рядового рабочего», тип, стоящий посередине между крайностями, уже видит себя принужденным делать уступки самостоятельному классовому самосознанию и проявляющимся классовым противоречиям, и что за это консервативные социальные политики его уже упрекают в том, что он проповедует¹⁰ «narrow and exclusive solidarity» — узкую и исключительную солидарность между рабочими, — на это еще не следует указывать здесь, где речь идет не об определении «тенденций развития», а лишь об установлении общей картины состояния, которая по возможности верно отразила бы теперешний status quo.

3. Американский рабочий *не враждебен капиталистической системе хозяйства, как таковой*, ни по чувству, ни по разуму. Мне снова приходится привести слова Митчелла, относящиеся к этому вопросу. Места в его книге, в которых он рисует чисто оппортунистическое отношение профессиональных союзов к капитализму, гласят следующее («Org. Lab.», 414 f.):

«Профессиональное движение не стремится непременно ни к удержанию системы наемного труда, ни к ее устранению. Мы желаем постоянного улучшения (the constant improvement) положения рабочих; если возможно, то при сохранении существующей системы, если же это невозможно, то при устранении ее». Его же личное мнение таково, что мы не должны непременно прийти к этому «устранению». Ведь, «история профессионального движения доказывает, что при помощи государства и общими усилиями рабочих можно добиться значительного и всеобщего улучшения их положения и при существующей системе наемного труда». Другие известные вожди рабочих определенно признают общность интересов капитала и труда. По их мнению, последние являются участниками и доход от предприятия должны делить при общем согласии (they are partners and should divide the results of industry in good faith and in good feeling). Если рабочие в своем безумии расстроят капитал (destroy the capital), то это будет делом невежества и дурных страстей (the work of ignorance and evil passions). Будущее снова установит полную гармонию труда и капитала, которая теперь лишь временно расстроена¹¹.

¹⁰ См.: Labor Bulletin of Massachusetts. 1904. № 33. P. 237 ff.

¹¹ Речь молодого казначея Миннесотской федерации труда (Minnesota Federation of Labor) W. E. Even в «Employers a. Employes». P. 247 f. Подробную оценку и ука-

Но я думаю, что отношения американского рабочего к капитализму еще интимнее, чем это выражено в вышеприведенных дружественных уверениях и свидетельствах своего почтения. Я думаю, он сочувствует всем сердцем капитализму, он любит его. По крайней мере, он отдает ему вполне — душой и телом. Если где-нибудь в Америке безраздельно царит неутомимая погоня за прибылью, исключительно деловые интересы, деловая страсть, то это именно у рабочего. Он хочет — насколько возможно свободно — заработать столько, сколько позволяют ему его силы. Поэтому мы лишь в редких случаях слышим жалобы на недостаточную защиту от опасностей работы (с которыми он легко примирится, если предохранительные приспособления грозят уменьшить его заработок); поэтому мы здесь гораздо реже, чем, например, в Англии, наталкиваемся на нежелание работать по соглашению или вражду к техническим нововведениям. В дальнейшем я покажу еще полнее, что американский рабочий больше трудится, больше производит, чем европейский. Но эта большая интенсивность его работы есть не что иное, как следствие его, в сущности, чисто капиталистического образа мыслей.

Наверное, юный Эдвард И. Гайнор, член правления «Соединенных почтальонов», выразил мнение большей части своих товарищей, когда в реферате «Правительство, как работодатель» выказал свое принципиальное отрицательное отношение к рабочему чиновничеству и привел при этом следующие соображения относительно чиновников:

1. Чиновник лишен возможности создать себе собственными силами «социальное положение», другими словами, достигнуть богатства.

2. По достижении максимума жалования (содержания) прекращается всякое увеличение производительности труда, ибо ведь без звонкой награды лишь один глупец будет стараться больше, чем это необходимо.

3. Чиновник более стеснен в своей домашней жизни.

4. Для чиновника закрыта политическая деятельность, эта «avenue of human endeavor that offers great attraction for all ambitious Americans», «путь человеческого стремления, который обладает большой притягательной силой для всех честолюбивых американцев»¹².

Лучшее доказательство того, что воззрения, с которыми мы встречаемся в этих и подобных суждениях, действительно свойственны большей части американских рабочих, представляет нам *своеобразный характер их организаций*.

зание всей соответствующей литературы читатель найдет в «обзоре», напечатанном мною в XX т. «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozial. Pol.» (цитируется дальше как «Обзор»).

¹² См.: «Employers a. Employes». P. 100 ff.

Как известно, в Соединенных Штатах существует сейчас четыре различных группы, т. е. типа рабочих организаций. Из них одна — «Knights of Labor» (рыцари труда) — относится уже к прошлому. Время расцвета этого, скорее масонского союза, чем современной профессиональной организации, относится к середине 1880-х гг. По причинам, которые здесь рассматривать не приходится, число членов «Knights of Labor» с 1883 до 1886 г. возросло с 52 тыс. до 703 тыс., а в 1888 г. уменьшилось уже почти наполовину. «Рыцари», как было сказано, не были профессиональной организацией в современном смысле слова: они не признавали союзов, гнушались стачек и т. п. Теперь они находятся при последнем издыхании.

Другая группа рабочих союзов имеет лишь (и то в лучшем случае) будущность — это «American Labor Union» (Американский рабочий союз) объединенных, социалистически настроенных рабочих Запада. Их число еще незначительно; они представляют собой оппозиционное меньшинство и потому не должны занимать здесь нашего внимания.

У третьей группы нет ни будущего, ни прошлого, да и в настоящем она ничего собой не представляет — это «Socialist Trade and Labor Alliance» (Социалистический союз торговли и труда, основан De Leon'ом в 1895—1896 гг. в оппозицию к профессиональным организациям).

Наконец, четвертую, гораздо более значительную группу, единственную влиятельную в настоящем, образуют профессиональные союзы, объединенные в «American Federation of Labor» (Американской федерации труда). Число организованных в ней рабочих за последние 10 лет возросло чрезвычайно: в 1896 г. оно равнялось 272315, в 1900 г. — 548321, в 1904 г. — 1 676 200, а это более чем $\frac{4}{5}$ всех организованных рабочих Америки.

Характер объединенных в таком большом союзе профессиональных организаций, конечно, не отличается единством, так как и социалистически настроенные, и принадлежащие к социалистической партии рабочие принимают большое участие в профессиональном движении, и так как большая часть ими управляемых союзов является в то же время членами «A. F. of L.», то на ежегодных съездах Федерации раздаются и чисто социал-демократические голоса, а с другой стороны, и ультраконсервативные. Но я уже указывал, что правление Федерации находится в руках несоциалистов, и большая часть соединенных в ней союзов (хотя бы их сила и не соответствовала составу исполнительного комитета) стоит на почве мною вышеописанных «американских» воззрений на систему наемного труда, так что в ее политике отражается именно этот специфически американский дух, или лучше будет, пожалуй, сказать: специфически англосаксонский дух. Ведь большая часть американских союзов, насколько

я понимаю, своим поведением не отличается значительно от прежних английских союзов. Они стоят на чисто профессиональной точке зрения, которая заставляет их защищать лишь монопольные стремления и интересы определенных групп, оставляя без внимания класс пролетариата как таковой, а тем более не заботясь о защите непривилегированных рабочих¹³. У них замечаются поэтому сепаративные, как бы цеховые тенденции¹⁴, и этим они создают существенное расчленение пролетариата, задерживая его объединение в один единообразно действующий класс. Наиболее ясно выражена эта деловая политика в объединении монопольных профессиональных организаций с монопольными предприятиями в так называемых «Союзах» (Alliances) — это организации для общего использования публики соединенными предпринимателями и рабочими одной отрасли производства. Этот сорт профессиональных союзов, намерения и действия которых направлены скорее на сохранение и укрепление, а не на уничтожение капиталистической системы хозяйства, можно назвать капиталистическим и противопоставить социалистическим рабочим, которые, хотя и приноравливают свою политику также к интересам настоящего дня, но все же не упускают из виду и классовую борьбу пролетариата против капитализма.

Одним словом, ядро американского рабочего движения носит капиталистический характер. «Тред-юнионизм есть деловой способ достижения улучшения положения рабочего при высокоразвитых условиях современного промышленного мира». «Действие сообща есть деловой способ». В таких выражениях лучшие знатоки американского профессионального движения недвусмысленно обрисовывают его характер.

Что руководители союзов, хотя и ведут упорную борьбу «за улучшение положения рабочего» (for the betterment of the wage earner), но не думают при этом сходить с почвы капиталистической системы, на это указывает и их отношение к стремлениям буржуазных социал-реформаторов, появившихся в Соединенных Штатах в последние годы. В этом проявляется совершенно особый дух американских рабочих по сравнению с европейскими, по крайней мере, континентально-европейскими. Правда, они стоят в оппозиции к предпринимателям, поскольку дело идет об уста-

¹³ Многие союзы требуют при вступлении в них высокого членского взноса, который достигает до 50 долл. Многие ограничивают число участников.

¹⁴ Споры между компетенциями отдельных союзов являются теперь в Америке главным предметом интересов в профессиональных кругах. Вероятно, отдельные цехи во время цеховой организации реже между собой ссорились, чем теперь союзы, так как в то спокойное время технические нововведения были значительно реже.

новлении условий труда, но, вместе с тем, они готовы идти рука об руку со всяким буржуазным течением, которое обещает им оказать поддержку в этой борьбе. И их представители охотно и часто братаются с теми предпринимателями, которые согласны вступить в соглашение с рабочими на почве равноправия. Им не хватает как раз того специфически пролетарско-социалистического сознания противоположности интересов, которое характерно для большей части наших рабочих. Итак, разница между Германией и Америкой следующая: у нас среди рабочих лишь меньшинство, и, конечно, не избранное, ищет дружбы с буржуазными социал-реформаторами — скажу лучше: с «Обществом социальной реформы», — в то время как значительное большинство организованных рабочих упорно остается по отношению к буржуазным «друзьям» на почве резкого классового противопоставления; в Америке же, наоборот, передовые вожди профессиональных союзов (а за ними, без сомнения, стоит избранная часть организованных рабочих) идут вместе с социал-реформаторскими «беспартийными» и предпринимателями в «National Civic Federation»¹⁵ (Национальной гражданской федерации), соответствующей приблизительно нашему Обществу социальной реформы, и лишь небольшая оппозиционная часть упорно остается (как у нас большинство) в стороне.

Итак, именно в этом смысле будет справедливым сказать: в Америке нет социализма.

Теоретически и практически одинаково интересную проблему, вытекающую из этого утверждения, нужно теперь формулировать так: Соединенные Штаты являются страной высочайшего капиталистического развития; их хозяйственная организация рисует, следовательно, нашу будущность. Что в 1867 г. Маркс сказал об Англии, это же мы можем применить теперь к Америке: *de te fabula narratur*, Еуропа, когда мы говорим об американских условиях, по крайней мере, поскольку речь идет о капиталистическом развитии. И в этой стране *нашей* будущности рабочий класс

¹⁵ «N. C. F.» основана с целью поставить предпринимателей и рабочих в личные сношения, чтобы тем смягчить противоположность интересов и в особенности быть посредником при стачках. Ее исполнительный комитет состоит из трех групп: 15 предпринимателей, 15 беспартийных («из публики»), среди которых, однако, большая часть резко капиталистической окраски; к ним принадлежат, между прочим, Эндрю Карнеджи, Гровер Кливеланд, Оскар С.Штраус, банкиры Зелигман, Джеймс Спейер и, наконец, 16 представителей от рабочих, во главе которых находятся С.Гюмперс и И. Митчелл. Официальный орган «N. C. F.» занимается особым спортом: печатает в каждом номере фотографии нескольких известных рабочих вождей рядом с портретами крупных предпринимателей.

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

в корне своем несоциалистичен: должно это явление также служить нам указанием нашей будущности? Были ли мы неправы, когда мы рассматривали возникновение социализма, как необходимое следствие капитализма? Ответ на этот вопрос требует исследования причин, которые привели к своеобразному образу мыслей американского рабочего. Что при этом мы не можем ограничиться одним указанием на специфический «американский дух», это следует из самого нашего воззрения на сущность научного метода. Мы лучше попробуем открыть эти причины, установив сначала условия существования американского рабочего: исторические, политические, экономические, общесоциальные. Если мы познакомимся с ними и нам удастся объяснить таким путем образ мыслей американских рабочих, то перед нами встанет новый вопрос: на каком основании покоятся эти условия существования? Следует ли считать их постоянными или изменчивыми? Иначе говоря: условия существования американского рабочего долго останутся теми же самыми — или их основания подвержены изменению? И если окажется последнее, то будут ли изменения таковы, что условия существования станут такими же, как в Европе (породившими социализм), так что, следовательно, и в Америке подготовится почва для социализма? В более общей форме: есть ли в современном социальном движении тенденция к единообразию, или нам приходится иметь дело с национально-различными формами движений? Если есть тенденция к единообразию, ведет ли она по направлению к социализму или в противоположную от него сторону? Одинаково ли образуется будущность у Америки и у Европы или различно? Если одинаково, Америка или Европа является «страной будущего»?

Привести некоторый материал для ответа на вышепоставленные вопросы и составляет цель того ряда исследований, который я думаю изложить в следующих главах предлагаемой работы.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО

I. Политика и раса

На следующих страницах я сделаю попытку объяснить тот факт, что «в Соединенных Штатах нет социализма» (в том смысле, какой я придал этому положению во Введении), теми своеобразными условиями, среди которых живет американский пролетариат, и прежде всего (так как это, действительно, «прежде всего» бросается в глаза каждому наблюдателю) особенным характером политической жизни.

Но раньше мне нужно коснуться еще предположения, с которым иногда встречаешься, когда идет речь об изучаемом здесь предмете. Именно, приходится нередко слышать, что отсутствие социализма в Америке объясняется не особыми условиями американской жизни, а скорее особым характером *англосаксонской расы*, к которой принадлежит весь почти американский пролетариат. А англосаксонская раса, по этому мнению, невосприимчива «по природе своей» ко всему, что напоминает социализм. Это рассуждение ложно по двум причинам: во-первых, неверно, что англосаксонская раса не склонна «по природе своей» к социалистическим идеям: доказательством могут служить сильно окрашенное социализмом движение чартистов в Англии в 1830-х и 1840-х гг., и история развития австралийских колоний, да и самой метрополии, в последние годы; во-вторых, североамериканский пролетариат состоит не исключительно — и даже не преимущественно — из принадлежащих к «англосаксонской» расе. Если позволительно (а здесь это безусловно так) на основании общих цифр статистики эмигрантов и иноземных уроженцев делать заключения относительно состава (американского) пролетариата (специальных данных о происхождении, насколько я знаю, не существует), то получится следующая картина: по переписи 1900 г. в Соединенных Штатах из всего пришлого населения лишь 8,1 % было родом из Англии, 2,3 % из Шотландии, из Германии же 25,8 %, из Ирландии 15,6 %, из России и Поль-

ши — 7,8%¹⁶ и т. д. Такое же отношение дают и лица, родители которых иностранцы. Они составляют 38,4% всего взрослого населения Соединенных Штатов и из этих 38,4% на долю Англии и Уэльса приходилось (в 1900 г.) лишь 3,6%, Шотландии — 1,0%, на долю Германии опять-таки целых 11,3%, Ирландии — 8,4%. В специально-промышленном населении число лиц, происходящих от родителей-иностранцев, составляло 56,2%, причем на Англию и Уэльс приходилось 5,8%, Шотландию — 1,6%, на Германию — 16,1%, Ирландию — 11,7%¹⁷. И если даже мы возьмем общее число переселенцев в XIX столетии, то и здесь процент принадлежащих к англосаксонской расе меньше, чем это обыкновенно думают; он равняется (включая даже и ирландцев, которые составляют, наверное, более половины всего числа) лишь 33,58%, в то время как процент немецких переселенцев равняется 24,16.

Итак, в Америке живут, следовательно, миллионы людей, переселившихся лишь за самое последнее время из стран с сильно развитым социалистическим движением: среди взрослых американцев одних немцев или происходящих от немцев насчитывается (в 1900 г.) 3 295 350 человек, из которых 1 142 131 были заняты в промышленности — конечно, большей частью в качестве наемных рабочих. Почему же эти миллионы (если мы допустим даже, что «англосаксы» не восприимчивы к бацилле социализма) не являются также и в Америке социалистами?

Итак, при исследовании интересующего нас предмета вы должны отбросить предположение о влиянии принадлежности к англосаксонской расе. Скорее именно пестрый состав американского населения, имеющего, тем не менее, одинаковые черты развития, заставляет нас определяющие его моменты искать в особенностях американской жизни. Я сказал уже, что эти особенности я прослежу прежде всего в организации политической жизни¹⁸.

¹⁶ Официальная статистика иммиграции была хорошо обработана д-ром *Х. Швегелем*, вице-консулом в Чикаго. См.: Швегель Х. Переселение в Соединенные Штаты Америки // *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung*. 1904. Т. XIII.

¹⁷ *Occupations at the XII Census*. Washington, 1904.

¹⁸ Нижеследующие выводы не имеют притязания пролить новый свет на условия политической жизни в Соединенных Штатах и в особенности на своеобразные партийные отношения страны. Этот обзор опирается всецело на богатый материал, уже собранный и отчасти обработанный в обширной литературе по этому вопросу. Что же я привношу нового, так это только ту точку зрения, с которой я группирую уже известные факты. Эта точка зрения дана уже самой постановкой вопроса, из которой я и исходил. Из необозримо богатой литературы я назо-

II. Политическая машина

В современных государствах, по мере того, как общественная жизнь становится все сложнее, а государственное устройство все демократичнее, становится все труднее выражать политические идеи иначе, как в рамках партийных организаций. И это особенно верно по отношению к Соединенным Штатам. Ведь они, в конце концов, единственное большое государство

у лишь следующие новые труды, которые достаточны для общей ориентировки: *Bryce J. The American Commonwealth*. В 2 т. L., 1889 (вышедшее после того во многих тысячах экземпляров) — лучшая вещь из всей литературы, дающей общий обзор общественной жизни в Соединенных Штатах. Несколько дополняет и расширяет эту работу Брайса книга *Ostrogorski M. Democracy and the organisation of political parties*: Пер. с фр. В 2 т. L., 1902, с предисловием самого Брайса. Второй том этой интересной книги относится к Америке. В нем содержится богатый материал для изучения американских партийных отношений. И что касается техники партийных отношений, то к книге Острогорского, пожалуй, нечего прибавить. Впрочем, истории партий в США не дает нам и Острогорский. Насколько я знаю, таковой вообще не существует. Совершенно неудовлетворительна, несмотря на свое громкое название, книга *Hopkins J. H. A history of political parties in the United States. Being an account of the political parties since the foundation of the government; together with a consideration of the conditions attending their formation and development and with a reprint of the several party platforms*. N. Y., 1900. Все же книга эта ценна, во-первых, благодаря своим перепечаткам программ различных партий, во-вторых, благодаря собранным в ней статистическим данным о числе голосов, подаваемых за различные партии с самого начала их существования. Недурна также небольшая книжка *Chapmann J. J. Government and Democracy*. L., 1898 (в Америке вышедшая под названием «Causes and Consequences»). Большая работа *Holst «Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten von America»*, до сих пор вышло 5 томов, Берлин, 1873—1891 гг. — мало пригодна для цели нашего исследования, так как свое изложение она доводит лишь до Гражданской войны, и именно тем вопросам, которые особенно нас интересуют, уделяет слишком мало внимания. Согласно с планом этой грандиозной работы, лишь третья часть (первые 5 томов еще далеко не закончили и первой части) должна была излагать современное «политическое и социально-политическое состояние». Пока же автор опубликовал краткий очерк государственного права в Соединенных Штатах в руководстве публичного права Марквардзена.

Во французской литературе, которая после образцового произведения Токвиля всегда интересовалась внутренним политическим состоянием Соединенных Штатов, из новейших вещей интересна книга *C. Janet*, появившаяся впервые в 1875 г., и в 1893 г. вышедшая в новом, основательно переработанном *W. Kämpfe* издании.

с действительно демократическим устройством, причем в них политические отношения усложняются еще их федеративной организацией.

«Большое государство»: в двадцать раз больше Германской империи, «с действительно демократической организацией» — это значит следующее: всеобщее избирательное право является теперь общим правилом во всех штатах Союза. Существующие еще ограничения не стоят упоминания. Но этой всеобщей подачей голосов избираются не одни только члены законодательных учреждений, как в европейских государствах (за исключением Швейцарии), но также — самое главное — и почти все высшие представители административной власти и суда. Главное должностное лицо каждого штата — губернатор (Governor) — назначается выборами, и время его полномочий определяется 4 или 2 годами. Большая часть штатов выбирает также и помощника губернатора (Lieutenant-Governor), следовательно, его заместителя. В двух третях штатов — во всех западных и южных штатах, в Нью-Йорке, Пенсильвании и Огайо — народом избираются также и высшие судьи, и тоже на короткий срок. Что высшее лицо всего государства, а равно и его заместитель, определяются общественными выборами, это всем известно.

К этим государственным и местным выборам нужно прибавить еще и выборы в парламенты «графств» и городов, а также выборы различных чиновников местного управления, в особенности главы города.

Таким образом, добросовестный гражданин может значительную часть своей жизни провести на выборах. Ведь представьте себе только наглядно, сколько выборов происходит, например, в таком штате, как Огайо. Выбирают:

1. *Союзных должностных лиц* — президента: *каждые 4 года*; членов палаты представителей: *каждые два года*.

2. *Должностных лиц штата* — один *раз в год*; членов Board of Public Works¹⁹ (на 3 года); членов высшей судебной палаты (на 5 лет); один *раз*

Но книгой этой можно пользоваться лишь с осторожностью в силу радикально-католической точки зрения ее автора. Богатый материал содержит, далее, большая работа А. Carliers: «La république américaine, Etats Unis. Institutions de l'Union, Institutions d'Etat, Regimenniciple, systèmes jndiciaires etc.». Paris, 1890.

¹⁹ Специфически американских (английских) должностных лиц я привожу лишь в их английском наименовании, не стараясь подыскать соответствующих немецких (что нередко было бы очень затруднительно). Для цели этого обозрения достаточно лишь указания на основную сущность каждой, подлежащей выборам, категории чиновников. [Мы также оставляем лишь английские наименования тех должностных лиц, которых автор не счел нужным перевести на немецкий. — *Прим. перев.*].

в *каждые 2 года*: губернатора штата Огайо; лейтенант-губернатора, секретаря штата, казначея (Treasurer), главного прокурора; сенаторов (членов высшей палаты штата Огайо); депутатов (в ландтаг штата Огайо); один *раз в каждые 3 года*: школьного комиссара, клерка высшей судебной палаты; *каждые 4 года*: «Аудитора».

3. Должностных лиц округов — *раз в каждые 2 года или в 5 лет* (на 6 или 5 лет): судей окружных судов (Circuit Judge и Judge of the Court of Common Pleas); *раз в каждые 10 лет*: членов Board of Equalization.

4. Должностных лиц «графств» (County) — один *раз в год*: County Commissioners (на 5 лет), Infirmary Directors (на 3 года); один *раз в каждые 2 года*: Treasurer (казначей), Sheriff (шериф), Coroner; один *раз в каждые 3 года*: County Auditor, Recorder, Surveyor, Judge of Probate, Clerk of Court of Common Pleas, Prosecuting Attorney.

5. Должностных лиц города — один *раз в год*: членов Полицейского правления (Board of Police Commissioners) — в большей части городов; членов правления заведений для бедных и больниц (на 3 года), заведующих водопроводами (trustee of water works) (на 3 года); *раз в каждые 2 года*: главу города, City Clerk, Auditor, Treasurer, Solicitor, Police Judge (в больших городах), Prosecuting Attorney of the Police Court (в больших городах), City Commissioner (в городах второго ранга), Marshall (в больших городах не выбирается), Street Commissioner, Civil Engineer, заведующего пожарным делом (Fire Surveyor), Superintendent of Markets. Трое из последних названных лиц могут также назначаться городским советом. Весь же остальной ряд здесь названных должностных лиц выбирается прямо народом! При этом пропущены еще те из них, которые находятся лишь в одном из двух больших городов — Цинциннати или Кливленде.

Но и без них оказывается следующее количество выборов:

7 —	ежегодных;
21—26 —	один раз в каждые 2 года;
8 —	один раз в каждые 3 года;
2 —	один раз в каждые 4 года;
2 —	один раз в каждые 5 или 10 лет.

В общем, таким образом, каждый гражданин должен ежегодно участвовать в 22 выборах. Это не значит, что он 22 раза, в различное время, должен идти к урнам (ведь часто назначают на один и тот же день выборы различных должностных лиц), но он должен каждый год избрать 22 человека, подходящих, по его мнению, к данной должности.

Достаточно только указать на это требование, предъявляемое к обыкновенному гражданину, чтобы сделать ясным его неисполнимость. Если

только представить себе, что значительная часть выборов происходит на большом пространстве — многие из американских штатов больше, чем Бавария, Баден и Вюртемберг, взятые вместе, некоторые достигают размеров Прусского королевства, даже всей Германской империи, — и что, следовательно (чтобы не царила полная путаница), между жителями города, графства, штата (а при выборах президента и всего Союза) должны вестись некоторые переговоры относительно выставления кандидатов; если представить себе, далее, что выставленные кандидаты должны быть подвергнуты голосованию, то становится ясным, что отдельный избиратель не может при этом быть предоставлен самому себе, что должны быть люди, которые сделали бы себе призванием исключительное занятие выборами, будь то подыскание подходящих кандидатов, составление общих списков, агитация в пользу выставленных кандидатов и т. п.

На заре американской демократии, когда число избирателей и выборных лиц было еще незначительно, — приблизительно до 1824 г., — всей массой избирателей руководили сами законодательные учреждения. Они образовывали из своей среды комитеты — Congressional или Legislative Caucus, — которые и выставляли кандидатов, предлагая народу выбрать их.

Когда же в начале третьего десятилетия XIX в. демократия усиливается, — «демократизируется», т. е. переносится сверху вниз, и эта функция (руководство избирательной массой). Сначала лишь некоторые демагоги во все возрастающем Нью-Йорке с его пестрым населением стараются овладеть избирательным механизмом — в числе первых и известный Аарон Бурр — и при помощи толпы зависимых креатур организуют бесславную гильдию профессиональных политиков, в руках которых с тех пор и находится «дело» политики в Соединенных Штатах, и господство которых возрастает по мере того, как избирательный механизм становится сложнее, а лучшая часть общества все более уклоняется от активного участия в политике.

«Работа» профессиональных политиков — «политиканов» — действительно колоссальна. Избирательный механизм, в постепенно образовавшейся его форме, таков: в каком-нибудь избирательном округе, в случае нужды, деятелями по выборам устраиваются собрания избирателей — так называемые Primaries. В этих последних (конечно, по указаниям устроителей) выбираются делегаты, которые съезжаются затем на так называемый «Conventions». Здесь выставляются кандидаты. Когда список составлен, нужно его провести и в день выборов тащить избирателей (здесь лишь в первый раз появляющихся на сцене) к избирательным урнам — Polls. Этих «Conventions», т. е. собраний делегатов, должно происходить столько, насколько простирается сфера выборов данных должностей. Часто на одном собрании, например, на State-Convention,

выставляется сразу целый ряд кандидатов — губернаторов, помощников губернатора, государственного секретаря, казначея, государственного прокурора, членов Верховного Суда (Supreme Court) и т. д. Нередко, однако, границы выборов отдельных чиновников не совпадают, и тогда приходится созывать много отдельных делегатских собраний. Таким образом, при некоторых обстоятельствах случается, что цепь этих собраний очень длинна. Бывают тогда съезды графств (County Convention); Ward Conventions (окружные собрания в больших городах); City Convention; Conventions для выборов в ландтаг (legislative assembly district convention); Conventions для выборов в сенат (senatorial district), на которых избираются также члены верхней палаты каждого штата; для выборов в конгресс (congressional district); затем judicial Convention и, наконец, уже упомянутые State-Convention и National Convention для выборов президента. В некоторые из этих Conventions члены выбираются прямо на Primaries, в другие (State-Convention и National Convention) — на Convention низшего ранга (legislative districts-conventions). И чтобы эта колоссальная «машина» до известной степени правильно функционировала, все время должна быть в работе значительная группа прекрасно организованных профессиональных политиков. В каждом округе должен находиться штаб выдресированных работников (Workers), руководимых действительными «держателями проволоки» (wire pullers), которые, в свою очередь, содержатся в порядке главными режиссерами (head wire pullers).

Так же точно должны быть велики и денежные средства для правильного функционирования «машины». Нескольких цифр будет достаточно, чтобы сделать это ясным. Брайс определяет стоимость выборов в Нью-Йорке в «обыкновенном» году (т. е. не в год избрания президента) в 700 тыс. долл., из которых 290 тыс. падает на город. Выборная кампания для выбора городского головы в Нью-Йорке дает следующие цифры затрат труда и денег: Таммани (организация демократической партии) устроила 3700 митингов, фюзионисты (их противники) — 4000. Таммани выставила 1500 ораторов, противная сторона — 2500. Расход на литературу равнялся у одних 60 тыс. долл., у других — на 10 тыс. долл. меньше. На обходы и демонстрации с выборными целями обеими партиями было израсходовано 25 тыс. долл. В общем выборная кампания Таммани стоила 900 тыс. долл., а фюзионистам 500 тыс. долл.²⁰ Общие расходы при выборах президента определяются в 500 тыс. долл. Такова, следовательно, деятельность, к которой должна прибегать в Америке партия, желающая

²⁰ *Pomeroy E., M. A. Why I do not join the Socialist Party (Почему я не присоединяюсь к социалистической партии) // International Socialist Review. 1901—1902. Vol. II. P. 647.*

доставить победу своим «идеям». И сразу бросается в глаза, какие из этой ситуации должны создаться затруднения для образования и преуспевания рабочей партии, «социал-демократии», даже если бы это было в самом начале политической жизни. А теперь к этому присоединяется еще то, что «политическая машина» находится уже много лет в руках давно организованных партий. И, следовательно, препятствия для образования новой партии удваиваются: ей приходится иметь дело со старыми партиями, способными на упорную борьбу. Вытекающие из этого положения препятствия для образования самостоятельной социалистической партийной организации заслуживают более подробного исследования.

III. Монополия двух «больших» партий

С первых дней республики в общественной жизни Соединенных Штатов господствуют две большие, почти равносильные партии. Их названия менялись: до начала 20-х гг. они назывались федералистами и республиканцами (демократическими республиканцами); затем (национальными) республиканцами, позднее вигами и демократами, а с 1856 г. — республиканцами и демократами. Относительно внутренней их сущности я буду иметь случай сказать кое-что в другом месте, и там же попытаюсь ответить на вопрос, почему всегда именно эти две партии имели успех в Соединенных Штатах. Здесь же я сначала разберу те причины, которые объясняют монопольное положение обеих господствующих партий, следовательно, причины их притягательной силы.

Прежде всего нужно сказать, что они располагают денежными средствами, необходимыми для поддержания работы грандиозного избирательного механизма, о сложности которого могло дать некоторое представление предыдущее изложение.

Деньги, на которые работают партии в Америке, поступают из трех различных источников.

1. Добровольные взносы богатых членов партии и поступления от общественных подписок, как это происходит и у нас. Только в Америке капитал, перед глазами которого непосредственные результаты политической жизни, более склонен поддерживать значительными суммами те партии, которые обещают ему наибольший успех. Как мы скоро увидим, внутренняя сущность партийных организаций в Соединенных Штатах имеет связь с тем обстоятельством, что то одна, то другая из обеих больших партий получает субсидию от одного и того же капитала. Крупные тресты везде поддерживают партийные предприятия, но «Standart Oil Company» или другое какое-нибудь большее общество будет давать свои деньги в Нью-Йорке демократической партии, а в Пенсильвании — республиканской,

смотря по тому, какая партия господствует или в ближайшем времени имеет шансы господствовать в штате. Словом, партии в состоянии постоянно извлекать большие средства от богатых людей страны²¹.

2. Обложение должностных лиц (assessments) доставляет партийным организациям второй ресурс для добычи необходимых средств. Известный процент их содержания отчисляется в пользу «партийных целей». Брайс определяет годовое содержание городских должностных лиц в Нью-Йорке (в конце 1880 гг.) в 11 млн. долл., а содержание в том же городе 2500 должностных лиц Союза, которые в случае принадлежности к партии одинаково подвергаются налогу, в 2,5 млн. долл. Налог на эти суммы в 2 % принесет партийной кассе 270 тыс. долл., следовательно, около 1¼ млн. марок. В этом обложении в пользу своих партий принимают участие даже городские, рассыльные и простые служащие городских учреждений²².

3. Наконец, богатым источником средств является обложение кандидатов на отдельные должности. Существует обычай, что каждый, кто рассчитывает на место или желает быть выставленным в кандидаты, уплачивает своей партии «стоимость издержек». Этот налог бывает очень значительным. Он равняется обыкновенно годовому (и более) содержанию оплачиваемой должности; в некоторых случаях он даже превышает все жалованье, получаемое должностным лицом за время своей службы²³. Высота суммы, поступающей таким образом в партийную кассу, определяется различно. По одной таксе, данные которой часто приводятся²⁴, в Нью-Йорке стоят: должность судьи — 15 тыс. долларов, место в конгрессе — 4 тыс. долл., долж-

²¹ При этом дело идет о значительных суммах. В Нью-Йорке, например, в середине 90-х гг. существовало 2100 «корпораций» с общим капиталом в 2 млн. долл. Большая часть из них субсидировала господствующие партии, которым и платили «мировые деньги», сумма которых в некоторых случаях достигала 50 тыс. долл. Ср. *Bishop J. The Price of the Peace // The Century. Vol. 48.*

²² «Как вассал в эпоху феодализма, кроме уплачиваемого господину оброка, должен был отбывать у него и воинскую повинность, так же теперь и американский вассал должен своей партии помогать и деньгами, и личной работой. При этом, пожалуй, его обязанности даже тяжелее, чем вассала феодального, так как последний мог откупиться от воинской повинности, между тем, как при «машине» уплата денег совершенно еще не освобождает от обязанности служить в армии партийных «работников» (Брайс. *Op. cit. Vol. 2. P. 112–113.*)

²³ Так, например, демократический Союз в Нью-Йорке требовал за выборы в контролеры 25 тыс. долл., в сенаторы (штата) — 5 тыс. долл. Содержание же контролера за 3 года равняется 10 тыс. долл., сенатора за 2 года — 1500 долл.!

²⁴ Статья «Assessments» в *Amer. Cyclop. of Political Science.* Ср. также: *Bryce J. Op. cit. Vol. 2. P. 113, 139. Ostrogorski M. Op. cit. Part IV. Ch. 4; Part V. Ch. 7.*

ность городского советника — 1500 долл., выборы в городского представителя от 600 до 1500 долл. и т. д. Этот налог дает Таммани ежегодный доход в 125 тыс. долл., противной стороне — приблизительно в 100 тыс. долл.

«Выборная цель», ради которой уплачиваются все эти деньги, прежде всего, есть покупка голосов *pure et simple*. Большую часть голосов негров, голоса многих необразованных пришельцев из полуварварских штатов, голоса босяков больших городов, — всех их можно заведомо купить, и они заведомо и покупаются. Цена колеблется; за голос негра, например, дают в среднем три доллара.

Но огромную массу избирательных голосов, даже и низших классов населения, понятно, нельзя заполучить таким простым способом. Партийные организации умеют, однако, сделать себя популярными в широких слоях беднейшего населения тем, что они поддерживают своими дарами в минуту нужды и горя: этому сужают доллар, тому достают даровой билет на проезд по железной дороге; здесь дадут уголь в холодный день, там подарят курицу на святки; больным покупают лекарство, для покойников достают гроб за половинную цену и т. д.

И наряду с этими хлопотами идет щедрое угощенье в кабаках, по «салонам», где и вообще, пожалуй, совершается главная часть выборного дела. Здесь партийный агент, «Worker», не отсутствующий ни в одном кабаке (часто он же и хозяин последнего), обрабатывает также и всех тех, кого нужно заполучить иным путем, чем деньгами и прямой поддержкой. Каждого избирателя, — как превосходно выразился Острогорский, — агент ухватывает за его слабую сторону: одному нужно полицейское разрешение на производство уличной торговли или открытие «салона»; другой нарушил закон о постройках или имеет какой-нибудь иной грех на своей совести: и все это «машина» приводит в порядок, влияя в пользу своих клиентов на соответствующие инстанции, которые сами (как выборные чиновники!) находятся по большей части в ее руках. Или к делу подходят с другой стороны: партия определяет наказание уклончивому избирателю и тем привлекает его обратно или устрашает, по крайней мере, прочих; она старается, чтобы он, — если он служащий в каком-нибудь учреждении штата или общины, — был уволен; чтобы, — если он предприниматель, — фабричная инспекция за ним следила постороже. Сборщик податей вдвое внимательнее проверяет книги неугодного торговца и открывает, что последний не все уплатил за свое свидетельство. На хозяина трактира, не соблюдающего законных часов, сейчас же налагается штраф²⁵ и т. д.

Вышеизложенное уже достаточно знакомит с тем кругом действий, в котором вращается партийная деятельность в Америке: так как большие

²⁵ См. превосходное изложение *Острогорского* в гл. 6 и 7 части V.

партии имеют деньги, на которые они могут прямо или косвенно купить избирательные голоса, содержать большой штаб, а равно также и весь прочий аппарат избирательного механизма, при помощи которого ведутся выборы; так как, далее, они пользуются всеми средствами, чтобы оказывать поддержку своим приверженцам и вредить врагам, — то они и имеют такой успех, обладают такой притягательной силой, пользуются политической монополией, стоят ли они у власти, или имеют основания надеяться достигнуть господства в следующий раз. И в то же время они владеют средствами приносить счастье и несчастье, располагают необходимыми денежными суммами для поддержания хода избирательной машины, именно потому, что они занимают такое положение, что они владеют силой.

Этот — для всякого постороннего такой роковой — круг выступает, однако, еще гораздо яснее в других явлениях.

Прежде всего в тех выгодах, какие доставляет своим приверженцам господствующая партия в качестве распределительницы должностных мест. Это применимо бесспорно ко всем выборным должностям. Каждый, кто рассчитывает для себя или для своих друзей на подобное место, естественно имеет живейшее побуждение принадлежать к наисильнейшей партии, во всяком случае, к партии, вообще имеющей шансы одержать победу. Охотнику за местами нет расчета быть членом партии, приносящей своим кандидатам десятую или двадцатую часть голосов и — быть может! — раз в десять или двадцать лет достигающей господства. И это рассуждение применимо не только к выборным чиновникам, но также и к большинству из тех, которые получают места путем назначения. Ведь последние также достаются приверженцам господствующей партии.

Так называемая Spoils-system (система добычи) царит в Соединенных Штатах со времени президентства Джексона (1829—1837), но уже и раньше она применялась в некоторых штатах, именно в Нью-Йорке и Пенсильвании. Она заключается в том, что добыча достается победителю — «the spoils to the victor!»²⁶ (добыча — победителю!), а это значит, в общем, что должностные лица назначаются не по их личным качествам, а в зависимости от их партийной принадлежности. И, если принять в соображение, что этот принцип применяется как для высших, так и для низших должностей государства, штата, графства и общины, к государственным секретарям и директорам, равно как и к служащим в конторах и полицейским чинам, то легко себе представить, какую колоссальную притягательную силу для масс имеют те партии, о которых только и можно серьезно говорить при этом «разделе добычи», — следовательно, именно обе «большие партии»²⁷.

²⁶ Это выражение употреблено сенатором Мерси уже в 1820-х гг.

²⁷ Spoils-system царит теперь в Соединенных Штатах уже не так безгранично. Так

Трудно найти достаточно сильные выражения для того, чтобы оценить значение этой тесной связи политических партий с распределением должностей в развитии политических отношений в Америке. Оно заслуживает особенного внимания при изучении причин, обуславливающих слабое проявление социалистического движения. Ведь именно последнее и страдает больше всего при господствующей системе.

Рабочему легко быть социал-демократом, если он наверное знает, что ни в каком случае — даже в случае принадлежности к «правительственной» партии — ему не сделаться промышленным советником, комиссаром выставки или президентом конторы государственного страхования. И как смело (втайне) почтальон или городской может придерживаться социал-демократических воззрений, если он знает, что шансы быть отставленным за это от должности невелики.

В Америке дело обстоит иначе. Здесь, как мы видели, дорога даже к самым скромным должностям лежит через ярмо партийной принадлежности. И все рассчитывающие на «местечко» на государственной или городской службе должны раньше вступить в партию, и не в самый день выборов, а еще заранее проявить себя деятельными партийными работниками. Тогда «благонамеренный образ мыслей» подвергается самому строжайшему испытанию, и не многие выдерживают его. Это же практикуется в больших размерах и по отношению к вождям рабочих, передо-

называемая *Civil service reform* (реформа гражданской службы), целью которой является замещение чиновников по личным качествам кандидатов (посредством сдачи экзамена) или по давности их службы, достигла законом 1883 г. первого значительного успеха. Согласно этому закону, назначается вышесказанным способом, по крайней мере, некоторая часть союзных должностных лиц, так называемый «classified service»; количество последних определяется президентом. В действительности, однако, лишь самая незначительная часть должностных лиц отнята таким образом у «системы добычи». Из Штатов, насколько мне известно, до сих пор только два (Нью-Йорк и Массачусетс) приняли идею реформы гражданской службы. Так же и среди городов лишь немногие (из больших: Чикаго, Новый Орлеан, С.-Франциско, Филадельфия) ввели «merit system», да и то некоторые из них, как, например, Филадельфия, только на бумаге, в других, однако, как, например, в Чикаго, реформа, по-видимому, принесла серьезные результаты. Ср. *Reports of the U. S. Civil service Commission, Washington*. Во всяком случае, до сих пор дело идет лишь о первых попытках устранения «системы добычи», попытках, которые лишь весьма незначительно уменьшили значение этой системы в партийной жизни Америки. Не подлежит, однако, ни малейшему сомнению, что дальнейшее усиление *Civil service reform* окажет решающее влияние на ход общественной жизни, в особенности же на положение больших партий.

вым руководителям рабочего дела. Щедрая награда ожидает их, если они обещают быть верными господствующей партии: хорошо оплачиваемая должность фабричного инспектора и выше, вплоть до секретаря штата, смотря по значению опекаемого таким образом рабочего вождя. Это уже испытанное средство, с давних пор с успехом применявшееся господствующими партиями, — пожалованием доходного места делают «безвредным» влиятельного рабочего вождя. Мы можем проследить это на целом ряде известнейших вождей. Как раз на днях президент Американской федерации труда (Am. Federation of Labor) — в Германии Легиен — должен быть выбран в заместители Каролл Д. Рейта, т. е. в директора департамента рабочей статистики, а Джон Митчелл, победоносный вождь рудокопов, т. е., следовательно, все равно, что Саксе или Гюэ в Германии, получить место младшего секретаря штата в Вашингтоне.

Известно, что таким путем за самые последние годы в Массачусетсе 13, а в Чикаго 30 рабочих руководителей получили государственные должности.

Вот и будь тут «социал-демократом» и требуй «низвержения существующего общественного строя», когда у тебя непрерывно перед глазами «жирный кусок»! У кого хватит самоотвержения проповедовать вечером своим последователям бессмысленность господствующей политики, необходимость социалистического движения, когда только что после обеда ему была предложена от лица одной из «больших» партий кандидатура на доходную выборную должность или обещан жирный «кусочек добычи» при следующей победе на выборах! Но когда, таким образом, влиятельные вожди, всякий раз как они достигают силы и значения в среде своих товарищей, бывают потеряны для оппозиционного рабочего движения, то это является не только прямым выигрышем для больших партий, поскольку дело идет о самой личности вождя и рабочих, подаривших этому вождю свое доверие, но, вместе с тем, и в гораздо большей степени, косвенным усилением их, так как потеря пойманного на приманку должности вождя причиняет чрезвычайный ущерб самостоятельной рабочей партии. Другими словами, большие партии каждый раз из-под носа образующихся социалистических организаций похищают их офицеров.

Во всех вышеупомянутых случаях в объятия «больших» партий отдельные личности были подталкиваемы их личными интересами, желанием в той или другой форме, для себя или для своих друзей, получить некоторую выгоду.

Но не одни личные мотивы притягивают население к старым партиям. В равной степени влияют на него и идеальные моменты.

Прежде всего это общие «политические интересы», интересы организации общественной жизни. Они часто бывают в Америке достаточ-

ными для того, чтобы заставить примкнуть к «большим» партиям именно потому, что они «большие», т. е., следовательно, потому, что лишь при их помощи можно надеяться провести нужную реформу или освободиться как можно скорее от существующих недостатков. Чтобы понять это, нужно ясно представить себе фундаментальную разницу между устройством европейских государств (опять-таки за исключением Швейцарии, к которой применимы до известной степени те же соображения, что и для Соединенных Штатов) и организацией Соединенных Штатов. В европейских государствах влияние народа на ход общественной жизни в лучшем случае возможно лишь при помощи долгих обходных путей образования парламентского большинства. Выбирают представителей в парламент и надеются получить в нем большинство, которое затем и возьмет управление в свои руки: очевидно, очень долгий и далеко не всегда радикальный прием.

Пока совершается этот преобразовательный процесс, в парламенте произносятся красивые речи, излагающие принципы партий, и эти красивые речи приобретают тем большее значение, чем ничтожнее надежды на действительное влияние на государственную машину. При таких условиях всегда есть некоторый смысл выбрать нескольких представителей, которые, хотя и не принадлежат к «большинству», но могли бы говорить в окно народу свои сочувственные тирады: утешение для нации, осужденной на бессилие и бездействие. Поэтому и германский рейхстаг, решения которого совершенно не имеют значения для хода общественной жизни в Германии, является как раз самым подходящим учреждением для партий меньшинства с их ораторами. Всякий знает, что все сказанное Штадгагеном могло бы свободно остаться и несказанным, и от этого не изменилась бы ни одна значительная политическая мера. Но социал-демократический избиратель радуется, когда читает в своем листке эти боевые призывы, и говорит про себя с довольной иронической улыбкой: «Опять им здорово от него попало». Такое отношение создается именно благодаря недостатку «политического смысла», понимания действительного приобретения силы и влияния. Вежливее это называется «идеализмом». И последний-то опять-таки, конечно, больше всего развит в стране «поэтов и мыслителей». По этой-то причине мы, немцы, и являемся прирожденными политиками меньшинства.

В Соединенных Штатах как раз наоборот. Здесь чисто демократическое устройство учит массы добиваться всегда лишь действительных результатов. Так как народные выборы назначают не только представителей в парламент, но также судей и администрацию, то весь интерес с парламента переносится именно на выборы должностных лиц. По некоторым, еще подлежащим исследованию, причинам парламент, в особенно-

сти же палата представителей в Вашингтоне, играет здесь гораздо менее значительную роль, чем парламенты западно-европейских государств, даже меньшую, быть может, чем германский рейхстаг. Напротив, выборами должностных лиц интересуются чрезвычайно. И это объясняется той простой причиной, что при помощи последних гораздо скорее можно достигнуть определенного результата? Для американца гораздо важнее устранить нелюбимого губернатора или судью, чем послать хорошего оратора в Вашингтонский парламент. И для каждого народа, также и для немецкого, это было бы важнее. Представьте себе только, что рабочие Берлина могли бы в эпоху закона против социалистов удалить государственного прокурора Тессендорфа, или в настоящее время разогнать уголовный суд, известный своими драконовскими наказаниями за преступления при стачках, или какому-нибудь вообще нелюбимому суду отомстить тем, что дать ему отставку на ближайших выборах!

Американский рабочий может это сделать, хотя, во всяком случае, ценой, которая многим покажется слишком высокой; именно, он должен примкнуть к одной из больших партий. Ведь только с их помощью возможно успешное влияние на результаты выборов.

На отдельных примерах можно ясно проследить, как на самом деле этот род соображений снова приводит рабочих к большим партиям, от которых они, быть может, уже готовы были отвернуться. Особенно поучительна история последних выборов в штате Колорадо. Здесь за социалистических кандидатов было уже в 1902 г. подано очень значительное число голосов. В 1903 г. вспыхнули крупные стачки, которые (как это часто случается в Америке) привели к форменной гражданской войне. Бросались бомбы, сжигались здания, была созвана милиция, происходили сражения рабочих с войсками, виднейшие рабочие вожди были высланы декретом губернатора, все газеты были переполнены сообщениями о «Civil war in Colorado» (гражданской войне в Колорадо), раздражение среди рабочих достигло небывалой степени.

По немецким представлениям, нужно было бы сказать: число социал-демократических голосов в этом штате должно было колоссально увеличиться. А как было в действительности? Число поданных за социал-демократических кандидатов голосов в 1904 г. равнялось лишь половине поданных за два года перед тем! Объяснение этого, для нас непонятного, факта очень простое, если принять во внимание политические отношения в Соединенных Штатах: бывшие социал-демократические избиратели перешли в лагерь демократической партии, чтобы активно поддерживать ее в борьбе против ненавистного губернатора Пибоди (в котором с полным правом видели душу всего враждебного рабочим поведения властей во время стачек). И посмотрите, расчет оправдался: республи-

канский губернатор не был избран вновь, а замещен демократическим. И если бы даже действительные отношения не изменились при управлении новым лицом, то все же была удовлетворена потребность в мести и нанесен чувствительный удар ненавистному врагу. А это всегда действует хорошо и сильнее, чем стихотворение Людвиг Тома.

Кроме этих рационально-практических соображений, еще целый ряд неопределенных ощущений притягивает американца к большим партиям и крепко удерживает его там.

В моих предварительных замечаниях я уже указывал на то, как сильно развита в американце страсть к измеримой величине, к большим цифрам, и как эта страсть приводит его к переоценке внешнего «успеха». И, конечно, такой характер мысли толкает к политике большинства. Для американца невыносимо быть членом партии, которая на каждом выборах получает лишь незначительное количество голосов, которая в ближайшее время не достигнет ощутимых результатов и судьба которой, вследствие этого, представляется несколько комичной в день выборов, когда экстаз цифрового успеха больших партий достигает высших ступеней, когда во всех газетах колоссальными буквами объявляется успех на выборах их кандидатов, когда на могучих транспарантах, которые воздвигаются в день выборов президента у всех больших редакций, красуются сообщенные по телефону цифры поданных голосов. Представитель политики меньшинства должен со страдальческим видом спокойно стоять в стороне, а это совсем не по вкусу горячему темпераменту американца.

Далее, страсть к крупным величинам в связи с радикально-демократическими основами политического устройства развили в американце слепое преклонение перед большинством; последнее, по его мнению, всегда стоит на правильном пути; иначе оно не было бы большинством. Как могут ошибаться массы народа? Это именно то, что Брайс превосходно назвал «fatalism of the multitude» (фатализм большинства).

К этому почтению перед широкими массами избирателей присоединяется еще склонность американцев объединяться с себе подобными для совместных действий, — как бы некоторая стадность²⁸. Это стремление, которое само по себе должно было бы лишь привести к образованию партий — больших или маленьких, — здесь опять-таки служит на пользу больших партий, так как оно связано с сильным чувством верности и преданности раз избранному стаду. Последнее выражается в форменном партийном фанатизме, фанатической партийной лояльности (fanatical Party

²⁸ «Все они стадны: каждый человек более расположен идти с большинством и поступать так, как все поступают, чем избирать свой собственный путь» (Bryce J. Op. cit. Vol. 2. P. 46).

loyalism), как выражается Острогорский. А чтобы вполне удовлетворить эту потребность в партийной принадлежности, нужно быть членом «большого» союза, которым можно было бы гордиться. Мне кажется справедливой мысль Острогорского, что все эти душевные побуждения находятся в связи с тем фактом, что у американцев мало естественных общественных связей, и что потому они со страстью одиноких людей примыкают к большим организациям старых партий. Много верного заключается также и в следующих выводах: «Подобно тому, как древний грек, который в самых отдаленных колониях находил свои национальные божества и огонь священного очага его родного города, так и американец при своем бродячем существовании находит повсюду, от Атлантического океана до Тихого, от Мэна до Флориды, или республиканскую организацию, или демократическую организацию, которая как бы переносит его домой, дает ему опору и заставляет его с гордостью повторять крик нью-йоркского политика: «я — демократ», или «я — республиканец!»²⁹

Таким образом, много разнообразных причин как материального, так и идеального свойства ведут к тому, что «большие» партии остаются большими и мощными и сохраняют благодаря этому свою политическую монополию; они пользуются этой монополией потому, что они «большие» партии, и они большие партии потому, что обладают монополией.

IV. Неудачи всех «третьих» партий

Старые большие партии Америки с полным правом сравнивали с колоссальными трестами, обладающими такими огромными капиталами и так безраздельно проникающими во все области жизни, что наряду с ними исключается всякая возможность конкуренции «третьих» партий. Лишь только появляется конкурент, старые партии тотчас же напрягают все усилия, чтобы устранить его. В случае нужды, они даже соединяются на короткое время, чтобы сообща разбить опасного соперника.

Таким образом, *история «третьих» партий* в Америке является грустной историей постоянных поражений, дающей мало надежды для будущего. Беглый взгляд на сделанные до сих пор напрасные попытки пошатнуть единовластие старых партий подтвердит справедливость сказанного. При этом я ограничусь лишь более известными «образованиями» (партий), и мой список не будет претендовать на обстоятельность.

1830 г. — Anti Masonic Party (Антимасонская партия) своим происхождением обязана случайному происшествию (исчезновению одного бывшего члена масонской ложи, относительно которого подозревали, что

²⁹ Ostrogorski M. Op. cit. Vol. 2. P. 591.

он убит своими прежними товарищами), и выражала некоторые антипатии к тайным обществам. Она исчезла, просуществовав на политической сцене несколько лет.

1840 г. — Abolitionists (позднее Liberty Party, Free soilers) вели войну против полигамии и рабства. В 1850-х гг., не достигнув какого бы то ни было значения, слились с республиканской партией.

1834 г. — Native American Party; ее программа: недопущение к общественным должностям всех неуроженцев Америки и т. д., нашла некоторую почву в Нью-Йорке, Филадельфии и нескольких других штатах; она скоро погибла и в 1844 г. возродилась под именем «Know-nothings»³⁰. В 1850-х гг. Know-nothings пользовались некоторым значением. В 1855 г. они победили на выборах губернаторов и членов ландтага в Нью-Гемпшире, Массачусетсе, Род-Айленде, Коннектикуте, Нью-Йорке и Калифорнии и частью в Мериленде. В Виржинии, Джорджии, Алабаме, Луизиане, Миссисипи и Техасе демократическому большинству был нанесен ими значительный ущерб. В 1856 г. они создали свой первый — и единственный — национальный съезд, и в этом же году на выборах президента они получили все-таки 874 534 голоса против 3 179 433 голосов обеих больших партий, но провели выборщиков только в Мериленде (8 из общего числа 296).

Через несколько лет после этого Know-nothings исчезли.

1872 г. — Prohibition Party (Prohibitionists); ее программа: государственная борьба с алкоголизмом. Прямые выборы президента. Civil Service Reform, понижение почтового, железнодорожного и телеграфного тарифов. Право женщин участвовать в выборах. Здоровая валюта (разменные бумажные деньги). Число ее голосов с первого года ее появления до 1888 г. возросло с 5608 до 246 876 и с тех пор колеблется около этого уровня. Партия существует еще и сейчас; в 1904 г. она имела 260 303 голоса.

1872 г. — Greenback-Party. Первоначально партия исключительно для реформы валюты (устранение билетов национального банка, объявление бумажных денег единственной ходячей монетой, разрешение делать все платежи бумажными деньгами и т. п.). В 1877 г. партия, вербовавшаяся первоначально из фермеров и мелких торговцев, получила некоторую поддержку также и в рабочих кругах. Тогда она переименовалась в Greenback Labor Party. Число ее голосов вдруг возросло: в 1876 г. до 81 740, 1878 г. — 1 млн., а затем также быстро упало: уже в 1880 г. оно равнялось 308 578, в 1884 г. — 175 370, и вскоре после этого партия совсем перестала существовать. В 1886 г. Knights of Labor сделали попытку в лице Union Labor

³⁰ Название Know-nothings произошло оттого, что члены партии — бывшей наполовину тайным орденом — на все вопросы об их организации и т. п. должны были отвечать: «I know nothing» («Я ничего не знаю»).

Party оживить старую Greenback Party. На выборах президента 1888 г. эта партия получила 146836 голосов. Затем исчезла также и она.

1890 г. — Peoples Party (Populists). Состоит из приверженцев Farmers Alliance'a (радикального крестьянского союза), Knights of Labor, Single-tax Clubs (Генри Джордж!) и др., с ясными мелкобуржуазно-демократическими тенденциями. В ее программе, с неслыханной даже для американских партий спутанностью, выставлены, между прочим, следующие требования: свободная чеканка серебра; передача в ведение государства всех больших путей сообщения, основание почтово-сберегательных касс; «вся земля, принадлежащая корпорациям и иностранцам, должна быть передана в руки обрабатывающих ее»; введение референдума; прямые выборы президента; установление законом 8-часового рабочего дня; уничтожение Pinkerton police.

Популисты достигли успеха, небывалого еще до тех пор для «третьих» партий в Соединенных Штатах. Уже на выборах президента в 1892 г. они получили 1 055 424 голоса и — что еще важнее — провели 22 выборщика; со времени Гражданской войны это случилось впервые, что третья партия смогла провести выборщиков. В 1894 г. число их голосов достигло 1 564 318; в 1896 г. партия уже принадлежала истории. Демократическая партия (которая тогда в своих рядах выдерживала жестокий серебряный кризис) почти совершенно поглотила популистов, которые голосовали все за серебряного демократа Бриана. Сохранилось лишь незначительное количество популистов, имевших в 1900 г. — 50 тыс. голосов за Баркера, в 1904 г. — 114637 за Ватсона.

Эта трагическая судьба всех «третьих» партий, конечно, только способствовала увеличению препятствий для возникновения независимой партии. Она вызвала недоверие к «третьим» партиям как к таковым. На основании бесчисленных неудач «третьих» партий строят заключения об их характере вообще. При этом, конечно, в интересах больших партий распространять в народе воззрение, что все «третьи» партии «утопичны», нежизнеспособны, «не соответствуют американскому характеру» («unamerikanisch») и т. п. Большие партии черпают новые жизненные силы из жалкой гибели их конкурентов. И для успешного развития самостоятельной социалистической партии вытекают отсюда новые затруднения.

Но, может быть, почтенный читатель не удовлетворен вышеприведенными доказательствами. Действительно ли, — спросит он, — лишь внешнее положение партийных организаций задерживало до сих пор в Соединенных Штатах развитие социалистического движения? — и возразит против такого предположения следующее: указание на фиаско всех «третьих» партий ведь не является же неотразимым доводом. Разве все те партии погибли не вследствие их собственной слабости? Ведь они были

нежизнеспособны, так как им не доставало ясного стремления к определенной цели, так как они не базировались на равно заинтересованных группах населения. А разве социалистическое движение не отличается от всех названных общественных течений именно тем, что оно опирается на общие интересы?

И не достигнет ли, в конце концов, своего, несмотря на силу старых организаций, партия, преследующая действительно великие цели, действительно служащая общим интересам широких масс? В истории партий в Соединенных Штатах мы даже находим один чрезвычайный пример того, как при экстраординарных обстоятельствах оказалось возможным нарушить монополию «больших» партий и возникнуть новой жизненной партии: ни более, ни менее, как теперешней республиканской партии, выросшей в эпоху одушевления войной за уничтожение рабства и сумевшей сохранить быстро занятое положение. Правда, в то время, когда родилась республиканская партия (ее возникновение относится к 1854 г.), положение было еще значительно благоприятнее для появления «третьих» партий. Партийная дисциплина не была еще так строга, на Западе, где новая партия пустила первые корни, партийная организованность была еще вообще слабо развита. И вся замысловатая «машина» была создана как раз лишь после Гражданской войны и именно самой республиканской партией.

И все-таки могут сказать: что удалось одной партии при боевом кличе — «освобождение черных рабов», должно — даже при самых неблагоприятных обстоятельствах — удастся теперь той партии, которая своим лозунгом выставила гораздо более могучее и всеохватывающее требование: «освобождение белых рабов от власти капитализма», «освобождение пролетариата». Если бы, действительно, оказалось возможным объединить вокруг этой программы широкие слои рабочего населения, пробудить, следовательно, их классовое самосознание, то их победного шествия — думается мне — не задержать ни сложной машине выборов, ни давно установившейся монополии больших партий.

Итак, чтобы исчерпывающим образом изложить причины, задерживавшие до сих пор рост социализма в Соединенных Штатах, нужно направить исследование в более глубокие области. Придется поискать более скрытые причины. И я думаю, при сколько-нибудь внимательном отношении к делу их нетрудно найти. Они находятся в значительной своей части — и с этой точки зрения и должны быть здесь изложены — опять-таки в области политических отношений. Но нужно познакомиться не только с внешним обликом политических отношений американского Союза, но также и с их внутренним содержанием. То же самое нужно сказать и про партийные отношения. Верно то, что большие партии обладают

«избирательной монополией» («electoral monopoly»), потому что они «большие», потому что овладели искусной «машиной». Но сохранению этой монополии содействует также и их характер. Они еще и сейчас являются партиями преобладающей части пролетариата в силу тех (внешних) оснований, на которые я указал, — верно и это. Но, несмотря на все эти основания, они не были бы тем, что они есть, если бы они по самой своей природе не делали для рабочего, — и даже для сознательного рабочего, — вполне возможным вступление в них. Почему это так, я сейчас постараюсь объяснить.

V. Внутренняя сущность господствующих партий

Для обычного культурного европейца американские партии представляют собой прямую загадку. Уже сами названия! Я живо помню то время, когда я впервые начал интересоваться политикой: как трудно было мне решить, какой из двух больших партий должен я отдать предпочтение! Кроме их названий, не знал я о них ничего больше. А последние нравились мне и у той, и у другой, так что выбор был чрезвычайно затруднителен. В то время как в каждой другой стране я все же находил хотя бы одну партию, носящую имя «крайней левой», или «радикальной», «прогрессивной», или даже «свободомыслящей народной партии», здесь я стоял между двумя названиями американских партий, как Буриданов осел между двумя связками сена; «демократическая» звучала для меня так же заманчиво, как «республиканская»; при всем желании я не мог догадаться, которая из партий «радикальнее» (ведь, заранее я уже решил, что мои симпатии принадлежат наиболее радикальной). Я находил, что и «демократы» могли быть «левее» «республиканцев», и наоборот: «республиканцы» — «демократов».

Это мучительное чувство мальчика было вполне естественно. И для зрелого решения должно было казаться загадочным противопоставление этих двух имен, а для того, кто хотел бы основательно познакомиться с сущностью обеих партий, их официальные названия были бы мукой.

Ведь, действительно, эти обозначения партий не только не выражают их противоположности, но даже не указывают на их различие. Они совершенно бессмысленны. Приходится, следовательно, оставить названия в стороне и обратиться к программам, в которых должны же быть, если и не исключают друг друга различия, то все же какая-нибудь разница в точках зрения. Но даже и это предположение не оправдывается. В программах обеих американских партий нет и следа какого бы то ни было основного различия во взглядах на важнейшие вопросы политики.

Обыкновенно их различают по их отношению к государству и отдельным штатам: республиканцев называют централистами, а демократов —

партикуляристами. Но и это различие теперь скорее лишь историческое и теоретическое, чем действительно влияющее на практическую политику. Ведь уже много лет, как противоположности между интересами государства и отдельных штатов едва проявлялись. А если бы и возник действительный конфликт, то еще большой вопрос, как поступила бы каждая партия; их положение определилось бы, вероятно, тем, в каком случае можно бы было надеяться на большее усиление позиции. Определить разницу между демократами и республиканцами, как разницу между партикуляризмом и централизмом, значит сказать о внутренней сущности этих партий еще меньше, чем, если бы мы захотели при помощи этого же признака разъяснить различие между консерваторами и национал-либералами в Германии. Это было когда-то. Но это было давно!

А во всех других решающих вопросах политики разница между республиканцами и демократами еще ничтожнее.

Одно время между партиями было резкое разногласие по вопросу о валюте. Демократы поддерживали интересы владельцев серебряных рудников и стояли за свободную чеканку серебра. Теперь тот пункт уже более не может служить признаком различия между республиканцами и демократами. Спор о правильной финансовой политике (поскольку он еще ведется) перенесся скорее уже в ряды самих демократов: существуют золотые и серебряные демократы.

Иногда может показаться, будто демократическая партия склоняется больше к принципу свободной торговли, а республиканская — больше к протекционизму. Но не следует забывать, что демократы стоят за свободу торговли, за уменьшение запретительных пошлин — из оппозиции к господствующей республиканской политике. Если бы у них самих в руках была власть решения, то их симпатии к свободной торговле очень скоро значительно понизились бы. Ведь нельзя забывать: Пенсильвания склонна к протекционизму вследствие своей железодобывающей промышленности; Северная Джорджия и Южный Теннесси по той же причине склонны к тому же. Луизиана требует пошлин в интересах своей сахарной промышленности. Демократическая партия не может не принимать во внимание этих важных штатов. Поэтому она никогда не высказывается слишком резко в пользу свободной торговли и также требует введения тарифа, но только скорее с точки зрения финансовой политики. А с другой стороны, и в рядах республиканцев насчитывается немало количество приверженцев свободной торговли.

В вопросе об отношении к алкоголизму, который так волнует Северную Америку, обе партии принуждены одинаково лавировать и не высказываться определенно. Каждая из них может причинить себе чувствительные потери, если энергично присоединится к антиалкогольному

движению; пьяницами преимущественно являются ирландцы и немцы. Из них первые являются по большей части демократами, вторые — республиканцами.

Почти также неопределенно отношение обеих партий к вопросам Civil service reform (к ней они обе одинаково враждебны и с одинаковой горячностью уверяют в своих симпатиях к ней), законодательного регулирования трестов, железнодорожных, телеграфных и телефонных обществ и вообще к вопросу о государственном вмешательстве. Что сказано относительно всех этих и других подобных пунктов в «платформах» — по большей части лишь пустые фразы: будут приложены все старания посвятить постоянное внимание вопросу и решить его таким образом, который более всего отвечает интересам общества и вполне соответствовал священным традициям государства; словом, сначала говорят вокруг да около, а потом, когда приходит дело до расплаты, стараются прилично улизнуть.

Мне кажется, по отношению к обеим большим партиям Соединенных Штатов было бы вполне правильным освободиться от всех представлений о сущности политических партий, составленных на почве европейских отношений. Именно: в американских партиях не следует видеть группы людей, объединенных для защиты общих политических принципов. Вначале они, быть может, и были таковыми. Пожалуй, можно принять, что в первые десятилетия существования республики защитники более централистического направления были приверженцами республиканской партии, а представители антицентралистической, самостоятельной для каждого штата, политики — приверженцами «федералистов», или что первые более склонялись к принципу «порядка», а вторые — к принципу «свободы», на чем Брайс и хотел основать различительный признак. Как бы то ни было, поскольку дело шло о принципиальном различии, к концу второго десятилетия XIX столетия, в 1820 г., этот признак уже принадлежал истории. Когда Ван-Бурен в 1824 г. организовал оппозицию против только что избранного Джона Квинса Адамса, ему уже трудно было найти подходящий повод для войны. Он нашел его, наконец, в защите якобы находящихся в опасности «State rights» (государственных прав), которым, однако, в действительности никто и не думал угрожать. Как известно, он выдвинул Джексона и мастерски сумел из ничего разжечь энтузиазм в пользу нового человека; Джексон вскоре выступил как защитник «священных прав народа» (совершенно так же признаваемых, понятно, и его противником, как и им самим). Можно было бы подумать, что у новой партии были действительно более сильно выраженные демократические тенденции. Но и об этом не может быть речи. И противники ее не оставили неиспользованными демократические фразы. Ван-Бурен

испытал это на собственной шкуре. После Джексона он был выбран в президенты, а конкурировавшим с ним кандидатом был Гаррисон. При этом Гаррисон выставлялся своими приверженцами как «действительный сын народа», в противовес Ван-Бурену, совершенно так же, как последний выставлял Джексона против Адамса. Гаррисон был кандидатом «хижин», сын народа, человек умеренной, простой жизни, обладающий всеми добродетелями обыкновенного, простого человека, в то время как Ван-Бурен жил во дворце, ел на золоте и т. д.³¹

Итак, причины, вызвавшие первоначально к жизни различные партии, утратили свою силу. Исчез, следовательно, *raison d'être* партий. И если бы партии действительно являлись лишь защитницами определенных политических принципов, то прямым следствием из такого положения должно было быть их распадение. Но они не распались, однако, отчасти вследствие своей собственной устойчивости, отчасти ввиду новой цели, которую могут преследовать в демократическом обществе политические организации, именно: ввиду охоты за должностями.

Организации, не достигшие еще господства, считают теперь своей единственной задачей самим захватить власть в свои руки, чтобы поделить «добычу» между своими приверженцами. А так как население с самого начала распалось (по внутренним причинам) на два лагеря, то и на будущее время осталось это двойственное разделение политических организаций (которое само по себе, при беспринципном характере партий, совершенно не было нужно; должна была существовать лишь одна партия — охотников за должностями; двойную же ее форму обусловил, как было сказано, исторический «случай»).

Затем — в эпоху Гражданской войны — произошло некоторое изменение: отношение к вопросу о рабстве представило случай снова, наконец, сразиться за «принципы».

Республиканская партия выступила с резко определенной программой, главным пунктом которой являлась беспощадная борьба с рабством. Но, еще скорее, чем в первые десятилетия республики, и еще радикальнее исчезло и это основание для партийных разногласий. Вместе с падением рабства и республиканская партия должна была бы сойти со сцены. Но и на этот раз она не распалась. И тут-то ясно выступила полная беспринципность обеих больших партий. Они, действительно, в настоящее время не более чем организации для совместной охоты за должностями: «Все было потеряно, кроме должности, или надежды на нее» (Брайс);

³¹ На параде в Балтиморе (в 1840 г.) приверженцы Гаррисона носили знамена с подписями: «Гаррисон — друг бедного человека», «Мы заставим рабов дворцов уважать хижины». Ostrogorski M. Op. cit. Vol. 2. P. 74.

«Политика есть только средство для получения и раздачи мест» (Острогорский)³².

Особенно ясно видно это из того факта, что Соединенные Штаты — демократия *par excellence* — совершенно не знают «правления партий». Собственно говоря, в вашингтонском конгрессе совсем нет никаких «партий». Строгая дисциплина, господствующая на выборах, не переступает порога парламента. Здесь каждый отдельный представитель действует по собственному свободному усмотрению. Вся политическая деятельность выражается в отдельных частных вопросах, по отношению к которым каждый депутат может принимать то или другое решение, сообразуясь либо с видами правительства, либо с различными интересами определенных групп, посылающих в парламента своих представителей. В силу этого и все главные решения принимаются в комиссиях, так что значение общих собраний сводится к нулю. В связи с этим фактом находится также и другое, на европейский взгляд в высшей степени странное, явление, именно то, что исполнительная власть и большинство законодательного собрания могут так же часто принадлежать к различным, как и к одной и той же, «париям». Со времени отставки Джексона и до конца столетия (исключая лишь годы Гражданской войны, когда вообще враждующие штаты не собирали конгресса) не было ни одного президентства, во все продолжение которого президент и большинство конгресса принадлежали бы к одной и той же партии. По большей части после каждых двух лет президентства в конгресс посылается «враждебное» президенту большинство³³.

И, если обе большие партии мало отличаются друг от друга политическими принципами, то также мало носят они и классовую окраску. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько значительную роль при образовании политических партий играли первоначально классовые интересы, — по-видимому, «федералисты» были партией коммерческого и промышленного капитала в Штатах Новой Англии, а тогдашние «республиканцы» — партией мелких фермеров, — во всяком случае, это различие по классовым признакам уже во время Джексона было ничтожно (ведь, мы слышим уже тогда «антикапиталистическую» ноту и в той, и в другой партии) и окончательно исчезло при образовании республиканской партии в эпоху Гражданской войны. Даже если сделать попытку

³² «Когда отсутствует действительное различие интересов и принципов, а партии еще существуют, они становятся по необходимости личными и сражаются только из-за власти. Тогда становится неизбежной политическая развращенность» (Pasquale Villari).

³³ См. цифры у Hopkins'a.

(которая, однако, как мне кажется, совершенно до сих пор не удавалась) все движение, приведшее к освобождению рабов и гражданской войне, объяснить исключительно классовыми интересами и применить к нему вывезенные из старой Европы формулы борьбы капитализма с феодализмом, причем республиканцы являются представителями класса капиталистов, — то, ведь, теперь и эта противоположность совершенно утратилась. Ведь именно «негритянский вопрос» сгладил классовый характер обеих партий и содействовал тому, что партийная группировка определяется теперь больше по географической территории, чем принадлежностью к тому или другому классу.

Так как именно негры — «по старой приверженности к своим освободителям» — голосуют почти все за республиканцев, то само собой понятно, что все элементы населения южных штатов, принадлежащие к «хорошему обществу», — будь то белые фермеры, крестьяне или помещики, промышленные или торговые предприниматели, мелкие буржуа или лица либеральных профессий, — все они голосуют за демократов. Другими словами, «господствующий класс», который в северных и средних штатах, быть может, склоняется больше к республиканской партии, в южных штатах принадлежит к партии демократической.

Наряду с этими географическими различиями крупную роль в группировке партий играют также и национальные различия эмигрантов. Ирландцы почти все целиком демократы: потому ли, что в качестве католиков они были оттолкнуты первоначально пуританской строгостью республиканцев или, быть может, потому, что они основались первоначально в Нью-Йорке, когда последний уже находился в руках демократов. Немцы же, напротив, сочувствуют преимущественно республиканцам: по мнению одних, потому, что из естественной оппозиции к ирландцам они искали «другой» партии, а, может быть, и потому — как с полным правом полагают другие, — что они в качестве фермеров поселились в средних и западных штатах, где уже укрепилось республиканское большинство, к которому они попросту и примкнули. Словом, как ни старайтесь, при всем желании невозможно теперь открыть определенной классовой окраски обеих больших партий Америки.

Своеобразный характер «больших» партий, как я пытался изложить на предыдущих страницах — их внешняя организация, отсутствие основных принципов, их социальная смешанность, — имеет решающее значение для интересующего нас здесь вопроса: именно, он очевидным образом влияет на внутренние отношения старых партий и пролетариата. И прежде всего в том направлении, что чрезвычайно облегчает возможность последнему принадлежать к этим традиционным партиям. Ведь, в них привыкли видеть не классовые организации, не защитниц специ-

фически классовых интересов, а скорее совершенно индифферентные союзы для достижения целей, не чуждых, как мы видели, и представителям пролетариата (охота за должностями!), а поэтому даже и для «сознательного» рабочего не составляет *sacrificium intellectus*, чтобы примкнуть к той или другой из двух партий. К той или другой, говорю я, — ведь и рабочие также вступают в ту или другую партию, смотря по местным условиям.

И этот своеобразный характер старых партий не только определяет отношение к ним пролетариата, подобного какому нет ни в одном из европейских государств, но и обратно: он влияет существенно и на отношение партий к пролетариату, он создает между ними дружеские отношения, или вернее, поддерживает эти традиционно-добрые отношения.

В характере обеих партий, без сомнения, есть много действительно народного, и не в том только смысле, что каждая из них может указать в своей истории эпоху, когда она выступала на защиту «попранных» интересов какого-нибудь класса. В лавровом венке республиканской партии еще не завяли цветы, свидетели ее борьбы за освобождение рабов. Демократы выступали в качестве заступников эксплуатируемых фермеров и т. д.

Но гораздо важнее то, что и сейчас корни их организаций находятся в народной массе. Их «деятели», большая часть их «работников» («*worker*»), выходят из самых низших слоев народа и часто достигают высших ступеней партийных лестниц. Система, применяемая в католической церкви, оказывается и здесь действительной: основанная на чисто демократическом базисе, иерархия партийной организации обеспечивает последней доверие народа. Когда какой-нибудь простак кутит в трактире с «*worker*'ом», то он знает, что имеет дело со своим человеком, и что «босс» вышел из его рядов. А именно доверие, по моему мнению, является существеннейшим фактором для партийной организации. Оно несравненно важнее, чем самая лучшая программа. Так, например, огромная притягательная сила социал-демократии в Германии покоится в значительной части на доверии, питаемом массами к своим вождям, особенно к страдавшим за их интересы; отсюда продолжающееся и по сей день значение закона против социалистов как фактора, укрепляющего партию.

При этой, основанной на чувстве, симпатии между народом и признанными представителями партий нельзя обойтись без оговорок. Партии должны из предусмотрительности заботиться о том, чтобы поддерживать в массах хорошее настроение духа. Ведь успех их на выборах зависит от голосов широких масс. А пролетариату (как и всем низшим слоям народа) очень выгодно то обстоятельство, что две большие партии конкурируют между собой. Ведь из этого следует, что обе партии должны стараться всевозможными увертками — главным образом, конечно, уступками (по крайней мере,

в некоторых вопросах) имеющему такой вес рабочему классу — заслужить или сохранить благоволение этого класса избирателей.

Чтобы вполне использовать это затруднительное положение господствующих партий, представители рабочих интересов стали применять в последнее время своеобразную «систему»: так называемую «System of questing candidats» (систему опроса кандидатов). Противники этой системы (приверженцы социалистических партий) презрительно называют ее «begging policy» (политика нищих)³⁴, но у широких масс организованных рабочих Америки она, по-видимому, пользуется большой симпатией. Заключается она в том, что представители интересов рабочих — следовательно, вожди профессиональных союзов и рабочих картелей — предлагают тщательно составленный список вопросов кандидату, рассчитывающему на голоса рабочих, и в зависимости от его ответов принимают решение: голосовать за него или нет.

Насколько мне известно, первоначально этой «системой» воспользовались в середине 1890 г. в Виннетке, в Иллинойсе (потому она и зовется системой Виннетки), и при этом не столько в целях защиты интересов определенной группы населения, сколько в надежде с ее помощью воспользоваться «всею совокупностью» мнимых выгод «прямого народного законодательства». В ней видели «систему, при посредстве которой народ может на практике применить принцип прямого законодательства без всяких перемен в писаной конституции штата или местной партии».

В 1901 г. ее приняла и Американская федерация труда. Было решено выпустить экстренный номер «Федератиониста», в котором эта система разъяснялась и рекомендовалась. Этот номер вышел в январе 1902 г. и получил широкое распространение³⁵.

С тех пор «система» эта применяется — и, как утверждают, с успехом — в различных штатах. Но постоянным приемом в политике профессиональных союзов рабочих она стала лишь в 1904 г. Именно 15 июля этого года Executive Council, исполнительный комитет Американской федерации труда, обратился ко всем входящим в него центральным союзам и местным отделам с особым посланием, в котором настоятельно советовалось применять Виннетка-систему. К посланию были приложены два образчика опросных листков для членов конгресса и законодательной палаты, и в нем же, вместе с тем, указывались пункты, вокруг которых, главным образом, должна была концентрироваться политика Американской федерации труда и ее членов. Пункты следующие:

³⁴ См.: Lee A. Labor Politics and Socialist Politics. 3rd ed. N. Y., 1903; Spargo J. Shall the Unions go into Politics. N. Y., 1903.

³⁵ Extra Number of «American Federationist». 1904. Vol. XI. No. 7 A.

1. Введение инициативы и референдума.
2. Издание (государственного) закона, который устанавливал бы 8-часовой рабочий день во всех государственных предприятиях.
3. Издание акта против «инъюнкции», т. е. закона, который затруднял бы ограничительные меры против рабочих во время забастовок посредством судебных «приказов о задержании».

Антисоциалистические вожди профессиональных союзов возлагают большие надежды на эту систему. Они не сомневаются, что при ее помощи будет окончательно устранена угрожающая опасность возникновения самостоятельной (социалистической) рабочей партии. Другие же в введении этой системы опроса видят начало конца старого порядка, так как они думают, что неудачи, которые, по их мнению, должны постичь рабочих, причем именно система санкционирует их участие в политике, как класса, с неизбежностью приведут их к разрыву со старыми партиями. Я не могу здесь высказывать моего взгляда на этот вопрос, так как моя задача сейчас не в выяснении возможного развития в будущем, а лишь в определении тех причин, которые *до сих пор* задерживали развитие сильной социалистической рабочей партии в Соединенных Штатах. А к числу этих причин в первую очередь принадлежит, без сомнения, и то обстоятельство, что рабочие, даже после того, как они стали вести «самостоятельную политику», верят (а это только и важно для преследуемой здесь цели) в возможность достижения всех нужных выгод удачным использованием старой политики соревнования двух партий. Эта вера, с давних пор ими инстинктивно питаемая и поддерживаемая охарактеризованными мною своеобразными чертами американских партийных отношений, получила теперь в установлении Виннетка-системы лишь свое догматическое завершение. Поэтому я и должен был упомянуть здесь об этой системе, хотя ее влияние относится скорее не к прошлому, а к будущему.

VI. Положение американского рабочего в государстве

Приведенные мною соображения относительно своеобразного положения в политической жизни американского рабочего делают — я надеюсь — понятным, почему пролетариат в Соединенных Штатах до сих пор медлит с образованием своей собственной партии, и объясняют — если можно так выразиться — отсутствие официального выступления социалистических воззрений. Но почему сами эти воззрения так слабо развиты в Америке, почему в широких слоях американского рабочего класса царит известный нам дружелюбный к государству и обществу образ мысли, — это не выяснено еще достаточно. Ведь мы не можем все-таки так низко оценивать американских рабочих, чтобы все их проявления радостного

оптимизма объяснять исключительно надеждами на получение выгодного местечка на государственной службе. Здесь также мы должны доискиваться более глубоких причин нерасположения американского рабочего к социалистическим стремлениям. Мы находим их также по большей части в своеобразном характере его политического положения. В особенности же занимаемое им в государстве политическое положение объясняет его любовь к этому государству.

Многими отмечалась та особенность американского гражданина, что в устройстве своей страны он видит как бы род божественного откровения, и потому питает к нему благоговейное почтение. К Конституции он относится, как к чему-то священному, чего не должна касаться критика смертных. Справедливо говорили о «конституционном фетишизме» («constitutional fetichworship») американцев³⁶.

Это воззрение у американского рабочего воспитывается со школьной скамьи всей общественной жизнью. И у него нет никаких оснований изменять привитое таким образом мнение, когда он даже подвергает его самостоятельной критике. Ведь и действительно, ему, как представителю широких масс «народа», предоставлены этим устройством все права, на какие он только может претендовать³⁷.

Мы уже познакомились отчасти с радикально-демократическим характером американского устройства, именно там, где говорили об объеме избирательного права. Но важнее всех этих отдельных прав та особенность политического устройства, что оно само при помощи прямого голосования постоянно может изменяться по желанию, — и только по желанию, — народа. Таким образом, вся конституция покоится на базе народного суверенитета³⁸, — что опять-таки применимо в Европе лишь к Швейцарии. Суверенный народ сам решает, что должно быть законом в области американского Союза. Эта суверенность имеет огромное значение для характера господствующего в общественной жизни образа мыслей. Она породила и необычайно развила то, что можно назвать демократической фазой.

Постоянное участие гражданина в выборах также способствовало этому. Постоянно повторяется призыв к «священным правам народа»;

³⁶ См. также Holst. *Verfassung und Demokratie der Vereinigten Staaten*, 1873. Т. I. Гл. «Die Kanonisierung der Verfassung und ihr wahrer Character».

³⁷ Выше мы видели, что рабочие требуют теперь еще больших прав для масс (инициативы и референдума). Но эти требования, в сущности, скорее логически вытекают из существующего устройства, чем противоречат ему.

³⁸ См., например: Holst. *Das Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Amerika*. Handb. des öffentl. Rechts. Bd. IV.

постоянно каждый простой человек чувствует себя окруженным гордым сиянием «суверенности». «Мы, свободный народ Америки»... «We, the people of the State of... grateful to Almighty God for our freedom» — с детства звучат эти слова в ушах американца. Последний и беднейший пролетарий участвует в этом суверенитете: он есть народ, а народ есть государство (формула!).

Следствием этого является у каждого отдельного лица чувство безграничной силы; пусть эта сила лишь воображаемая: в сознании данного субъекта она несомненная реальность. «Гражданин полагает, что он король в государстве, и что он, если только захочет, может привести все в порядок». Слова народного оратора: «Когда встанет американский народ во всей своей силе и величии» — вовсе не голые фразы для его слушателей. Каждый из них верит в эту таинственную силу, именуемую «американским народом», противостоять которой не в состоянии ничто в мире; каждый с мистическим доверием относится к действию народной воли; он говорит о ней с религиозным экстазом. Эта вера часто находится в поразительном противоречии с действительно достигнутым или даже с желаемым результатом. Гражданин, по большей части, и пальцем не пошевелит для устранения недостатков общественной жизни, но он твердо убежден, что ему достаточно лишь захотеть, чтобы они прекратились, — и они прекратятся. Это убеждение питает в нем любовь к праву, в его груди горит этот огонь, и, хотя редко искры его пробиваются наружу, но он не потухает и каждую минуту может превратиться в пламя воодушевления, распространяющее свет и тепло.

В тесной связи с этим находится еще одна своеобразная черта политической жизни в Соединенных Штатах, именно то, каким огромным значением для всего совершающегося пользуется «общественное мнение» (public opinion). В сущности, оно является истинной правящей силой, от которой зависят как суд, так и исполнительная власть и законодательные учреждения. Мы видели, что в Америке нет партийного правительства, в том смысле, какое бывает в Англии, Франции, Италии. Это зависит, с одной стороны, от особенностей тамошних партийных отношений, а с другой — как раз от вышеупомянутого факта, что по государственному устройству страны во главе всех общественных властей стоит суверенный народ, который каждую минуту может, так сказать, прогнать их прочь. Вследствие этого все выборные представители народа — все равно, относятся ли они к категории судебных, административных должностных лиц или депутатов в парламент — находятся под постоянным контролем широких масс, воля которых (пока она еще не выразилась в голосовании) находит свое выражение именно в этом таинственном «общественном мнении».

Как известно, президент и губернатор (по большей части) имеют право veto против постановлений конгресса и ландтагов. Но пользуются они им только тогда, когда уверены, что «общественное мнение» на их стороне. Тогда, впрочем, парламенты и сами откажутся от проведения своих предложений (после отклонения они должны провести их большинством двух третей голосов). Значение «общественного мнения» еще увеличивается, конечно, короткими избирательными периодами. А это господство «общественного мнения», в свою очередь, безгранично усиливает сознание силы каждой отдельной личности. Ведь, если, действительно, всеобщее «народное голосование» решает направление политики, то это должно в каждом гражданине пробудить интенсивное стремление участвовать в политической жизни — а, следовательно, конечно, также и в «рабочем», который в этом отношении формально равен богатейшему магнату, участнику треста, и, кроме того, за спиной своей имеет толпу товарищей, являющихся огромной важности фактором на выборах, чрезвычайно увеличивающим значение его личных гражданских прав, обеспеченных конституцией.

В «общественном мнении» совершенно исчезает то соотношение сил отдельных общественных групп, которое так ясно выступает в парламенте или в классовой принадлежности отдельных должностных лиц. Здесь маленький человек может вообразить, — так как он сам участвует в «общественном мнении», что при посредстве последнего он, вопреки всей внешней видимости, именно тот и есть, кто в конечном счете определяет судьбы страны.

К этому присоединяется еще и то, что «общественное мнение» в Америке — по крайней мере, до самого последнего времени — было всегда благоприятно настроено к специфическим рабочим интересам. Благодаря этому, у рабочего растет уверенность, что и он значит что-то в государстве. Не должна ли сохраниться у него при этом привязанность к этой государственной организации? К организации, которая не только предоставляет ему в полной мере участие в общественной жизни, но которая его самого рассматривает, как политически и общественно-полноправного гражданина? В которой все инстанции принуждены добиваться его благоволения? Рабочий имеет полное право, гордо ударив себя в грудь и высоко подняв голову, заявить: «Civis americanus sum».

Но, разумеется, не все еще достигнуто одним этим формальным равноправием в государстве. «Голос свободы ничего не говорит сердцу того, кто умирает с голоду», как писали в «Doléances» в эпоху французской революции. Радикально-демократическое устройство страны может, правда, привязать гражданина к своим формам, но оно не может помешать критиковать господствующий общественный строй, в особенности существ-

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ

вующий экономический порядок, если последний не гарантирует народу также и сносное материальное существование. Никогда, следовательно, нельзя будет найти причин отсутствия враждебного государству и обществу народного движения в одном лишь своеобразном характере политического положения масс. Скорее их можно найти в том, что, в двух словах, можно назвать экономическим положением. Цель следующего отдела и заключается в приведении доказательств, что и экономическое положение северо-американского пролетариата также способствует или, вернее, способствовало тому, чтобы охранять его от сетей социализма.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО

I. Общий взгляд

Рационально исследовать экономическое положение какого-нибудь лица или какого-либо семейства, это значит установить, каким количеством потребительных благ располагает в течение известного периода данное хозяйство; далее, сравнить это количество с материальными потребностями жизни, т. е. определить, насколько хватает данной массы продуктов для удовлетворения необходимых потребностей достойного человека существования, насколько хватает их для удовлетворения культурных и иных потребностей. Исследовать образ жизни массы, отдельные члены которой имеют дифференцированный доход, это значит, прежде всего, разбить эту массу на группы. Надо установить, какие части этой массы соответствуют известным культурным ступеням; какая часть живет бедно, недостаточно, достаточно, зажиточно, богато; в особенности также узнать, как живет «большая часть» всей массы населения, т. е. та половина, которая лежит между верхней и нижней четвертями. Сравнить образ жизни двух масс — двух наций, двух социальных классов внутри одной и той же или разных наций — следовательно, значило бы: исследовать, как эти две различные массы разбиваются на группы.

Каждый, кто хоть несколько знаком с источниками, знает, что выполнение такой программы по отношению к целой стране, или даже к одному лишь социальному классу внутри какой-нибудь страны, сопряжено с величайшими затруднениями. Для этого нужна была бы полная опись действительной организации всех хозяйств страны или данного слоя населения, а таковой, понятно, не имеется. Лучшей заменой такой описи является составление отдельных хозяйственных бюджетов, что в более или менее удовлетворительном виде имеется у каждой нации (полнее всего ими снабжены Американские Штаты). И естественно начать с них исследование. Но скоро становится ясным, что этот путь не ведет к цели. Каждый бюджет,

а также и всякое собрание массы бюджетов обладает следующим недостатком: они не дают никакого представления о степени их применения, т. е. ничего не говорят о том, для какого процента всей массы населения (а за таковую мы, соответственно нашим целям, рассматриваем теперь пролетариат) данный бюджет типичен; эти бюджеты, прежде всего, несравнимы, так как из них нельзя узнать, соответствуют ли они одинаковой степени доходности в двух сравниваемых массах. Таким образом, волей-неволей, нам приходится прибегнуть к обходному пути, который, однако, быть может, скорее приведет нас к желанной цели: мы рассмотрим денежный доход, а в данном случае, следовательно, заработную плату.

Правда, и здесь немало затруднений: ни в одной стране, даже в Соединенных Штатах, нет обширной и достоверной статистики заработной платы. Но этой беде можно помочь. Существующего статистического материала достаточно, чтобы при его помощи составить себе приблизительную картину о размерах денежного дохода рабочего класса, по крайней мере, чтобы ознакомиться с общими очертаниями этой картины. А если хоть несколько известны размеры денежного дохода, то снова представляются два пути для исследования хозяйственного обихода; во-первых, опять обходной путь: установление цен на отдельные предметы потребления; во-вторых, прямой путь: употребление домашнего бюджета.

И этот второй путь можно теперь с успехом использовать, указав каждому бюджету его истинное место в общем ряду всех ступеней доходности. Путем сравнения можно выяснить, соответствуют ли два данных бюджета одинаковым степеням доходности в двух данных массах (странах), имеем ли мы, следовательно, перед собой действительно равноправные хозяйства.

Итак, я попробую теперь дать представление о размерах и степенях заработной платы в Соединенных Штатах и сравнить приведенные цифры доходов с цифрами других стран, в особенности же Германии³⁹.

³⁹ Существующие попытки сравнительной статистики заработной платы совершенно неудовлетворительны. Из них нужно назвать следующие: 1) Сопоставления департамента рабочей статистики в Вашингтоне в его 7-м годовом отчете, где, однако, цифры дохода неамериканских рабочих выбраны совершенно произвольно и без всякой системы; 2) Краткие выводы *Шеффеля* в статье «Денежная и реальная заработная плата в Соединенных Штатах» («Zeitschrift für die ges. Staatswiss.», 1889. С. 111 и сл.), который пользовался, однако, далеко не лучшим статистическим материалом как для Америки, так и для Германии; 3) Соответствующие главы у *E. Levasseur*'а в его «L'ouvrier américain», являющиеся относительно лучшей разработкой вопроса, но им не хватает, однако, сопоставления с Германией.

II. Денежный доход рабочего в Америке и Европе

Главным источником статистики заработной платы в Соединенных Штатах являются перепись (Census) и отчеты учреждений по рабочей статистике, относительно значения которых я высказал свое мнение в моем «Обзрении» литературы в XX томе Архива социальных наук (ср. № 2—20). В них мы находим целый ряд сообщений о средней заработной плате и ряд статистических указаний на разряды заработной платы. Прежде всего, следовательно, нам нужно постараться соответственно отобранным американским цифрам противопоставить по возможности сравнимые цифры для Европы, и в особенности для Германии.

1. *Среднюю заработную плату* дает нам перепись, самое неудачное произведение официальной статистики. Но, вопреки всем методологическим соображениям, я все-таки приведу, по крайней мере, следующие общие выводы этих сообщений:

Средний годовой доход всех промышленных рабочих в 1900 г. равнялся (в долларах):

	<i>Для мужчин</i>	<i>Для женщин</i>	<i>Для детей</i>	<i>В общем</i>
В штатах Новой Англии	507,12	307,34	187,15	443,75
В средних штатах	528,70	280,75	159,52	461,52
В южных штатах	334,96	183,91	107,20	300,81
В центральных штатах	448,51	249,45	166,21	446,51
В западных штатах	577,09	273,48	175,07	543,98
В тихоокеанских штатах	577,11	278,09	181,62	526,90
В Соединенных Штатах	490,90	273,03	152,22	437,96

В приведенной таблице, прежде всего, бросается в глаза разница между южными штатами и всеми остальными; поэтому будет целесообразным привести средний вывод для *Соединенных Штатов без южных штатов*; он составляет следующую величину:

513,96 долл.; 288,88 долл.; 167,64 долл.; 457,26 долл.

А в пользу того, что цифры эти не являются совершенно фантастическими, говорит то обстоятельство, что средние заработные платы в различных областях труда в США, с одной стороны, не очень отличаются друг от друга, а с другой стороны, — все-таки довольно верно отражают различия в степени хозяйственной культуры. Если мы захотим сравнить эти совершенно грубые цифры с подобными же цифрами европейских

стран, то в качестве подходящего объекта для сравнения нам представляются средние заработные платы наших профессиональных союзов. Понятно, при этом должны быть сопоставляемы и американские заработные платы, разделенные по отдельным промышленным группам (но при этом для всей страны в целом, чтобы, как и в немецких цифрах, не было никаких местных различий). Для Германии я беру тот же 1900 г., к которому относились цифры переписи, т. е., следовательно, год высочайшего повышения, так что эти цифры для Германии представляют почти максимум. Для удобства сравнения я доллар перевожу в марки (1 дол. = 4,2 марки).

Тот факт, что в одной и той же отрасли промышленности указаны различные суммы, для немецких цифр объясняется разницей между отдельными областями, а для американских — тем обстоятельством, что здесь одной немецкой промышленной группе соответствуют несколько ветвей, для которых средние заработные планы различны. Следующее сопоставление охватывает все группы промышленности, относительно которых вообще существуют годные для сравнения цифры:

Средняя годовая плата (в 1900 г.) равнялась (в марках):

<i>Отрасли промышленности</i>	<i>Германия</i>	<i>Соединенные Штаты</i>
Производство одежды	621,4	1323,0—2276,4
Стеклопроизводство	724,9	2156,2
Горшечное производство	772,2	1701,0
Кирпичное производство	556,2	1482,6
Железоделательное и стальное производство	792,5—1014,2	1642,2—3074,4
Химическое производство	929,4	2060,6
Текстильное производство	506,0—776,5	1129,8—2192,4
Бумажное производство	714,4—765,9	1318,8—2087,4
Кожевенное производство	894,0	1436,4—1822,8
Столярное производство	698,0—821,0	1417,0—1801,8
Мельничное производство	743,0	2007,6
Сахарное производство	596,0	2045,4—2326,8
Табачное производство	541,0	1024,8—1663,2
Книгопечатное производство	893,7	1747,2—2234,4

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

Подобному же приему обязаны своим происхождением официальные статистические данные о заработной плате немецких горнорабочих; мы можем поэтому сопоставить их с американскими данными; в обоих случаях это средние годовые платы. Я беру 1902 г. В этом году рабочий (мужчины, женщины и дети взяты вместе), занятый в американских каменноугольных коях, получал:

	629 долл.	или	2642 марки
а рудокоп (забойщик)	671 долл.	или	2818 марки

В прусских же коях в том же году заработная плата равнялась (в марках):

Горные округа:	Подземные рабочие:	Рабочие вообще:
Бреславль	890	815
Дортмунд	1314	1131
Бонн	1199	1068

2. Дополнением к вычислению средней заработной платы являются в методологическом отношении более ценные разрядные статистики (Lohnklassenstatistiken), которыми особенно богата Америка. Союз обладает ценной статистикой отдельных заработных плат, в которой действительная плата 720 промышленных заведений обработана по разрядному методу, и, кроме того, множеством ценных публикаций различных статистических учреждений. В Германии мы, к сожалению, не можем противопоставить этим данным и приблизительно равных. Официально у нас вообще не публиковалось ничего подобного, так что мы должны быть рады и тому, что имеем хоть несколько хороших частных работ по статистике заработной платы, с помощью которых мы можем все-таки провести несколько поучительных сравнений. В зависимости от имеющегося у нас материала относительно Германии, я и из американских данных произведу некоторый выбор, чтобы достигнуть наибольшей степени сравнимости.

Статистика заработной платы имеет дело либо со всеми (или большей частью) промышленными рабочими одной области, либо с рабочими определенной ветви промышленности. В первом из названных типов я сравню статистику заработной платы Массачусетса (ср. № 15 моего «Обозрения») и Иллинойса (№ 18 моего «Обозрения») со статистическими данными о штутгартских рабочих⁴⁰, с сообщениями фабрич-

⁴⁰ *Лейнарт Т.* О положении рабочих в Штутгарте, 1900.

ного инспектора Фукса о промышленных рабочих 17 общин Карлсруэ⁴¹, а также с исследованиями относительно ганауских рабочих⁴².

Я отлично знаю, что такое сопоставление безупречно. Но все же, мне кажется, что оно имеет свое основание, а потому и некоторую цену. Конечно, было бы гораздо ценнее сравнение разрядных статистик саксонского королевства с таковой для Массачусетса, но лучшего в настоящее время у нас нет. Что хоть несколько помогает преодолеть сомнения относительно возможности сравнения двух данных для сравнения областей, так это то соображение, что в них соединены самые различные отрасли промышленности, и что при все же значительных размерах также и частных немецких исследований (эти исследования охватывали в Штутгарте 6028 рабочих, в Ганау 2382, в Карлсруэ, впрочем, лишь немного более 1000) резкие различия ступеневаются.

Но в особенности ободряет взгляд на отдельные таблицы. Именно в них замечается поразительное сходство различных ступеней заработной платы, с одной стороны, в американской, а с другой – в немецкой статистике: доказательство, что все-таки мы имеем дело с достоверными до известной степени (в силу своей типичности) цифрами. Для полной уверенности можно к сравниваемым немецким данным (так как они основаны на исследованиях в южной Германии, из коих одно касается сельской промышленности) делать прибавку в 10 или 15 %. В таком случае я уже совершенно убежден, что средние заработные платы немецких промышленных рабочих (поскольку, следовательно, они не принадлежат исключительно к высокооплачиваемым отраслям труда) в нашей таблице приведены до известной степени верно.

Данные о заработной плате промышленных рабочих Массачусетса и Иллинойса рисуют (для 1900 г.) следующую картину:

Из 100 мужчин недельную плату имели:

	<i>В Массачусетсе</i>	<i>В Иллинойсе</i>
Ниже 5 долл.	3,63	5,78
5–6 долл.	3,75	3,48
6–7 долл.	7,05	4,71
7–8 долл.	9,68	8,36

⁴¹ «Положение промышленных рабочих в 17 общинах Карлсруэ». Составлено фабричным инспектором д-ром Фуксом. Карлсруэ, 1904.

⁴² «Экономическое положение рабочих Ганау». По поручению статистической комиссии картеля профессиональных союзов составил д-р Фурман. Ганау, 1901.

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

	<i>В Массачусетсе</i>	<i>В Иллинойсе</i>
8–9 долл.	9,96	7,92
9–10 долл.	14,26	17,32
10–12 долл.	15,83	16,34
12–15 долл.	17,71	17,02
15–20 долл.	13,82	13,09
Более 20 долл.	4,31	5,99
	100	100

Из 100 женщин:

	<i>В Массачусетсе</i>	<i>В Иллинойсе</i>
Меньше 5 долл.	15,96	33,43
5–6 долл.	15,70	18,69
6–7 долл.	20,22	18,39
7–8 долл.	15,34	11,57
8–9 долл.	12,46	6,47
9–10 долл.	9,72	4,71
10–12 долл.	6,62	4,24
12–15 долл.	2,94	2,46
15–20 долл.	0,90	0,84
Более 20 долл.	0,14	0,20
	100	100

Немецкие же промышленные рабочие по своей плате разделяются следующим образом:

Из 100 мужчин недельную плату получали

	<i>В Карлсруэ</i>	<i>В Штутгарте</i>	<i>В Гану</i>
меньше 12 марок	11,2	1,5	2,3
12–15 марок	10,5	6,1	12,2
15–18 марок	19,4	18,7	23,5
18–21 марок	22,3	22,3	27,9
21–24 марок	16,3	21,1	22,3

	<i>В Карлсруэ</i>	<i>В Штутгарте</i>	<i>В Ганау</i>
24—27 марок	9,1	17,2	8,8
27—30 марок	4,7	8,3	1,7
Более 30 марок	6,5	4,8	1,3
	100	100	100

Из 100 женщин

	<i>В Карлсруэ</i>	<i>В Штутгарте</i>
Меньше 6 марок	11,5	7,1
6—9 марок	44,8	42,7
9—12 марок	38,5	37,0
12—15 марок	4,4	11,7
Более 15 марок	0,8	1,5
	100	100

Если взять общие данные этого ряда цифр, то получится следующая картина:

Меньше 24 марок (6 долл.) из ста мужчин имели:

В Массачусетсе	7,38
В Иллинойсе	9,26
В Штутгарте	69,70
В Карлсруэ	79,70
В Ганау	88,20

В Иллинойсе приблизительно столько же мужчин (63,77 %) зарабатывали в неделю 38—84 марки (9—20 долл.), сколько в окрестностях Карлсруэ (67,1 %) зарабатывали от 15 до 27 марок. Четыре пятых (81,26, 79,2 и 82,5 %) всех мужчин, следовательно, подавляющее большинство, в Массачусетсе зарабатывали от 30 до 84 марок (7—20 долл.), а в Штутгарте и Ганау только от 15 до 27 марок. Более 20 марок (5 долл.) зарабатывали в немецких областях лишь весьма немногие женщины (более 14 марок 0,8 и 1,5 %), в американских же 80,04 и 66,57 %. Четыре пятых женщин получают в Германии плату от 6 до 12 марок, в Массачусетсе — от 20 до 50 марок.

Теперь посмотрим, подтверждаются ли эти выводы также и статистическими данными о заработной плате рабочих определенных отраслей промышленности.

Относительно рабочих каменноугольных копей у нас есть следующие статистические данные: для Америки данные переписи, а для (Западной) Германии цифры союза рудокопов в Бохуме. Эти данные рисуют (для того же 1902 г.) такую картину:

Из 1000 рабочих, занятых на американских коях (исключительно антрацитных), ежедневную заработную плату

меньше	6	марок	(1,50	долл.)	получают	85
—»—	6—8,5	—»—	(1,50—1,99	—»—)	—»—	245
—»—	8,5—10,5	—»—	(2—2,49	—»—)	—»—	408
более	10,5	—»—			—»—	262

В Рурском округе из 1000 горнорабочих ежедневную плату

меньше	2,60	марок	получают	78
—»—	2,61—3,80	—»—	—»—	209
—»—	3,81—5	—»—	—»—	396
более	5	—»—	—»—	317

Я нарочно разбил на приблизительно одинаковые группы все общее число получающих плату, чтобы сделать картину еще нагляднее.

Можно также привести удобные для сравнения цифры относительно производства сигар. Для Германии они взяты из герцогства Баденского⁴³, где ниже всего оплачиваются рабочие сигарного производства; поэтому можно немецкие средние цифры увеличить на 50—100%⁴⁴. Потому и для Америки

⁴³ Социальное положение рабочих сигарного производства в герцогстве Баденском: приложение к годовому отчету фабричного инспектора герцогства Баденского за 1889 г. Карлсруэ, 1890.

⁴⁴ Незадолго до того, как вышел упомянутый в первом примечании отчет, я в своих исследованиях о немецкой сигарной промышленности, помещенных в Архиве Брауна, т. II (1889), привел покоящиеся на точных устных сообщениях данные о заработной плате, которые делают приведенную в тексте оценку, по крайней мере, для того времени, справедливой. Сведения, собранные союзом табачных рабочих в 1900 г. (обработанные *Дейхманом*. Бремен, 1902) и простирающиеся, поскольку дело идет о плате, на 39032 рабочих, к сожалению, неудобны для сравнения, так как сообщают лишь средние недельные заработки. Последние равнялись:

в 182	предприятиях	10	маркам
» 306	—»—	12	—»—

я привел цифры также лишь южных штатов (поскольку это было возможно именно для оплаты мужского труда; относительно платы женщин в сигарной промышленности у нас не имеется особых данных для южных штатов, и потому мне придется пользоваться средними цифрами, относящимися ко всей стране). По возможности я опять образовал равные группы. Итак, из 1000 взрослых (свыше 16 лет) мужчин в Бадене еженедельно

меньше	6	марок	получали	206
	6—9	—»—	—»—	285
	9—15	—»—	—»—	428
больше	15	—»—	—»—	79

а в южно-американских штатах (в 1890 г., более близком ко времени немецкой статистики) из 1000

меньше	25	марок	(6	долл.)	получали	231
	25—42	—»—	(6—10	—»—)	—»—	304
	42—63	—»—	(10—15	—»—)	—»—	391
больше	63	—»—			—»—	72

Из 1000 взрослых женщин, занятых в табачной (сигарной) промышленности, в Бадене еженедельно

меньше	4	марок	получали	56
	4—7	—»—	—»—	407
	7—12	—»—	—»—	463
больше	12	—»—	—»—	78

а в Соединенных Штатах

меньше	17	марок	(4	долл.)	получали	55
	17—25	—»—	(4—6	—»—)	—»—	437
	25—38	—»—	(6—9	—»—)	—»—	472
больше	38	—»—			—»—	35

» 568	предприятиях	14	маркам
» 308	—»—	16	—»—
» 143	—»—	18	—»—

Тем не менее, и эти цифры ярко иллюстрируют разницу между немецкими и американскими заработками.

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

Из той же области деятельности незабвенного Верисхофера у нас имеются также статистические данные поразрядной платы для 5 химических фабрик⁴⁵. Ежедневно из 100 рабочих (в 1896 г.) получало (в марках):

	<i>Меньше 10</i>	<i>10–12</i>	<i>12–15</i>	<i>15–18</i>	<i>18–21</i>	<i>21–24</i>	<i>Больше 24</i>
Фабрика В	7,67	4,51	8,42	19,10	26,47	19,40	14,70
Фабрика С	0,44	4,85	19,38	32,60	27,31	10,57	4,85
Фабрика D	1,09	1,09	13,04	27,18	34,78	15,21	7,61
Фабрика E	—	1,62	7,26	29,03	34,67	21,77	5,65
Фабрика F	1,37	0,68	10,22	13,02	23,02	25,34	26,02
						24–27=13,70	
						27–30=10,27	

Большая часть рабочих (от трех четвертей до четырех пятых) на фабриках В, D, E зарабатывала от 15 до 27 марок (74,59; 77,17; 85,47 %), на фабрике F — от 18 до 30 марок (72,60 %), на фабрике С — от 12 до 21 марки (79,29 %). Заработная плата на химических фабриках Бадена, насколько мне известно, не особенно низка, а напротив, приближается к средней плате в Германии. Поэтому будет правильным сопоставить с ней также средние цифры заработной платы в химических производствах Соединенных Штатов. Дополнения к переписи рисуют следующую картину. Из 1000 взрослых мужчин-рабочих (данных о других категориях рабочих не имеется) получали ежедневно:

меньше 31,50	марок	(7,5	долл.)	63
31,5–42	—»—	(7,5–10	—»—)	444
42–52,5	—»—	(10–12,5	—»—)	319
52,50–63	—»—	(12,5–15	—»—)	83
63–84	—»—	(15–20	—»—)	70
больше 84	—»—			20

Итак, заработок большей части (76,3 %) рабочих колебался между 31,50 и 52,50 мар.

Наконец, я сравню еще заработки рабочих в деревообрабатывающей промышленности. Для Германии относительно этой категории рабочих у нас имеется ценный, хотя, конечно, дающий лишь общую картину, материал в сообщениях союза деревообрабатывающих рабочих⁴⁶.

⁴⁵ Годовой отчет немецких фабричных инспекторов за 1897 г.

⁴⁶ «Положение рабочих в деревообрабатывающей промышленности». Обработка

Согласно этим данным, из 71 054 рабочих еженедельно получали:

меньше	20	марок	42,3 %
	20–25	–»–	34,6 »
	25–30	–»–	19,0 »
больше	30	–»–	4,1 »

А в Соединенных Штатах из 38 387 рабочих еженедельно получали:

меньше	21	марки	(5 долл.)	3,2 %
	21–30,50	марок	(5–7,5 –»–)	11,4 »
	30,50–50	–»–	(7,5–12 –»–)	46,5 »
	50–100	–»–	(12–24 –»–)	38,3 »
больше	100	–»–		0,8 »

Этими примерами, мне кажется, можно ограничиться. Как бы каждый отдельный ряд цифр и каждое сравнение между немецкими и американскими цифрами ни были спорны с точки зрения строгого статистического метода; общая их совокупность, по моему мнению, дает вполне наглядную картину; в пользу этого говорит согласие цифр из самых различных источников. Мне кажется, на основании вышеприведенного цифрового статистического материала с достаточным правом можно утверждать: *денежная заработная плата в Соединенных Штатах в два-три раза выше, чем в Германии*. По меньшей мере, в два раза выше: ведь почти ни одно сравнение не давало меньшей разницы, и, наоборот, во многих случаях американская плата в три раза, а в некоторых (правда, не типичных) и в четыре превышала немецкую: сахарная и сигарная промышленность, если мы возьмем для сравнения Баден: сравни среднюю заработную плату в табачном производстве, которая равняется лишь трети или половине американской. Можно, пожалуй, и так формулировать наш вывод: американские платы (за исключением южных) на 100 % выше, чем платы в самых лучших по условиям оплаты областях Германии (запад), и на 150–200 % — чем в областях Германии с низкими платами (восток, часть юга). Лучшим тому доказательством служат заработные платы горнорабочих.

Но, ведь, мы хотели исследовать не заработную плату американского рабочего, а высоту его жизненного уровня.

Возникает, следовательно, теперь задача: определить, какое количество продуктов может приобрести на столь высокую денежную плату рабочих, и является ли также и в этом отношении разница между американским

но по статистическим данным немецкого союза деревообрабатывающих рабочих, и по его поручению в 1902 г. *Т. Лейпарт*ом. Штутгарт, 1904.

и немецким рабочим такую же значительную, как и в денежных заработных платах. Это, следовательно, вопрос о реальной заработной плате, и на него мы прежде всего постараемся ответить, исследовав общее состояние цен.

III. Стоимость жизни в Америке и Европе

Прежде чем говорить об отдельных ценах, я приведу некоторые замечания общего характера о *своеобразии строения цен в Америке*, нередко повергавшем в удивление человека несведущего.

Как и вся вообще экономическая жизнь, строение цен в Соединенных Штатах определяется преимущественно двумя факторами: все еще колониальным характером страны и высоким развитием капитализма, выражающимся прежде всего в высоком развитии техники производства и торгового оборота.

Колониальному характеру страны обязана прежде всего высокая стоимость рабочей силы (установленная нами на предыдущих страницах). Ему же, следовательно, нужно приписать и то, что там дороги все те товары и предложения, в которых заключается много живого труда: прежде всего, конечно, всякие личные услуги (плата прислуге!); затем все те предложения, что покоятся, главным образом, на личных услугах (извозчики, театр, также элегантные рестораны, первоклассные гостиницы с большим служебным персоналом); далее, все товары, при сбыте которых требуется много живой работы (предлагаемые в небольшом количестве, как, например, молоко, плоды и т.п.); все товары, при производстве которых применялся квалифицированный труд (следовательно, все искусного изделия предметы роскоши).

Колониальному характеру страны соответствуют, с другой стороны, низкие цены на землю, следовательно, также на все те товары, цена которых в значительной степени зависит от земельной ренты, т.е. все земельные продукты, и при этом смотря по тому, сколько для их производства и сбыта требовалось людского труда, работы. Цена земельных продуктов низка еще и вследствие относительно высокой производительности обрабатываемой земли. Дешевизна земли выражается также (хотя и в значительно меньшей степени) в низкой ренте городской земли (если дело не осложняется исключительными условиями, как, например, в островном Нью-Йорке): отсюда, следовательно, низкая стоимость жилища, поскольку опять-таки в цену его не входит дорогая рабочая сила, как, например, во всех элегантных, изящных зданиях.

Высокое же развитие техники влияет в том направлении, что делает дешевыми все массовые продукты индустрии, в особенности, когда и сбыт их также организован в крупное предприятие.

Из всего этого выступает с ясностью следующее: «жизнь» в Америке тем дороже, чем больше потребляются личные услуги, чем выше требования на предметы роскоши, следовательно (конечно, относительно!), тем дороже, чем выше стоит хозяйство на лестнице дохода. Совершенно невозможно сравнивать вообще «цену» доллара с маркой. Цена первого изменяется в зависимости от высоты уровня жизни. В Нью-Йорке семейство с доходом в 20 тыс. долл. не сможет, пожалуй, жить роскошнее, богаче, чем семейство с доходом в 20 тыс. марок в Берлине; доход в 10 тыс. долл. соответствует, пожалуй, доходу в 15 тыс. марок в Берлине, и т. д., чем ниже, тем больше, вплоть до того, что покупательная сила одного доллара равняется покупательной силе 3 или даже 4 марок. Последнее и имеет место, замечу вперед, в жизни рабочего населения. Следующие исследования подтвердят это.

Начинаю с важнейшей потребности, с потребности в жилище.

Жилище

Прежде всего здесь следует указать на то, что самый способ удовлетворения потребности в жилище американского рабочего существенно отличается от континентально-европейского, именно немецкого, в больших городах и промышленных округах. В то время, как немецкий рабочий в этих местах, по общему правилу, живет в рабочих казармах, его американский товарищ помещается обыкновенно в небольших домиках для одного или двух семейств. За исключением Нью-Йорка, Бостона и Цинциннати, рабочие казармы неизвестны даже в больших городах, и даже миллионное население Чикаго и Филадельфии живет в одно- и двухэтажных коттеджах, по большей части не больше, чем для 2, в исключительных случаях для 3 и 4 семейств, — коттеджах, ведущих свое происхождение прямо от прежних блокгаузов и до сих пор еще в большей части американских городов строящихся из дерева. Эта система изолированности, без сомнения, имеет большое значение для воспитания народного характера, и не будет голословным утверждение, что медленное развитие коллективистических стремлений в Америке (и Англии!) стоит в связи с этой, если можно так выразиться, ячеечной системой удовлетворения жилищной потребности.

Теперь спрашивается: что стоит американскому рабочему его квартира? При первом взгляде на бюджет любого американского семейства невольно хочется ответить: много; больше, чем европейскому. И по общему мнению всех участников экспедиции Мозели (№ 145 моего «Uebersicht»), американский рабочий на удовлетворение жилищной потребности — при этом всегда прибавляют: *одной только* жилищной потребности — должен расходовать больше, чем английский. Я не берусь решать, так ли это; во всяком случае, я сомневаюсь в справедливости вышеизложенного взгляда. При сравнении же американского и немецкого рабочего вывод, без сомнения,

приходится сделать совсем иной: американцу квартира стоит не дороже, а скорее дешевле, чем немцу. Что же касается сказанного выше, что при первом взгляде дело представляется совершенно наоборот (т. е. так, как это утверждают участники экспедиции Мозели), то последнее объясняется недостаточно внимательным изучением самого характера удовлетворения жилищной потребности в Америке.

Во всяком случае, если американский рабочий за свою квартиру платит гораздо больше, часто в два и три раза, чем немецкий, зато и квартира эта соответственно больше и комфортабельнее немецкой⁴⁷. Если же сосчитать, что стоит приблизительно одинаковое помещение, — скажем, одна комната, — то выйдет, что в Америке цена в среднем скорее ниже, чем у нас. Я приведу в доказательство этого утверждения некоторые цифры, взятые мною, поскольку они относятся к американским большим и средним городам, из источника, указанного в № 159 моего «Uebersicht»:

Балтимор (508957 жителей). Общее правило: дом для одного семейства с 4–6 комнатами. Плата 7–8 долл. в месяц, следовательно, 332–408 марок в год, т. е. одна комната стоит в среднем 75,6 марок в год.

Бостон (560892 жителей). Дом в 4 комнаты стоил (в 1902 г.) ежемесячно 12,14 долл., в 6 комнат — 19,3 долл. Годовая стоимость одной комнаты, следовательно, около 150–160 марок⁴⁸.

Буффало (352387 жителей). Имеются точные данные о рабочих казармах, населенных итальянцами и поляками. Первые платили за квартиру в среднем в 2–3 комнаты приблизительно 5,3 долл. в месяц, следовательно, 120,5 марок за комнату в год; вторые за квартиру в 2–5 комнат — 3,11 долл., следовательно, 52 марки за комнату в год.

Цинциннати (325902 жителей). Преимущественно дома для 3 и 4 семейств. Месячная плата в самых бедных домах равняется 5–6 долл., следовательно, 250–300 маркам в год. Число комнат не указано. Если даже мы примем последнее за 2, то и в этом случае годовая цена комнаты будет равняться 125–150 маркам.

Кливленд (381768 жителей). Общее правило: дом для одного семейства; едва в 5 % всех домов живет более чем одно семейство. В лучших двухсемейных домах квартира стоит 10–15 долл. в месяц. Мы можем здесь счи-

⁴⁷ Часто рабочий бывает и собственником своего дома. Но теперь это все-таки уже исключение. Из привилегированных рабочих, бюджеты которых были исследованы официальной рабочей статистикой (№ 7 моего «Uebersicht»), 18,97 % были собственниками обитаемых ими домов. Из *всех* американских семейств, не считая фермеров, в собственных домах (в 1900 г.) жили 36,3 %. XII Census. Vol. II. P. CLVIII и CLXXXI.

⁴⁸ «Annual Report of the Massachusetts Bureau of Stat». P. 143.

тать в квартире 4 комнаты, так что цена одной комнаты составит около 125—190 марок в год.

Денвер (133859 жителей). Население живет в одноэтажных домах в 3—6 комнат, стоимостью в 4—12 долл. в месяц. При средней цифре в 4 комнаты каждая обойдется в 50—150 марок в год.

Детроит (285704 жителей). Общее правило: дом для одного семейства. Обычная плата «среднего рабочего» («ordinary working man») за квартиру в 6 хороших комнат, с водой в кухне, составляет 8—10 долл. ежемесячно, следовательно, 400—500 марок ежегодно, так что одна комната в год стоит от 662/3 до 831/3 марки.

Нашвилл (80865 жителей). Общее правило: дом для одного семейства. Ежемесячная плата от 2—6 долл. Принимая за среднее квартиру в 3 комнаты, получаем за одну комнату 35—100 марок в год.

Нью-Йорк. Встречаются всевозможные формы жилищ, но все больший перевес получает большая рабочая казарма. Надо принять в соображение, какие затруднения представляются при расселении такой огромной массы (около 5 млн.!) на ограниченной территории. Следовало бы ожидать здесь чрезвычайно высоких квартирных цен. Но на самом деле они не так ужасны: квартира в 4 комнаты в густонаселенных районах города стоит 12—18 долл. в месяц.

В домах общества «City and Suburban Homes Company», имеющего дома, например, на 64-й улице в восточной части города, причем цены в этих домах подходят по возможности близко к соседним:

квартира	в 2	комнаты	6,8	долл.	в	месяц
—»—	»	3	—»—	11,4	—»—	—»—
—»—	»	4	—»—	14,6	—»—	—»—

Можно, следовательно, среднюю месячную плату за одну комнату в рабочих квартирах Нью-Йорка принять за 31/2 долл., следовательно, в 176 марок за год.

Филадельфия (1293697 жителей). Представьте себе, миллион людей живет в домах для одного семейства! За квартиру в 4—6 комнат, на расстоянии 30 минут от центра, платят 8—10 долл. в месяц. На расстоянии не более 25 минут от центра новый дом в 4 комнаты с центральным отоплением и ванной комнатой стоит 12 долл., такой же дом в 6 комнат — 16 долл. в месяц. Цена одной комнаты, следовательно, составляет 100—150 марок в год.

Рочестер (162608 жителей). Большая часть рабочего населения живет в отдельных коттеджах в 5—7 комнат, ценой в 1,5—3 долл. в неделю. Годовая плата за одну комнату 50—100 марок.

С.-Франциско (342782 жителей). Маленькие дома для одной или двух семей. Месячная плата за 4–5 комнат 13–15 долл. Одна комната стоит 150–160 марок.

С.-Поль (163065 жителей). Преимущественно дома для одного семейства. «Нормальный» рабочий дом стоит 3–4 долл. в месяц. Принимая число комнат лишь за 3, получаем: цена одной комнаты составляет 50–100 марок в год.

Мне кажется, будет достаточным, если мы этим цифрам противопоставим статистические данные, имеющиеся у нас относительно квартирных условий в *больших городах Германии*. Эта статистика своим происхождением обязана, главным образом, связанным с народной переписью (следовательно, 1 декабря 1900 г.) сведениям о больших немецких городах, выводы которых обыкновенно помещаются в «Статистическом ежегоднике немецких городов» (последние сведения в 11-м ежегоднике 1903 г.).

Согласно этим данным, средняя годовая плата в марках за одну отапливаемую комнату в наемных квартирах без промышленного использования с... отапливаемыми комнатами составляет:

<i>Города</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Альтона	154–233	199	134	138
Бреславль	152	126	174	195
Шарлоттенбург	216	174	208	231
Дрезден	221	179	176	193
Дюссельдорф	122	112	103	103
Эссен	90	83	84	96
Франкфурт-на-Одере	79–89	92	105	115
Гамбург	214	152	141	158
Ганновер	211	177	179	195
Лейпциг	92–191	144	143	162
Любек	82–146	119	120	125
Магдебург	154	126	138	145
Маннгейм	113–186	118	142	159
Мюнхен	231–340	149	172	190
Плауен	79–179	158	158	155
Позен (в передних домах)	112–152	139	182	168

<i>Города</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Позен (в задних домах)	108—159	129	147	162
Страсбург	63—103	81	94	116

Могут возразить: немецкая комната больше американской (верно! зато на стороне последней то несравненное преимущество, что местоположение ее свободнее, что она богаче воздухом); далее, не все из американских комнат отапливаются (и это, в общем, верно, хотя у нас нет никаких точных данных на этот счет); но все эти возражения при добросовестном рассмотрении вопроса не могут все же ничего изменить в нашей формулировке: *приблизительно одинаковая квартира в городах стоит американскому рабочему, считая на деньги, во всяком случае, не больше, чем немецкому, — и с некоторым основанием можно прибавить: по большей части даже меньше.*

Чтобы мои утверждения не ограничивались одними лишь большими городами, я приведу еще некоторые данные о квартирной плате в округах каменноугольной промышленности, в которых нет больших городов. Я в состоянии это сделать благодаря основательным исследованиям П. Робертса о положении рабочих в антрацитных каменноугольных округах Пенсильвании (см. № 146 моего «Uebersicht»). Здесь квартирные условия особенно неблагоприятны, и рабочие частью⁴⁹ помещаются в предоставленных им предпринимателями помещениях. Об уплачиваемых там ценах мы получим представление из следующих цифр. Общество «Philadelphia and Reading Coal and Iron Company» сдавало:

<i>Число домов</i>	<i>Число комнат в каждом доме</i>	<i>Средняя плата, долл.</i>
6	2	2,08
469	3	2,81
1115	4	3,78
269	5	4,58
85	6	5,07
89	Более 6—12	8,11

⁴⁹ «Report of the Anthracite Coal Strike Commission» (№ 8 «Uebersicht»), p. 43, исчисляет процент живущих в хозяйских домах рабочих в северных и южных округах в 10 %, а в средних — в 35 %. Робертс для всего округа принимает 16 %.

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

Братья Кокс и К^о сдавали внаем (к сожалению, не приведено число комнат):

4	дома	за	1	долл.	в	месяц	
23	—»—	»	1,5	—»—	—»—		
44	—»—	»	2	—»—	—»—		
25	домов	»	2,75	—»—	—»—		
10	—»—	»	3	—»—	—»—		
13	—»—	»	3,25	—»—	—»—		
10	—»—	»	3,6	—»—	—»—		
20	—»—	»	3,75	—»—	—»—		
348	—»—	»	4	—»—	—»—		(это, вероятно, квартиры в 4 комнаты)
24	дома	»	4,5	—»—	—»—		
28	домов	»	4,5	—»—	—»—		
45	—»—	»	4,75	—»—	—»—		
131	дом	»	5	—»—	—»—		
119	домов	»	5,5	—»—	—»—		

Еще о нескольких обществах у нас имеются следующие данные:

<i>Общества</i>	<i>Число комнат в каждой квартире</i>	<i>Месячная плата, долл.</i>
A	4–5	4–5
B	5–6	7–8
C	4	5
C	2	2–3
D	В среднем 5, 8	В среднем 5, 4
E	5	4–8

Вывод: комната в среднем стоит от $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{4}$ долл., следовательно, 3–5 марок в месяц.

С этими цифрами можно сравнить имеющуюся у нас статистику квартирной платы в Верхнесилезском промышленном округе⁵⁰. Ее данные, вероятно, представляют минимальные цифры для немецких промышленных округов и относятся, вдобавок, к началу 1890-х гг.; с того времени цены, наверное, не упали.

⁵⁰ Горный советник д-р *Заттиг*, «О квартирных условиях для рабочих в Верхнесилезском промышленном округе», в журнале верхнесилезского союза горных и заводских рабочих. Январь–февраль, 1892.

Из богатого материала этой анкеты я составил следующую таблицу:

<i>Область</i>	<i>Среднее число комнат в семейной рабочей квартире</i>	<i>Средняя месячная плата в предпринимательских домах (в марках)</i>	<i>Плата в других домах (в марках)</i>
Округ Бейтен	1—2	3,6—7,5	3—8
Округ Глейвитц	1—2	3—7,5	2—8
Округ Цабрце	1—2	5,25—7,25	2,5—7,25
Округ Каттовитц	1—2	2—7,5	2—9,5
Город Глейвитц	2	7,25	7,5
Город Кенигсгютте	2	7,5	6,5
Город Каттовитц	2	5,5	9,5
Город Мисловитц	2	6,25	5,75
Город Бейтен	—	8	8

Самые низкие цифры в 2—3 марки относятся к отдаленным деревням. Если их отбросить, то в общем получится, что средняя месячная плата за квартиру стоит на той же приблизительно высоте, что и американская. И опять, осторожно формулируя наш вывод, скажем: горнорабочий Пенсильвании за то же помещение платит на 10—20 % больше, чем рабочий Верхней Силезии (NB. платил 15 лет тому назад).

К расходам на квартиру нужно причислить также и расход на *освещение, отопление и обстановку*. Спрашивается, какова цена этих предметов в Соединенных Штатах?

Главное средство освещения — *керосин* — конечно, в стране нефти значительно дешевле, чем у нас. Цена его в Нью-Йорке почти в два раза ниже, чем в Маннгейме или Бреславле.

Каменный уголь и здесь и там стоит приблизительно одинаково, что видно из следующего сопоставления:

Соединенные Штаты: «Stat. Abstr. of the U.S.», 1904

Средняя цена за тонну в марках:

	<i>антрацита в Филадельфии</i>	<i>битуминозного угля в Балтиморе</i>
1900 г.	14,6	10,6
1901 г.	16,0	10,6
1902 г.	18,9	10,6

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

1903 г.	18,9	15,8
1904 г.	18,9	9,5

Германия: «Стат. ежегодник Г. И.», 1905

Цены разных сортов угля:

	<i>Бреславль</i>	<i>Дортмунд</i>	<i>Саарбрюкен</i>
1900 г.	17,1–11,0	13,6–9,9	11,9–11,4
1901 г.	17,8–11,8	14–10	12,8–12,5
1902 г.	16,5–11,7	13,3–9,3	12–11,4
1903 г.	15,0–11,5	12,1–9	11,8–11
1904 г.	15,0–11,3	11,8–9	12,1–11,2

По всем собранным мною сведениям можно думать, что *обстановка комнат* в Соединенных Штатах, пожалуй, дешевле нашего. Конечно, особенно большую роль играет при этом разница в мебели. Но по некоторым предметам можно с известным основанием полагать, что мебель стоит там дешевле, чем в Германии. Все немецкие поставщики мебели, с которыми я говорил по этому поводу, единогласно утверждали, что совершенно невозможно и немыслимо продать «гарнитуру», например, 5 штук мягкой мебели за 100 или даже за 160 марок, что делают американские магазины.

Я приведу сейчас общие выводы моих справок и пользуюсь случаем, вместе с тем, принести благодарность всем тем лицам, которые так любезно оказали мне помощь при приобретении этих данных.

Для Америки я составил список *самых низких* цен для наиболее употребляемых предметов обстановки в трех самых крупных мебельных предприятиях Нью-Йорка — двух смешанных магазинах (department stores) и в одном специально-мебельном заведении, — где рабочие обыкновенно покупают мебель и пр.

Американские рабочие, по общему правилу, покупают свою мебель так же, как и наши, в рассрочку, уплачивая ежемесячно определенные доли.

Для Германии я приведу:

1) Данные, сообщенные мне г. Нейкирхом, рабочим секретарем в Бреславле, приобретенные им на основании личного опыта (А).

2) Самые низкие цены в двух наиболее крупных предприятиях Бреславля, где покупателями тоже являются рабочие; сведения почерпнуты мною из разговоров с представителями этих предприятий, причем я старался по возможности держаться конкретных отношений (В и С).

Сравнение американских и немецких цифр подтвердит правильность моего вышеприведенного вывода:

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ

Соединенные Штаты, долл.

	<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>
Складная железная кровать	2,9	2,75	10
Деревянная кровать	13,98	13,5–15	15
Матрацы	1,98	1,95–2,7	5
Стул	0,65	0,98	0,65
Кухонный стол	1,1	1,5–1,98	1,5
Обеденный стол	–	4,98	7,5
«Гарнитур» (5 шт.) (мягкая мебель)	17,5	24	40
«Гарнитур» (3 шт.) (мягкая мебель)	–	13,48	30
Upholstered couch (диван)	6,98	9,98	12
Iron couch	4,5	6,5	4,5
Железная кровать	2,48	2,25–2,98	4
Швейная машина	12,98	12,98	–
Шкаф для сбережения пищи	4,98–7,45	4,98–7,35	7,75
Лампа	1,25–1,65	1,35–0,69	–
Лампа для салона	2,49	3,25	3,50
Ковер для дивана	1,74–2,15	0,59–0,98	–
Ковер (per yard)	0,52–0,69	0,59	–
Картины	–	0,59–1	1–2

Цены приведены в долларах, так что при сравнении с марками их нужно умножить на 4,2.

Германия, марок

А. 1 платяной шкаф	70
1 Vertikow	60
1 стол	20
1 диван	60
6 стульев	40
1 кухонный шкаф	30
1 зеркало	50

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

2 кровати	90
В. Деревянная кровать с матрасом	54
Деревянная кровать без матраса	24
Стул	5
Кухонный стол	6
Выдвижной обеденный стол	35
Обыкновенный стол, полированный	14
«Гарнитур» (3 шт.)	225
«Гарнитур» (5 шт.)	300
Швейная машина	120
Ковер для дивана	12
Материя для ковров (рго м.)	2
Картины	6–12
С. Складная железная кровать	7,5–8
Матрацы: водоросли	6
Faser	10
Halbfaser	35
Диван	60–70
Плетеный стул (венский)	3,5
Кухонный стол	6,5
Обеденный стол (выдв. ящик)	8
Выдвижной стол	18
«Гарнитур» (3 шт.)	180–200
«Гарнитур» (5 шт.)	260
Железная кровать	7,5
Ковер для дивана	15

Пища

Здесь исследование становится еще труднее, в особенности при сравнении жизненного уровня различных общественных кругов. Ведь по отно-

шению к пище свести все данные к чистым цифрам еще значительно труднее, чем при рассмотрении покрытия жилищной потребности.

Во-первых, что касается самого характера пропитания, привычки американского рабочего опять-таки существенно отличаются от континентально-европейского, а в частности немецкого: американец питается преимущественно мясом, овощами, мучными продуктами, мягким пшеничным хлебом, немец же – картофелем, колбасой, грубым (ржаным) хлебом. Следовательно, при сравнении цен в обеих странах нужно твердо помнить, что разницы в ценах имеют совсем различное значение для различных стран, смотря по тому, относятся ли они к тому или другому предмету. При крупных расходах на мясо и незначительном количестве употребляемого им картофеля, американцу не важно, стоят ли цены на картофель немного выше или ниже: его гораздо больше интересуют цены на мясо. Для немца же наоборот. Но для общей оценки, разумеется, нужно принять во внимание, что средства питания при всех национальных отличиях в образе питания сохраняют свою абсолютную, физиологическую цену. Поэтому цены, способствующие мясному питанию, следует считать более выгодными для общего благосостояния, чем, наоборот, цены, приносящие к картофельному питанию.

Далее, чрезвычайно трудно составить хотя бы приблизительно достоверную статистику цен даже одних и тех же продуктов пропитания и вдвойне трудно сравнить между собой цены в различных странах. Во-первых, уже потому, что большое значение при этом имеет различие в качестве, которое к тому же различно определяется в каждом месте, в каждой стране. Например, цены на мясо, смотря по качеству куска, изменяются в пропорции 1:3. И как раз в Америке (для большей части продуктов питания) особенно значительна разница между предметами худшего и лучшего качества, и соответственно этому – между низшими и высшими ценами, например, как раз на мясо, что, разумеется, служит на пользу менее состоятельных классов населения. Кроме того, цены колеблются и по временам года (яйца!), и, наконец, сами методы сообщения, установления и публикации цен так различны, что теряется всякая охота производить большие сравнительные исследования. Придется, конечно, скромно удовлетвориться данными приблизительно достоверности и лишь приблизительно рисуящими нам картину действительных отношений. А для этого достаточно и имеющихся у нас источников. Я пользуюсь:

1. Для Соединенных Штатов уже цитированным 18-годичным отчетом официальной рабочей статистики (№ 7 «Uebersicht»), который, как я уже указывал, заключает в себе одно из самых полных (быть может, самое полное) собраний отдельных цен.

2. Для Германии (конечно, речь идет лишь о статистике *отдельных* *детальных* цен):

А. Средними ценами животных пищевых продуктов в Прусском королевстве, публикуемыми обыкновенно статистическом бюро.

В. Ценами мелочной торговли в 19 немецких городах, регулярно собираемыми в «Статистическом ежегоднике немецких городов».

С. Ценами прейскуранта бреславльского потребительного союза.

Так как речь может идти лишь о средних ценах, и в немецких источниках А и В именно таковые и содержатся, то и в американском отчете я пользуюсь лишь общей таблицей, сообщающей «average price», среднюю цену (выведенную из данных 2567 бюджетов), для каждого продукта. Вывод, к которому я пришел на основании как изучения источников, так и личного опыта, таков: цены важнейших жизненных продуктов, в общем, и в Соединенных Штатах, и в Германии одни и те же. Мясо приблизительно одинаково дорого; некоторые предметы (картофель, рис) дороже там, чем у нас, зато другие (мука, сало) там значительно дешевле. В общем, следовательно, семейство рабочего на одни и те же деньги может купить в Америке одинаковое количество жизненных продуктов, как и в Германии. Разве что оно задумало бы из каприза питаться одним картофелем, но этого оно, конечно, не станет делать.

Цифры приведенной мною ниже таблицы подтверждают, мне кажется, правильность моего вывода. Замечу еще, что цифры для Америки и немецких источников А и В относятся к 1901 г., и что я для сравнения нарочно в источнике С взял другой год (февраль 1904 г.). Данные американской статистики, приведенные в фунтах (фунт, *avoir-du-fois* = 0,45359 кг) и центах, я перевел в килограммы и пфенниги⁵¹. Цифры таблицы, где не сделано особых оговорок, дают цену одного килограмма в пфеннигах:

Предметы	Соединенные Штаты	Германия		
		А	В	С
Масло	229	227	179—225	272
Яйца (60 шт.)	414	388	300—582	—
Мясо (свежее)	135	127	127—163 (бедро)	—
Свинина	115	138	133—200	—

⁵¹ В статье «Как живет американский рабочий», помещенной мною в журнале «Жизнь» («Das Leben»), допущены при вычислениях некоторые ошибки. Приведенные там цифры, следовательно, не верны и могут быть исправлены по этим.

Предметы	Соединенные Штаты	Германия		
		А	В	С
Кофе	214	—	250—372	176—400
Картофель (1 кг)	10	—	4½—5	—
Мука (пшеничная)	23	—	25—46	36
Молоко (1 л) ⁵²	26¾	—	—	—
Рис	76	—	—	40—56
Сало (копченое)	104	164	140—203	168—190
Чай	467	—	—	400—600
Сахар	55	—	—	42—72

Интересным подтверждением правильности построенного нами на побочных данных утверждения, что стоимость пропитания для рабочего в Соединенных Штатах не отличается существенно от таковой в Германии, может служить прейскурант дешевых ресторанов, посещаемых рабочими. В так называемых *Nashhouses* встречаются карты, цены которых не выше цен в наших народных столовых. Это рестораны в 10 центов. В них можно получить порцию мяса с картофелем, хлебом, маслом, а также кофе, чай или молоко, свиную, телячью или баранью котлету, солонину, сосиски с приправой, три яйца и т. д. за 10 центов, т. е. 42 пф.⁵⁴ Совсем уже приличны рестораны в 15 центов, в которых обедают хорошо зарабатывающие несемейные рабочие. Я сам нередко «обедал» в Нью-Йорке в этих трактирах, где «regular dinner», «обычный обед» (состоящий из супа, мяса, овощей, картофеля, десерта и чашки чая, кофе, молока или какао), стоил 25 центов, следовательно, немного больше 1 марки.

Одежда

Здесь нам приходится уже совсем плохо. Ни один исследователь бюджетов никогда не углублялся в эту скользкую тему. Ни в одной официальной или полуофициальной статистике не фигурируют подштанники и ночные рубашки, что имеет, понятно, свою причину. Ведь нигде не говорит цена так мало, как в одежде. «Костюм» — обозначим даже точнее — «костюм из синего шевиота» может стоить 30, а может стоить и 300 марок, «пара дамских опойковых ботинок» стоит 8, но может стоить и 40 марок

⁵² В Бреславле 18—20, в других больших городах больше.

⁵³ В Бреславле 18—20, в других больших городах больше.

⁵⁴ См. прейскурант одного такого ресторана у *Кальба* (№ 144 моего «Uebersicht». С. 9).

и т. д. Потому и данные прейскурантов здесь не имеют большой цены. Если мы приведем самые низкие цены, например, в немецких торговых домах, то мы найдем среди них такие, каких не встретим в Америке. Так, мы наткнемся на особенно известные своей дешевизной предприятия, встречающиеся теперь во многих больших городах Европы; здесь продаются костюмы для мужчин «из Fantasiestoff, или из черного или синего шевиота», ценой в 13,5 марок, летние мужские пальто за 15 марок, готовые дамские костюмы также всего лишь за 13,50 марок. Здесь же имеются мужские ботинки ценой в 5,5 марок, также и дамские ботинки на шнурках из конской кожи, ценой в 5,5 марок; затем мужские черные или цветные войлочные шляпы в 1,9 марок, мужские дневные сорочки в 1,9 марок и т. д.

А если в Соединенных Штатах даже самые дешевые предметы стоят дороже, то в значительной степени это объясняется тем, что в Америке ни один человек, в том числе и рабочий, не станет покупать такой заведомой дрянью.

Если же сравнить предметы одного приблизительно качества, то мы найдем, что обувь там, пожалуй, даже дешевле, чем у нас. Я не думаю, чтобы в немецком сапожном магазине пара мужских ботинок, стоящих в Америке 2,5 или 3 долл. (11—13 марок), была бы одинаковой прочности с американскими. Наоборот, белье, верхнее платье и пр. там, по-видимому, несколько дороже, чем у нас. Во всяком случае, за отдельную штуку рабочий платит там дороже.

Все же лучшим материалом для сравнения, именно по отношению к одежде, могут служить данные, приводимые сведущими людьми на основании личных сношений с рабочими. Для Америки у меня есть лично мне сообщенные г-жой Чарльс-Гюстед-Мор, составленные ею цифры. Это дама, которая в окрестностях Гринвичгауза (поселения в Нью-Йорке, главой которого является известная г-жа Симкович) методически исследовала образ жизни, «standard of living», почти 200 рабочих семейств. Цифры следующие:

Мужское платье:

Шляпы —	1—1,25—2	долл.	
Нижняя одежда —	0,25—0,5	—»—	штука;
	0,5—1	—»—	за «гарнитуру», нижние штаны и куртку
Цветные рубашки —	0,49—1	—»—	
Фланелевые рабочие рубашки —	1,25—3	—»—	
Носки —	0,05—0,16—0,25;	—»—	обыкновенно пара за 0,25

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ

Носовые платки —	0,05	долл.	
Галстуки —	0,1–0,25	—»—	
Верхнее платье —	7,5–9–12	—»—	
Пальто —	11–13	—»—	
Сапоги —	1,25–5	—»—	
Брюки —	1–2	—»—	
Большие непромокаемые сапоги —	3,75	—»—	
Брюки —	0,25–0,5	—»—	
<i>Женское платье:</i>			
Капоты (для домашней работы) —	0,49–0,90–1,50	—»—	
Нижнее платье —	0,25–0,5	—»—	штука
Чулки —	0,07–0,08–0,25	—»—	пара
Ботинки —	1–2	—»—	
Туфли —	0,5	—»—	
Верхняя кофточка или накидка —	2,98	—»—	
Юбка (skirt) —	2–2,98	—»—	
Нижняя юбка —	0,25	—»—	
Перчатки —	0,1–0,15–0,5	—»—	
Шляпы —	0,29–2	—»—	
Блузы —	0,49–1,98	—»—	
Черный костюм —	15	—»—	
Корсеты —	0,5–1,25	—»—	
<i>Детское платье:</i>			
Для детей 1–5 лет:			
Башмаки —	0,5–0,75	—»—	
Рубашки —	0,05	—»—	
Верхнее платье —	0,15–0,18–0,2	—»—	
Шляпки или шапочки (карпен) —	0,25	—»—	
Для детей 5–10 лет:			
Кофточки или накидки для девочек —	1–1,69	—»—	
Шляпы для девочек —	0,25	—»—	
Чулки для девочек —	0,06–0,10	—»—	
Платье для девочек —	0,98	—»—	
Ботинки для девочек —	0,75–1–1,5	—»—	
Штаны для мальчиков —	0,25–0,5	—»—	

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

Рубашки для мальчиков —	0,25	долл.
Пальто или накидка		
для мальчиков —	2,5—0,39	—»—
Блузы для мальчиков —	0,25—0,5	—»—
Верхнее платье		
для мальчиков —	1,5—3	—»—
Для детей 10—15 лет:		
Верхнее платье		
для мальчиков —	5—6	—»—
Штаны для мальчиков —	0,5—1,5	—»—
Шляпы для мальчиков —	1	—»—
Плащи для мальчиков —	3,5	—»—
Шапочки для мальчиков —	0,25	—»—
Блузы для мальчиков —	0,49—1,25	—»—
Башмаки для мальчиков —	1	—»—
Юбки для девочек —	1,25	—»—
Нижнее платье для девочек —	0,1—0,25	—»—

Что касается Германии, то здесь я опять некоторыми данными о ценах обычно носимого рабочими платья обязан любезным сообщениям господина Нейкирха, рабочего секретаря в Бреславле.

Мужское платье:

Верхнее платье в рассрочку —	50—60	марок
Верхнее платье на наличные —	30	—»—
Рабочее платье —	20	—»—
Сапоги —	9	—»—
Шляпы —	4	марки
Нижнее платье (2 шт.) —	3,5	—»—
Фланелевая рабочая рубашка —	2,5	—»—
Цветные рубашки —	2	—»—
Чулки, пара —	0,5—0,6	—»—
Носовые платки (пестрые) —	0,1	—»—
Пальто в рассрочку —	50	марок
Пальто на наличные —	30	—»—

Женское платье:

Платье —	25	марок
Фланелевые нижние юбки —	2—3	марки
Чулки, пара —	1	марка
Шляпы —	4—5	марок

Сапожки —	7	марок
Блузы —	3, 6, 8	—»—

Если принять эти цифры за типичные и сравнить немецкие с американскими, то получится, что и одежда американскому рабочему обходится не дороже, или незначительно дороже, чем немецкому.

IV. Как живет рабочий?

Итак, если американский рабочий получает в два или три раза большую заработную плату, а необходимые жизненные продукты не обходятся ему значительно дороже, то, спрашивается, каков же образ жизни американца, т. е. какое именно употребление делает он из своего избыточного заработка: больше ли он сберегает, или полнее удовлетворяет свои «необходимые» потребности (пища, квартира, одежда), или тратит он больше на «роскошь»? Ведь, ему представляются именно эти три возможности.

Насколько мне известно, и насколько это можно заключить из имеющегося материала, пожалуй, больше всего тратит он на второе.

Важнейшими источниками для исследования являются домашние бюджеты. Нам нужно сопоставить хотя бы сколько-нибудь сравнимые бюджеты. Для Америки у нас есть уже часто приводившаяся официальная вашингтонская анкета, цифры которой составлены на основании 25 440 бюджетов рабочих. Дополнением к ней, могущим в то же время проверить цифры анкеты, могут служить исследования рабочего бюро Массачусетса в 1902 г., относящиеся к 152 рабочим семействам (№ 16-а моего «Uebersicht»).

Средний доход семейств, относительно которых производились исследования вашингтонского бюро, равнялся 749,5 долл., доход 2567 семейств, относительно которых имеются особенно точные данные, — 827,19 долл., и, наконец, доход 152 семейств Массачусетса — 863,37 долл.

Вспомним теперь вывод, к которому мы пришли на основании сравнений статистики заработной платы: денежная заработная плата в Соединенных Штатах в два-три раза выше, чем в Германии. Тем, следовательно, американским семействам, бюджет которых мы исследуем, будут соответствовать немецкие рабочие семейства с доходом в 1574, 1737, 1813 марок, если мы примем, что доход американского рабочего лишь в два раза, и 1050, 1158, 1209 марок, если в три раза выше немецкого⁵⁵. Нельзя поэто-

⁵⁵ На основании разницы в оплате, выводить разницу доходов мы можем с полным правом, потому что в общем семейном доходе заработок главы семейства в Соединенных Штатах играет скорее большую роль, чем в Германии.

му думать, что сведения о немецких рабочих бюджетах, которые я приведу для сравнения, принадлежат к относительно более низкой ступени, чем американские; при втором и третьем бюджете это скорее наоборот. Следующие из новейших сопоставлений мне кажутся наиболее ценными и пригодными для нашей цели.

1) Как живет рабочий (20). О домашнем хозяйстве рабочих города и деревни. Собрано и обработано *Максом Май*. Берлин, 1897 (цит. ниже по имени автора — Май). Доход колеблется между 647 и 1957 марками, средний доход равняется 1222 маркам, доход рабочих в больших городах от 1445 до 1957 марок.

2) Исследования о домашнем хозяйстве нюрнбергских рабочих. Материал для исследований условий жизни нюрнбергского пролетариата. Обработано в рабочем секретариате Нюрнберга *Адольфом Брауном*. Нюрнберг, 1901 (цит.: Нюрнберг). Исследования относятся к 44 бюджетам рабочих, доходы которых следующие:

в	2	случаях	меньше 1000	марок
»	20	—»—	1000—1500	—»—
»	12	—»—	1500—1750	—»—
»	7	—»—	1750—2000	—»—
»	3	—»—	больше 2000	—»—

3) Условия жизни промышленных рабочих в 17 общинах Карлсруэ. Составлено фабричным инспектором д-ром *Фуксом*. Карлсруэ, 1904 (цит.: Карлсруэ). Денежный доход (14) исследованных рабочих бюджетов колеблется между 1060 и 2285 марок. Средний доход равняется 1762 маркам.

4) Данные о заработной плате и исследования домашнего хозяйства мало зажиточного населения Берлина в 1903 г. Берлинская статистика, издаваемая статистическим бюро города Берлина (обработал проф. д-р *Гиршберг*). 3-я тетрадь. Берлин, 1904 (цит.: Берлин). Относится к 908 хозяйствам, доход которых исчислялся в среднем в 1750 марок; в 221 хозяйстве доход колебался между 1200 и 1500 мар., у 303 — между 1500 и 1800 мар., у 169 — между 1800 и 2100 мар., у 693, следовательно, между 1200 и 2100 мар.

Посмотрим прежде всего, в каком отношении друг к другу находятся приход и расход сравниваемых здесь бюджетов, и каковы в том и другом цифры сбережений.

Май: из 20 семейств 5 делают сбережения в среднем в 92 марки.

Нюрнберг: 32 семейства имеют в среднем избыток в 125 марок, 12 — дефицит в 82 марки.

Берлин: у 339 хозяйств средний остаток в 53 марки, у 464 дефицит в 79 марок.

Массачусетс: у 96 семейств доход превышает расход в среднем на 85 долл. (357 марок), у 9 доход равняется расходу, а у 47 и здесь также дефицит, в среднем, в 77 долл. (323 марки), причем нужно, во всяком случае, заметить, что два из этих дефицитов одни лишь составляли вместе 710,85 долл.

Вашингтон: у 12816 семейств имелся остаток приблизительно в 120,84 долл. (508 марок), у 4117 дефицит (в среднем в 65,58 долл. = 275 марок), у остальных 8507 семейств доход равнялся расходу.

Итак, американцы находятся в несколько более благоприятных условиях, но далеко не в такой степени, как этого можно было ожидать. Число семейств, сберегающих кое-что из своего ежегодного дохода, незначительно больше, чем у нас (половина против $\frac{4}{9}$ в Берлине, если остальные относящиеся сюда цифры, вследствие их незначительного числа, мы будем рассматривать как случайные). Следовательно, и американский рабочий также часто расходует все, что получает (а иногда и больше того). Он должен, конечно, поэтому значительно лучше жить, чем рабочий немецкий. И не может быть сомнения, что так это и есть на самом деле.

Я уже говорил, что свой столь высокий доход он тратит прежде всего на удовлетворение в более достаточной степени «необходимых» жизненных потребностей, т. е. лучше живет, лучше одевается, лучше питается, чем его немецкий товарищ.

О различии в *квартирных условиях* Америки и Германии я уже говорил достаточно. В общем нужно принять, что в то время, как квартира американского рабочего имеет в среднем 4 комнаты, квартира немецкого не имеет даже и двух. Ведь, на 908 берлинских семейств, представляющих собой скорее тип выше нормального, квартира имела в среднем 1,4 комнаты, между тем как число комнат в квартирах, занимаемых 25440 американскими семействами, поскольку последние живут в наемных рабочих казармах, равнялось 4,67, а у живущих в собственных домах — даже 5,12. Также и внутренняя обстановка квартиры в Америке несравненно более комфортабельна, чем у нас. Наиболее зажиточные рабочие квартиры совершенно напоминают квартиру среднего немецкого бюргера. Вы найдете там хорошие кровати, удобные стулья, ковры и пр. Разница еще не так значительна, когда мы сравниваем расходы лишь на первоначальное обзаведение мебелью. По заслуживающим доверия данным, городской рабочий в Америке на устройство квартиры тратит 100—150 долл. (420—650 марок), а в Германии — 300—400 марок. Зато чрезвычайно сильно отличаются друг от друга в бюджетах суммы, затрачиваемые на обновление мебели, починку ее и т. п. Последние в немецких бюджетах по большей части до смешного низки в сравнении с соответственными суммами бюджетов американских. Таким образом, по-видимо-

му, американский рабочий (как у нас средние слои населения) постепенно все более и более улучшает свою обстановку, в то время как немецкий должен ограничиваться первоначальным обузаведением и самыми необходимыми починками.

Так, 44 нюрнбергских семейства на мебель и вообще комнатную обстановку истратили вместе лишь 635,36 марок (= 1,05 % всех расходов), на оборудование кухонь 169,33 марок (= 0,28 %), в среднем, следовательно, на комнаты и кухню каждое 18–19 марок. 908 семейств берлинских на мебель, обстановку и пр. тратили 20 марок (1,2 %), семейство в Карлсруэ 23 марки (1,5 %), у Мая 18 марок; рабочие же в Массачусетсе тратили 22,94 долл. (2,71 %); 2567 семейств, по данным большой анкеты – 26,31 долл. (3,42 %), следовательно, они в 5–6 раз большую сумму денег употребляли на обновление и поддержание в порядке своей квартирной обстановки и достигали, конечно, значительно большего действительного комфорта.

Как отличается тамошний *образ питания* от здешнего, мы выясним лучше всего, если определим количество употребляемых продуктов питания и выясним действительное потребление продуктов. Большая американская анкета содержит на этот счет некоторые пригодные данные, а из немецких до известной степени сравнимые цифры приводят две анкеты – Нюрнберга и Карлсруэ⁵⁶.

Нужно заметить, что размеры семейств во всех случаях почти одинаковые: 5,31 человек в Америке, 5,36 – в Карлсруэ, 5 – в Нюрнберге. Американские меры (Buschls, Quarts, Avoir-du-fois – Pfund, Loaf) я перевел, чтобы сделать их сравнимыми с немецкими цифрами, в килограммы. Для недостающих здесь продуктов нельзя было найти сравнимых цифр.

Рабочее семейство в среднем употребляет ежегодно:

	<i>Соединенные Штаты</i>	<i>Карлсруэ</i>	<i>Нюрнберг</i>
Черный хлеб (кг)	113,7	582	?
Белый хлеб (кг)		132	?
Мясо (для Германии мясо и колбаса вместе; для США свежее и соленое мясо, рыба и птица вместе)	381,7	112	95 (без колбасы)
Картофель	376,1	647	267
Мука (кг)	306,4	91	55

⁵⁶ Обе определяют лишь часть жизненных продуктов, нюрнбергская, кроме того, относится не ко всем 44 хозяйствам, а лишь к 21, 22 и 24-му.

	<i>Соединенные Штаты</i>	<i>Карлсруэ</i>	<i>Нюрнберг</i>
Масло (кг)	52,7	20	5,3
Жиры всякого рода (для Германии, включая сюда сало, для США, включая сало — lard) (кг)	38,0	32	22,6
Сыр кг	7,2	12	?
Молоко (л)	333,2	737	
Яйца (шт.)	1022	612	?
Сахар (кг)	120,6	31	?
Рис (кг)	11,3	?	5,5

Итак, согласно этим данным, американский рабочий потребляет почти в три раза больше мяса и муки, в четыре раза больше сахара, чем немецкий (высокое потребление муки, яиц и сахара указывает на обильное потребление мучного: пирогов, пудингов и т. п.).

Но в нашей таблице не хватает еще целого ряда важных продуктов питания, а потому она далеко не полно рисует разницу между тамошним и нашим образом питания. Ведь, например, расход на овощи американских семейств равнялся 18,85 долл., т. е. около 79 марок, а у берлинских 23, в Нюрнберге 14, а в Карлсруэ 9 маркам; расход на фрукты (играющие в хозяйстве американца неведомую у нас роль) равнялся 16,52 долл., следовательно, приблизительно 70 маркам, а в семействах рабочих в Берлине 13, Карлсруэ — 7, в Нюрнберге — 8—9 маркам.

В дополнение я приведу еще те суммы денег, которые затрачиваются, по данным различных анкет, на важнейшие жизненные продукты.

Ежегодно расходовали в марках:

	<i>На мясо (в т. ч. соленое мясо, колбасу, рыбу, в т. ч. сельдьку и пр.)</i>	<i>Хлеб</i>	<i>Молоко</i>	<i>Яйца</i>
в Вашингтоне	462	52	90	70
в Массачусетсе	605	?	131	?
у Мая	161	128	78	?
в Нюрнберге	213	129	67	24

	<i>Мясо</i>	<i>Хлеб</i>	<i>Молоко</i>	<i>Яйца</i>
в Карлсруэ	145	134	34	13
в Берлине	270	137	72	37

В общем, и по условиям своего питания американский рабочий приближается скорее к нашим зажиточным средним кругам, чем к классу наемных рабочих.

Но что по образу своей жизни он скорее походит на наши средние буржуазные слои, чем на наших рабочих, это лучше всего, пожалуй, видно из того, как он *одевается*. Его одежда особенно поражает всех, кто в первый раз приезжает в Америку. Привожу следующее описание Кольба (№ 144 моего «Uebersicht»): «Там (на велосипедной фабрике) многие носили даже крахмальные рубашки; на время работы воротнички отстегивались, а манжеты (обыкновенно не пристегивающиеся) засучивались до локтей; когда раздавался свисток, и люди выходили из фабрики, то их трудно было принять за рабочих. Многие возвращались домой на велосипедах. Иные были в элегантных шляпах, желтых башмаках и модных перчатках. И это обыкновенные рабочие, с 1¼ долл. дневного заработка». А работницы! Это «ladies» — как их здесь обыкновенно называют. Одежда их, в особенности молодых девушек, часто прямо-таки элегантна; на многих фабриках я видел работниц в светлых цветных, даже в белых шелковых блузах; почти все они приходят на фабрику в шляпах. «Les gants blancs étaient de rigueur», — рассказывает М-е van Vorst (№ 143 «Uebersicht») об одном бале работниц, — а приход дам-работниц в ресторан, где они (NB: в будничные дни, во время обеденного перерыва фабричной работы) обедают, она описывает следующим образом: «Они приходили группами, изящные, в шелковых юбках (!), в шляпах, разукрашенных перьями, гирляндами цветов, целой горой украшений; лайковые перчатки, сумочки на поясе, выложенные серебром, вышитые блузы, завитые волосы дополняли туалет, в котором все было на эффект»!

Спрашивается, можно ли эту роскошь в одежде выразить в цифрах, чтобы сравнить ее с другими странами? П. Робертс, который, правда, смотрел на современную «роскошь» рабочего населения глазами моралиста и порицателя, в своих исследованиях о положении рабочих на каменноугольных копях Пенсильвании приводит интересные данные именно о расходах на туалет. В то время, как новоприбывшие «славянки» тратят на свою одежду долларов 25 в год, обыкновенная американская женщина («average woman») расходует на этот предмет 50–60 долл., иногда даже до 100 и 150 долл. О мужчинах же он сообщает: «гунн» платил за свою одежду 5 долл., «поляк» — 10, «латыш» — 15. Англосаксонец платит от 15 до 20 долл. Неко-

торые носят платье, сделанное на заказ. Они никогда не выходят без воротничков, манжет и белой рубашки, иголок и запонок, золотых часов с цепочкой, и редко без золотых колец. За пару ботинок платят 2–3 долл. и приблизительно столько же за шляпу. Они никогда ничего не покупают в магазинах, торгующих старым платьем. Для холодных дней у каждого есть удобное пальто, а у некоторых даже два: одно для весны и осени, а другое для зимы. В противоположность к новоприбывшим иностранцам, даже старшим поколениям туземцев, «young America» меняет чрезвычайно часто свои костюмы. Лишь только платье хоть немного износилось, оно уже не годится больше. Прошлогонняя шляпа в этом году уже не носится. Воротнички и манжеты меняются сообразно с требованиями моды. На белье и нижнее платье тратится также очень много. В общем, следовательно, обыкновенный молодой человек — the average young man of native birth — женатый или холостой, должен расходувать на свой туалет 40–50 долл. (следовательно, 168–210 марок). Эти данные находят себе подтверждение в цифрах наших бюджетов домашних хозяйств. Во всех них расходы на одежду абсолютно и даже относительно (ко всему доходу) высоки, значительно выше, чем у нас.

2567 семейств в Вашингтоне тратили в среднем ежегодно:

на одежду мужа	142	марки	=	4,39	%	всего	дохода
на одежду жены	109	—»—	=	3,39		—»—	
на одежду детей	202	—»—	=	6,26		—»—	
на одежду всех вместе	453	—»—	=	14,04		—»—	

Рабочие Массачусетса ежегодно в среднем тратили:

на одежду вообще	456	марок	=	12,81	%	всего	дохода
------------------	-----	-------	---	-------	---	-------	--------

К подобному же выводу — именно, что расход на одежду американской рабочей семьи составляет в среднем 12% всего дохода — пришла также и уже упомянутая г-жа Чарльз-Гюстед-Мор.

У немцев же ежегодно в среднем на одежду тратят:

у Мая	163	марки	=	13	%	всех	расходов
в Карлсруэ	218	марок	=	12,5		—»—	
в Нюрнберге	117	—»—	=	8,5		—»—	
в Берлине	144	марки	=	8		—»—	

Нужно принять, что две последние цифры ближе к действительности, чем две первые. Что касается Карлсруэ, то здесь сам докладчик высокий расход на одежду объясняет большой нуждой в обуви (вследствие длинных дорог к месту работы). Почему же у Мая расходуют на одежду боль-

ше, чем в Берлине и Нюрнберге, это для нас неясно. Принимая во внимание незначительное количество исследованных семейств, можно допустить, что здесь дело объясняется просто случайностью. Во всяком случае, на основании вышеприведенных цифр можно сказать: американский рабочий на одежду тратит абсолютно в три раза, а относительно — в полтора раза больше, чем немецкий.

Привычка американского рабочего так роскошно удовлетворять свои потребности в квартире, пище и одежде своим естественным следствием имеет то, что его «свободный» остаток, несмотря на столь высокий общий доход, не составляет большего процента, чем у его немецкого коллеги. Пожалуй, даже у немецкого рабочего цифры последнего выше. Если даже предположить, что здесь много случайного, что различие в методах особенно заметно именно здесь, все же данных наших анкет, относящихся к делению расходов на главные категории, нельзя категорически отвергать. А по этим данным, у американца, по покрытии расходов на квартиру, пищу и одежду, остается часть дохода, лежащая ближе к одной пятой (в двух случаях), чем к одной четверти (последняя, и то еще не вполне, достигается в одном случае), в то время как у немецкого остается на разные расходы скорее больше, чем меньше четверти (около трех десятых). Вот цифры:

	<i>Из всех расходов шло (в %) на:</i>			<i>На все остальные расходы оставалось, %</i>
	<i>пищу</i>	<i>жилище, включая отопление и освещение</i>	<i>одежду</i>	
Американские: 1156 «нормальных семейств»	43,13	24,81	12,95	20,11
Американские: 2567 специально исследованных семейств	42,54	19,98	14,04	23,44
Американские: семейства в Массачусетсе	49,01	18,11	12,81	20,07
Немецкие: в Карлсруэ	47,1	11,0 ⁵⁷	12,5	29,4
Немецкие: в Берлине	47,34 ⁵⁸	20,31	8,11	23,95

⁵⁷ Эта низкая цифра объясняется тем, что она относится к рабочим из сельских округов.

⁵⁸ Процент общего дохода, который у большей части семейств немногим превосходит общие расходы.

	Из всех расходов шло (в %) на:			На все остальные расходы оставалось, %
	пищу	жилище, включая отопление и освещение	одежду	
Немецкие: у Мая ⁵⁹	48,44	14,50	13,00	24,06
Немецкие: в Нюрнберге	42,82 ⁶⁰	18,73	8,50	29,95

Что же делает немецкий рабочий со своим (относительно) столь большим остатком от «необходимых» расходов? Тратит ли он больше на цели образования, на удовольствия, на союзы, на подати, на врачей? — Ничего подобного. Все, что он «сберегает» после расходов на квартиру, одежду, пищу, все это он пропивает. *Всю разницу между «свободными» доходами американского и немецкого рабочего — и даже больше — поглощают расходы на спиртные напитки.* В последнее время часто указывали⁶¹, что, по-видимому, американский рабочий меньше потребляет алкоголя, чем его немецкий коллега. Я могу цифровыми данными подтвердить это наблюдение.

Из специально исследованных 2567 американских рабочих семейств почти половина совершенно воздерживалась от употребления спиртных напитков: лишь у 50,72 % вообще были расходы на последние. Но и у тех из них, которые употребляли алкоголь, расходы на «опьяняющие жидкости» («intoxicating liquors» — техническое обозначение «спиртных напитков» в статистике) были весьма невелики. Эти семейства ежегодно тратили в среднем 24,35 долл. (103 марки) (тамошние уроженцы — 22,28 долл., иноземцы — 27,39 долл.; больше всего тратили шотландцы — 33,63 долл. и немцы — 33,50 долл.); что составляет 3,19 % всех расходов. Если же расходы на спиртные напитки, делаемые пьющими семействами, причислить к общим расходам всех семейств, то получится, что средний расход на этот предмет равняется 12,44 долл. (52 марки), или 1,62 %. (Бюджеты семейств в Массачусетсе, к сожалению, не содержат никаких особых данных на этот счет.)

Для правильной оценки немецких цифр нужно принять во внимание, что алкоголь — а именно пиво — в Соединенных Штатах значительно

⁵⁹ Исключая потребляемые дома спиртные напитки.

⁶⁰ Исключая все спиртные напитки

⁶¹ Ср., например, интересную статью д-ра мед. *Laquer*: «Пьянство и воздержание в Соединенных Штатах», помещенную в «Grenzfragen des Nerven und Stelenlebens», изд. д-ром Л. Левенфельдом и д-ром Г. Курелла. Висбаден, 1905.

дороже, чем у нас. Обычной мерой для местного изделия пива являются $\frac{2}{10}$, в лучшем случае $\frac{3}{10}$ литра, и это стоит в среднем 5 центов, т. е. около 20 пфеннигов. Немец получает, следовательно, за те же деньги, по крайней мере, двойное количество «напитка», а в Южной Германии, вероятно, и тройное. Впрочем, американское пиво несколько крепче, чем южно-германское. Теперь я приведу цифры анкеты немецких хозяйств. (У Мая нет особых цифр относительно употребления спиртных напитков.)

Относительно воздержанны рабочие Берлина. Они расходуют на пиво и водку в среднем ежегодно 111 марок, что составляет 6,64 % всех расходов. И все же, пожалуй, они пьют в четыре или пять раз больше, чем американцы.

Но чрезвычайно много на потребление алкоголя идет у южно-немецких семейств. Рабочие Карлсруэ расходуют на алкоголь в среднем 219 марок, т. е. больше, чем $\frac{1}{5}$ расходов на хозяйство, 12,6 % всех расходов. И нам известно также, какое количество алкоголя получают они на эту сумму; семейство ежегодно потребляет в среднем 769 литров пива, 139 литров вина, 6 литров водки. На здоровье!

Несколько скромнее расходы на спиртные напитки у семейств Нюрнберга. Но и у них они составляют в среднем 143 марки, т. е. 9,61 % всех расходов, причем на пиво приходится 9,21 %. Принимая во внимание низкие цены на пиво в Нюрнберге, городе пива, можно сказать, что и здесь выпиваемое количество немногим уступает Карлсруэ. Итак, немецкое рабочее семейство тратит на алкоголь в три-четыре раза больше, чем американское, выпивает, следовательно, пожалуй в шесть-семь раз больше и отягчает свой бюджет расходами на этот предмет, по крайней мере, на ту же сумму, которую перерасходуют американцы на квартиру, пищу и одежду. В общем, вероятно, по выключении расходов на спиртные напитки, остающийся у рабочего свободный остаток составляет в Америке больший процент, чем в Германии. А именно: для наших семейств он равнялся:

в Соединенных Штатах	21,82 %
в Карлсруэ	16,8 %
в Берлине	17,34 %
в Нюрнберге	20,34 %

Этот излишек американец тратит частью на церковные и благотворительные цели (1,30 %), частью на обстановку квартиры (3,42 %), а все же остальное распределяется там на те же приблизительно потребности, что и у нас. Почти одно и то же у нас и у американцев составляют расходы на удовольствия, подати, книги и газеты, доктора и аптеку, страхование (там частное, у нас государственное) и т. д.

V. Образ жизни и мировоззрение

Было бы слишком рискованным пытаться в деталях доказать влияние такого своеобразного, чуждого нам, образа жизни американского рабочего на его социальное настроение. Предоставляю специалистам по философии питания открывать связи между антисоциалистическим образом мыслей американского рабочего и его преимущественно мясным питанием и пудингами или его воздержанием от спиртных напитков. Благоклонные к капитализму фанатики воздержания откроют, пожалуй, тесную связь между ядом алкоголя и ядом социализма. Но оставим это.

Одно несомненно: американский рабочий живет в благоприятных условиях. В общем, он не знает гнетущей квартирной нужды, его не влечет из дому, — ведь, его дом не похож на «комнату» рабочих в больших городах континентальной Европы, — в трактир; он в полной мере может предаваться ощущениям тонкого эгоизма, развиваемого домашней уютностью. Он хорошо питается и не знает неприятностей, естественно возникающих от продолжительного смешения картофеля с алкоголем. Он одевается как джентльмен, а работницы — как леди, и по его внешности вы не отличите его от представителей господствующего класса. Что же тут удивительного, если при таких условиях недовольство «существующим общественным строем» лишь с трудом возникает в сердце рабочего. Тем более это так, если этот вполне сносный, даже приятный образ жизни гарантируется ему и в будущем. А в этом он до сих пор мог быть вполне уверен. Ведь, мы не должны никогда забывать, каким постоянным темпом шел «экономический подъем» в Соединенных Штатах, за исключением коротких перерывов за время двух последних поколений, в которых собственно и мог лишь возникнуть социализм — и шел не вопреки капитализму, а благодаря ему.

Достаточно одного взгляда лишь на общие цифры статистики, чтобы рассеять все сомнения в действительности этого «подъема». Ведь, равнялись же в промышленности, торговле и обмене:

<i>Годы</i>	<i>Число наемных рабочих</i>	<i>Высота уплачиваемой заработной платы, долл.</i>	<i>Средняя заработная плата, долл.</i>
1850	957,059	236 755,464	247
1870	2053,996	775 584,343	387
1890	4251,535	1 891 209,696	445

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

А поскольку материальное положение рабочего все улучшалось, поскольку растущее благосостояние его образа жизни подвергало его соблазну полного растворения в материальных интересах, постольку он приучался любить ту систему хозяйства, которая устраивала ему его судьбу, постольку он должен был приспособлять свой дух к своеобразному механизму капитализма, должен был, наконец, сам подпасть под почти непреодолимое очарование, которое оказывает в это удивительное время на каждого быстро оборота и увеличивающееся значение измеримой величины. А влияние патриотизма — гордого сознания, что Соединенные Штаты по пути (капиталистического) «прогресса» опередили все другие страны — еще укрепляло его деловой образ мыслей и делало из него того воздержанного, расчетливого, безыдейного дельца, каким мы привыкли его знать. Перед ростбифом и яблочным пирогом пасуют все социалистические утопии.

Но для того, чтобы рабочий от полного сердца привязался к существующему порядку вещей, должен был еще целый ряд обстоятельств сложиться для этого благоприятно. Я хочу сказать: также и идейное содержание его жизни должно было быть комфортабельным. Об этом повествуют следующие страницы.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО

I. Демократический характер общественной жизни в Америке

Не только материальное положение американского рабочего гораздо благоприятнее, чем его европейских товарищей, но также и его отношение к людям, к общественным учреждениям, его положение в обществе, словом, то, что я называю его социальным положением, сильно отличаются от европейских условий жизни. «Свобода» и «равенство» (не только в формально политическом, но и в материально-социальном смысле) для него не голые понятия, не смутные мечты, как для пролетариата в Европе, а в значительной степени сама действительность. Его лучшее социальное положение является результатом одинаково и политических и экономических условий его жизни, — результатом радикально-демократической конституции и обеспеченного образа жизни, и то и другое в среде не имеющего собственной истории колониального населения, состоявшего и состоящего, в сущности, целиком из «пришельцев», в котором нет традиций феодализма (за исключением нескольких южных рабовладельческих штатов).

Но, к сожалению, этот своеобразный характер социального положения рабочего не может быть доказан — при помощи ли параграфов закона, или при помощи цифр — так точно, как это было возможно относительно его экономического и политического положения. Здесь доказательства частью должны покоиться на общем впечатлении, должны довольствоваться общей оценкой, не упускать из виду и мелочей — и все же, в общем, останутся недостаточными.

Кто когда-либо хоть немного наблюдал образ жизни американского рабочего или работницы вне стен фабрики или службы, тот с первого же взгляда должен был заметить, что имеет дело с совсем иного рода людьми, чем у нас. Мы видели уже, как шикарно, часто даже элегантно одеваются рабочие, в особенности же работницы. На улице они по всему своему облику — «господа»: *working gentlemen* и *working ladies*. На них нет печати принадлежности к особому классу, какую носят на себе почти все европейские

рабочие. И по походке, и по взгляду, по манере разговаривать американский рабочий резко отличается от европейского. Голова его высоко поднята, его походка эластична, речь свободна и приветлива, как у любого буржуа. Ни тени униженности и подчиненности. С каждым он обращается — и не только в теории — как с «равным». Глава профессионального союза, принимающий участие на каком-нибудь торжественном банкете, так же уверенно держится на паркете, как в Германии какой-нибудь сиятельный князь. Но, ведь, на нем при этом прекрасно сидящий фрак, лакированные ботинки, тонкое белье по последней моде, так что по внешности его никто не отличит хотя бы от президента республики.

Здесь совершенно неизвестны так неприятно поражающие в Европе поддобиострашие и лести перед «высшими классами». Ни одному кельнеру, ни одному кондуктору трамвая, ни одному городовому и в голову не придет изменять свое поведение, в зависимости от того, стоит ли перед ним «простой рабочий», или губернатор Пенсильвании. Для обеих сторон это чувство равноправия приводит к укреплению чувства собственного достоинства.

Вся общественная жизнь носит более демократический характер. Рабочему не тычут на каждом шагу в глаза, что он принадлежит к «низшему классу». Характерным показателем этого может служить один, общий для всех, класс на железных дорогах (лишь в самое последнее время он начинает разделяться на пульмановских спальных вагонах).

Также и сословная гордость в Соединенных Штатах гораздо менее распространена, чем именно у нас. А так как достоинство отдельного лица определяется не тем, что оно есть, а еще менее тем, чем были его родители, а тем лишь, что оно делает, то американцы близки к тому, чтобы сделать почетным титулом «работу» в ее абстрактной форме, «работу» как таковую, и тем самым относиться с почтением к «рабочему», несмотря на то, или скорее именно потому, что он рабочий. А последний в силу этого чувствует себя, конечно, иначе, чем его коллега в стране, где человек вообще начинается лишь, если не с барона, то с отставного офицера, с доктора или асессора.

И эта (своим происхождением обязанная демократическому устройству, всеобщему образованию, высокому материальному уровню жизни рабочего) фактически незначительная общественная разница между отдельными слоями населения вследствие вышеописанных обычаев и воззрений в сознании отдельных классов отражается еще слабее, чем она есть в действительности.

II. Предприниматель и рабочий

Этот характер равноправия, которым отличается вся общественная и государственная жизнь в Соединенных Штатах, царит также и внутри

капиталистического предприятия. И здесь предприниматель не стоит перед рабочим, как «господин», требующий послушания, каким он являлся и является по общему правилу в старой Европе с ее феодальными традициями. На первом месте здесь стоит чисто деловая точка зрения при заключении наемного договора. Формальное «равенство» предпринимателя и рабочего не явилось плодом долгой борьбы. Как американские женщины пользовались особым почетом в силу того, что их было немного, так и к рабочим, которых первоначально предприниматель не мог достать в любом количестве, он должен был относиться вежливо и предупредительно, и это отношение прочно укрепилось в демократической атмосфере страны. Еще теперь даже английские рабочие удивляются тому почтительному тону, с каким в Соединенных Штатах хозяин и мастер обращаются к рабочему; удивляются развязности американского рабочего даже на месте работы, где он «освобожден от оскорбительного надзора» («*delivré de ce qu'on peut appeler la surveillance vexatoire*»); их удивляет, что он может на день, на два уходить в отпуск, что он может во время работы выйти выкурить сигару, что он и за самой работой курит и даже имеет на фабрике к своим услугам автомат для сигар⁶². И еще то характерно в американском фабриканте, что он, несколько не заботясь, хотя бы о самых простейших, предохранениях от опасности работы за машиной, не заботясь несколько об объективно хорошем устройстве мастерских (часто бывающих переполненными и т. п.), в то же время самым охотным образом делает все, что может доставить рабочему субъективное ощущение приятности; другими словами, он заботится охотно об их комфорте: о ваннах, душах, шкафах с замками, уравнении температуры в рабочем помещении, зимой отопляемом, летом вентилируемом. Именно эти-то учреждения, обычные на американских фабриках, и поражали чрезвычайно английских рабочих в комиссии Мозели.

«Вы представьте себе, что бы ответил английский предприниматель, к которому предъявили бы требования принять те же меры для удобства своих рабочих», — говорит литейщик Mr. Maddison — и все прочие также «поражены удивительной организацией, созданной для комфорта и удобства рабочих».

Все это, конечно, мелочи, но, как известно, маленькие подарки поддерживают дружбу. Я постараюсь впоследствии доказать, что ни в одной стране на свете — с объективной точки зрения — рабочий не эксплуатируется так капитализмом, как в Соединенных Штатах; что ни в одной стране на свете рабочий не калечится так жестоко колесами капитализма, не убивается так скоро, как там. Но не об этом приходится говорить, когда вопрос идет

⁶² См. отзывы английских рабочих, принимавших участие в экспедиции комиссии Мозели.

о настроении пролетариата. Ведь для последнего важно лишь то, что доставляет радость и огорчение отдельной личности, что ценит она и к чему относится враждебно. И блестящим дипломатическим приемом можно считать то, что американский предприниматель (так же, как и политик в своей области) сумел, несмотря на всю фактическую эксплуатацию рабочего, сохранить у последнего хорошее настроение, так что последний и совсем не доходит до сознания своего действительного положения. А в этом отношении вышеупомянутая щедрость на мелочи сыграла большую роль.

Но и еще одно обстоятельство действовало в том же направлении, т. е. создавало из рабочего не врага, а друга капиталистической организации. Американский предприниматель превосходно сумел заинтересовать рабочего в успехе своего предприятия, отождествить до известной степени его интересы с интересами капитала, и не столько участием рабочих в прибыли (хотя и это во всевозможных формах практикуется в Соединенных Штатах), сколько целой системой мелких мероприятий, одно другое дополняющих и, в общем, приводящих к удивительным результатам. Благодаря этим мероприятиям, рабочий постоянно находится в лихорадке работы и заработка, а благодаря возможности получить *очень* высокий доход — он сохраняет постоянно хорошее настроение.

Широко распространенным приемом американского предпринимателя является то, что он старается непосредственно заинтересовать рабочего в техническом прогрессе. Этого он достигает тем, что охотно идет навстречу улучшению машин и т. п., и, когда оно введено и функционирует, он прямо или косвенно дает возможность рабочему пользоваться его выгодами. Таким образом, предприятие, в котором участвует рабочий, является в глазах последнего как бы его предприятием, в успехах и неудачах которого он живейшим образом заинтересован. Этот обычай принимать от рабочих советы и жалобы («*suggestions and complaints*») встречается во всех отраслях американской промышленности: как в корабельном деле, так и в кожевенном производстве, в производстве ножей и книгопечатании, в бумажном и прядильном производствах, в химической и оптической промышленности⁶³. В большей части фабрик находится так называемый «*suggestion box*», т. е. ящик, куда рабочие кидают свои «предложения» или советы. В особенности хорошо организована, как и все прочие подобные учреждения, эта система в известных образцовых заведениях *Cash Register Co* в *Dayton*, О. Здесь в каждом отделении фабрики стоят запертые конторки, а рядом

⁶³ См. отчеты комиссии Мозели (члены которой инициатором этого исследования специально были приглашены обратить внимание на этот пункт). С. XVII, 122, 152, 168, 213, 275, 354, 359, 416 и т. д.; затем *Gilman N. P. Methods of industrial peace*, 1904. P. 289.

с ними висит доска с надписью: «Complaints and suggestions» (жалобы и советы). Каждому рабочему предоставляется написать на куске бумаги, лежащей на столе, за своею подписью, свои жалобы на инструменты, машины или на условия работы, а также и предложения различных усовершенствований. Затем верхний лист — всего их два — он может оборвать и сохранить при себе, а находящийся под ним лист бумаги, на котором отпечталось то, что он написал, всунуть при помощи рукоятки внутрь стола, где эти листы наматываются на катушку. От времени до времени снимают заполненные катушки и читают предложения. Предложившим действительно заслуживающие внимания усовершенствования выдаются почетные дипломы и денежные премии. Высота такой премии определяется значением нововведения; с этой целью правлением предприятия ежегодно ассигнуется несколько тысяч марок. При раздаче премий приглашаются все рабочие и работники — более 2 тыс. человек, — и она производится чрезвычайно торжественно, с музыкой и спичами. В 1897 г. было подано 4 тыс. «заявлений», из которых 1078 были приняты во внимание, в 1898 г. на 2500 больше, а в 1901 г. — две тысячи, из которых $\frac{1}{3}$ была частью или целиком осуществлена.

Наконец, капитал старается еще тем заманить рабочего, что предоставляет ему участие в своих прибылях. Это достигается путем выгодного предложения акций. Таким образом, капиталисты одним выстрелом убивают двух зайцев: во-первых, они вовлекают рабочего в интересы своего дела, будят в нем низменные инстинкты погони за прибылью, спекулятивной лихорадки, и тем привязывают его к дорогой им системе производства, а, во-вторых, они сбывают таким путем низко стоящие акции, предупреждают этим грозящее падение курса и, может быть, оказывают даже в известный момент выгодное для себя влияние на биржу.

Эта система была применена в особенно широких размерах стальным трестом. В первый раз общество в 1903 г. употребило 2 млн. долл. остатка от прибыли предыдущего года на закупку 25 тыс. акций (shares of the preferred stock), которые оно предложило 168 тыс. служащих по курсу в 82,5, в рассрочку на три года. Чтобы склонить рабочих к сохранению акций, был обещан чрезвычайный дивиденд в 5 долл. за акцию в год при условии пребывания акций в продолжение более 5 лет в руках первого покупателя. Предложение было встречено всеобщим сочувствием: 48983 акции были приобретены служащими общества. Вскоре затем произошло падение курса (которого и старались избежать или задержать описанной операцией). Preferred shares этой «U.S. Steel Corporation» упали до 50. Новая хитрость, чтобы успокоить рабочих, а в то же время воспрепятствовать дальнейшему падению курса (которое произошло бы непременно, если бы рабочие стали продавать свои акции): общество обязалось находящиеся в руках рабочих акции принимать обратно по курсу 82,50 в том случае, если рабочие сохранят их до 1908 г. Уже

в декабре того же (1903) года корпорация сделала новый выпуск на тех же условиях, что и прежде, только курс этих preferred shares был установлен в 55. Снова 10248 служащих пошли на это и купили в общей сложности 32519 акций. А так как акции, между тем, опять поднялись до 82, то на этот раз рабочие оказались в выигрыше.

Результат, хотя бы временный, достигаемый такой политикой, ясен: «... делаясь участниками большого предприятия, множество мелких держателей акций привыкают все больше и больше смотреть на экономические вопросы глазами предпринимателя⁶⁴. Поводы для коллизий исчезают, когда разногласия тонут в чувстве общности владения. Рабочий проникается капиталистическим чувством. «Внимание получателя платы устремлено больше на денежный доход от его работы, чем на самую работу. Несомненно, это происходит в значительной степени от того, что получатель платы приходит в постоянное и интимное соприкосновение с классом людей, делающих деньги. Он видит, что достоинство предприятия определяется, главным образом, его барышами. И временами эти барыши мелькают перед его глазами. И, во всяком случае, наиболее для него очевидной вещью являются деньги»⁶⁵.

III. Бегство рабочего на свободу

Как бы, однако, ни были заманчивы искушения, с которыми подходит капитализм к рабочему, какое бы влияние ни оказывали они на более слабые характеры, все-таки едва ли их одних было достаточно для того, чтобы сделать из рабочих всех почти слоев тех мирных граждан, какими они являются в действительности. И, с другой стороны, должно было что-нибудь влиять на рабочего, чтобы он примирился с существующим экономическим строем, или, по крайней мере, не становился бы во враждебное к последнему положение. Ведь и американский капитализм также накладывает на человека цепи, и американский капитализм также не может отрицать тех рабских условий, в которых он держит рабочего; и у американского капитализма были периоды застоя со всеми своими губительными последствиями для рабочего: безработицей, понижением заработной платы и пр. Тогда, конечно, оппозиционное настроение должно было бы проявиться, по крайней мере, у лучших людей, если бы как раз наиболее сильные, наиболее предприимчивые, наиболее дальнорюкие не имели возможности уйти из цепей капиталистического хозяйства, или, по крайней мере, из узкого круга заработной платы.

⁶⁴ Ghent J. W. Our benevolent feudalism («Uebersicht», № 140). P. 163. Abram S. Hewitt Labour and Capital («Uebersicht», № 52). P. XLII/III.

⁶⁵ Президент Dartmouth College'a в Ганновере (New Hampshire) Lab. Bull. of Mass. 33, 241.

Здесь я затрагиваю ту своеобразную черту американского народного хозяйства, которая имела наибольшее значение для развития пролетарской психики. В болтовне Карнеджи и его поклонников, думающих убаюкать народ своими сказками о том, как они, или кто-либо другой, начав свою карьеру газетчиками, сделали затем миллиардерами, есть все же доля истины: шансы выйти из своего класса, без сомнения, в Америке для рабочего, действительно, были гораздо больше, чем в старой Европе. Новизна общества, его демократическое устройство, незначительное расстояние между классами предпринимателей и рабочих, колониальная свежесть многих пришельцев, англосаксонская энергия и многое другое — влияли в том направлении, что нередко простой рабочий поднимался по лестнице капиталистической иерархии до верхних — или почти верхних — ее ступеней. Многие, кроме того, пользовались гораздо более (в сравнении с европейскими условиями) широкой возможностью сбережений, переходили на самостоятельный образ жизни в качестве мелких буржуа (торговцев, трактирщиков и т. п.).

Но большую часть недовольных рабочих манила другая цель, к которой за время истекшего столетия, действительно, стремились и достигали ее сотни тысяч и миллионы людей, и которая приносила им освобождение от гнета капитализма, освобождение — в полном смысле этого слова: свободное житье на незаселенном Западе.

И в этом-то обстоятельстве, что фактически сколько угодно здоровых людей без всякого, или почти без всякого, состояния, поселяясь на свободной земле, могли превратиться в независимых земледельцев, я и усматриваю лучшее объяснение своеобразного мирного настроения американского рабочего.

Здесь не место, хотя бы в самых общих чертах, набросать историю поселенческого законодательства и фактического заселения обширных земель⁶⁶. Для наших целей будет достаточно установить следующее:

По закону о поселении 1860 и следующих годов, каждое лицо, достигшее 21 года, и являющееся гражданином Соединенных Штатов, или выразившее желание стать таковым, получало право, уплатив незначительную сумму денег, получить 80 акров (1 акр = 0,4 гектара) земли в местах, отведенных для проведения железных дорог, или 160 акров в каком-либо другом месте находящейся государственной земли, при условии клятвенного заявления, что оно действительно поселится на этом куске земли и будет обрабатывать его в свою пользу, а также, что оно не имеет намерения прямо или косвенно доставить этим выгоду кому-либо постороннему. На этот участок за посе-

⁶⁶ См. сжатое, но дельное изложение *Макса Зеринга*: «Die landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas in Gegenwart und Zukunft». Leipzig, 1887.

ПОЧЕМУ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ НЕТ СОЦИАЛИЗМА?

ленцем по прошествии 5 лет — при некоторых, легко выполнимых условиях — признается полное право собственности.

Что за последние 50 лет в Соединенных Штатах в качестве фермеров поселились миллионы людей, это — общеизвестный факт, не требующий никаких особых доказательств. Лишь для более ясного представления о размерах этого движения, я приведу данные о числе ферм, сообщаемые нам переписью:

1850	1449,073
1860	2044,077
1870	2659,985
1880	4008,907
1890	4564,641
1900	5737,372

И это все новые поселения фермеров на совершенно девственной почве; ведь за тот же период времени площадь находящейся под культурой земли возросла почти параллельно числу ферм.

Акров, находящихся под культурой, было:

1850	113 032,614
1860	163 110,720
1870	188 921,099
1880	284 771,042
1890	357 616,755
1900	414 498,487

То есть за два десятилетия, с 1870 по 1890 г., была захвачена для культуры площадь, в два раза превышающая Германскую Империю.

В этих поселениях, однако, сами американцы принимают наибольшее участие; свободная земля на Западе является такой же, если еще не большей, приманкой для жителей Американских Штатов, выселяющих туда свое «избыточное население», как и для переселенцев из других стран. В Соединенных Штатах переселения достигают гораздо более крупных размеров, чем в какой бы то ни было другой стране, и носят совершенно иной характер, чем в европейских государствах. У нас движение направляется преимущественно из земледельческих областей в города и промышленные округа, а в Соединенных Штатах, хотя происходит и такого рода движение, в особенности на Востоке, и даже усиливается из года в год, но наряду с ним замечается значительно более сильное движение в противоположном направлении: из более густо заселенных, более промышленных областей в местности безлюдные, со свободными землями.

Что при этом дело идет о передвижении в самых крупных размерах, на это указывают цифры, в изобилии сообщаемые нам статистикой⁶⁷.

В 1900 г. из американских уроженцев 13511728, или 20,7 %, жило не в том штате, где родилось, а из них 6165097 даже совершенно в другой группе штатов (которые вообще делятся: на североатлантические, южноатлантические, северные центральные, южные центральные, западные штаты). Эти 6 млн. человек переселились, следовательно, на далекое расстояние. И по большей части, как и следовало предполагать, из восточных в центральные и западные штаты: сюда направилось 5 млн. из 6. Возьмем несколько штатов с наиболее сильно развитой промышленностью, и посмотрим, сколько из них до 1900 г. выселилось излишнего населения в другие, более земледельческие штаты:

из Массачусетса	115,532
из Род-Айленда	12,942
из Коннектикута	44,597
из Нью-Йорка	806,553
из Нью-Джерси	76,346
из Пенсильвании	707,344
из Огайо	362,475
из Иллинойса	303,318
	2429,107

Итак, из 8 только штатов за несколько десятилетий ушли на свободу 2,5 млн. людей, что составляет около одной пятой или одной четверти всех туземного происхождения жителей этих штатов.

А что это переселение стоит в тесной связи с развитием капитализма, указывают нам другие цифры: цифры в различные годы отданных участков. Мы можем ясно проследить, как число их быстро возрастает в периоды промышленных депрессий, причем объяснения этому нельзя искать в увеличении иммиграции. А это значит, следовательно: из промышленных округов в годы депрессии выселяется на свободные земли и оседает там именно «резервная армия». Это относится, главным образом, к более ранним периодам, когда колонизация была еще легче. Так, например, число акров, отчужденных на основании закона об участках, а с 1875 г. также и на основании закона о лесных культурах, — в 1877 г. равнялось 2698770; а в два следующих года, во время которых промышленный «кризис» достиг своего кульминационного пункта, поднялось до 6288779 и 8026685; число же иноземных иммигрантов в том же 1878 г. было самое наименьшее со времен 1863 г. Промышлен-

⁶⁷ Ср. Census Reports. Т. 1. С. СХХV сл., 685 сл.

ная депрессия длилась затем в продолжение всех 1880-х гг. Вследствие этого и число иммигрантов сократилось наполовину: с 669 тыс. и 789 тыс. в 1882 и 1883 гг. до 395 тыс. и 334 тыс. в 1885 и 1886 гг. Несмотря на это, число розданных акров возросло с 7–8 млн. в начале 80-х гг. до 12 млн. во второй половине 80-х гг. В середине 1880-х гг. в среде американских рабочих вследствие затяжной депрессии замечалось сильное брожение, в Чикаго и других городах поднял свою голову анархизм; число первоначально сильно тяготевших к социализму «Рыцарей труда» («Knights of Labor») с 1883 до 1886 г. возросло с 52 до 703 тыс., а уже в 1888 г. сократилось почти до половины: сила натиска была уже сломлена. Революционно-настроенное излишнее население двинулось все в больших размерах на Запад, в области *terrae liberae*⁶⁸.

Значение для развития пролетарской психики того факта, что американский капитализм развился в стране с огромным пространством свободной земли, далеко еще, однако, не исчерпано определением числа поселенцев, в продолжение ряда лет спасавшихся бегством от капиталистического гнета. Ведь нужно помнить, что само сознание *возможности* когда угодно сделаться свободным земледельцем должно было сообщать американскому рабочему чувство уверенности и спокойствия, столь чуждое европейскому рабочему. Всякий гнет переносится легче, когда есть, по крайней мере, надежда на то, что в крайнем случае можно его сбросить.

Ясно, что вследствие всего этого отношение пролетариата к проблемам будущего устройства экономической жизни должно быть совершенно своеобразным. Возможность выбора между капитализмом и некапитализмом превращает всякую, лишь зародившуюся, неприязнь к этой системе хозяйства из активной в пассивную и вышибает почву из-под ног всякой антикапиталистической агитации.

В какой тесной связи с существованием свободных незаселенных земель стоит приветливый и прямодушный характер американца, его внутреннее довольство, его солидарность со всем миром вообще и с миром социальным в частности, это видно из следующих превосходных слов Генриха Джорджа: «Бесконечные пространства земель, еще не перешедших в частную собст-

⁶⁸ О влиянии «кризиса» 70-х гг. на переселенческое движение Зеринг сообщает следующее: «Целые толпы фермеров из восточных, средних и ближайших западных штатов продавали в эпоху 1873–1879 гг. свои имения, купцы и промышленники собирали остатки своих состояний, инженеры, ремесленники и рабочие свои сбережения, чтобы идти искать себе новую родину на Западе. Город Нью-Йорк был полон тогда земельными агентами, которые продавали скупленные в прежние годы у спекулянтов земельные участки; целые колонии почти каждую неделю выселялись отсюда. Из одного Бруклина выселялось ежегодно около 1000 семейств». Sering «Nordam. Konk.», 87.

венность, обширное общественное достояние, привлекавшее взоры энергичных людей, — вот то главное обстоятельство, которое со времени появления первых поселений на атлантическом берегу создавало наш народный характер, окрашивало наш национальный образ мысли. Не потому, что мы избегли титулованной аристократии, отвергли права первенства; не потому, что мы выбираем всех наших чиновников, начиная с школьного директора и кончая президентом; не потому, что наши законы издаются именем народа, а не именем князя; не потому, что у нас нет государственной религии, и не потому, что наши судьи не носят париков, — свободны мы от того зла, которое ораторы 4 июля называли характерным признаком истощенных деспотий Старого Света. Общая интеллигентность, широко распространенный комфорт, деятельная изобретательность, способность приспособления и ассимиляции, свободный и независимый дух, энергия и самоуверенность, отличающие наш народ — это не причины, а следствия; они выросли из свободной почвы и свободной земли. Общественная земля явилась той преобразующей силой, которая из слабого европейского крестьянина сделала самоуверенного земледельца Запада; даже жителям больших городов она сообщила чувство свободы и была источником надежд даже для людей, которые никогда и не думали прибегнуть к ней. Когда в Европе ребенок, сын народа, становится мужчиной, он все лучшие места на банкете жизни находит уже «занятыми»; он со своими сверстниками должен бороться из-за падающих крошек, с ничтожными шансами добиться или выпросить место. В Америке же всегда у каждого есть еще сознание, что за ним лежит общественная земля, и знание об этом пропитало весь народный характер и сообщило ему великодушие и чувство независимости, эластичность и честолюбие. Все, что делает американца гордым, все, благодаря чему американские учреждения лучше, чем в старых странах, — все это можно свести к тому факту, что земля в Соединенных Штатах была дешева, так как к услугам пришельца были девственные и незаселенные места».

* * *

Итак, вот причины, в силу которых в Соединенных Штатах нет социализма. Мое мнение, однако, таково: *все факторы, задерживающие до сих пор развитие социализма в Соединенных Штатах, в скором времени должны исчезнуть или превратиться в свою противоположность, так что вследствие этого социализм в Америке в ближайшее людское поколение разовьется, по всей видимости, с необычайной силой.*

Для доказательства этого положения нужен подробный анализ всей американской государственной и общественной жизни, в особенности американского народного хозяйства, а дать таковой я надеюсь впоследствии.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МОДА

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ФОРМАХ

I

Не всякое увеличение потребностей ведет к объединению их. Потребности могли бы возрастать количественно, а по виду принимать все более разнообразные формы. Не всякая широко распространенная потребность представляет *массовую потребность* в том смысле, как это здесь понимается, т. е. потребность в однообразных товарах. Нам предстоит здесь исследовать, возникает ли в развитии современной культуры массовая потребность, понимаемая в только что указанном смысле.

И нас интересует увеличение однообразия потребностей лишь постольку, поскольку оно не зависит от условий производства. Поэтому здесь не будут приниматься во внимание те случаи, когда производитель в своих интересах навязывает покупателям однообразные предметы потребления. Например, если фабрикант паркетов влияет на вкус тем, что вместо художественных образцов вводит во всеобщее употребление так называемые капучиновые полы, т. е. полы, состоящие из узких прямоугольных дубовых дощечек, косо положенных друг подле друга, наподобие кровельной черепицы. Эти дощечки являются предметом, будто нарочно созданным для машинного производства: все они одинаковой величины и так массивны, что при их выборе не приходится предъявлять больших требований относительно качества материала. Нас интересует только то преобразование предметов производства, которое выходит самопроизвольно из среды потребителей.

При этом надо еще принять во внимание, что такое увеличение однообразия может произойти уже *только вследствие прироста населения и умножения богатства*. И это, несомненно, часто так и бывает. Когда большее, сравнительно с прежним, количество людей в чем-нибудь нуждается, то легко может случиться, что спрос на данный предмет увеличивается. Это особенно ясно, например, по отношению к потребностям в различного рода учреждениях; если больница раньше имела 20 кроватей, а теперь — 200, то спрос на тот же товар увеличился в десять раз. И если, благодаря приросту благосостояния, больше людей могут купить предметы определенной ценности, то какой-нибудь предмет потребления, который прежде продавался только отдельными экземплярами, теперь легко может сделаться «предметом массового потребления». Сюда относится всякое так называемое демократизирование роскоши. Знаменитые шелковые чулки представляют школьный пример этого. Когда-то — так рассказывает уже *Шопенгауэр* — одна толь-

ко королева обладала двумя парами шелковых чулок. А в настоящее время кокетка уже не удовлетворяет требованиями своей профессиональной техники, если имеет недостаток в шелковых чулках.

Вот что пишет «Confectionär» (31 августа 1899 г.) относительно одной части женской одежды, соответствующей шелковым чулкам, а именно — о шелковых юбках: «Едва ли будет преувеличением причислить чисто шелковые юбки из муара и тафты-гласе к оптовым товарам, так значителен спрос на эти юбки в больших магазинах готового платья. Если сравнить современное потребление с тем, которое имело место несколько лет тому назад, то склонность публики к роскоши явственно обнаруживается, между прочим, в спросе на шелковые юбки».

Нам, несомненно, однако не пришлось бы говорить о склонности современной эпохи к объединению потребностей, если бы дело касалось только следствий прироста населения и увеличения богатства. Созданная ими тенденция к объединению находила бы, при дальнейшем развитии культуры, противовес в ясно обнаруживающейся склонности к дифференцированию вкуса. Следовательно, здесь должны быть в действии еще особые силы, раз мы действительно можем констатировать слияние отдельных разнородных потребностей в однообразную массовую потребность; слияние же это, несомненно, наблюдается, по крайней мере, в отдельных отраслях народного хозяйства. Тенденция к объединению потребностей создается следующими условиями:

1. Возникновением крупных предприятий в области производства и сбыта товаров. Такие крупнопромышленные или крупноторговые предприниматели, естественно, предъявляют более однообразный спрос, сравнительно с прежде существовавшими многочисленными мелкими производителями, мелкими торговцами или отдельными домашними хозяйствами. Так, например, «заготовление» фруктов, овощей и т. п. переходит от хозяйки дома и отдельных садоводов к большим заводам консервов, вследствие чего возникает однообразная потребность в жестяных коробках. Башмачная фабрика закупает сразу кожу на многие сотни тысяч марок там, где прежде тысячи отдельных сапожников брали по полкожи. Крупные пивоварни предъявляют теперь спрос на массу бочек одного фасона, между тем как раньше каждая маленькая пивоварня имела свой собственный бочарный товар. Большие заведения ткацкой промышленности, башмачной фабрикации, готового платья нуждаются теперь, для пересылки, в целых ворохах картонов одинаковой величины и формы. Прогресс современных деловых отношений создает однообразное счетоводство, а вместе с этим — спрос на однообразные счетные книги.

Сюда относятся также и те случаи, когда объединение потребностей, бывших прежде индивидуализированными, сказывается не так ясно,

но все же имеет место по существу. Так, когда предприятия имеют тенденцию к расширению, то они нуждаются и в больших промышленных и торговых помещениях. Стремление к концентрации промышленных и торговых предприятий в большинстве случаев вызывает стремление к расширению зданий. Более же крупные здания имеют следствием объединение спроса на многие предметы: камни, двери, окна, обшивка, полы, лестницы, материалы для освещения и отопления, столы, стулья. Когда нужно устроить одно большое здание вместо многих маленьких, то предметов одинаковой формы требуется большее количество.

Сюда же я причисляю также увеличение размеров, которому подвергаются *отдельные* предметы, под влиянием тенденции к крупному производству: железный остов железнодорожного вокзала или выставочного здания сам уже представляет объединение потребностей, сравнительно с прежними мелкими постройками того же назначения. И если требуются большие котлы, большие машины, то эту эволюцию нужно подвести под ту же категорию. Когда вместо многих дюжин кос, каждая из которых, по крайней мере теоретически, допускает индивидуализированную форму, является жатвенная машина, вместо сотни отдельных плугов — *один* паровой плуг и т. д., то это является опять-таки объединением потребностей.

2. За крупнокапиталистическим предпринимательством следует, как тень, — *пролетариат*. А его возникновение опять же способствует объединению потребностей. Вся история этих огромных однообразных масс, большей частью не имеющих покупателей, до сих пор указывает на нивелирование мышления и воли; эти массы еще долго не будут иметь времени доразвиться до индивидуалистических чувствований; вполне понятно, что они представляют из себя контингент потребителей массовых товаров и притом товаров худшего качества. Следует, конечно, принять во внимание необходимую преемственность отдельных отраслей производства при развитии их до капиталистических форм. Необходимо понять, что капиталистическая сапожная мастерская, портняжная, столярная и т. д. становятся возможными только после того, как старые ремесленные формы ткацкой и железной промышленности уже размолоты жерновом капитализма, — как это будет подробнее выяснено в дальнейшем.

3. Одновременно с расширением крупных капиталистических предприятий растет потребление *общественных учреждений*, что опять же во многих случаях создает стремление к однообразию. В силу сосредоточения спроса в немногих местах, ограничивается проявление индивидуального вкуса, так же, как всякие случайности единичного потребления. По мере того, как расширяется государственная и коммунальная деятельность, растет и однообразие в характере потребностей. Здесь можно было бы говорить о бюрократизации потребления. Следующий факт представляет интересный при-

мер отдаленной причинной связи между явлениями упомянутого рода: В Швейцарии, как известно, школьные учебные пособия находятся в ведении государства. Это привело к такому однообразию этих предметов, что только крупные формы еще могут явиться конкурентами в их поставке¹.

4. Но, подобно тому, как не может расширяться крупнокапиталистическое предпринимательство без увеличения числа рабочих, так точно не может повыситься деятельность общественных учреждений без того, чтобы не получила прироста армия *чиновников*. Здесь имеется еще один момент, который создает тенденцию к уравниванию потребностей. Бюрократы, точно так же, как и рабочие, находящиеся в распоряжении государства или города, представляют собой слой населения, внутренняя и внешняя жизнь которого, прежде всего, подвергается уравниванию. Это наблюдается как по отношению к служебным, так и к частным потребностям их; однообразие одежды является для такого уравнивания особенно характерным. Но, вообще, не может быть сомнения, что сто канцеляристов, или сто почтовых чиновников, или сто железнодорожных кондукторов — имеют более однообразные частные потребности, чем сто сапожников, портных или даже крестьян. Подведение их мозга под один шаблон идет гораздо дальше, благодаря совершенно одинаковой среде, в которой они занимаются своей деятельностью; отсюда происходит уравнивание их вкуса и оценки. Но и доходы их, вследствие положенного по штату жалования, сравнены друг с другом гораздо больше, чем это когда-либо могло бы быть с доходами лиц, не состоящих на службе.

В случаях, рассмотренных до сих пор, объединение спроса вызывается появлением новых своеобразных кругов потребителей.

5. То, что можно назвать *обобществлением потребления* наблюдается в одинаковой степени по отношению ко всем слоям потребителей по крайней мере в больших городах. Здесь нужно понимать те случаи, когда потребность, удовлетворявшаяся прежде всего индивидуальным или семейным образом, теперь удовлетворяется сообща большим числом лиц. Это движение в направлении социализирования (или как бы это ни назвать) нашего существования совершается, как известно каждому, в самых различных направлениях: в одном месте это является результатом поселения в больших городах, в виде возникновения наемных казарм, увеселительных заведений; в другом — как специальный результат прогресса в технике — в виде общественного водоснабжения, газо- и электропроводов. Но особенно часто наблюдается оно как явление, сопутствующее процессу сокращения прежнего частного домашнего хозяйства. Сокращение это является необходимым следствием развития больших городов — потому ли, что вообще

¹ Ср. Fachberichte aus dem Gebiete der schweizerischen Gewerbe. 1896. S. 210.

основывается меньше домашних хозяйств (прирост холостяков, любовные связи или даже супружества — без основания так называемого домашнего очага), или, быть может, потому, что домашние хозяйства все больше стремятся и все больше получают возможность освободиться от тяжести переработки материалов, починки и т. п.

Центр тяжести приготовления пищи переносится из кухонь и комнат отдельных хозяйств в рестораны и кофейни²; а то, что еще готовится дома, доставляется в домашнее хозяйство почти в готовом виде.

Все это, очевидно, действует в одинаковом направлении на формирование потребностей, делая их более однообразными. Потому что, по-моему, как бы разнообразна ни была карта блюд какого-нибудь ресторана, или товарищеской кухни, по сравнению с меню отдельного хозяйства, все же эта карта, наверное, не так пестра и разнообразна, как была бы карта всех меню тех семейств, члены которых вечером ужинают в ресторане. Но если бы это было бы иначе, то все-таки массовая потребность в отдельных составных частях пищи (в хлебе, мясе, картофеле, дичи, овощах и т. д.) делает возможным сбывать гораздо более значительное количество одного и того же товара.

Но, быть может, больше всех известное явление — *нивелирование вкуса*, которое обыкновенно возникает в современных государствах, вследствие расширения жизни больших городов и роста торговли их. Прежде всякая местность имела особый вкус, и всякий местный обыватель гордился обычаями своих отцов; горожанин одевался иначе, чем крестьянин; последний — иначе, чем дворянин. Современное капиталистическое развитие уничтожает всякие сословные и местные особенности и ведет к нивелированию всех вкусов. Теперь из крупных центров социальной жизни, из городов регулируется, соответственно вкусу этих городов одежда, домашняя утварь и всякий другой спрос товаров для всей страны. Несомненно, что здесь опять играли роль интересы крупных производителей. Но в общем итоге, это нивелирование вкусов является все же следствием общего экономического развития³.

² Для внимательного наблюдателя не может быть сомнения, что эта эволюция находится еще только в зачатке. Она получит могучий толчок по мере того, как получит распространение ведение хозяйства на товарищеских началах. Недавно эта идея приобрела столь же остроумную, как и энергичную поборницу в госпоже Лили Браун. См. ее статью: *Hauswirtschaft und Sozialdemokratie*, 1901.

³ Наглядное описание преобразования вкуса относительно одежды в маленьком городке (Лебау) западной Пруссии можно найти в II. IV. 195. ст. 201. Содействие «моды» в этом процессе нивелирования будет неоднократно отмечено ниже. S. 1701.

II

Важно, однако, заметить, как жизнь больших городов видоизменяет потребности в самой их сущности. Я называю этот процесс *уточнением потребностей*, или, если угодно, — потребления. Требования относительно предметов потребления становятся другими; по мере того, как преобразуется цель потребления, изменяется также и оценка полезности и красоты. Каждый связывает совершенно определенное представление с выражениями «деревенский» и «городской», или «утонченный» вкус. Чтобы коротко выразить это различие, можно, пожалуй, сказать, что уменьшается склонность к плотному, крепкому, прочному; вместо нее является стремление к приятному, легкому, грациозному — к шике. Крестьянская девушка, в тяжелой складчатой юбке, в грубых башмаках из воловьей кожи, в пестрых толстых шерстяных чулках, в холщевой рубаше с жестким передником и с неуклюжим головным убором, быть может, даже с металлическими бляхами на туго заплетенных косах, — как это можно видеть в Голландии, является полной противоположностью модистке большого города, одетой в светлую батистовую блузу с желтым кожаным поясом, в пеструю батистовую сорочку, ажурные чулки и легкие туфли, с матросской шапочкой на голове и свободно скрученной прической. Эти две фигуры поразительно ярко выражают крайности двух видов потребностей и вкусов. История обуви представляет поучительный пример того, как на изменение вкуса прежде всего подействовало изменение потребностей. Население, живущее в деревне или в плохо вымощенных маленьких городах, нуждается прежде всего в прочной, непромокаемой обуви. Сапоги с голенищами старого образца, еще теперь встречающиеся и в больших городах у старых профессоров и советников правлений, обязаны своим происхождением тому времени и тому устройству улиц, когда приходилось иногда втыкать брюки в голенища, чтобы уберечь себя от грязи и сырости. Когда еще часто приходилось ездить верхом, то высокие ботфорты были для мужчин самой подходящей обувью. Теперь подобные тяжеловесные одеяния, вместе с шубами, вывернутыми мехом наружу и наушниками ретировались, в немногие негостеприимные области восточной Эльбы. Всегда чистый, хорошо вымощенный город, выложенные плитам тротуары, путешествие в комфортабельных вагонах, ношение резиновых галош и т. п. все это ограничило потребность в прочной и непромокаемой обуви: вместо этой потребности явилось стремление к легкому, элегантному, хотя бы и не очень солидному башмачному товару. Старый сапог с голенищем «трубой» вымирает; с точки зрения гигиены, шика, удобства являются более целесообразной обувью легкие сапоги на пуговицах, шнурках, резинках и область их распространения все увеличивается. Точно так же и совершенно легкий бальный лакированный башмак из шевро или атласа, благода-

ря охраняющему покрову, «ботиков», завоевывает себе все более широкий круг потребителей — тот самый башмак, который когда-то могли рисковать надеть только дамы в портшезах или господа в собственном экипаже.

Но что больше всего характеризует потребности крупных центров, по сравнению с потребностями деревни и малых городов, — это их непостоянство и изменчивость. Здесь мы имеем дело с такого рода тенденцией к изменению современных потребностей, которая имеет более общий характер; ее часто нужно приписывать таким причинам, которые воздействуют не путем развития городской жизни, а более непосредственно. Поэтому мы посвятим особое исследование третьему крупному фактору в преобразовании современных потребностей. Я разумею при этом ту область явлений, которую считаю целесообразным обозначить, как «мобилизацию» истребления (и потребностей).

III

Большинство товаров нашего времени потребляются гораздо быстрее, чем прежде; это — общеизвестный факт, навязывающийся наблюдению каждого. Домашняя обстановка прадедов играет в настоящее время лишь незначительную роль. Молодые супруги обзаводятся всем хозяйством заново. Еще наши отцы в течение своего супружества — хотя бы они дожили до празднования золотой свадьбы — только в исключительных случаях возобновляли мебель, кровати, белье, посуду и всю утварь, теперь же является правилом, что даже в лучших домах уже после 10–12 лет начинаются сроки возобновления. Мы сами еще носили переделанное платье родителей и старших братьев, а знаменитый «праздничный сюртук» мужа и венчальное платье жены играли большую роль, особенно в низших классах; их носили целую жизнь и передавали из рода в род, «как вечную болезнь». Торговля поношенным платьем, подновление старых вещей составляли в прежнее время, еще около половины XIX столетия, одну из цветущих отраслей промышленности. В большинстве городов торговцы старым товаром составляли даже собственные цехи. Эта торговля подержанными вещами должна была быть когда-то очень важным промыслом: мы встречаем даже такой факт, что в XVI столетии дворянство Франции жалуется на опасную конкуренцию со стороны английских кораблей, привозящих старые шляпы, сапоги, башмаки и т. д.⁴

⁴ Жалобы дворянского собрания в 1597 г. на то, что англичане «remplissent le royaume de leurs vieux chapeaux, bottes et savates qu'ils font porter á pleins vaisseaux en Picardie et en Normandie». *D'Avenel G. Le mécanisme de la vie moderne.* 1896. P. 32.

Теперь торговля старыми вещами играет подчиненную роль. В лавках старьевщика висят теперь целые ряды нового платья и пальто, как они являются из мастерской; рядом со старым хламом стоит все больше новых столов и зеркал из выкрашенного соснового дерева.

Всюду быстрая смена предметов потребления — мебели, одежды, украшений. Кто теперь два раза положит подметки на сапоги, тот является уже консервативным человеком; и теперь стали бы подсмеиваться над невестой, которая, как это делали прежде, запасает в своем шкафу дюжины рубашек и скатертей из крепкого полотна.

Что же является причиной этой изменчивости, этого стремления к переменам? Чем создана эта «мобилизация потребностей»?

Поверхностный наблюдатель быстро найдет на это готовый ответ. Он видит основание для этой перемены исключительно *в новой технике* товарного производства. «Вещи больше не держатся так хорошо, как прежде», «при низких ценах совсем не стоит долго вычинивать одну вещь: ее бросают, когда она испортится, и покупают новую». При ближайшем рассмотрении, эта попытка дать объяснение оказывается ничего не выражающей фразой. Вообще, — совершенно неверно, будто вещи, за которые теперь заплачена цена, соответствующая прежней, менее прочны, чем прежние; вопросы же о том, почему меняют, если благодаря умеренности цены есть возможность переменить этот вопрос, — очевидно, должен быть еще выяснен.

Можно было бы предполагать, что факт этот объясняется постоянными *изменениями в условиях жизни* нынешних горожан. Большое влияние на характер потребностей здесь, очевидно, имеют наемные квартиры, ставшие общим явлением. Они создали современное кочевничество, а вместе с ним уменьшили склонность ко всему постоянному, прочному, солидному в домашней обстановке. Уже одно то, что последняя состоит почти исключительно из «движимостей» — теперь даже вплоть до печей, между тем как прежде — полки в оконных нишах, печные лежанки, даже кровать и другой домашний скарб были сращены с домом, уже одно это создало склонность делать вещи легче, без расчета на вечное пользование ими. И, наконец, мобилизация самих людей разве не должна вызвать стремление к легко переносимой мебели и вещам, это вечное переселение с места на место, из одной улицы в другую? Кажется почти невероятным, когда читаешь о том, до какой степени непостоянства дошло в настоящее время население. В таком городе, как Бреславль, с 400 тыс. жителей, число переселившихся лиц составляло в 1899 г. 194602 человека, а в пределах Гамбурга в том же году — даже 212783 семьи (!) переменили квартиры. В 1899 г. сообщались следующие цифры (не принимая во внимание путешественников)⁵:

⁵ Zahrbuch deutscher Städte 9, 253.

	<i>Прибывшие</i>	<i>Выбывшие</i>
Берлин	235611	178654
Бреславль	60283	54231
Гамбург	108281	86245

Но еще гораздо важнее следующее обстоятельство: с изменением техники и внешних условий жизни, которое мы уже неоднократно имели случай констатировать, вырастает также и *новое поколение людей*. Эти люди стремятся воплотить и во внешних формах беспокойство и непостоянство своего внутреннего существа. Мы *хотим* перемены в предметах потребления. Нас раздражает, если приходится видеть вечно одно и то же платье на себе или на окружающих. Людьюми овладевает потребность перемены, которая, по отношению к старым предметам потребления часто вырождается почти в грубость. Супружеская чета с холодной улыбкой отделяется к серебряной свадьбе свое жилище сверху донизу заново, как будто двадцать лет совместного пользования не соткали тысячи связующих нитей между обитателями и их мебелью; порвать эти нити представлялось бы прежде для чувствительных натур варварством. Но возрастающее поколение не знает «сентиментальности» и «глупой чувствительности» прежнего времени. Оно стало жестче и поэтому его отношение к вещам повседневного употребления лишено той романтической задушевности, которая вносила в простые жилища наших отцов столько теплоты. И как часто эта теплота — увьи! — совершенно отсутствует в блестящих салонах их внуков.

И в довершение всего — эта вечная перемена наших предметов потребления, в значительной части совсем не является следствием произвольного решения. В большинстве случаев отдельный человек поддается давлению обычая, давлению со стороны окружающего общества. Он меняет, потому что должен менять. Перемена из индивидуального факта обратилась в социальный; этим-то она и приобретает то широкое значение, которое присуще ей в действительности. Читатель видит, до какого пункта дошло наше исследование: мы стоим перед трудной задачей объяснить изменчивость моды; предстоящая нам тема требует выяснения этого явления, — мы должны дать *теорию моды*.

Много умных слов было уже сказано и написано по поводу моды. О ней писали ученые историки культуры⁶, глубокомысленные психологи⁷, остро-

⁶ Ср. сочинения, издающие историю моды и покровов платья: *Falke*. Die deutsche Trachten und Modenwelt. Ein Beitrag zur deutschen Kulturgeschichte. 1858; *Weiss*. Kostümkunde. *Lessing Z.* Der Modetenfel., и многие другие. Забавную, популярно написанную историю моды (одежды), представляет статья *Р. Шулце* «Глупости моды» 1868 г.

⁷ Ср., например: *Simmel B. G.* Zur Psychologie der Mode // *Zeit.* 1875. 12 Okt.

умные эстетика⁸. Но если мы обратимся к экономистам, обсуждавшим этот вопрос, то найдем у них только зачатки серьезного исследования, большей частью только повторения того, что писали по поводу этого вопроса специалисты.

Во всех руководствах и учебниках повторяется не особенно удачная остроумность *Шторха*, который назвал моду истощаемостью мнения. Сколько я вижу, дальше этого в настоящее время не пошли. Самое большее, если иногда при случае спорят о том, насколько «мода» достойна порицания с этической точки зрения, — этим вопрос исчерпывается.

В противоположность этому экономическая теория моды должна была бы принять во внимание следующие главные моменты. Она должна была бы сначала поставить вопрос, в чем заключается значение моды для хозяйственной жизни, и искать это значение в том влиянии, которое мода оказывает на формы потребностей. Относительно понятия «мода» долго спорить не приходится. Можно без долгих рассуждений принять определение *Фишера*: «Мода — это общее понятие для тех форм культуры, которые имеют лишь временное значение». В этом определении нужно только правильно понимать отдельные составные части его. Для хозяйственной жизни должны быть преимущественно приняты во внимание два явления, необходимо сопутствующие каждой моде:

1. Вызванная модой изменчивость.
2. Обусловленное модой нивелирование потребностей, что часто упускается из виду. Если представить себе, что какой-нибудь род потребностей не зависел бы от моды, то время пользования отдельным предметом потребления, будет, вероятно, более продолжительным, а разнообразие этих товаров, вероятно, значительно большим. Всякая мода всегда заставляет значительное количество лиц уравнивать свои потребности и, в то же время, изменять их раньше, чем стал бы делать это отдельный потребитель, если бы был независим. Как нивелирование, так и изменчивость, — относительные понятия. Трудно, например, определить, когда под влиянием изменчивости «обычная одежда» (*Tracht*) превратится в «модную». Следовало бы сказать, что каждое изменение вкуса, которое ведет к преобразованию потребностей в течение жизни одного поколения, нужно считать «модой». Но подобные подразделения понятий имеют гораздо меньше значения, чем сопоставления того, каким образом происходило изменение потребностей в различные времена. Это приводит нас к вопросу, действительно ли ввела «моду» в историю только современная эпоха, и на каком основании считаем мы «моду» одним из факторов нововведений только в современном народном хозяйстве.

⁸ *Friedrich Theodor Vischer* посвятил нашей теме одну из своих забавных статей: *Мода и цинизм*, сначала в 1878 г., 3-е издание — в 1888 г.

Несомненно, «мода» не представляет явления, свойственного только XIX столетию. Мы должны отнести *ее возникновение*, — если вообще можно говорить о таковом, — конечно, к гораздо более отдаленному времени. Правда, я не хотел бы идти так далеко, как *Юлиус Лессинг*, который полагал, что «бес моды» был одинаково силен во все времена; порицание нововведений в одежде, которое мы встречаем в нравоучительной литературе со времен отцов церкви, еще не позволяет заключать, без дальнейших рассуждений, о существовании «моды» в современном смысле. Зато мы несомненно встречаем настоящую моду в итальянских городах еще в XV столетии⁹; в течение же XVI и XVII вв. и на севере, по-видимому, значительно распространились «глупости моды»¹⁰. В Венеции и Флоренции в эпоху Возрождения для мужчин форма одежды определялась особыми предписаниями, а для женщин — законами роскоши. Там, где не существовало особых предписаний, как, например, в Неаполе, моралисты не без огорчения констатировали, что нельзя больше отличить дворянина от бюргера. Кроме того, они жалуются на чрезмерно быстрые перемены моды и на глупое поклонение перед всем, что является из Франции; между тем, как, в сущности, моды эти происходили из Италии и через Францию только получались обратно (*Буркгардт*).

А столь приятную для властителей эпоху старого режима — столетие Ватто, Бушэ, Фрагонара, Греза — мы совсем не можем представить себе иначе, как под властью капризной богини моды. *Мерсье* в одном месте восклицает¹¹: «В Париже труднее удержать восхищение публики, чем его вызвать; там безжалостно разбивают идола, которому накануне курили фимиам, там смеются, как только заметят, что человек или партия собираются возводить что-нибудь в догму, и результат — человек низвергнут, партия распалась». Мерсье мог бы предпослать эти слова всему своему сочинению в качестве эпиграфа: они характеризуют сущность всего того, что он рассказывает о старом Париже.

И, тем не менее, я склонен был бы утверждать, что истинная сущность моды вполне развернулась только в прошлом столетии, или, даже, — всего только одно поколение тому назад. Во всяком случае, только в последнее время явления моды выразились до такой степени резко, что приобрели решительное влияние на формы экономической жизни; только этим обстоятельством обусловлен наш интерес *к моде в этом месте*. Следующие черты характеризуют преимущественно *современную моду* и совершенно или,

⁹ Ср. *Burckhardt J. Cultur der Renaissance*, 3 Aufl. 2 (1878), 111 ff.

¹⁰ Литература все чаще занимается «Глупостями моды»: ср., например: *Harmann L.*

Der à la mode-Teufel, 1675, цит. *Лессингом*, или места у *Horneck. Oesterreich über Alles, wenn es nur will*. 1684. S. 18.

¹¹ *Mercier. Tableau de Paris*. 2. 1783. P. 75.

по крайней мере, в значительной степени отсутствовали в явлениях моды прежних времен.

1. Власть моды над необозримым *множеством предметов потребления*. Это разнообразие создается большим богатством товаров вообще. То, что теперь, например, необходимо для полного женского туалета или для удовлетворения потребностей салонного льва, граничит с баснословным. И чем бесполезнее предмет, тем более подчинен он моде. Франт, снаряженный «по-походному», должен иметь на себе, кроме полного одяния, такое количество предметов потребления, что, если бы собрать их вместе, они наполнили бы собою маленький чемоданчик. Разнообразие «модных товаров» увеличивается еще благодаря тому, что в область моды втягиваются все новые категории товаров. Так, из предметов одежды только в новейшее время действительно подчинились моде следующие: белье, галстуки, шляпы (именно соломенные), сапоги, зонты и др.

2. Абсолютная всеобщность моды, установившаяся только в наше время. В эту эпоху Возрождения, несмотря на проявлявшееся уже в то время влияние Франции, различие мод сохранялось даже в отдаленных городах Италии¹², а в общем, вплоть до начала XIX столетия та или другая форма господствовала только в пределах одного сословия, одного определенного социального класса. Между тем, характерной чертой современной моды является тот факт, что, подобно газообразным телам, она обладает чрезвычайной расширяемостью, в силу чего распространяется в пределах всего современного культурного мира. Нивелирующие тенденции имеют теперь всеобщий характер, они уже не сдерживаются ни пространственными, ни сословными границами.

3. *Бешеный темп изменений* также является характерным признаком современной моды. Если в прошлых столетиях происходили какие-нибудь изменения моды, то совершались они в течение многих лет. Теперь не редки случаи, что, например, мода на дамское платье меняется в течение одного сезона четыре или пять раз. И если мы констатируем продолжительность моды в несколько лет, то это уже вызывает в нас удивление, и мы считаем, что данная форма нашей одежды становится обычной, например, мужской фрак. Но и в этом случае остается постоянным все же только общий тип, в частности же мода продолжает все так же перекраивать и переделывать. Кто, например, решится сказать, что не отличит по покрою и материалу фрак, сшитый два-три года назад, от модного.

«Мода поступает совершенно так же, как маленький ребенок, который не дает окружающим ни минуты покоя: она должна дергать, двигать, переставлять, растягивать, укорачивать, завязывать, развязывать, резать, тере-

¹² *Burckhardt Z. I. c. S. 113.*

бить, ерошить, раздувать, взбивать, выпрямлять, изгибать, завивать – короче, вся она – бесноватая, вся пропитана обезьянничанием и при всем том непреклонна и тиранична, лишена фантазии и механически повторяет то же самое, подобно какой-нибудь застывшей гофмейстерине с ее китайскими церемониями; она с ледяным спокойствием предписывает абсолютное беспокойство: она – шаловливый подросток и ворчливая старуха, дикая резвушка и институтская начальница; она одновременно и педантка и плутовка¹³.

Почему, однако, все эти присущие моде черты так резко выразились именно в наше время, которое так любит называть себя просвещенным? Этот вопрос, естественно, уже часто выдвигался, и часто давались на него различные ответы: я должен, однако, сознаться, что ни одна из попыток объяснить это явление не удовлетворила меня вполне. Я имею в виду не толкования сущности моды вообще. В этом отношении, вряд ли можно прибавить что-нибудь новое к исследованиям *Зиммеля* и *Фишера*. Основная мысль этих двух писателей такова: мода «представляет одну из разновидностей тех жизненных форм, с помощью которых стремятся создать компромисс между стремлением к социальному равенству и к выдвиганию индивидуальных преимуществ» (Зиммель). В этом основном положении, несомненно, правильно выражены психологические моменты следования моде. Я говорю в данном случае не об этих теориях, а лишь о тех, которые берутся объяснить интенсивное развитие моды в наше время, подчинение всей современной социальной жизни требованиям моды и особенно вышепоименованные специфические черты современной моды. Все теории, пытающиеся объяснить этот вопрос, носят в себе ясно выраженный отпечаток доктринерства: например, взгляд Фишера, будто современная подражательность моде является результатом рефлексии, подготовленной философским течением XVIII столетия. Но этим теориям с первого взгляда можно заметить, что авторы их не имеют никакого представления о том, каким образом возникает в настоящее время «мода»; они не имеют, следовательно, представления и о побудительных причинах, действующих при ее возникновении. Мне же кажется, что только более точное знание этих явлений может помочь нам разобраться в своеобразных условиях нашего времени, способствующих возникновению моды и, на основании этого, дать ответ на предложенный выше вопрос. Для выяснения *тех сложных обстоятельств, которые имеют значение при возникновении моды*, я выберу определенную отрасль промышленности, в которой мода играет выдающуюся роль, именно – дамскую одежду. Сначала я просто расскажу, каким образом обыкновенно возникает в этой области мода¹⁴.

¹³ *Vischer*. I. c. S. 52.

¹⁴ Следующее ниже описание основано как на собственных исследованиях, так и на сообщениях, сделанных крупными представителями различных отрас-

Возьмем за исходную точку *Бреславльский магазин готового дамского платья*; положим, что мы вошли в его отделение для розничной продажи около Троицы 1900 г. Тогда мы увидели бы, естественно, отделение это наполненным жакетами и пальто, которые потребуются в течение весны и лета 1900 г.; их судьба нас здесь не интересует. Большие помещения для оптовой продажи наполнены одеждой, предназначенной для ношения в течение зимы 1900—1901 гг. Пока, это — еще только «коллекции», «модели», по которым, приезжающие из провинции торговцы, делают свои заказы: это — те самые модели, с которыми стаи коммивояжеров выедут в течение недели после Троицы за поисками покупателей вне Бреславля. Эти пальто и жакеты сделаны по моде: по моде предстоящей зимы. Как возникла она? Сначала она является отчасти собственным производением: рисовальщики нашей *Бреславльской* фирмы делают наброски зимних вещей, опираясь на господствующую летнюю моду; потом эти вещи изготавливаются фирмой по ее собственному усмотрению. Но в покрое платьев нашей местной фирмы проявляется все же, главным образом, чужой дух: большинство выставленных там вещей сделано по *берлинским* моделям, закупленным несколько недель тому назад заведующим фирмой в столичных магазинах готового платья, задающих тон, — у Мангеймера и компании. Отыскивая путь к источнику моды, мы приходим, значит, прежде всего, в Берлин. Чьему наитию обязаны берлинские модели своим существованием? Отчасти опять самостоятельному изобретению. Большой и более искусный штаб рисовальщиков стоит к услугам берлинских мастеров готового платья; на основании рисунков для летней моды они делают соответствующие изменения в зимней моде 1900—1901 гг. и, таким образом, вырабатывают новую зимнюю одежду. Это делается часто совершенно механически и порой даже бессмысленно. Так, открытые рукава летней моды 1900 г. приклеиваются к зимней одежде наступающего сезона: открытые рукава имеют определенное значение для летних туалетов

лей промышленности. Единственное, чем можно воспользоваться из литературы, это сочинением *Коффиньона* «*Les Coulistes de la Mode*» (ca. 1888), которому я многим обязан. Но оно все написано в духе фельетонных очерков. Дальше относительно отдельных фактов дают богатый материал многочисленные *специальные журналы*, но для научного пользования этим материалом последний должен быть, конечно, сначала переработан. Каждая отрасль имеет таких журналов с полдюжины, а иногда и больше: особенно многочисленны журналы австрийские, французские и американские. Очень содержателен немецкий журнал «*Der Coufectionär*», выходящий во время сезона два раза в неделю, в 64 страницы in folio. Приведенные в тексте описания рисунков проверены на основании указаний *Coufectionär*'а.

и становятся чистым вздором для зимней моды. Но и в берлинских коллекциях, являющихся кодексом для провинций Германии, только часть представляет собственное изобретение. Очень существенное влияние оказывают на эти коллекции иностранные модели, и особенно — парижские; в данном случае модели эти были закуплены берлинскими магазинами готового платья в Париже в течение зимы 1899—1900 гг. В Париже многочисленные фирмы занимаются вообще только изготовлением и распространением подобных моделей: это так называемые *Maisons d'échantillonneurs*. Откуда берут эти фирмы свою моду? И они не сами создали ее, и они, по существу, сияют отраженным светом. Это светило, дающее лучи «*Échantillonneur*»-ами, является, наконец, центральным солнцем, откуда исходит всякая мода; это — крупные парижские портные половины «всего света» и всего полусвета. Они-то именно и являются законодателями моды, в данном случае, значит, они создали для Лейтомишеля и Кротошина весной, летом и осенью 1899 г. зимнюю моду 1900—1901 гг.?

Происхождение парижской моды является само по себе чрезвычайно интересным и оригинальным вопросом. Здесь я могу дать только несколько замечаний по поводу его¹⁵.

Всему свету известны, как совершенно особые типы, великие мастера портняжного искусства, «*grands couturiers*», или — как они любят, чтобы их называли — «обойщики женщин»; о них Мишле считал себя вправе сказать: «... за портного, который чувствует, изображает и исправляет природу, я отдал бы трех классических скульпторов». Они довольно многочисленны. Существует около дюжины руководящих фирм; между ними выделяются по своему значению и могуществу *Руфф* и *Лафферьер*, *Пэнга* и *Ворт*, а в последнее время всего больше — *Дэлье* и *Дусе*. Эти, самые крупные, почти автономны в «создании» моды; очень редко пользуются они услугами, которые предлагают им за звонкую монету «торговцы идеями» — рисовальщики фасонов; таких рисовальщиков в Париже около двенадцати. Только в исключительных случаях следуют эти фирмы также и указаниям своих клиентов.

Последние представляют, в сущности, только их орган — инструмент, на котором они играют. Больше всего пускают в ход произведения этих фирм известные, задающие тон кокетки, а рядом с ними — героини сцены; так, например, весной 1899 г. — М-м *Бафе* в роли Франсильоны, теперь — преимущественно *Режан*, которая является манекеном *Дусе*. Но так как господство дам полусвета над Парижем, естественно, меньше зимой, чем в хорошее время года, то собственно творческий период

¹⁵ Ср. кроме уже названных сочинений еще следующие: *Worth G. La couture et la confection des vêtements*; и *Circulaire Nr. 14* серии А из *Musée social* 30 jun 1897 «*L'industrie de la couture et de la confection a Paris*».

моды, это — весна и осень: открытие выставки в Салоне, Concours hip-riqué, скачки в Auteuil, Grand Prix в Longchamps — весной; а в последнее время еще Grand Prix осенью. Если новая мода имеет успех, то дамы света тотчас же подражают дамам полусвета, и начинается вышеописанный нами процесс размножения, доходящий через полтора-два года до маленьких познанских городков на русской границе.

Мы сказали: европейско-американская мода является созданием парижских портных. Это, однако, верно только с некоторым ограничением, а именно — только по отношению к «фасону» одежды. Мы не должны, однако, забывать, что наш «мастер» создает свои произведения все-таки из материальных предметов: он нуждается в шелке и в шерсти, бархате и мехах, ему нужны кружева и рюши, всевозможные отделки, пуговицы и пряжки, перья и цветы, короче — бесконечное множество предметов производства, которые, прежде чем попасть в руки портных, уже имеют за собой длинную историю; *значит, мода на эти вещи должна была образоваться уже до того*. Несомненно, «художник-портной» оказывает влияние на моду во всех отраслях, произведениями которых пользуется для своего дела; но в общем он берет точкой отправления для собственных произведений материал и отделку в том виде, как они ему доставляются различными производствами. Желая найти родину моды, мы опять вынуждены направиться в более далекое путешествие: мы должны рассмотреть образование моды в производствах, являющихся вспомогательными для портняжного.

И опять наталкиваемся мы на бюро рисовальщиков, делающих по заказу капиталистов рисунки для тканей и для всяких отделок и украшений. Рисунки эти исполняются потом фабриками и в виде образчиков представляются на выбор покупателям (которыми в данном случае опять-таки никогда не являются последние потребители, а фабриканты или торговцы). Кто не в состоянии держать собственных рисовальщиков, абонируется на такие новые «рисунки». В Париже в ткацкой промышленности существуют специальные фирмы для изготовления образчиков; большие ткацкие фабрики, как французские, так и заграничные, могут во всякий сезон удовлетворить потребность в новых мыслях — «рисунках» — за единовременное вознаграждение. В некоторых отраслях промышленности образчики новой моды как бы канонизируются постановлением соответствующих представителей. Так, «Chambre syndicale de fleurs et des plumes» издает ежегодно карту цветов, которая служит руководством для всего производства цветов и перьев, которую можно везде купить за три марки, составляется в свою очередь на основании образчиков шелковых лент, рассылаемых лионскими фабрикантами.

Таким образом, уже из этого несколько схематического описания выясняется, что между отдельными отраслями промышленности существует

целая сеть взаимоотношений. В действительности, возникновение и развитие моды является еще бесконечно более сложным процессом. По отношению к развитию дамской одежды в главных чертах, можно сказать, что зимой 1898–1899 гг. во французских производствах создается мода на материи и пуговицы для платьев и пальто, которые будут носиться в восточных провинциях Германии зимой 1900–1901 гг. Но нужно все же принять во внимание, что этот прямолинейный ход развития в самых различных направлениях перекрещивается многочисленными другими явлениями. Так, немецкие или других стран портные и фабриканты готового платья могут копировать французскую моду по оригиналу, не нуждаясь в сложном посредствующем механизме, который мы только что описали; «рисунки» и коллекции образчиков, например, ткацкой промышленности, могут получить распространение раньше, чем изготовленное по ним платье, следовательно, могут самостоятельно воздействовать на развитие моды: многочисленные специальные и модные журналы могут распространить новую моду по всему свету, когда она находится еще в стадии возникновения, даже — еще в эмбриональном состоянии. «Confectionär» пишет, например, 1 июня 1899 г.: «Репортеры утверждают, будто слышали, что мастера *Ворт* и *Пэнга* собираются лишиться своего расположения узкие рукава для манто и пальто осеннего сезона. У *Редферна* будут изготавливаться осенние модели из двух сортов материй. *Дусе* попробует снова пустить в ход платье *empire*, с помощью М-м *Режан* и т. д. и т. д. Наконец, остается еще принять во внимание, что, рядом с главным центром — Парижем, на образование моды, в более скромных размерах, влияют еще и меньшие центры. Отчасти это происходит таким путем, что меньшие центры заимствуют свой свет от центрального солнца. Например: иностранная графиня или жена посланника приобретает у знаменитого парижского «рисовальщика фасонов» рисунки; она делает по ним заказ своей венской, лондонской или петербургской графине. Но иногда это является результатом самостоятельного творчества, например, на скачках в *Ascot* в июне и на венском *Derby*. Во всяком случае — возможно, что в эти дни явится на свет новая мода английского или венского происхождения; и, как исключение, она начинает свое круговое путешествие через Европу и Америку не из Парижа.

Все это касается еще только одной области — во всяком случае, конечно, важнейшей из царства моды. В остальных областях действуют несколько иные законы. Так, центром возникновения мужской моды все еще служат приближенные принца Уэльского, господство которого по отношению к фасону шляп и цвету галстуков простирается далеко за пределы обеих Индий. Особенно своенравна мода на сапоги и ботинки. С тех пор, как уменьшилось влияние Вены, она часто подчиняется указаниям из Америки; можно бы сказать, что она является в жизнь более отвлечен-

ным путем часто только при посредстве специальных и модных журналов, без помощи живой ноги или ножки. Но иногда и последние пускают в ход какую-нибудь особенную моду. Так, ботинки фасона Molière появились только после того, как *Отефо* потоптала в них песок на Остенденском шtrandе в 1899 г., и т. д.

Я думаю, однако, что сообщенного будет достаточно, чтобы сделать вывод относительно вопросов, которые нас занимают. Из рассмотрения процесса образования моды вытекает, несомненно, следующий факт: *при возникновении современной моды роль потребителя ограничивается минимумом; двигательной силой в этом процессе во всяком случае является скорее капиталистический предприниматель*. Влияние парижских кокоток и принца Уэльского имеет характер только случайного содействия.

Все своеобразные особенности современной моды, часть которых мы перечислили выше, вытекают, таким образом, из самой сущности капиталистического строя народного хозяйства; объяснение их не представит поэтому особенных затруднений.

Предприниматель, будь то производитель или торговец, вынужден конкуренцией давать своим покупателям всегда самое новое; иначе он рискует потерять своих клиентов. Если полдюжины крупных фабрикантов готового платья стараются сбыть свой товар провинциальному торговцу платьем, то они непременно все должны стоять на уровне новейшей моды. Пусть суконная фабрика пошлет портному большого города рисунок, устаревший на несколько месяцев, или хлопчатобумажная фабрика предложит магазину модных товаров не последнюю новость — они обрекут себя этим на верную гибель. Отсюда проистекает широко распространенное стремление предпринимателя не отставать, по меньшей мере, от текущего: всегда приобретать новейшие коллекции моделей, новейшие рисунки. В этом лежит объяснение всеобщей распространенности моды. Но для целых категорий предприятий очень важно превзойти вышеупомянутый минимум; они должны привлекательными новостями побудить клиента к покупке и именно к покупке у них. Таким образом, капиталистическая конкуренция создает вторую тенденцию современной моды — склонность к быстрой перемене.

Но везде, где производитель занят тем, чтобы самому «создавать» новое, развивается лихорадка новшества. Так, мы видели это у фабрикантов готового платья или ткацких товаров, которые содержат собственных рисовальщиков, и особенно — у тех фирм, задача которых заключается в доставлении новостей другим. Там ломают себе голову, чтобы найти средство поставлять на рынок все «новое» и «новое». В этом видят главную задачу. Я хочу передать здесь интересное сообщение, касающееся ткацкой промышленности, которое подходит для всех отраслей промышленности и отражает положение дел. В номере *Confectionär*'а от 11 мая 1899 г., пре-

жде всего говорится, что «выпуск моделей (для весны 1900 г.) начался», — после чего идет следующий текст: «... этот дорогой, трудный отдел нашего производства заставляет все больше ломать голову. Легко поставить вопрос, — какие дать фасоны? Но ответить на этот вопрос необыкновенно трудно. Нужно дать новые вещи, новые товары, новые рисунки. Это было легко для фабрикантов и рисовальщиков фасонов еще несколько лет тому назад; тогда эта область не была еще так использована, и спрос был больше. Но теперь в этом направлении всюду сделаны колоссальные усилия; в течение последних лет было взято для фасонов все, что только возможно; все формы украшений — цветы, листья, орнаменты, диагонали, всякого рода продольные и поперечные рисунки — все использовано, всякие сопоставления и сочетания испробованы; всякая пряжа переработана во всех возможных связях и соединениях. Теперь для фабриканта, для рисовальщика фасонов составление коллекции этих фасонов является трудным делом, часто даже серьезной проблемой. Несколько лет тому назад было совершенно достаточно, если рисовальщики фасонов представляли коллекцию уже сбытых вещей, к которой самое большее прибавляли несколько золотых полосок. Выбиралось несколько рисунков для атласного фона и для шелка, несколько простых основных узоров, прибавляли еще несколько золотых полосок и траурных крепов, и этим задача рисовальщика фасонов исчерпывалась. Если появлялось что-нибудь новое, а тогда это было не трудно, то в течение одного или нескольких сезонов почти ничего не делалось, кроме копирования фасонов, которое теперь совершенно исчезло (следует перечисление стереотипных фасонов). Все это были товары, которые производились на долгое время».

Вполне понятно, что при таком положении вещей, фабриканты бывают чрезвычайно рады, если им удастся сделать «нововведения» в каком-нибудь производстве, другими словами — подчинить его моде больше, чем это было до тех пор. Так, мы читаем в одной статье относительно производства галстуков (Confectionär, 13 VII, 1899.): «... нельзя не заметить, что фабрикации галстуков открывается все больше простора в выборе материала. Оттенки, считавшиеся прежде непозволительными, мало-помалу входят в употребление. Чем больше увеличивается шкала красок, тем интереснее и выгоднее представляется это дело для фабрики и розничного торговца: при этих условиях чаще может происходить *радикальная перемена жанра*, что было немислимо при прежних условиях. Мода вступила в область производства мужских галстуков и возбуждает к живой деятельности всех участников этого производства».

Для того чтобы все усиливающаяся конкуренция предпринимателей действительно имела результатом перемену моды, требуются еще другие условия со стороны социальной среды, условия эти имеются налицо именно

в настоящее время. По существу, конечно, возможно, что один конкурент старался бы победить другого качеством или дешевизной товара, не прибегая для этого к перемене формы. Почему же оказывается столь важной в этой борьбе перемена моды? Прежде всего, конечно, потому, что этим путем легче всего создается фиктивное преимущество в тех случаях, когда невозможно достигнуть действительного. Легче произвести какую-нибудь вещь по новому фасону, чем сделать ее лучше или дешевле. Потом является еще то соображение, что спрос увеличивается, если вновь предложенный товар представляет легкие изменения, сравнительно с прежним: предмет возобновляется, потому что вышел из моды, хотя он еще далеко не изношен; это — знаменитая «истощаемость мнения» *Шторфа*. Наконец, перемена моды считается с отмеченным нами настроением современных людей, внутреннее беспокойство которых заставляет их находить особенное удовольствие в переменах. Но все это еще не попадает в должную точку; решающее значение имеет скорее тот факт, что одним из главных козырей в игре наших предпринимателей является увеличение сбыта путем увеличения внешней элегантности товаров; требуется придать товару тот вид, который имеют предметы, потребляемые более высокими классами общества. Высшая гордость приказчика — носить такие же рубашки, какие носит богатый светский человек, горничной — надеть такую же жакетку, какую надевает ее барыня, жены мясника — иметь такую же плюшевую отделку, какая есть у тайной советницы и т. д. Эта черта, по-видимому, также стара, как и социальные перегородки, но это стремление никогда не могло удовлетворяться с такой полнотой, как в наше время. Современная техника не знает границ для подделки; теперь нет ни ценной ткани, ни сложной формы, которые не могли бы быть тотчас же скопированы и изготовлены по цене, в 10 раз меньше первоначальной. Потом нужно еще принять во внимание ту бешеную скорость, с которой теперь какая-нибудь новая мода доходит до сведения «всего света», распространяясь с помощью газет, модных журналов, а также благодаря усиленным сношениям, путешествиям и т. д.

Один здешний фабрикант готового платья жаловался мне: несколько лет тому назад было так: когда приезжал в маленький городок коммивояжер с новой коллекцией фасонов и начинал распаковывать свой сундук, вокруг него собиралась толпа любопытных, одно «ах!» за другим вырывалось из уст зрителей. Теперь другое: «... помилуйте, я недавно читала в своем журнале о таком-то и таком-то новейшем фасоне — этого совершенно нет, как мне кажется, в вашей коллекции, милостивый государь». И едва только мода стала известна, едва только появилось, например, на зонтике наших красавиц длинное дамское пальто, — уже магазины готового платья продают по 30 марок «точно такое же»; между тем, как недавно его нельзя было получить дешевле 80 марок. Если после долгих поисков

удалось, наконец, найти такой летний фасон мужских рубашек, которые не может носить каждый аршинник, потому что они слишком дороги (накрахмаленные верхние рубашки с жестким воротником), то уже в ближайшее лето такого же цвета манишки, с такой же мягкой грудью, красуются в магазинах по цене в 1 марку и т. д. Таким образом, создается настоящая погоня за новыми формами и материалом. Всем известна следующая особенность моды: она теряет свою цену с того мгновения, как только начинают появляться плохие подражания ей; раз какая-нибудь новинка получила широкое распространение, то те слои населения, которые ставят себя особенно высоко, уже меняют предметы своего потребления. Получается дикая погоня за новыми формами; и она тем стремительнее, чем больше совершенствуется техника производства и сношений. Едва возникла в верхнем слое какая-нибудь мода, как она уже обесценена тем, что ее присваивает также и нижележащий слой: непрерывное круговращение, постоянное революционирование вкуса, потребления, производства.

Этот процесс объясняет нам внутреннюю сущность «умоисступлений моды». Важную роль играют в нем крупные магазины, торгующие в розницу, — Grand magasins de nouveautés. Одним из любимых их приемов является следующий: когда пройдет первый прилив спроса на какую-нибудь ткань или другой модный предмет в руководящих кругах высшего света или полусвета, эти магазины заказывают данный товар большими партиями у фабрикантов, таким образом они получают его значительно дешевле, потом они выставляют его, как приманку, по его настоящей цене. В результате получается следующее: все дамы, которые желают одеваться или устроиться по-модному, но недостаточно богаты, чтобы подражать верхним десяти тысячам, теперь жадно хватаются за случай; они массами раскупают в «Bon Marché» или Лувре эту «последнюю новинку» после того, как «приличные» люди уже окончательно отвергли ее.

Последние соображения уже выходят за пределы тех изысканий, которым посвящена эта глава; они касаются уже не преобразования потребностей, а вопросов следующего отдела, задача которого — представить развитие новых форм сбыта.

Мы полагаем, что наше изложение ясно показало связь между явлениями моды и организацией народного хозяйства. Можно сказать без преувеличения: мода — любимое детище капитализма, возникшее из внутренней сущности его; не много найдется других явлений социальной жизни, которые выражали бы характерные особенности капитализма так ясно, как делает мода.

Вернер Зомбарт

Избранные работы

Редактор *А. Заиченко*
Оформление серии *В. Коршунов*
Верстка *С. Зиновьев*

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 27,7. Уч.-изд. л. 19,8
Заказ №

Издательский дом «Территория будущего»
125009, Москва, ул. Б. Дмитровка, 7/5

Отпечатано в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6